

Н.Н. Зарубина

**Социология хозяйственной жизни:
Проблемный анализ в глобальной
перспективе**

Учебное пособие

**Москва
2004**

Аннотация

Учебное пособие «Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе» знакомит читателей с базовыми понятиями социологии хозяйственной жизни, основными сложившимися в ней теориями, а также благодаря проблемно-аналитическому методу изложения материала учит применять общетеоретические знания для анализа актуальных проблем современной хозяйственной жизни. Автор ориентируется на полипарадигмальную методологию социологического изучения хозяйственной жизни, позволяющей исследовать ее с помощью разных теоретических подходов и благодаря этому раскрыть широкий круг социальных и культурных проблем, связанных разными проявлениями хозяйственной активности. Принципиальная новизна данного учебного пособия состоит в том, что все проблемы социологии хозяйственной жизни рассматриваются в социально-исторической и глобальной перспективе, сквозь призму плюрализма социокультурных и институциональных форм хозяйственных практик и тенденции их универсализации и формирования нового, глобального уровня их осуществления.

Учебное пособие предназначается для студентов, аспирантов и преподавателей социологических, экономических, культурологических специальностей, для всех изучающих международные экономические отношения, проблемы глобалистики и межкультурного взаимодействия.

Содержание

Предисловие.....	7
Тема 1. Предмет социологии хозяйственной жизни.....	10
§ 1. Предмет социологии хозяйственной жизни.	
§ 2. История становления социологии хозяйственной жизни.	
Тема 2. Социальные основы хозяйственной и экономической деятельности.....	29
§ 1. Базовые типы социальных связей и особенности хозяйственной жизни.	
§ 2. Хозяйственная жизнь в традиционных обществах.	
2.1. Производство и потребление в традиционных обществах	
2.2. Распределение и перераспределение в традиционных обществах.	
2.3. Труд в традиционных обществах.	
2.4. Собственность и богатство в традиционных обществах.	
2.5. Предприимчивость в традиционных обществах	
2.6. Рынок и торговля в традиционных обществах.	
§ 3. Хозяйственная жизнь в обществах с доминированием безличных («вещных») типов социальных связей.	
3.1. Производство и труд.	
3.2. Обмен, торговля, рынок в капиталистическом обществе	
3.3. Производство и потребление	
Тема 3. Хозяйственная жизнь и неэкономические институты общества.....	70
§ 1. Политические институты и хозяйственная жизнь.	
1.1. Традиции протекционизма, идеология <i>laissez faire</i> и развитие хозяйственной жизни.	
1.2. Влияние предпринимательской активности государства на хозяйственную жизнь	
1.3. Церковная политика и хозяйственная активность населения.	
§ 2. Институт религии и церкви и хозяйственная жизнь общества.	
2.1. Религиозное мировоззрение и хозяйственная жизнь	
2.2. Особенности становления и развития религиозных институтов и хозяйственная жизнь	
2.3. Восточные религии и специфика хозяйственной жизни Востока	
Тема 4. Хозяйственная культура.....	109
§ 1. Понятие хозяйственной культуры	
§ 2. Хозяйственная культура в социальной системе	
§ 3. Базовые ценности хозяйственной культуры	
§ 4. Структура хозяйственной культуры	

§ 5. Функции хозяйственной культуры.

5.1. Мотивация хозяйственной и предпринимательской активности.

5.2. Нравственная легитимация хозяйственной и предпринимательской активности

5.3. Регуляция отношений внутри сферы хозяйства и предпринимательства

Тема 5. Социокультурная динамика хозяйственной жизни (проблемы переходных обществ).....156

§ 1. Линейные теории социально-экономического развития.

§ 2. Теории модернизации

2.1. Понятие модернизации

2.2. Социальные измерения модернизации

2.3. Модернизация и “модернити”

2.4. Социокультурные факторы хозяйственной модернизации и вестернизация

§ 3. Критика линейной парадигмы социально-экономического развития и эволюция теории модернизации в 80-х гг. XX века

3.1. Аналоги “модернити” в незападных культурах и их место в процессе хозяйственной модернизации

3.2. Неполнота аналогии “модернити” в незападных обществах

3.3. Социокультурные факторы экономической модернизации в синтетических концепциях развития

§ 4. Нелинейные теории общественного развития и динамика хозяйственной жизни.

§ 5. Динамика хозяйственной жизни в теориях социокультурной самобытности.

5.1. Хозяйственное развитие сквозь призму ценностей социокультурной самобытности.

5.2. Концепции японской социокультурной самобытности о природе “японского экономического чуда”

Тема 6. Социология постмодерна и анализ хозяйственных реалий современного общества.....203

§ 1. Социокультурный контекст постмодерна.

1.1. Модернизация и постмодернизация

1.2. Социокультурные особенности постмодерна.

1.3. Постмодерн в цивилизациях Запада и Востока.

§ 2. Экономическая жизнь в социологии постмодерна.

§ 3. Труд в социологии постмодерна.

3.1. Труд как симулякр

3.2. Изменение роли труда в институциональной системе общества в условиях постмодерна.

3.3. Постмодерн и динамика трудовой культуры.

3.4. Досуг и потребление в хозяйственной культуре постмодерна.

**Тема 7. Социологические проблемы мирового хозяйственного развития:
глобализация и ее последствия234**

§ 1. Основные парадигмы глобализации.

§ 2. Социальные и культурные аспекты глобализации хозяйственной жизни.

2.1. Глобализация и трансформация социально-экономических институтов капиталистического общества.

2.2. Финансовая глобализация и ее политические последствия.

2.3. Социокультурные характеристики субъекта глобализации

2.4. Глобальная хозяйственная и деловая культура

§ 3. Глобализация и локальные хозяйственные системы.

3.1. Место локальных культур в глобализирующемся мире.

3.2. Противоречие глобального и локального в современном развитии

§ 4. Глобализация и глобальные проблемы человечества. Альтернативные модели глобализации.

Тема 8. Социологический анализ предпринимательства.....268

§ 1. Становление теории предпринимательства в европейской общественной мысли XVIII—XIX вв.

§ 2. Мировоззренческие предпосылки капиталистического предпринимательства в работе М.Вебера “Протестантская этика и дух капитализма”.

§ 3. Концепция капиталистического предпринимательства В.Зомбарта

§ 4. Функции и роли предпринимательства в современном обществе.

§ 5. Предпринимательская активность религиозных и этнических меньшинств.

Тема 9. Социокультурные проблемы трудовых отношений и управления.....305

§ 1. Социологические подходы к изучению труда и управления

1.1. Проблемы отчужденного труда

§ 2. Становление социальных принципов управления трудом.

§ 3. Цивилизационные особенности культуры труда и управления в экономике.

3.1. Социокультурные основания менеджмента в США.

3.2. Социокультурные основы японского менеджмента.

3.3. Социокультурные особенности управления и организации хозяйства в России.

3.4. Особенности управления трудом в постиндустриальном обществе.

Тема 10 Социальная роль и ответственность предпринимательства и деловая этика.....338

§ 1. Концепции «социального служения» предпринимательства

1.1. Социально-культурные истоки концепции «служения предпринимательства обществу»

1.2. Благотворительность и меценатство как форма социального служения предпринимательства

1.3. Развитие экономики как форма социального служения предпринимательства

§ 2. Концепции социальной ответственности бизнеса

2.1. Современные представления о социальной сущности бизнеса и его социальной роли

2.2. Сферы и формы социальной ответственности бизнеса.

2.3. Проблема контроля за социально-ответственной политикой крупного бизнеса

§ 3. Деловая этика.

3.1. Формирование нравственных предпосылок деловой жизни

3.2. Этические измерения деловой жизни

3.3. Способы поддержания деловой этики

Тема 11. Очерк социологии денег.....375

§ 1. Деньги как фактор отчуждения

§ 2. Общество, конституируемое деньгами

§ 3. Деньги и социальное измерение бытия

Тема 12. Социокультурные проблемы теневой и криминальной хозяйственной деятельности402

§ 1. Теневая экономика и ее место в социальной системе.

1.1. Понятие теневой экономики.

1.2. Социальная структура и функции теневой хозяйственной деятельности

1.3. Социальная сущность теневой хозяйственной деятельности.

§ 2. Социально-историческая динамика теневой хозяйственной деятельности.

2.1. Теневая хозяйственная деятельность в традиционных обществах.

2.2. Теневая хозяйственная деятельность в экономически развитых обществах.

2.3. Теневая хозяйственная деятельность в обществах переходного типа.

§ 3. Социальные проблемы криминальной хозяйственной деятельности.

3.1. Структура криминальной экономической деятельности и ее место в обществе.

3.2. Причины криминализации в современном мире

Вопросы для самостоятельной работы.....431

Рекомендуемая литература.....438

Предисловие

Цель учебного пособия состоит в ознакомлении студентов с основными понятиями и базовыми подходами социологии хозяйственной жизни, историей ее становления и современными проблемами, в развитии навыков социологической интерпретации хозяйственно-экономических явлений и умения видеть их в контексте социокультурных особенностей конкретных обществ.

Новизна данного учебного пособия состоит в том, что его предмет определяется как «социология хозяйственной жизни», то есть шире, чем традиционно понимается предмет экономической социологии. Такое определение позволяет рассмотреть не только социальные измерения экономических явлений и процессов, функциональные и ролевые аспекты экономического действия, но весь широкий круг проблем, связанных с социальными, социально-психологическими, культурными, религиозными, нравственными процессами, составляющими контекст хозяйственной деятельности, ее «жизненный мир». Этот подход позволяет ввести в контекст рассмотрения социально-историческую проблематику, которая всегда интересовала классиков социологии и которая позволяет читателям лучше понять природу современных социально-экономических процессов. Так, представляется невозможным изучать проблемы современной хозяйственной жизни без определения тех базовых типов социальных связей, на которых она основана, исследовать человека в роли предпринимателя и функции института предпринимательства в обществе без исследования социально-исторической специфики современного типа предпринимательства, рассматривать функциональные аспекты распределения, обмена и потребления вне общих социальных закономерностей развития рынка не просто как экономического, но как социально-культурного института.

Автор ставил перед собой задачу не просто познакомить читателей с базовыми понятиями и концепциями социологии хозяйственной жизни, но продемонстрировать работу этих понятий при анализе актуальнейших проблем современности. Поэтому был избран проблемно-аналитический метод

изложения, при котором основные социологические понятия и концепции вводятся не в абстрактно-теоретической форме, а в контексте тех реальных проблем, для решения которых они созданы. Чтобы сделать учебное пособие более доступным и интересным читателям, автор стремился использовать живой социально-исторический материал, использовать как можно больше примеров реальных хозяйственных практик, анализировать наиболее интересные прецеденты из опыта разных культур и разных исторических периодов. Так, влияние института религии на хозяйственную жизнь общества иллюстрируется примерами основных мировых религий, феномен предпринимательской активности этно-религиозных меньшинств иллюстрируется опытом русских старообрядцев и сикхов в Индии, социальные проблемы управления трудом — опытом американских, японских, российских менеджеров.

Особое внимание уделяется проблемам социально-экономической динамики: особенностям транзитивных обществ, переживающих процессы модернизации (первичной и догоняющей, эндогенной и заимствованной); проблемам постмодернизации, особенностям хозяйственной жизни и трансформации базовых хозяйственных институтов в условиях постмодерна; формированию мировых социоэкономических макросистем «Восток-Запад» и «Север-Юг»; установлению глобальных социально-экономических связей и последствиям глобализации для развития локальных хозяйственных систем.

Принципиальная новизна данного учебного пособия состоит в том, что все проблемы социологии хозяйственной жизни рассматриваются в социально-исторической и глобальной перспективе, что означает 1) анализ институционального и социокультурного плюрализма современных и прошлых обществ; сопоставление специфики общих понятий и закономерностей, открытых социологией хозяйства, в традиционных и современных обществах, на Западе и на Востоке; 2) рассмотрение проблем социологии хозяйственной жизни сквозь призму процессов модернизации и глобализации; анализ современных тенденций развития экономики и социума в контексте дихотомии «Север-Юг» и последствий становления постиндустриального общества в ряде регионов мира для социально-экономического развития всего человечества; 3) особое внимание возможностям социологии хозяйства в области исследования и сопоставления хозяйственной жизни разных мировых регионов и цивилизаций,

международных экономических связей, перспектив мирового хозяйственного развития.

Методологической основой учебного пособия является полипарадигмальный подход, позволяющий раскрыть разные интерпретации основных социологических понятий и дать разностороннее видение проблем. Предполагается ознакомление читателей с трудами классиков социологии, внесших вклад в становление социологии хозяйства и отдельных ее направлений (К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Зомбарта, Т. Веблена, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса и др.), а также с работами современных отечественных и зарубежных исследователей (В.В. Радаева, Г.Н.Соколовой, Т.И. Заславской, Р.Р. Рывкиной; Р. Бендикса, Э. Фромма, Й. Шумпетера, К. Поланьи, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Ш. Эйзенштадта, Дж. Ритцера и др.).

Учебное пособие предназначается для студентов и аспирантов социологических, экономических, культурологических специальностей, для всех изучающих международные экономические отношения, проблемы глобалистики и межкультурного взаимодействия.

Автор — Наталья Николаевна Зарубина, доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ, признанный специалист в области социологии и философии хозяйства, автор учебного пособия «Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства» (М., Магистр, 1998), двух монографий, ряда учебных программ; научные статьи по проблемам социально-экономического развития публикуются в журналах «Общественные науки и современность», «Отечественные записки», «Вопросы философии» и др.

В основу данного учебного пособия положен специальный курс по социологии хозяйственной жизни, который автор читает на факультете международных экономических отношений МГИМО (У) МИД РФ. Учебное пособие включает разработанные автором в процессе чтения спецкурса методические материалы: в начале каждой темы излагается ее краткая программа, приводятся списки рекомендуемой литературы и примерный перечень вопросов для повторения и дискуссий. Курс рассчитан на 9—18 занятий, то есть 18—36 часов лекционного чтения.

Тема 1. Предмет социологии хозяйственной жизни.

Хозяйство и экономика. Абстракции «экономического» и «социологического человека». «Хозяйствующий человек» и социология хозяйственной жизни. Объект и предмет социологии хозяйственной жизни. Полипарадигмальный подход в социологии хозяйственной жизни. Цели и задачи социологии хозяйственной жизни, место в системе современных наук об обществе.

Экономическая наука и просвещенческая картина мира. Критика узкоэкономического подхода в экономике и в истории социологии: немецкая историческая школа, американский институционализм, К.Маркс, Э.Дюркгейм, , Т.Веблен, М.Вебер, В.Зомбарт,. Т.Парсонс, Н.Смелзер. Становление современной экономической социологии, ее предмет и основные направления.

§ 1. Предмет социологии хозяйственной жизни.

Использование нами понятия «социология хозяйственной жизни» нуждается в пояснении. Мы исходим из того, что предмет нашего исследования лежит в поле взаимодействия сфер материального производства и социальной жизни, и для обозначения первого традиционно используют термин «экономика», получая в результате понятие «экономическая социология». Это понятие стало устойчивым названием отрасли социологического знания, исследующей социальные аспекты экономического поведения, ей посвящены классические работы зарубежных авторов (Т.Парсонса и Н.Смелзера, Р.Сведберга и др.), под таким названием развивается эта дисциплина и в России, в работах и популярных учебниках В.Радаева, Г.Н.Соколовой, Т.И.Заславской, Р.Р. Рывкиной и др.

Нам однако представляется, что существующее в русской (русскоязычной) научной традиции разграничение понятий «хозяйство» и «экономика» требует уточнения и самого названия отрасли социологии, а

вместе с ней и объекта и предмета дисциплины¹. В англоязычной традиции такого разграничения нет, поскольку существует лишь одно слово «economics», в немецкоязычной же литературе оно есть, поскольку существуют понятия «Wirtschaft» (хозяйство) и «Oekonomie» (экономика). В русской научной литературе, как и в немецкой, понятие «хозяйство» используется традиционно шире, чем «экономика» и включает в себя весь комплекс производственных, потребительских, статусных, управленческих и т.д. отношений и институтов как на современном этапе («народное хозяйство»), так и в архаичных обществах («натуральное хозяйство»). Под «экономикой» обычно подразумевают определенный исторически сложившийся уровень развития хозяйства, который характеризуется всеобщностью отношений обмена, ориентациями на рыночные показатели производительности и эффективности (в противоположность их ориентации на межличностные связи в доэкономических обществах), целерациональностью поведения человека, исчислимостью результатов его деятельности². Таким образом, понятие «экономика» оказывается связанным с определенным этапом развития общества, который возникает при выходе за рамки традиционного архаичного натурального хозяйства и, что особенно существенно для социологического анализа, когда рыночная эффективность начинает определять характер общественных отношений (см. марксовы «вещные отношения»). Соответственно, этот этап имеет и хотя бы гипотетический исторический предел, который наступит тогда, когда рыночная эффективность и целерациональность перестанут определять жизнь общества. Маркс и его последователи видели такой предел в коммунизме, многие современные исследователи — в «постэкономическом» обществе, где, по их мнению, отношения даже в сферах производства и потребления перестают определяться чистой рыночной целесообразностью и рациональностью, а на принятие экономических решений все больше влияют социальные, экологические, гуманитарные факторы. Кроме того ясно, что даже в рамках «экономического общества» не все отношения и институты можно безусловно охарактеризовать как экономические, хотя они несомненно являются

¹ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Москва, 1998, с.181—185; Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., ???, с.

² Там же, с. 184.

хозяйственными — например, домашнее хозяйство или натуральное хозяйство в рамках архаичных укладов и т.д.

Все сказанное побуждает нас воспользоваться для предмета, лежащего на стыке сфер материального производства и социальной жизни, более широким и исторически универсальным названием социологии «хозяйственной» жизни, а не «экономической» социологии.

Предметную область социологии хозяйственной жизни целесообразно определять через базовые абстракции «экономического человека», «социологического человека», применяемые для разграничения предметов экономики и социологии, с тем, чтобы прийти затем к абстракции «хозяйствующего человека». Определение предметной области любой науки связано с процессом абстрагирования от тех черт объекта, которые не попадают в сферу ее рассмотрения. Так, экономика, изучая определенные действия человека в обществе, абстрагируется от социальных связей, культурных ценностей, нравственных норм, идеологических и религиозных убеждений, властных отношений, традиций, эмоциональных реакций и т.д. В ее предметную область входит «экономический человек» как изолированный, атомизированный субъект, во-первых, ориентированный исключительно на экономический интерес — на прибыль, рентабельность, эффективность, из мотивации которого полностью исключены все неэкономические факторы; во-вторых, как субъект абсолютно рациональный в отношении своих экономических мотивов, всегда просчитывающий наиболее эффективный путь достижения целей, на действия которого не влияют ни случайности, ни аффекты; в-третьих, как субъект эгоистический, ориентированный исключительно на свои собственные интересы и цели (в том числе и чисто гедонистического свойства) и не принимающий во внимание интересы и цели ни других людей, ни общества.

Предметом социологии, по метафорическому определению П. Бергера, является «общество в человеке» и «человек в обществе». «Социологический человек» представляет собой продукт социальных отношений, его действия основаны на ценностях, нормах, традициях, выработанных обществом, он руководствуется нравственными, религиозными, культурными, эстетическими и проч. мотивами. В своих действиях он ориентируется на оценки и мнения

других людей, на социальные группы, к которым принадлежит, на необходимость поддерживать и оптимизировать связи и интегрироваться в существующие институциональные структуры. Таким образом, «социологический человек» не атомизирован и не эгоистичен, его действия ориентированы на других. В ходе развития социологии в рамках феноменологической теории, социального психоанализа и ряда других направлений были сделаны выводы о том, что поведение человека в обществе далеко не всегда рационально: он ориентируется не только и не столько на четко осознанные цели и адекватные пути их достижения, но на нечеткое «обыденное знание», на привычные стереотипы, на эмоциональную, нравственную атмосферу вокруг, на поведение других людей. Все это вносит в действия «социологического человека» элемент иррациональности, неопределенности, который тоже представляет интерес для социолога.

Одним из основоположников социологии хозяйственной жизни по праву считается М. Вебер, который одним из первых рассмотрел экономическое действие как действие социальное, то есть 1) основанное на осознанных субъективных мотивах, которые являются «понятными» — обусловленными культурой конкретного общества; 2) ориентированное на других людей, соотносимое с их ожиданиями, мотивами, ценностями. В своих работах, посвященных хозяйственной этике мировых религий, он рассматривал хозяйственное поведение людей как ориентированное на ценности и институты конкретных обществ — на протестантские, индуистские, конфуцианские ценности и институты западноевропейского, индийского, китайского обществ. Это дало ему возможность проанализировать и «понять» (в соответствии с методами его «понимающей» социологии) конкретные исторические формы хозяйственной жизни как продукт обусловленных культурой «картин мира», как результат целостного «жизненного поведения» людей в контексте социальных структур и институтов.

Введенная М. Вебером типология социального действия позволила ему ввести вариативность самого понятия рациональности, интерпретировать его как *целе-рациональное*, то есть ориентированное на достижение целей наиболее эффективными средствами, и *ценностно-рациональное*, то есть ориентированное на реализацию ценностей, значимых социокультурных

образцов поведения. Соответственно, хозяйственные действия людей стало возможно объяснять как их чисто экономической целесообразностью, так и стремлением соответствовать некому ценностному образцу, реализовывать приписанный культурой этос. Эта типология еще дополняется *традиционным* действием, позволяющим объяснить экономическое поведение сложившимися в обществе устойчивыми стереотипами, и *аффективным* действием, отражающем нередкое в реальной жизни эмоционально обусловленное поведение. Все это позволяет рассматривать поведение человека в сфере хозяйствования как результат действия не просто материальной потребности или эгоистической ориентации на максимальную выгоду, а как следствие усвоения и реализации социокультурных ценностей и норм, отношений в социальных группах, в которые включен любой индивид, действия различных социальных институтов.

В учебнике Кравченко С.А., Мнацаканяна М.О, Покровского Н.Е. «Социология: парадигмы и темы» предмет социологии хозяйственной жизни определяется как «изучение хозяйственного действия как формы и проявления в хозяйственных отношениях социального действия и через эту призму комплекс «стыковых» проблем социально-экономического характера, таких как влияние социальных факторов на хозяйственную жизнь, социальные последствия экономических, технологических процессов»³. Можно согласиться с В.В. Радаевым, определяющим в качестве задачи экономической социологии исследование условий взаимоперехода «экономического человека» и «социологического человека» — то есть социальные, ценностно-культурные, нормативные, властные и прочие факторы экономического действия.

Для более точного и полного, а вместе с тем и наглядного определения предмета социологии хозяйственной жизни представляется целесообразным ввести абстракцию «хозяйствующего человека».

Она должна основываться на том, что, в отличие от экономических, *хозяйственные* взаимодействия включают помимо чисто экономических ориентаций еще и весь комплекс межличностных отношений, социокультурных ценностей, норм поведения, символики, ролевых функций и т.д., которые

³ Кравченко С.А., Мнацаканян М.О, Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998, с. 396.

соотносимы уже не с моделью «экономического человека», но с «социологическим человеком». Для человека в рамках *хозяйственной парадигмы* социальные и культурные отношения и институты, нравственные и эстетические ценности, а также природное окружение являются не средствами достижения цели, а предпосылками деятельности и ее значимыми факторами.

Хозяин и труженик, занятый в сфере производительной экономики, ориентирован на длительное приложение усилий, трудолюбие, рациональный учет всех находящихся в его распоряжении ресурсов — как природных, так и человеческих. Отдача от вложенных в дело усилий и средств в производственной сфере отодвинута во времени, поэтому субъект хозяйственной культуры принимает его в качестве стабильного фактора своей деятельности. Субъект производительной экономики ориентирован на будущее не только как на отнесенное во времени возвращение вложенных средств и получение прибыли. Поскольку в будущем предстоит реализация долговременных проектов, оно приобретает смысл как время, наполненное конкретным содержанием: хозяйствующий субъект заинтересован в политической стабильности, поэтому он небезразличен к политической жизни, имеет собственное мнение относительно режима, действующих на политической сцене персоналий и их ближних и отдаленных перспектив. Моральное и культурное состояние общества, демография и воспроизводство здоровья населения, природопользование и экология, международные отношения и степень проницаемости национального рынка приобретают значение содержательных факторов хозяйствования в будущем. Поэтому «хозяйствующий человек» является содержательно и осмысленно ориентированным, заинтересованным участником политических и социокультурных процессов в собственной стране и в сфере международных отношений.

Привязанность к конкретному экономико-географическому местоположению, включение в стабильные территориальные связи уже предполагает принятие и утилитарное освоение их своеобразия. Более того, для хозяина в его традиционной ипостаси конкретное многообразие природных условий не может иметь заниженный статус объекта эксплуатации. Напротив, традиционный труженик и хозяин относится к природе не просто как к

источнику сырья и других полезных ресурсов, а как к со-труднику, с трепетным уважением и безграничной терпимостью.

Рассчитывающий на длительную перспективу хозяин-производитель не может не признавать интересы другого и действовать откровенно ему в ущерб во имя лишь собственной выгоды, поскольку для него надежность и доверительность деловых отношений является одним из базовых ресурсов успеха. Именно в долгосрочной перспективе хозяйственной культуры формируется известная установка «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли» (использовавшаяся в качестве девиза русской дореволюционной газеты «Биржевые ведомости»), лежащая в основе деловой этики.

Для хозяина-производителя, ориентированного на длительную перспективу, безусловной значимостью обладает человеческий фактор. Индивид — партнер, клиент, работник — становится не просто средством достижения экономической эффективности. Он оценивается и как самостоятельная цель (пусть и не всегда первостепенная), входит в прагматические расчеты вместе с его собственными интересами, ценностями, склонностями. Значимость же человеческого фактора требует досконального знания, принятия и способности использовать его социокультурную, социопсихологическую специфику. Поэтому подлинный хозяин внимательно относится к разнообразию ближнего и дальнего социального окружения. Богатство личностей, культур, нравственных и эстетических традиций становится для него предпосылкой успешной деятельности, а значит, он лишен стремления к универсализации, обезличиванию, «стиранию» граней и различий.

Для подлинного хозяина уже невозможна апелляция к эскапистским идеям ухода в частную жизнь и узкоэгоистические интересы, безразличия к социальному, политическому, культурному, моральному окружению атомизированного индивида. В силу этого ценности индивидуального достоинства, порядка, стабильности, моральной целостности личности оказываются для него предпочтительнее и часто более востребованными, чем абстрактная свобода. Идея «открытого общества» приобретает для «хозяйствующего человека», в отличие от «человека экономического», не абстрактный смысл тотальной проницаемости национально-государственных и социокультурных границ для деятельности ориентированных на быструю

прибыль спекулянтов, а наполняется взаимной значимостью и заинтересованностью всех акторов, совместной заботой об общем будущем.

Следует отметить, что понятие «экономический человек» применяется в социологии хозяйственной жизни для того, чтобы охарактеризовать особую форму действия в социально-экономической сфере — основанную на ценностях и нормах «экономизма», то есть абсолютизации значения рыночного обмена как универсального фактора регуляции социальных отношений. Такая позиция влечет за собой не только экономические, но в первую очередь значимые социальные последствия, а «экономический человек» становится социальным типом особого рода.

«Экономический человек» по своей сути прагматичен и эгоистичен, его целью является рентабельное дело, поэтому все, что выходит за рамки рыночной рациональности, он выводит за пределы своих базовых поведенческих ориентаций. Так вне целеполагания и подбора средств оказываются культура, мораль, духовные и религиозные ценности. В. Зомбарт подчеркивает, что для «буржуа нового стиля», воплощающего абстрактного «экономического человека» наиболее полно, сам человек из цели превращается в средство: «живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: нажива и дело. Человек, следовательно, перестал быть тем, чем он оставался до конца раннекапиталистической эпохи, — мерой всех вещей»⁴.

«Экономический человек» *безразличен* к морали, религии, культуре. Если фундаментальные духовные ценности не являются рыночно инструментальными, они вполне могут быть вообще «выведены за скобки» расчетов рентабельности и прибыли или выступать в качестве ничтожно малых величин в отношениях с другими субъектами экономики и с внешним миром вообще. Для «экономического человека» универсальным посредником, связывающим его с другими субъектами рынка, и одновременно универсальным мериллом эффективности выступают деньги — самая *безличная* и в этом смысле *безразличная* к добру, злу, красоте и уродству, верности и предательству и т.д.

⁴ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 131.

С другой стороны, «экономический человек» в своей неустанной эгоистической погоне за прибылью не может быть «безразличен» к препятствиям, стоящим на его пути, будь то конкурент, подлежащий безжалостному уничтожению, или моральная норма, через которую оказывается возможным и даже необходимым переступить. С этой точки зрения «экономический человек» конфликтен, агрессивен, нацелен на тотальное подчинение всего хозяйственного, социального, природного окружения своим и только своим интересам.

Природа для «экономического человека» является лишь бездушным и не имеющим самостоятельной ценности объектом приложения сил, источником сырья и ресурсов, из которого можно черпать все необходимое, не задаваясь вопросом о подлинной глубине наносимого ущерба: «Глобальный экологический кризис следует интерпретировать не только с помощью понятия «загрязнение», как это обычно делается, но и с помощью более глубокого понятия — «обезличивание»»⁵. Деятельность «экономического человека» превращает цветущее многообразие природы в «технологический ландшафт», доминантой которого оказывается не уникальность и неповторимость, а, напротив, прагматическая универсальность удовлетворения материальных потребностей.

Социальный космос также воспринимается «экономическим человеком» в однолинейной плоскости целерациональности и эффективности. Реальное многообразие культур, традиций, жизненных миров, языков, не говоря о личностях, сводится для него к оценке полезности для дела, но не имеет самостоятельной ценности. Поэтому «экономический человек» склонен к нивелированию различий во имя удобной и выгодной массовости производства и потребления — как в технологических, так и культурных аспектах. Социальный космос, воспринимаемый сквозь призму специфического видения «экономического человека», превращается в утилитарный объект, по отношению к которому возможно применение прямого или опосредованного политико-идеологическими конструктами насилия, в поле для

⁵ Панарин А.С. Двуполушарная система мира: переосмысление дихотомии «Восток—Запад» // Глобальное сообщество: новая система координат. СПб., 2000, с. 165.

безответственных экспериментов по претворению в жизнь социальной модели, наиболее адекватной удовлетворению экономических интересов.

Таким образом, понятие «экономический человек» может использоваться в двух смыслах: 1) как абстракция, способствующая прояснению предмета экономики; 2) как социологическая абстракция, обозначающая историческую и культурную форму «хозяйствующего человека».

Социальные измерения хозяйственной жизни, выступающие объектом социологии, можно определить следующим образом. Во-первых, это влияние форм социальных связей, в первую очередь базовых типов взаимосвязи индивидов, на хозяйственную жизнь. Включенность в межличностные, аскриптивные сообщества или в безличные социальные связи, принадлежность к различным классовым, этническим, конфессиональным, гендерным и проч. общностям накладывает свой отпечаток на хозяйственное поведение и хозяйственную жизнь. Во-вторых, влияние различных неэкономических институтов общества, в первую очередь религии и церкви, государства, права, политических и силовых структур и т.д. на формы и методы хозяйствования. В-третьих, влияние ценностей культуры и норм морали на мотивацию, регуляцию и легитимацию хозяйственной деятельности. В-четвертых, формы социокультурной динамики хозяйственной жизни, ее направления и темпы, социальные процессы, предшествующие таким изменениям в хозяйственной жизни, сопровождающие их и оказывающиеся их последствиями. В-пятых, социокультурные функции экономических процессов и институтов — производства и производственных предприятий, обмена и рынка, потребления, его предметов, способов, средств, а также денег, рекламы и т.д.

Социология хозяйственной жизни охватывает в качестве *объекта* все многообразие проявлений и форм хозяйствования и ролей, исполняемых при этом индивидом. К сфере ее интересов относится предпринимательская деятельность в разных ее проявлениях, мотивация и организация трудовой деятельности, формы и методы управления трудом, мотивы, способы, формы распределения и потребления, а также вообще все социальные и культурные явления, имеющие значение для хозяйственной жизни или обусловленные ею. В качестве *предмета* социологии хозяйственной жизни, то есть ее специфического видения и способа абстрагирования при исследовании объекта,

можно определить социальные и культурные предпосылки, формы и последствия хозяйственной жизни. Конечно, такое определение объекта и предмета социологии хозяйственной жизни не претендует на исчерпывающую полноту, может конкретизироваться и уточняться в процессе развития самой дисциплины, выявления новых подходов и сфер интереса.

Методологически социология хозяйственной жизни представляет собой, как и социология в целом, полипарадигмальную дисциплину. Использование структурных парадигм позволяет на макроуровне исследовать системные и функциональные проблемы, интерпретивные парадигмы успешно применяются на уровне истолкования природы, мотивации, «жизненного мира» хозяйственных практик и хозяйствующего человека.

Предмет и методология социологии хозяйственной жизни наиболее адекватно раскрываются через историю становления этой дисциплины.

§ 2. История становления социологии хозяйственной жизни.

Становление социологии хозяйственной жизни связано с преодолением узкоэкономического подхода к исследованиям тех реалий, которые объединяются понятиями экономики и хозяйства.

Хозяйственная жизнь попала в поле зрения мыслителей еще в древности, но тогда она либо осмысливалась в русле общих философских и нравственных картин мира, подобно «Экономике» Аристотеля, либо представляла в виде опять же по большей части нравственных и политических рекомендаций правителям, стремящимся повысить благосостояние своих подданных, подобно конфуцианским экономическим трактатам. В средневековой европейской философии и теологии вопросы хозяйственной жизни также рассматривались с нравственной точки зрения, хозяйственная жизнь не вычленялась из целостной системы жизненного поведения и рассматривалась как органичная составная часть праведного пути христианина, стремящегося к спасению души.

Коренное изменение подхода к хозяйственной жизни наметилось в эпоху Просвещения в XVIII веке. Оно было обусловлено причинами как

исторического, так и интеллектуального характера. С одной стороны, развитие капитализма и капиталистического предпринимательства, становление рыночных отношений, формирование новых социальных классов и групп, действующих не на основе прежних, традиционных и сословных, а новых формально-рыночных принципов порождало представления о том, что хозяйственная сфера имеет особое, автономное и даже детерминирующее значение. С другой стороны, утверждение светской, рациональной, детерминистской, материалистической и универсальной картины мира побуждало мыслителей того времени рассматривать хозяйственную жизнь вне зависимости от «божественных предначертаний», морали или власти, искать ее собственные внутренние законы. В рамках новой картины мира хозяйственная жизнь, экономика превратилась в самостоятельную сферу, не только независимую от других, но даже определяющую другие в силу того, что рыночный обмен, ориентированный на удовлетворение частного интереса, стал рассматриваться как деятельность, наиболее адекватно соответствующая естественной природе человека.

В контексте этих изменений во взгляде на природу и сущность хозяйственной жизни и сложились первые экономические теории. Особенности просвещенческой картины мира наиболее ярко высвечивались в англосаксонской классической политэкономии XVIII века, в работах *А. Смита*, *Д. Рикардо* и др., которым наука обязана формированием своей базовой абстракции — «экономического человека», понимаемого как индивидуалиста и эгоиста, для которого естественным является стремление к максимизации извлекаемой из обмена прибыли. «Хорошее» общество и государство не должны препятствовать его деятельности, основанной на принципе «что не запрещено, то разрешено», а лишь выполнять функцию «ночного сторожа», следящего за тем, чтобы не нарушались законы и права «экономического человека». Более того, рынок как «естественное состояние» человеческих взаимоотношений должен с помощью «невидимой руки» не только урегулировать свои собственные процессы, но и оптимизировать все другие сферы социальной жизни. А предметом и специальной задачей новой науки об экономике ее основоположникам виделось исследование объективных и универсальных законов, в соответствии с которыми функционируют рыночный

обмен и другие ориентированные на него практики (производство, наем рабочей силы и т.д.).

Несколько иначе развивалось специальное знание о хозяйственной жизни на континенте, во французской и немецкой философской традиции. Принимая общую просвещенческую интенцию материалистического, детерминистского, рационального видения мира, здесь не отказывались от целостного видения общества, от рассмотрения экономической жизни как органичной составной части жизни народов и их исторической судьбы. В конце XVIII в. французские мыслители *Ж.-Б. Сэй*, *Р. Кантильон* и др. рассматривали хозяйственную деятельность и в особенности предпринимательскую активность как социальное явление, как исторически развивающиеся взаимоотношения людей в контексте общества и сложившихся в нем социальных групп.

Особо значимый вклад в преодоление узкоэкономического подхода к хозяйственной жизни внесла так называемая *немецкая историческая школа в политэкономии*, которая возникла в 40-х годах XIX в. Теоретики этого направления — В. Рошер, Б. Хильдебранд, К. Книсс и др. — подвергли критике абстракцию «экономического человека», подчеркивая, что хозяйствующий субъект не может рассматриваться в отрыве от общества, культуры, религии, языка, национальной традиции, а также географической среды. Особый акцент они делали на историческом развитии хозяйственной жизни как части истории народа в целом, подчеркивали, что в каждый конкретный момент истории экономика обладает неповторимой спецификой, определяемой особенностью исторической судьбы народа. Таким образом, представители немецкой исторической школы считали невозможным оторвать экономику от жизни народа во всей ее целостности, субъектом хозяйственной жизни считали не изолированного эгоиста, а народ со всем его культурным, религиозным, этническим своеобразием, с его особыми традициями, психологическим складом и образом жизни. Мыслители этого направления особо подчеркивали необходимость учета влияния нравственных ценностей народа на развитие его хозяйственной жизни. При этом они считали необходимым изучать народное хозяйство в его конкретно-исторических проявлениях, фактически вводя в научное знание методы эмпиризма.

В русле идей немецкой исторической школы на рубеже XIX—XX вв. развивались младо-историческая школа (Г. Шмоллер, К. Бюхер, Л. Brentano и др.) и социальное направление исторической школы, представители которых утверждали не только конкретно-исторический и нормативистский подходы к исследованию экономической жизни, но и настаивали на том, что в основе экономического развития лежат внеэкономические институты, такие, как религия, право, этика⁶.

Идеи европейских, в особенности немецких, критиков узкоэкономического подхода к исследованиям хозяйственной жизни были восприняты и в США, где в начале XX в. сложился *институционализм* как подход, при решении экономических проблем предполагающий анализ социокультурной среды, в которой протекают экономические процессы. Это по существу междисциплинарный подход, основанный на идее системности, холизма, согласно которому общество есть многоуровневый, многоплановый и целостный организм⁷. Одним из основоположников и ярких представителей этого подхода является известный американский социолог *Т. Веблен (1857-1929)* (см. тему 2, §3, п. 3.3), яркий современный представитель институционализма — американский социолог *Р. Бендикс (1916-1991)* (см. темы 9, 10). Институциональный подход подвергается критике со стороны экономистов классической англосаксонской традиции, видящих в нем опасность растворения предметной области и специфических методов экономики в социологии.

Таким образом, становление социологии хозяйственной жизни было подготовлено развитием самой экономической мысли, которая развивалась от растворения предмета и метода экономики в философии, богословии и нравственном учении к обособлению экономики в особую сферу жизни и особую науку со строго специализированным предметом и методом, а затем — к расширению предмета и включению в него факторов институционального характера.

⁶ Горичева Л.Г. К вопросу об эволюции экономического знания. М., 2000, с. 14-16.

⁷ Там же, с. 19.

Во второй половине XIX века в работах *К. Маркса (1818-1883)* были сделаны важные шаги в направлении преодоления узкоэкономического подхода к политэкономии и «вульгарного экономизма» в философии и социальном знании. Хотя сам Маркс является фактически основоположником и наиболее ярким классиком материалистического понимания истории, автором важнейших классических трудов по политэкономии капитализма, в его работах, включая «Капитал», экономическая жизнь предстает в целостном социальном и культурном — религиозном, нравственном, интеллектуальном — контексте. Марксово материалистическое понимание истории укладывается в детерминистскую, рационалистическую картину мира, где история развивается закономерно, а в основе ее законов лежат процессы, происходящие в экономическом базисе общества, в его производственных отношениях. Однако с его точки зрения определяющие экономические факторы исторического развития «лишь в конечном счете» прокладывают себе дорогу через множество социальных, политических, идеологических, культурных и проч. факторов.

Развитие социологии в XIX — начале XX вв. также, со своей стороны, готовило выделение предметной области социологии хозяйственной жизни.

Французский социолог *Э. Дюркгейм (1858-1917)*, хотя его и не относят к классикам социологии хозяйственной жизни, внес несомненный вклад в выделение ее специфических методов и предметной области. Прежде всего мы имеем в виду предложенный им принцип «социологизма», позволяющий достаточно четко отделить познавательный интерес и предметную область социологии от подходов других наук. Согласно этому принципу *социальные явления следует объяснять социальным*. Весьма наглядно работу этого принципа сам Дюркгейм продемонстрировал на примере своего знаменитого исследования самоубийства: если раньше это явление было предметом изучения психологов и психиатров, то использование принципа социологизма позволило взглянуть на него как на социальное явление, порожденное специфическими социальными отношениями, культурными нормами и их состоянием в конкретный момент. Французскому социологу также удалось раскрыть социальные, а не экономические предпосылки и следствия общественного разделения труда, показать его связь с формированием различных базовых типов социальных связей, соответствующих им морали, права, религии и т.д.

(см. тема 2, § 1). Значение разработанных Дюркгеймом методологических принципов для предметного самоопределения социологии в целом и ее отдельных отраслей (в том числе социологии хозяйственной жизни) трудно переоценить: он позволяет в любом социокультурном, социоэкономическом, гуманитарном и т.д. явлении увидеть его социальную природу и соответственно ввести его в предметную область социологии. Исходя из этого можно в самом общем виде определить предметную область социологии хозяйственной жизни как социальные предпосылки, составляющие и последствия хозяйственно-экономических процессов. Например, в исследовании такого явления, как теневая хозяйственная деятельность, экономистов могут интересовать объемы и размещение капиталов, норма прибыли, характер и природа издержек производства, доля производимой в этом секторе продукции на рынке и т.д., а социологов — социальные и культурные предпосылки существования теневого хозяйства, мотивы обращения к ним, характер социальных групп, принимающих в них участие, значение и последствия этих практик для общества.

Кроме того, исследования Дюркгейма внесли существенный вклад в критику абстракции «экономического человека»: во-первых, он отстаивал принцип социального реализма, утверждающий существование общества как самостоятельной реальности, превышающей сумму отдельных индивидов, из чего следовала невозможность для социолога рассматривать хозяйствующего человека как полностью автономного и независимого; во-вторых, он возражал против абсолютизации эгоизма и доказывал, что альтруизм как свойство человека не менее силен.

Одним из основоположников социологии хозяйственной жизни по праву считается немецкий социолог *М. Вебер (1860-1920)*, которого иногда относят к младо-исторической школе. В качестве методологического обоснования социологии Вебер разработал теорию социального действия и «понимающий метод», позволяющие, как мы уже сказали в первом параграфе настоящей главы, выделить социальную составляющую хозяйственной деятельности. В ставших классическими работах «Протестантская этика и дух капитализма», «Протестантские секты и дух капитализма» этот немецкий социолог раскрыл социально-культурную природу капиталистического предпринимательства

рационального типа, предпосылки его генезиса и мотивации, коренящиеся в этической системе и картине мира протестантов. В труде «Хозяйственная этика мировых религий» (оставшемся незавершенным) Вебер раскрыл взаимосвязи между типом хозяйственного развития и социальной, профессиональной, конфессиональной структурой общества (см. темы 2, 4, 8).

Другой немецкий социолог, современник и коллега М. Вебера по изданию журнала «Архив социальной науки и социальной политики» **В. Зомбарт (1863-1941)**, продолжая традиции немецкой исторической школы и опираясь на интерпретивные методы социологии, разрабатывал историческую социологию хозяйства. Зомбарт прямо полемизировал с представителями «чистой» экономической науки, утверждая необходимость включить явления хозяйственной жизни «в великий связный поток человеческого бытия», объяснять их с помощью методологии и понятийного аппарата социальной философии и социологии. В известной работе «Буржуа. Этюды по истории современного экономического человека» Зомбарт дает собственное видение социальной природы, сущности и социальных предпосылок капитализма и его центрального социального типа — предпринимателя-буржуа. Характерной чертой метода Зомбарта явилось стремление раскрыть гетерогенную внутреннюю структуру целостных социальных явлений (см. тема 8).

В трудах М. Вебера и В. Зомбарта отчетливо проявилась еще одна принципиальная особенность социологии хозяйственной жизни: как и социология в целом, она утверждает принципы ценностной нейтральности, свободы от оценочных суждений. Исследование социального значения тех или иных явлений хозяйственной жизни осуществляется социологами на основе объективных методов и, в отличие, например, от социальных философов, им не дается оценка с точки зрения нравственности, прогрессивности и т.д. Социологи, исследующие природу капитализма, не выносят суждений о том, плох он или хорош с точки зрения «прогресса человечества», но констатируют как позитивные, так и негативные социальные последствия этой формы хозяйственной жизни.

Взаимное разграничение предметных сфер и методов социологии хозяйственной жизни (получившей распространенное название «экономической социологии») и шло на протяжении всей первой половины XX века. Большую

роль здесь сыграли теория социальной системы крупнейшего американского социолога *Т. Парсонса (1902-1979)* и труды его ученика и коллеги *Н. Смелзера (р. 1930)*. Т. Парсонс рассматривал экономику с точки зрения интегральной теории структурного функционализма в качестве адаптивной подсистемы общества, подчеркивая значение ценностных образцов и моральных норм как интегрирующих и поддерживающих единство социального действия и общества как целостной системы (см. тема 4). Н. Смелзер в работе «Социология экономической жизни» подчеркнул как взаимодействие, так и предметное разграничение экономики и экономической социологии, которые «задают разные вопросы» об экономическом поведении. Социологический подход шире экономического, он основан на исследовании «социальных переменных», действующих в «экономической сфере» жизни общества. К «экономической сфере» Смелзер относит производство, распределение, обмен и потребление, а к «социальным переменным», действующим в этой сфере — общности и группы, роли и статусы, организации, формы власти, рынки (труда, услуг), коллективные действия, ценности, мотивы. Тогда экономическая социология представляет собой «приложение общей системы отсчета, переменных и объяснительных моделей социологии к исследованию комплекса различных видов деятельности, касающихся производства, распределения, обмена и потребления ограниченных материальных ресурсов»⁸.

В современной науке распространена точка зрения, согласно которой с 70-х годов XX в. социология хозяйственной жизни вступила в стадию «профессиональной зрелости» (В.В. Радаев). Один из самых ярких его западных представителей, *Р. Сведберг*, характеризует его как «сравнительную макросоциологию», поскольку в ее познавательных задачах большое место занимают сравнительные исследования социально-экономических систем и институтов в разных странах, анализ целостных социальных систем, в том числе и на самом высоком, глобальном уровне, развитие международных и глобальных экономических взаимодействий и т.д. Можно согласиться с утверждением, что нынешняя социология хозяйственной жизни представляет собой не столько целостную научную дисциплину, сколько широкое научное

⁸ Смелзер Н. Дж. Социология экономической жизни. М., 1965, с. 69-71.

движение, направленное на изучение «стыковых» социально-экономических проблем⁹, актуальных для современного мира. Основными направлениями ее научного интереса являются проблемы развития институтов современного рыночного хозяйства в разных социокультурных контекстах, социокультурные предпосылки хозяйственных взаимодействий как на микроуровнях, так и на уровне глобальной системы, социокультурные особенности современного этапа развития индустриального общества (социология постмодерна), современные проблемы развития рынков труда и особенности рабочей силы и т.д.

Таким образом, в сферу научного интереса современной социологии хозяйственной жизни попадают практически любые явления и процессы, связанные с производством, распределением, обменом и потреблением, которые могут исследоваться на макро-, среднем- и микроуровнях, с применением методологии и понятийного аппарата различных социологических теорий и парадигм.

⁹ Соколова Г.Н. Экономическая социология. Минск, 1998, с. 49.

Тема 2. Социальные основы хозяйственной и экономической деятельности.

Базовые типы социальных связей: межличностные и “вещные” (капиталистические). К.Маркс, Э.Дюркгейм, Ф.Тённис, Т.Парсонс о различиях базовых типов социальных связей. Межличностные отношения в условиях доминирования вещных социальных связей.

Хозяйственная жизнь в условиях доминирования межличностных связей: потребительские и распределительные ориентации, иерархизм и эгалитаризм, престижное потребление, внеэкономическое принуждение. Особенности рынка и торговли, их погруженность в межличностные отношения.

Особенности хозяйственной жизни в условиях доминирования “вещных” (капиталистических) связей. К. Маркс о «товарном фетишизме» и отчуждении. Ф.Тённис об «обществе» как иллюзорной форме бытия. Труд и производство в условиях доминирования «вещных» отношений. М.Вебер о капитализме как «рациональной самоорганизации свободного труда». Потребление в условиях доминирования «вещных» отношений отрыв от производства. М. Вебер и В. Зомбарт о потребительской аскезе буржуазии и ее конце; Т. Веблен о престижном потреблении и буржуазии как «праздном классе». «Кейнсианская революция», расширение потребительского рынка как основа роста производства, общество массового потребления.

«Вещные» отношения и рынок как разрушении традиционных связей. «Рыночная саморегуляция» общества, ее возможности и ограниченность. Э. Фромм о характере «рыночной ориентации» как модели личности в XX в., о путях и направлениях преодоления ее ограниченности.

§ 1. Базовые типы социальных связей и особенности хозяйственной жизни.

В социологии принято выделять два базовых типа социальных связей, в рамках которых определяются особенности всех известных истории обществ. Наиболее распространенные их названия — *традиционные*, или *докапиталистические*, и *капиталистические*. При всем колоссальном историческом многообразии докапиталистических обществ в них можно выделить общую социальную основу, принципиально отличающую их от капиталистических — систему *межличностных отношений*. В социологической и другой обществоведческой литературе эти отношения еще называют коммунократическими, коммуналистскими, солидаристскими, коллективистскими, патерналистскими противопоставляя их таким образом буржуазным безличным, вещным, юридическим отношениям.

Разделение обществ на *традиционные* с преобладанием *межличностных отношений* и *капиталистические* с *безличными отношениями* восходит к **К. Марксу**, который отмечал, что в традиционных обществах отношения людей строятся «как их собственные отношения, а не облачаются в костюм общественных отношений вещей»¹. К. Маркс, таким образом, подчеркивал социально-экономическую суть традиционных межличностных отношений, при которых все их связи, в том числе экономические, основаны на личностных характеристиках и являются непосредственными, в то время как в буржуазном обществе они обусловлены отношениями товарно-денежного обмена и разделения труда, в которых конкретные личностные характеристики их участников значения не имеют.

Другие исследователи дополнили отмеченные К.Марксом особенности традиционных обществ. Французский социолог **Э. Дюркгейм** противопоставлял общества с «*механической солидарностью*», где связи людей основываются не на объективном разделении труда, а на их личных отношениях, обществу «*органической солидарности*», основанному на экономически целесообразном и закономерном разделении труда, в котором легко узнаваемы черты современного капиталистического общества. В обществах с «*механической солидарностью*» индивиды объединены в слабо дифференцированные первичные ячейки — семейные, родоплеменные, клановые и т.п., в рамках

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2., Т. 23, с. 88.

которых они мало отличаются друг от друга, т.е. никак не специализированы, могут выполнять одинаковые функции, одинаковую работу, одинаково относятся к внешним социальным структурам, имеют общую систему ценностей и норм, единую мораль и идеологию. Эти общие ценности и нормы практически поглощают индивидуальность субъектов, человек «принадлежит коллективу» и может действовать только как его член и представитель. Коллектив, со своей стороны, жестко следит за сохранением единства, репрессируя и отторгая всех, кто не хочет разделять его ценности. Общества «органической солидарности» основываются на развитом разделении труда, где индивиды специализированы и выполняют различные профессиональные и социальные функции. Здесь приобретают ценность уникальные качества личности, определяющие ее способность приносить в общество нечто такое, что не могут другие. Отношения между людьми поддерживаются на основе их взаимной полезности и необходимости, поэтому такой тип социальной солидарности и получает название «органической»².

Немецкий социолог **Ф. Тённис** в известной работе «Общность и общество» противопоставил *общность* как «устойчивое и подлинное» объединение людей, в котором протекает «реальная и органичная» жизнь, *обществу* как «идеальному механическому» образованию, основанному на взаимосвязях изолированных, противостоящих друг другу индивидов, где мы абстрагируемся от всех «исконных и естественных» отношений. Общность основывается на совместном труде, владении, пользовании общими благами для удовлетворения нужд каждого ее члена. Она обладает единой волей, характером, образом мыслей, и здесь люди связаны друг с другом несмотря ни на какие разделения. В обществе же каждый имеет свою собственность, которая не может принадлежать никому другому, и использует ее исключительно для удовлетворения собственных нужд, поэтому индивиды здесь настороженно относятся друг к другу и являются потенциальными конкурентами. «Единую волю» общества, поддерживающую его целостность, является обмен, но все же люди остаются разделенными несмотря ни на какие связи.

² См. подробнее: Кравченко С.А. Социология. М., 2003, с. 77-78; Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977, Гл. 3. Общественно-историческая концепция Дюркгейма.

Известный американский социолог *Т. Парсонс* различал два типа функциональных переменных, в соответствии с которыми можно выделить социальные связи, основанные на «аскриптивности» и на «достижительности». В «аскриптивных», или традиционных обществах основные социокультурные характеристики и статусы приписаны/предписаны индивиду изначально и определяются его принадлежностью к первичной группе, коллективу, на который он ориентируется в любой ситуации. Его отношения с другими людьми, социальными группами и институтами носят партикулярный характер, то есть зависят от конкретных обстоятельств, в первую очередь от групповой принадлежности и статуса партнеров — например, в торговле, при найме делаются различия между «своими» и «чужими». Перед «своими» существуют определенные обязательства — нельзя обманывать, эксплуатировать сверх соответствующей статусу нормы, необходимо проявлять лояльность, оказывать услуги, предоставлять скидки. В отношении «чужих», напротив, не существует никаких моральных ограничений. Тех, кто стоит за пределами данного социума, его системы межличностных связей, можно обманывать и эксплуатировать, и это не считается нарушением норм. В любой сфере деятельности традиционного индивида имеет значение вся полнота его личностных характеристик — на деловые отношения влияют и религиозная, и этническая, и семейная принадлежность.

В современных, «достижительных» обществах индивиды автономны, не зависят от коллективов, и их социальный статус определяется только личными достижениями. Отношения между индивидами, группами, социальными институтами носят универсальный характер — не зависят от статусов и прочих характеристик партнеров, со всеми одинаковы. Индивид вступает в специализированные отношения и связи в разных сферах социальной деятельности — в профессиональной деятельности, в бизнесе не имеют принципиального значения семейные, личные отношения, в духовной, религиозной жизни — деловые качества, и т.п.

Социальные действия людей в традиционных обществах носят, по определению Т.Парсонса, диффузный характер, то есть, связаны с одновременным исполнением целого ряда ролей, удовлетворением целого ряда потребностей: труд переплетен с общением (и с людьми, и с природой),

торговля — с установлением полезных связей и т.п. В рамках безличных «вещных» отношений, напротив, каждое конкретное социальное действие носит сугубо специфический характер, то есть в его рамках выполняется только одна роль и решается только одна задача. Г.Форд, один из основоположников и самых ярких представителей менеджмента современного индустриального конвейерного производства, декларировал свое кредо: «Когда мы работаем, мы должны относиться к делу серьезно; когда веселимся, то уж вовсю. Бессмысленно смешивать одно с другим»³.

Распространенные в современной литературе определения межличностных отношений как *солидаристских* и *патерналистских* фиксирует отношения личных взаимосвязей, поддержки, взаимопомощи, солидарности членов первичных социальных ячеек, и отношения личной зависимости и покровительства между ниже— и вышестоящими в социальной иерархии групп.

Чаще всего общества с доминированием межличностных отношений называют *традиционными*, подчеркивая таким образом их глубокую укорененность в человеческой истории. Ведь к такому типу социальных связей относятся практически все известные истории общества вплоть до европейского Нового времени, когда возникли безличные социальные связи и стали затем в течение последующих двухсот лет постепенно распространяться на остальной мир.

§ 2. Хозяйственная жизнь в традиционных обществах.

Важнейшей особенностью традиционных отношений является связь индивида и группы, его неразрывное единство с ней. Индивид формируется и социализируется как член группы, осознает себя через участие в ней,

³ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1991, с. 74.

пользуется ее защитой и поддержкой. Как член группы, он может претендовать на соответствующую долю общей собственности (земли, пастбищ, часть общего урожая и т.п.), на права и привилегии. В то же время, он занимает строго определенное место в иерархии группы и его права и само материальное благосостояние ограничены в соответствии с этим местом. Его индивидуальные качества, интересы и устремления как бы растворяются в групповых, традиционный индивид как в социальном, так и в духовном аспектах неотделим от группы. Личность в современном западном смысле этого понятия, как самостоятельный, полностью автономный индивид, ответственный только перед формальным законом и перед Богом, в традиционном обществе не существует.

2.1. Производство и потребление в традиционных обществах

Хозяйственная жизнь традиционных обществ основана на системе межличностных отношений. Это значит, что человек участвует в хозяйстве как член определенной первичной общности, его участие в трудовой деятельности, распределении, потреблении определяется занимаемым им местом в социальной иерархии. Даже собственно доступ к основным средствам производства обусловлен членством в сложившейся социальной группе — общине, племени, клане, ремесленных цехах, купеческих гильдиях и т.п. В рамках общины крестьяне получали наделы, община их перераспределяла, поддерживая справедливость. Через цех ремесленник не только обучался мастерству, но и получал право на производство продукции, соответствующей определенным стандартам качества. Купеческие гильдии и союзы давали своим членам права и льготы, оказывали поддержку в организации крупных коммерческих предприятий, экспедиций и т.д. Наиболее яркое выражение это положение дел получило в индийской кастовой системе, где каждой касте не только строго предписана определенная профессия, но и в священных книгах - дхармашастрах - строжайше регламентированы формы профессиональной деятельности: какие сельскохозяйственные культуры возделывать, с помощью

каких орудий, какие ремесленные изделия из каких материалов производить и т.д.

Производство традиционного общества ориентировано на непосредственное потребление. В.Зомбарт пишет: «...исходной точкой всякой хозяйственной деятельности является потребность человека, его естественная потребность в благах. Сколько благ он потребляет, столько и должно быть произведено; сколько расходует, столько и должен заприходовать»⁴. Производство ориентировано в первую очередь на выживание и удовлетворение первичных потребностей, производить или зарабатывать сверх физически необходимого представляется бессмысленным и нерациональным: «человек "по своей природе" не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни»⁵.

Производство сверх этого не считается необходимым, а порой и вызывает негативную реакцию, поскольку размеры и формы потребления зависят не столько от индивидуальных склонностей субъекта, сколько от занимаемого им места в системе межличностных отношений и сложившейся традиции: «Самая потребность в благах не зависит от произвола индивидуума, но приняла с течением времени внутри отдельных социальных групп определенную величину и форму, которая теперь уже рассматривается как неизменно данная. Это идея достойного содержания, соответствующего положению в обществе, господствующая над всем докапиталистическим хозяйствованием»⁶.

Потребление, как физически необходимое, так и престижное, определяется в первую очередь социальным статусом. С другой стороны, статус в традиционном сообществе также является жизненной потребностью индивида, на удовлетворение которой он работает. Верхи общества, феодальная знать, племенные старейшины, предводители дружин и т.д. должны были высоким стандартом потребления и всем образом жизни поддерживать свое

⁴ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с.12.

⁵ Вебер М. Протестантская этика и "дух капитализма" // М.Вебер. Избранные произведения. М., 1990, с. 81.

⁶ .Зомбарт В. Буржуа, с. 12.

привилегированное положение: «Вести жизнь сеньора значит жить "полной чашей" и давать жить многим; это значит проводить свои дни на войне и на охоте и прожигать ночи в веселом кругу жизнерадостных собутыльников, за игрой в кости или в объятиях красивых женщин. Это значит строить замки и церкви, значит показывать блеск и пышность на турнирах или в других торжественных случаях, значит жить в роскоши, насколько позволяют и даже не позволяют средства»⁷. Помимо постоянной демонстрации своего статуса с помощью роскошных жилищ и одежд, дорогих украшений и праздного образа жизни, необходимо было поддерживать его, оказывая покровительство нижестоящим: раздавать богатые подарки дружинникам и вассалам, щедрые подношения церкви и монастырям, жертвовать на нужды города или общины, устраивать празднества и угощения для простого народа.

Социальные низы, простые общинники, крестьяне и ремесленники были вынуждены довольствоваться лишь самым необходимым для выживания, их обиход был весьма скуден. Причем скудость потребления часто не просто определялась общей ограниченностью ресурсов и производимых продуктов, но была призвана демонстрировать низкий статус: в Индии кастовая дхарма, жестко регламентировавшая допустимые для потребления продукты и изделия, вводила строгие ограничения для низших каст и неприкасаемых, запрещая им, например, пользоваться изделиями из железа или дорогих материалов, употреблять в пищу определенные виды продуктов и т.п.

У традиционного индивида, личность которого была неразрывно связана с группой и не мыслилась вне ее, и не возникало, как правило, желания изменить потребительские стереотипы. Их неравенство само по себе не воспринималось как несправедливость — ведь оно соответствовало различию в социальном статусе. Несправедливость возникала тогда, когда нарушалась установленная традицией мера неравенства, т.е. индивид не мог потреблять то, что ему полагалось, например, когда налоги и поборы становились слишком большими и не оставляли законной доли для пропитания.

⁷ Там же, с. 12-13.

2.2 Распределение и перераспределение в традиционных обществах.

Распределение и перераспределение играют хозяйственной жизни традиционных обществ чрезвычайно важную роль. Перераспределяется до 2/3 всех производимых продуктов. У непосредственного производителя они изымаются в виде налогов и податей государству и помещику, поставок натурой, доли церкви и расходов на содержание монахов, священников, шаманов и т.п. («церковная десятина», милостыня буддистским монахам ради накопления заслуг и улучшение кармы и т.п.), платы на содержание дружинников и войска.

Такое положение дел не воспринимается традиционным индивидом как несправедливость, поскольку соответствует межличностным связям и воспринимается как выполнение свыше предназначенного долга. Выполнение обязанностей по производству общественного продукта воспринималось как условие самого существования крестьянского и вообще традиционного хозяйства, а благополучие работника — как условие выполнения им своих обязанностей. Обнищание было опасно не только вследствие прямой угрозы физическому существованию, но и потому, что влекло за собой невозможность выполнения долга, то есть нарушение соответствия занимаемому месту в обществе, что было чревато разрушением самоидентификации, утратой образа жизни и т.д.

Со своей стороны, верхи общества, церковь и прочие, в пользу которых перераспределялся общественный продукт, также несли социальные обязанности. Они должны были обеспечивать безопасность, и поддержку простым людям: защищать от грабителей и разбойников, представлять их интересы перед государством или перед Богом, в голод и неурожай предоставлять в ссуду или даже безвозмездно зерно, организовывать общественные работы и т.п. Даже самые низшие в социальной иерархии традиционного общества, стоящие по сути вне его — рабы, сами являясь собственностью хозяина, пользовались его защитой от посторонних насильников.

Распределение в традиционном обществе тесно связано с эгалитаризмом и иерархизмом традиционного социума и сознания. С одной стороны, все члены традиционного общества могли претендовать на соответствующую их статусу долю общественного продукта. С другой стороны, эта доля была строго определена и фиксирована. Вследствие ограниченности ресурсов и средств существования, а также традиционной рутинности орудий труда и технологий объем производимого продукта был стабилен и представлялся труженикам неизменным, как своего рода «общий пирог». От этого стабильного «пирога» каждый член общества должен получить причитающуюся ему долю, и в этом состоит традиционный эгалитаризм. Однако эти доли заведомо неравны и их размеры зависят от статуса в иерархической системе. Попытки увеличить свое благосостояние представляются традиционному труженику, во-первых, как стремление присвоить себе большую долю общего продукта, что при постоянстве его размеров неминуемо ведет к «ограблению» других; во-вторых, как нарушение иерархического порядка распределения, а значит, подрыв всех общественных устоев. Поэтому ценности предприимчивости, новаторства и т.п. являются в традиционном обществе маргинальными: они разрушают установленную систему межличностных отношений, социальную иерархию и противоречат представлению о справедливости как соответствии традиционной норме.

2.3. Труд в традиционных обществах.

Трудовая деятельность и ведение хозяйства в добуржуазных обществах не связаны с накоплением и не рассматриваются как путь к богатству, также как богатство не используется для расширения производства.

Труд всегда конкретен, направлен на создание продукта потребления и на совершенствование искусства ремесленника, а не на производство абстрактных стоимостей. М.Вебер писал о профессиональной этике индийских каст, которую он считал «самой традиционалистской, какую только можно представить»: «Кастовая этика прославляет "дух" ремесла, предметом гордости служит не выраженный в деньгах хозяйственный доход, , не чудодейственная

рациональная техника, усовершенствовавшая использование рабочей силы, а красота и добротность продукта, свидетельствующие о личном виртуозном умении его создателя, связанном с принадлежностью к данной касте»⁸.

Традиционное хозяйствование, проникнутое эмоциональной привязанностью к земле, осознанием своей сопричастности космическому порядку с одной стороны, и социальной общности — с другой, отличается постоянством, стагнирующим, рутинным характером. Традиционный индивид перенимает профессиональное мастерство, навыки ведения хозяйства вместе с орудиями труда и недвижимым имуществом от старших в процессе социализации, сохраняет их и передает своим детям в неизменном виде. В.Зомбарт пишет: «Хозяйствуют эмпирически, традиционно; это значит: так, как переняли от отцов, так, как этому научились с детства, как привыкли. При принятии решения о том, прибегнуть ли к известной мере, к известному действию, смотрят прежде всего не вперед, не на цель, спрашивают не исключительно о целесообразности этого мероприятия, но оборачиваются назад и смотрят на примеры прошлого, на образцы, на опыт»⁹. Орудия и технология производства остаются неизменными на протяжении столетий, и стимулов к их развитию и обновлению нет, напротив, воспроизводство устойчивых форм деятельности оказывается желательным, поскольку подтверждает незыблемость миропорядка и социокультурного строя.

Ценность труда в традиционных обществах неоднозначна и определяется локальной традицией каждого сословия, субкультурой правящих или производящих классов, локальными религиозными и этическими традициями.

Являясь уделом низших слоев социальной иерархии, подневольный физический труд у правящих классов пользуется низким престижем: согласно древнегреческой мифологии, он выпал из ящика Пандоры, в Индии физический труд предписывается низшим кастам. Он считается занятием, недостойным свободного гражданина античного полиса, дворянина и рыцаря средневековья, а также высококастового индуса или конфуцианского чиновника. Им приличествуют государственные, политические, военные занятия, упражнение в

⁸ М.Вебер. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Работы М.Вебера по социологии религии и идеологии. М., 1985, с. 117-118.

⁹ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 17-18.

добродетели занятия искусствами и философией, которые, однако, не должны превращаться в профессиональную деятельность, приносящую доход. Высшим сословиям вполне прилична и «благородная праздность» (по меткому определению К.Маркса «героическая лень») — спортивные и военные состязания, охота, увеселения и т.п.

Однако необходимая для обеспечения материального благосостояния сообщества трудовая деятельность свободных общинников не могла быть полностью обесценена: сельскохозяйственный труд был уважаемым занятием практически везде, где он не противоречил высшим духовным принципам (например, у джайнов, следующих строжайшему запрету на умерщвление живых существ и поэтому не смеющих пахать землю и тем более заниматься скотоводством).

Особенно следует отметить отношение к труду в европейском средневековом обществе, противоречивость которого выражена наиболее ярко. С одной стороны, труд пользуется низким престижем у высших сословий и противостоит духовному совершенствованию монашества: Христос и его ближайшие сподвижники не трудились физически, Господь мог насытить верующих и без трудов. С другой стороны, труд представлялся средневековым теологам необходимым занятием, поскольку способствовал праведному образу жизни и приносил непосредственную пользу всему обществу. Причем нравственная, воспитательная функция труда ценилась даже выше, чем практическая, в особенности когда речь шла о религиозном спасении. Изображения картин сельскохозяйственного и ремесленного труда часто украшают готические соборы, в Шартрском соборе фигуры добродетелей и трудолюбивых дев расположены симметрично, причем последние на правой, более достойной стороне¹⁰.

Наряду с дворянством и духовенством земледельцы являются одной из признанных основ европейского средневекового общества. В их сознании труд является неоспоримым нравственным достоинством: он восходит к трудам Адама, возделывавшего Эдемский сад, он естественное состояние человека, поскольку прародители — Адам и Ева — добывали свой хлеб трудами. В

¹⁰ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984, с. 274.

трудовой жизни видится даже нравственное преимущество низших слоев общества перед высшими праздными сословиями: «Когда Адам пахал, а Ева пряла — кто был джентельменом?». Трудящийся человек является сотрудником Создателя, он усовершенствует мир, его деятельность угодна Богу, а поэтому нравственная и почетна.

Многие исследователи, в том числе и богословы, отмечают, что именно христианство способствовало ценностной «реабилитации» труда в средневековой Европе и лежало в основе специфической западной хозяйственной культуры задолго до возникновения здесь капитализма. Сначала христианство возводит труд в ранг нравственной добродетели и возвышает его по сравнению с античным миром, а также и с нехристианскими обществами Востока. Затем труд приобретает характер систематической аскезы, служащей накоплению добродетели и спасению души.

2.4. Собственность и богатство в традиционных обществах.

Богатство в традиционном обществе также тесно связано с системой межличностных отношений и необходимо для ее поддержания. Как уже сказано выше, материальное благосостояние служило подтверждению социального статуса и реализации сопутствующих ему обязанностей.

«Богатство для феодала — орудие поддержания общественного влияния, утверждения своей чести. Само по себе обладание богатством не дает никакого уважения, наоборот, купец, хранящий несметные ценности и выпускающий из своих рук деньги только для того, чтобы приумножить их в результате коммерческих или ростовщических операций, внушает в среде феодалов какие угодно эмоции - зависть, ненависть, презрение, страх, — но только не уважение. Сеньор же, без счета растрачивающий добычу и доходы, даже если он живет не по средствам, но устраивает пиры и раздает подарки, заслуживает всяческого почитания и славы. Богатство мыслится феодалом как средство для достижения целей, находящихся далеко за пределами экономики. Богатство — знак, свидетельствующий о доблести, щедрости, широте натуры сеньора. Этот знак может быть реализован лишь при демонстрации им указанных качеств. Таким

образом, высший момент наслаждения богатством - его расточение в присутствии максимального числа людей, участвующих в его поглощении, получающих долю от щедрот сеньора»¹¹. Сходные явления наблюдаются в традиционных обществах, относящихся к различным духовным, религиозно-культурным системам. В индийской «Жизни Викрамы» говорится: «Если есть деньги, дари их или трать на наслаждения, но не нужно их копить» (Жизнь Викрамы. М., 1960, с. 68).

Таким образом, богатство, собственность - это своего рода овеществленные отношения, оно воплощает знатность, могущество, мудрость, доблесть и удачу своего владельца и поэтому неотделимо от него, оно всегда «имеет имя». Именно как знак этих качеств владельца оно имело смысл. Особо выраженным такое отношение к богатству было в варварских обществах. Поэтому как свидетельствуют историки, богатые клады викингов и древних германцев часто служили не для временного сокрытия сокровищ от разграбления и врагов, а для того, чтобы сделать их недоступным для людей вообще, то есть неотчуждаемым от владельца даже после его смерти. Подтверждением этому является так называемое "болотное серебро" — североевропейские клады периода раннего средневековья, спрятанные на дне непроходимых болот. Хозяйственного значения эти клады иметь не могли — в тот период север Европы еще не знал товарно-денежных отношений, да и само «болотное серебро» было недосыгаемым даже для живого владельца. Оно было ему нужно не для практического использования, а в качестве неотчуждаемого знака его личных качеств — военного могущества и славы, мужества, удачи, силы. Когда предводитель дружины раздавал часть добычи воинам, он не просто расплачивался с ними за службу, он таким образом давал им знак причастности к его собственной славе и доблести, делился своей удачей.

С христианством в европейской культуре появились новые стереотипы в отношении собственности и богатства. Само по себе оно перестало рассматриваться как признак человеческих достоинств. Напротив, в нем стали видеть источник многих грехов и пороков, представляющих серьезную опасность для спасения души: скупости, жадности, праздности.

¹¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры М., 1984, с. 258.

Общины первых христиан не знали собственности и владели всем сообща. Эта позиция основывалась на представлении о том, что Бог создал землю и все ее плоды и отдал ее во владение человеку вообще, а не каким-то отдельным людям. Собственность появилась после грехопадения и стала неотъемлемым институтом общественного устройства, но для избранных, ищущих особой духовной и нравственной чистоты (например, монахов), обладание ею недопустимо: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше... Не можете служить Богу и маммоне» (Матф., 6, 19-21). Праведник непременно должен быть бедным или отказаться от собственности ради стяжания богатства духовного. Высшим идеалом был нищий, не обремененный заботами об имуществе и хозяйстве и питающийся подаванием, как птицы небесные, которые «ни сеют, ни жнут, не собирают в житницы, но Господь их питает» (Матф., 6, 26). В средневековом христианском этосе «нищета была не вынужденным состоянием, из которого желательно было бы выбраться, а состоянием самоотречения и отвержения мира, и поэтому нищенский промысел был неотъемлемым элементом средневековой общественной практики. Не богатство, а нищета, прежде всего нищета духа, смирение — идеал средневекового общества»¹².

Богатство же как антитеза нищеты нуждалось в нравственном оправдании, в специальных душеспасительных усилиях его обладателя. Важнейшей частью этой практики служила благотворительность в форме раздачи милостыни нищим и вообще демонстративное выказывание уважения к нищенству:

2.5. Предприимчивость в традиционных обществах

Богатство в традиционных обществах не связано с трудом и хозяйственной предприимчивостью. Предпринимательство тоже, как правило, не связано с хозяйственной деятельностью. Традиционная знать, обладающая

¹² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984, с. 252.

большими богатствами, считает хозяйство недостойным занятием, несовместимым со своим статусом, и брезгует предпринимательскими занятиями. Крестьянство и ремесленники, мелкие производители в условиях традиционного хозяйства не в состоянии производить настолько много, чтобы разбогатеть и наращивать свою деловую активность, да и не ставят себе такой цели. Это не означает, что в традиционных обществах вообще отсутствует жажда богатства и наживы и предприимчивость - она существует всегда и везде, но в традиционных обществах «всякая страсть к наживе, всякая жажда денег стремится к своему удовлетворению за пределами процесса производства благ, транспорта благ и даже большей частью и торговли благами. Люди бегут в рудники, копают клады, занимаются алхимией и всякими волшебствами, чтобы добыть деньги, потому что их нельзя добыть в рамках обыденного хозяйствования. Аристотель, который наиболее глубоко познал существо докапиталистического хозяйства, совершенно правильно поэтому считает наживу денег за пределами естественной потребности не принадлежащей к хозяйственной деятельности»¹³.

Традиционные высокие религии — раннее и средневековое христианство, индуизм, буддизм, конфуцианство — считают погруженность в мирские дела не соответствующими и даже противоречащими высокому духовному идеалу, а потому порицают ее. Труд и ведение хозяйства, если они жизненно необходимы для человека, не должны иметь стяжательских, предпринимательских ориентаций.

Социальный статус предпринимательских сословий в традиционных обществах невысок и не соответствует реальному богатству. В Западной Европе XI-XII вв. купечество даже не признается необходимой составной частью общества, столпами которого считаются священнослужители (молящиеся), рыцари (сражающиеся) и земледельцы (пашущие). Купцы, банкиры, ростовщики вызывают недоверие и подозрительность у феодалов и крестьянства и осуждение духовенства за нравственную неполноценность и неизбывную греховность их профессии.

¹³ Зомбарт В. Указ. соч., с. 15.

Особое положение в традиционной хозяйственной культуре занимает ростовщичество. В исламе до сих пор существует норма «*риба*» — запрет на взимание ссудного процента, а христианство прошло длительный путь легитимизации банковского и ростовщического дела. Средневековое европейское общественное мнение жестоко порицало ростовщичество, не только предсказывая тем, кто дает деньги в рост, вечные муки, но и подвергая их моральному осуждению, а порой и прямому преследованию в этой жизни. Причина этой ненависти, помимо чисто социально-экономической, имела мировоззренческие и этические корни: «Ростовщик гнусен в глазах Бога и человека прежде всего потому, что нет другого греха, который когда-нибудь не отдыхал бы: прелюбодеи, развратники, убийцы, лжесвидетели, богохульники устают от своих грехов, между тем как ростовщик продолжает наживаться непрерывно. Своей деятельностью он отрицает нормальное чередование труда и покоя. Ростовщичество разрушает связь между личностью и ее практикой, ибо даже тогда, когда сам ростовщик ест, спит или слушает проповедь, проценты продолжают нарастать. Господь заповедал человеку добывать хлеб насущный в поте лица, тогда как ростовщик наживается, не трудясь. Торгуя ожиданием денег, т.е. временем, он крадет время — достояние всех творений, а потому тот, кто продает свет дня и покой ночи, не должен обладать тем, что продал, т.е. вечным светом и покоем»¹⁴. Маргинальное положение ростовщиков, постоянное моральное преследование со стороны церкви, а иногда и прямые запреты заниматься дачей денег в рост привела к тому, что эта профессиональная ниша стала заполняться иноверцами, в частности, здесь одна из причин столь значительной роли иудеев в становлении европейского банковского дела.

Однако важность банковского дела и коммерческой торговли для существования социума постепенно меняла отношение к профессиям купцов и банкиров. Существовала постоянно расширяющаяся социальная среда, для которой эти занятия были престижны и желанны. По оценкам историков, в Европе XII-XIII вв. стали все яснее обозначаться мировоззренческие сдвиги в

¹⁴ Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. М., 1990, с. 99-100.

направлении признания допустимости и богоугодности хозяйственной и предпринимательской активности.

В трудах и проповедях теологов все чаще появляются мотивы оправдания прибылей купцов и, что самое главное, призывы к мирской активности как выполнению Божественного предназначения. Немецкий теолог и проповедник XIII в. Бертольд Регенбургский в проповеди «О пяти фунтах» предложил новую интерпретацию евангельской притчи о хозяине, оставившем своим рабам несколько талантов (мера веса) серебра и требующем отчета за их использование. Согласно Бертольду Регенбургскому, Бог для человеку пять «талантов» — личность, обладающую свободной волей; профессию и место в социальной иерархии; время; имущество, собственность; любовь к ближнему. Все эти «таланты» человек обязан правильно использовать (время) и преумножить (богатство). Выполнение профессионального долга, той «службы», которую Господь даровал человеку, является важнейшим его жизненным предназначением, составляющей личности. Верность профессии, цеху и самоотверженное стремление к совершенству мастерства — важнейшая добродетель христианина. Имущество также предстает как дар Божий, и умение правильно им распорядиться, преумножить его, а не растратить в праздной роскоши также является высшим долгом человека. В XIII-XIV вв. постепенно меняется и отношение общества к предпринимателям. Купцов уже признают неотъемлемой частью общества. Теологи в иерархии богоугодности профессий и сословий хотя и относят их к разряду «служащих» (сервантов), но признают прибыль справедливым вознаграждением за труды, за риск и опасности их профессии.

Непосредственно в среде западноевропейских бюргеров престиж предпринимателей возрастал еще быстрее. Во многих городах купечество определяет политику советов, местное законодательство, прибирает к рукам суды. Особенно характерно это было для городов Италии («генуэзец - значит купец»), где богатство и предприимчивость были реабилитированы, а местные проповедники даже уподобляли купцу самого Христа, который дает людям возможность «обменять земные преходящие вещи на вечные». Конечно, каждый предприниматель считал свое богатство результатом благосклонности

Бога, но при этом превозносил и свои личные качества — ум, ловкость, смелость, предприимчивость.

В Западной Европе XIII-XIV вв. происходит становление новой хозяйственной этики, в основе которой лежат христианская реабилитация труда и личной мирской активности, предприимчивости, если они не противоречат общим нравственным заповедям. Христианство все более приобретает черты «религии масс», санкционирующую и стимулирующую повседневные занятия людей, их материальные интересы и прагматические устремления. Следующий мощный духовный стимул для хозяйственной активности западная цивилизация получила от Реформации.

2.6. Рынок и торговля в традиционных обществах.

Истории не известны общества — за исключением первобытных, — где бы не существовали в той или иной форме обмен и торговля. Но в традиционных обществах они занимают иное место и имеет иной смысл, нежели в современном капиталистическом. Суть этой специфики состоит в том, что рынок здесь не является самостоятельным и тем более определяющим институтом общества, а погружен в систему межличностных отношений. К. Поланьи, известный социолог, исследователь генезиса современного индустриального общества и его социальной специфики, подчеркивает: «Истории и этнографии известны разные типы экономик, большинство из которых включает в себя институт рынка, но им неведома какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть в минимальной степени, управлялась и регулировалась рынком. ...Экономическая деятельность человека, как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей»¹⁵. Отношения обмена, как бы интенсивно они не происходили, в традиционных обществах не меняют их социального устройства, поскольку купцы здесь покупают и продают готовые товары.

¹⁵ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002, с. 56, 58.

Товары не являются просто меновыми стоимостями, а покупатель и продавец — безличными участниками обмена. Товары являются потребительскими стоимостями, несущими знак тех социальных отношений, которые в добуржуазных обществах связаны с потреблением материальных благ, и эти отношения, символические и престижные, в первую очередь определяют цены. С другой стороны, положение и личные отношения продавца и покупателя также влияют на цены: товары могут продаваться со значительной скидкой или даже дариться в знак признательности, уважения, покорности, — но цена может и произвольно завышаться, если личные отношения между продавцом и покупателем это допускают. Вообще базар в традиционных обществах — не просто место торговли. Прежде всего это место общения, где не только заключают сделки, но и устанавливают отношения, узнают новости, общаются, рыночная площадь — средоточие общественной и политической жизни, здесь не только торгуют, но и зачитывают указы правителей, выступают артисты, практикуют гадалки и прорицатели.

Обмен в традиционных обществах распространяется не только на товары. Важнейшим элементом традиционных межличностных отношений является услуга. Вступая в отношения купли-продажи или найма, люди, носители конкретных социальных ролей и статусов, воспринимают свои взаимоотношения не как чисто экономические, а как личные. Раб и хозяин, землевладелец и крестьянин-арендатор, хозяин и наемный работник связаны прежде всего отношениями типа патрон-клиент, предполагающими покровительство, личное участие с одной стороны, и благодарность, готовность отплатить за оказанное благодеяние разного рода услугами — с другой. Такие отношения обеспечивают лояльность низших вышестоящим и поддержку, чувство защищенности — социальным низам.

§ 3. Хозяйственная жизнь в обществах с доминированием безличных («вещных») типов социальных связей.

Обществами с доминированием «вещных» отношений, или капиталистическими, философы и социологи называют общества, сложившиеся в Западной Европе и США на рубеже нового времени — около XVII — XVIII веков. С их возникновением связывают начало эпохи *модерна* (современности), хотя рынок капиталистическое товарное производство не исчерпывают ее сути, а являются лишь одной из базовых характеристик. Другую составляет идеология Просвещения, основанная на ценностях прогресса, гуманизма, рационального освоения законов природы и общества и их использования в интересах человечества. Социальным и культурным фоном развития «вещных» отношений являются становление национальных государств, гражданского общества, развитие массового образования, науки и техники и их превращение в фактор производства, урбанизация, возникновение массовой культуры.

«Вещные», безличные отношения даже в тех обществах, где они оказываются доминирующими и определяющими, не исчерпывают всех социальных связей, и межличностные отношения в большем или меньшем объеме сохраняются в отдельных субкультурах, социальных нишах и областях деятельности: в семье и домашнем хозяйстве, в трудовых и корпоративных отношениях, милосердной и благотворительной социальной деятельности и т.п. Сохранение межличностных связей там, где должны доминировать безличные юридические обуславливает существование коррупции, мафиозных группировок. В то же время, сохраняющиеся межличностные связи обеспечивают индивиду социальную защищенность, солидаристскую и патерналистскую поддержку, смягчают социальную напряженность и отчуждение.

3.1. Производство и труд.

Общества с доминированием вещных отношений принято называть капиталистическими, подчеркивая, таким образом, преобладающий характер общественного производства. Суть этих отношений состоит, по Марксу, в том, что здесь связи между людьми облекаются в форму «отношений вещей».

Возникает так называемый «*товарный фетишизм*»¹⁶, суть которого состоит в том, что обмениваемые товары и деньги опосредуют отношения между людьми и благодаря этому приобретают особое значение, становятся овеществленной формой общественных отношений. Люди взаимодействуют уже не через всю полноту их социальных, культурных, личностных характеристик, а как персонификации социально-экономических функций, исполнители неких социальных ролей, носители «экономических масок». Фетишизация общественных отношений закрепляется и углубляется в деньгах, которые подменяют качественную определенность и своеобразие конкретных вещей—товаров абстрактной знаковой величиной (подробнее см. Гл. 11). Обращение капитала, приносящего прибавочную стоимость, завершает овеществление и фетишизацию производственных отношений. В капитале происходит полное отчуждение содержательного начала отношений между людьми, вступающими во взаимодействие в обществе, и социальное начало предстает как обезличивающее, уравнивающее качественно неоднородные и специфические элементы.

Одним из самых значимых последствий фетишизации товарно-денежного обмена, по Марксу, является то, что фетишистское сознание, принимая овеществленные формы социальности за ее подлинную сущность, начинает рассматривать социальную жизнь как форму экономической жизни, формируя вульгарно экономический подход в социальном знании.

Основой развития товарного фетишизма Маркс считал частную собственность на средства производства, социальным последствием которой было разделение людей и *отчуждение* от природы, друг от друга, от общества, от средств производства и предпосылок собственного труда, от результатов труда и в конце концов — от себя самих. Человек, не имеющий ничего, кроме способности работать и возможности продавать эту свою способность, свою рабочую силу, не един органически с природным и социальным окружением, но оно противостоит ему, воплощая те производственные отношения, в контексте которых он и оказался нищим и обездоленным. Увеличивая своим трудом капитал собственника, работник усиливает и противостоящую ему систему

¹⁶ См.: Огурцов А. Фетишизм // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.

общественного производства, эксплуатирующую и унижающую его. Продукт труда, таким образом, в создание которого вложены силы, умения, способности работника, не только не принадлежит ему, но и, способствуя увеличению капитала, противостоит своему создателю. Время, которое наемный рабочий тратит на труд — а во времена Маркса это в среднем 14-16 часов, тратится им не на развитие своей личности, удовлетворение своих творческих, духовных потребностей, а на увеличение ему же противостоящей общественной силы. Единственное, что работник получает за свой труд — это возможность прокормить себя и семью. В традиционном обществе, когда нет частной собственности и средства производства не отчуждены от труженика, труд не отделен от всех остальных сфер его жизни. Согласно марксовской антропологии, труд является свободным творческим самовыражением личности и составляет родовую сущность человека. В условиях капиталистического производства, однако, лишенный частной собственности наемный работник отчуждается от самой человеческой сущности, поскольку «сама жизнь становится для него лишь условием жизни».

Наемный труд в капиталистическом обществе заключает в себе парадокс: нуждаясь в нем как в предпосылке элементарного выживания, рабочий, в то же время, в процессе труда не обогащает свою личность, не развивает свои творческие способности, а, наоборот, обедняет самого себя. Маркс писал: «Конечно, труд производит чудесные вещи для богачей, но он же производит обнищание рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие и кретинизм как удел рабочих»¹⁷.

Частная собственность порождает отчуждение людей друг от друга и от общества, разделяя их на враждебные, антагонистические классы по признаку наличия собственности на средства производства у буржуазии и ее отсутствия у пролетариев. По существу, в условиях доминирования вещных отношений в

¹⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Социология. Сборник. М., 2000, с. 229.

процессе производства взаимодействуют люди-функции, связанные друг с другом лишь распределением ролей. Хозяина и наемного рабочего на капиталистическом предприятии объединяют лишь обязательства: одного оплатить рабочую силу, другого — выполнить ту работу, которую он обязался выполнять по условиям договора, включая ее объем и качество. Таким образом, вещные отношения являются отношениями безличными.

Из сказанного видно, что для того, чтобы безличные отношения стали возможны, необходимо, во-первых, освободить участвующих в производстве индивидов от любых личных привязанностей, склонностей, обязательств, то есть разрушить традиционные межличностные связи. Действительно, развитию капиталистического производства повсеместно сопутствовало разрушение крестьянских общин, ремесленных цехов и гильдий, клановых, родовых и даже семейных связей. Атомизация индивида порождала чувство одиночества и беспомощности, враждебности отчужденного социального окружения в противоположность уютному и безопасному малому миру традиционной общины. Безличность отношений на капиталистических предприятиях, где рабочие не представляют собой единой целостной общности, а управляющие и хозяева, стоящие на вершине иерархии, не связаны с ними патерналистскими обязательствами, порождают представление об антигуманной сущности капиталистического хозяйства. Именно эту антигуманность обличали и обличают критики капитализма на протяжении всей его истории во всех странах и регионах его распространения.

Во-вторых, для утверждения безличных, вещных отношений на капиталистическом производстве необходимо, чтобы люди вступали друг с другом в договорные отношения, были формально равны перед законом и свободны. В капиталистическом обществе, как правило, законодательно не упраздняют сословные различия, но они сами отмирают как не имеющие значения для правоспособности субъектов. М. Вебер назвал действия на основе закона формально-рациональными, то есть ориентированными не на реальные интересы людей, моральные ценности, социальные позиции и т.д., а на формальные и для всех в равной степени значимые нормы закона. К. Маркс называл безличные отношения еще и «юридическими».

М.Вебер определил капитализм как *рациональную самоорганизацию свободного труда*¹⁸. Из истории известно, что рабский и подневольный труд на плантациях, в каменоломнях, использование лично зависимых работников на разнообразных, в основном крупных государственных предприятиях встречались весьма часто в традиционных обществах. Такой труд нередко был рационально организован, но в основе этой организации лежали личные отношения и личное принуждение. Особенность капитализма, который сложился в новое время на Западе, состояла в том, что здесь именно свободные люди без внешнего принуждения, без насилия над личностью самостоятельно включались в производство. Конечно, для наемных работников такой выбор обуславливался в первую очередь экономической необходимостью, поскольку их свобода состояла не только в отсутствии личной зависимости и привязанности, но и в отсутствии собственности и материальных предпосылок жизни. Рынок рабочей силы для капитализма формировался путем жестокого «освобождения» масс населения от традиционных связей с землей, сельским трудом («огораживания» в Англии в XV—XVII в., названные революцией богатых против бедных), запретов на нищенство и бродяжничество и т.д. По выражению К. Поланьи, это была «сатанинская мельница», перемалывающая людей со всеми их социальными связями, традициями, привычками, образом жизни в безликие «массы»¹⁹. «Освобожденный» от всего, кроме перспективы голодной смерти человек, естественно, по доброй воле пользуется возможностью наняться на работу и таким образом осуществляет «рациональную самоорганизацию» рабочей силы.

Иначе обстоит дело с «рациональной самоорганизацией» самих капиталистов. Особенностью производства в условиях безличных капиталистических отношений является отсутствие прямой связи с потреблением. *Капитал* исторически уникален и отличается от традиционного богатства тем, что является, по определению Маркса, «самовозрастающей стоимостью», то есть производит сам себя, а реальные потребительские блага выступают лишь средством, а не целью. Вебер подчеркивает, что

¹⁸ Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма» // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 51.

¹⁹ Поланьи К. Указ. соч., с. 45.

капиталистическое производство ориентировано на товарный рынок и отделено от домашнего хозяйства. Капиталистический предприниматель как хозяин и организатор производства ориентирован не на потребление благ (или прибыли), а на бесконечное развитие своего дела. Он может парадоксальным (на первый взгляд) образом ограничивать себя и в предметах роскоши, и в бытовом комфорте во имя рационального вложения средств в дело. Прибыль используется для расширения производства, бесконечного наращивания капитала, цель которого — только в нем самом. В. Зомбарт сравнивает капиталистическое производство с дурной бесконечностью, и отмечает, что оно абсолютно иррационально по отношению к личности предпринимателя. Маркс отмечал, что капиталистическое производство отчуждает не только личность рабочего, но и личность капиталиста, который сознательно лишает себя разнообразных потребительских, социальных, культурных благ во имя роста капитала. Безусловно, такое потребительское самоограничение не свойственно современным предпринимателям, в особенности крупным, оно характерно скорее для периода становления капитализма и для мелкого бизнеса, но по самой сути своей капиталистическое производство отличается от традиционного приоритетностью инвестиций.

Что же заставляет капиталиста вкладывать все средства, силы, время в производство? В парадигме К. Маркса, раскрывшего политэкономический механизм расширенного воспроизводства, на этот вопрос нет прямого ответа. Из его идеи «товарного фетишизма» можно эксплицировать, что ориентация на расширенное воспроизводство способствует постоянному и бесконечному росту капитала как овеществленной формы существующих капиталистических производственных отношений, то есть историческому увековечению собственного классового господства.

Специальные исследования, посвященные мотивации бесконечного капиталистического производства, осуществили М. Вебер и В. Зомбарт. Вебер в классической работе «Протестантская этика и «дух капитализма»» показал, что в основе стремления к бесконечному накоплению и инвестированию капитала лежат идеи служения Богу в мирской деятельности, усовершенствования и исправления мира во славу Божью, профессиональной деятельности как Божественного призвания и успеха как знака избранности и спасения души.

Зомбарт в работе «Буржуа» рассматривал в качестве мотива бесконечной наживы синтез экономного, аскетичного, трудолюбивого мещанского начала и предпринимательского духа активного, творческого отношения к миру. (Более подробно теории капиталистического предпринимательства будут рассмотрены в теме 8).

3.2. Обмен, торговля, рынок в капиталистическом обществе

Рынок занимает в капиталистическом обществе с доминированием вещных отношений совершенно особое место. К. Поланьи отмечает, что «превращение прежней (традиционной — *Н.З.*) экономики в эту систему (рыночную — *Н.З.*) является столь полным и абсолютным, что напоминает скорее метаморфозу гусеницы, нежели любые изменения, которые можно было бы описать в терминах постепенного роста и развития»²⁰. Если традиционный купец, продающий и покупающий готовые товары, не менял сути межличностных отношений как основы социальности, а обмен был встроен в них, то капиталистический предприниматель, покупающий сырье и труд, меняет сами социальные и даже природные основы общества. Рынок оказывается уже не встроенным в общество, а доминирующий над ним, диктующим ему свои законы: «рыночная модель, будучи связанной с особым, характерным для нее мотивом, мотивом обмена, способна сформировать специфический институт — рынок. В конечном счете именно поэтому подчинение экономической системы рынку влечет за собой колоссальные последствия для социальной организации: ни более ни менее как превращение общества в придаток рынка. Теперь уже не экономика «встраивается» в систему социальных связей, а социальные связи — в экономическую систему»²¹.

Таким образом, специфика рынка в условиях вещных, капиталистических отношений состоит в том, что он превращается не только в экономический, но и универсальный социальный механизм,

²⁰ Поланьи К. Великая трансформация. СПб., 2002, с. 54.

²¹ Поланьи К. Указ. соч. с. 70.

саморегулирующийся и регулирующий по своему подобию всю общественную жизнь. Сущность рыночной регуляции состоит в том, что «эта система, контролируемая, регулируемая и управляемая единственно лишь рынками; порядок в производстве и распределении товаров должен всецело обеспечиваться этим саморегулирующимся механизмом. Подобная экономика исходит из допущения, что люди всегда ведут себя таким образом, чтобы получить максимальную денежную выгоду... Саморегулирование означает, что все производится для продажи на рынке и что источником любых доходов являются подобные акты продажи»²².

Начиная с А. Смита и Д. Рикардо экономисты и философы осознавали конституирующую роль рынка в капиталистическом обществе. В XVIII веке, когда рыночное общество только формировалось, обмен представлялся естественным состоянием, природной склонностью человека, которую необходимо освободить от груза традиционных ограничений. Согласно либеральной идеологии, рынок, если ему не будут мешать государство, традиционные представления о солидарности и патернализме, религиозное морализаторство и т.п., может выступить самостоятельным регулирующим механизмом, который, подобно «невидимой руке» наладит не только гармоничную хозяйственную жизнь, но и урегулирует социальные проблемы.

Ф. Тённис констатирует чрезвычайно высокую, конституирующую значимость обмена и торговли для *общества* в отличие от *общности*. «В обществе отсутствует какая бы то ни было деятельность, выводимая из априорного и необходимым образом наличествующего единства... здесь каждый выступает только за себя, а в состоянии повышенной напряженности — против всех»²³. Но что тогда обеспечивает поддержание хотя бы иллюзорного единства и мира, что выражает единую волю общества? Единую волю общества, хоть и вымышленную и иллюзорную, составляет обмен, торговля. Общество изолированных индивидов, наделенных частной собственностью и свободой, может удерживаться от полной атомизации только рынком, отсюда его центральное значение.

²² Поланьи К. Указ. соч., с. 82, 83.

²³ Тённис Ф. *Общность и общество*. СПб., 2002, с. 63.

Однако уже в середине XIX в. стало набирать силу и критическое направление в осмыслении социальных последствий становления вещных и рыночных отношений, проявлявшееся не только в консервативных охранительных идеологиях, теории Маркса и социалистов, но и в деидеологизированной социологической мысли XIX — XX вв. К. Поланьи отмечает, что представления о обмене как «естественной склонности» человека опровергаются современными данными истории и культур-антропологии, согласно которым в примитивных и архаичных обществах рынок тысячелетиями существует в очень ограниченных социальных нишах и не выходит за их пределы. В высокоразвитых, но отличающихся от Запада цивилизациях Индии и Китая вещные рыночные отношения тоже «естественным путем» не стали доминирующими и конституирующими. Политические и социальные институты общества практически всегда защищали социальные связи от разрушения, неминуемого следующего за интервенцией рынка за пределы этих локальных ниш. Такова была роль государственного протекционизма. Роль города, этого исконного центра развития торговли, ремесел и всех ориентированных на продажу производств, Поланьи видит в том, что он не только способствует развитию рынка, но и препятствует распространению рынка в сельские местности, защищая таким образом традиционные межличностные отношения в деревне от его разрушительного воздействия.

Тотальность рынка как способа социальной регуляции состоит в том, что он превращает в товар не только готовую продукцию, но и труд, и землю — естественные основы социальной и вообще человеческой жизни. Человек оказывается отчужденным от самых значимых предпосылок своего существования и даже противопоставленным им. Чтобы утвердились универсальные рыночные отношения, необходимо сначала разрушить традиционные основания жизни, лишить человека права распоряжаться землей, для чего применялись разнообразные грабительские практики — от уже упоминавшихся огораживаний в Англии до колониального захвата и насильственного сгона крестьян с их участков, разрушения домов и т.д. Чтобы превратить труд в товар, необходимо было разрушить традиционный образ жизни, лишить человека привычных и органичных способов заработка, чтобы

он был вынужден искать возможность продать единственное, что у него осталось — время и рабочую силу. В основе социальной деструктивности рынков лежит та самая «сатанинская мельница», которая «освобождает» человека от традиционной солидарности и укорененности в межличностных отношениях, разрушая традиционные общности и атомизируя индивида, лишая его всех способов выживания, кроме продажи рабочей силы.

Создавая универсальные связи на основе купли-продажи, рынок уравнивает всех субъектов, лишая их любой социальной и культурной специфики. Как показал еще К. Маркс, ни у капитала, ни у пролетариата нет отечества — то есть нации, культуры, патриотической привязанности и проч. Рынок требует унификации принципов рациональной калькуляции прибылей и издержек. Причем особое свойство рыночной регуляции, как мы уже отмечали выше, состоит в том, что любая прибыль здесь рассматривается как получаемая именно из обмена, а не из производства. Таким образом, основным критерием социальной значимости и полезности здесь оказывается именно рыночная эффективность: имеет право на существование то, что пользуется спросом, то, что можно выгодно продать. Рыночная конкуренция была охарактеризована американским экономистом Ф. Хайеком как «процедура открытия» наиболее эффективных и адаптированных форм деятельности.

Однако вся сложная культурная, духовная, политическая и т.д. деятельность в условиях регулирующей роли рынка оценивается уже не по качественным, а по количественным критериям. По меркам рыночной рентабельности неэффективны фундаментальная наука, не дающая быстрой практической отдачи, теоретическое и гуманитарное знание, не имеющее непосредственного практического приложения, рафинированные эстетические практики, ориентированные не на массового, а на подготовленного потребителя, и т.д. Также нерентабельной оказывается и социальная деятельность, направленная на поддержку нетрудоспособных — не участвующих в рыночной продаже рабочей силы — групп населения: стариков, детей, многодетных семей, женщин, учащейся молодежи, включение которой в «полезную» деятельность откладывается до завершения образования. В традиционном обществе содержание этих групп органично входило в систему межличностных отношений, частично ее брали на себя государственные институты. В рыночном

обществе понадобилась длительная социальная и классовая борьба, многие тяжелые кризисы и социальные конфликты, опыт которых постепенно привел к осознанию целесообразности социальной деятельности. Но она основана не столько на культурных, моральных, социальных мотивах, сколько на тех же соображениях выгоды и целесообразности. Поэтому постоянно раздаются голоса «новых правых», считающих необходимым сокращение социальных расходов во имя «чистоты» рыночной регуляции.

В современных «рыночных» обществах практически везде действуют те или иные механизмы, вносящие в рыночную регуляцию более или менее существенные социальные коррективы — от элементов планирования и контроля за экономической деятельностью до различных форм социальной политики и поддержки населения. Существование институтов образования, здравоохранения, науки, культуры также в подавляющем большинстве обществ в различных объемах поддерживается вне рыночными способами. Объем корректировки рыночной регуляции зависит от исторической, культурной специфики, традиций, идеологии и доминирующей политической силы. В США он традиционно ниже, чем в Западной Европе (в особенности скандинавских странах, Австрии, Германии). А в странах Азии, в частности, в Японии, и государство, и сам крупный бизнес совместными усилиями стремятся максимально смягчить с помощью регулятивных мер неопределенность, привносимую рынком в экономическое развитие и в жизнь общества в целом.

Опыт становления «рыночного общества» в постперестроечной России показал, что резкое переключение с тотального регулирования и планирования на рыночную саморегуляцию приводит к тому, что по критериям эффективности и рентабельности оказываются «несостоятельными» и выбраковываются в первую очередь высокосложные наукоемкие производства, фундаментальная наука, культура и образование, а профессии, требующие длительной подготовки и обширных фундаментальных знаний, оказываются менее «востребованными», чем те, в которых узкая специализация и инструментальный характер знаний дают возможность быстро включаться в практики, непосредственно связанные с рынком и обслуживающие его. В то же время, распад производства привел к профессиональной деградации и

высококвалифицированных рабочих, вообще к «вымыванию» рабочих профессий²⁴.

Еще одним следствием универсализации рыночных отношений является формирование в XX в. особого типа личности, «рыночной ориентации» характера, который проанализировал Э. Фромм в работе «Человек для себя». Он отмечает, что «рыночное понятие ценности, которое означает превосходство меновой ценности над полезной, способствовало формированию сходного понятия ценности в отношении людей и, в частности, в отношении человека к самому себе», сущность которого состоит в том, что человек воспринимает себя самого как товар, как меновую ценность²⁵. Наряду с рынком товаров формируется и «личный рынок», на котором люди всех профессий и специальностей предлагают свои услуги, и их успех зависит не только от профессиональной и личностной состоятельности, но и — в первую очередь — от того, насколько данный субъект конкурентоспособен в сравнении с другими. «И получается так, что человек сосредоточивается и заботится не о своей жизни, счастье, о том, как бы это стать наиболее ходким товаром, как бы это пользоваться наибольшим спросом»²⁶.

Таким образом, человек «рыночной ориентации» воспринимает себя как продавца и товар одновременно, и его состоятельность в глазах других, и самооценка определяются успехом, то есть востребованностью на рынке. Но успех на рынке зависит не только и не столько от качеств личности, сколько от внешних обстоятельств, от складывающейся «конъюнктуры», и получается, что личность человека определяется не ее внутренним миром, способностями, характером деятельности и профессионализмом, а некими внешними, не зависящими от самого человека силами и обстоятельствами. Это порождает в человеке рыночного общества чувства беспомощности и неуверенности в себе, подрывает достоинство и самоуважение личности. *Индивидуализация*, происходящая в безличном рыночном обществе, оказывается

²⁴ См. Панарин А.С. «Рыночный» вызов просвещению. Рыночный вызов социуму // Стратегическая нестабильность XXI века. М., 2003.

²⁵ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 2003, с. 104-105.

²⁶ Там же, с. 107.

противопоставленной человеческой *индивидуальности* как чувству независимости и самоценности личности. Индивидуальность характера «рыночной ориентации» оказывается иллюзорной, неподлинной, поскольку черпается не из сознания собственных сил и достоинств, а из внешних оценок, престижа, мнения других о себе.

Равенство людей в условиях рыночных ориентаций, как отмечает Фромм, из признания за каждым индивидом самоценности и определения его не как средства, но как цели (согласно категорическому императиву), трансформируется в простое «без-различие», отсутствие индивидуальности, взаимозаменяемость. И все отношения между людьми окрашиваются этим безразличием, становятся поверхностными, потому что в отношения вступают не люди во всей полноте их личностных характеристик, а товары, «частичные», лишенные самобытности субъекты²⁷. Правда, равенство «рыночных характеров» приобретает форму своеобразного «товарищества», основанного на осознании того, что каждый член общества находится в подобном положении, практически никто не имеет «привилегированной» возможности выйти за пределы «личностного рынка».

В целом восприятие себя самого и других людей как товаров, конкурирующих на рынке, заставляет человека развивать в себе не определенные, заложенные природой свойства и способности, а культивировать те черты, которые оказываются наиболее востребованными в данный, конкретный момент. Фромм подчеркивает, что «главной предпосылкой рыночной ориентации является пустота, отсутствие всякого специфического свойства, которое не может стать предметом обмена; ведь любая устойчивая черта характера в один прекрасный день может вступить в конфликт с требованиями, предъявляемыми рынком»²⁸. Естественной реакцией адаптации человека к условиям рыночной конкуренции является отказ от индивидуальности, взглядов, убеждений, пристрастий, культивирование подвижности, мобильности характера, в основе которого стремление соответствовать сиюминутной конъюнктуре, моде, доминирующему вкусу.

²⁷ Там же, с. 113.

²⁸ Там же, с. 118-119.

Реклама и кино являются теми средствами, через которые тиражируются наиболее востребованные, успешные образы. Популярность этих жанров в современном обществе объясняется тем, что из них люди черпают информацию о том, какими им следует быть и как преподносить себя на «личностном рынке».

В то же время, «рыночная ориентация» характера имеет и положительные характеристики, такие, как целеустремленность, динамизм, свободомыслие и отсутствие догматизма, терпимость, общительность. Бессодержательность и бессмысленность существования вызывают потребность искать другой, более адекватный образ жизни и иной, плодотворный тип ориентации характера, где положительные черты «рыночного характера» могут трансформироваться в плодотворную ориентацию, где главной целью существования человека является рост и развитие всех его возможностей.

3.3. Производство и потребление

Отрыв производства от удовлетворения потребностей людей в обществе с доминированием вещных отношений имеет целый ряд последствий. Прежде всего, в социальной системе капиталистического общества при исходном представлении о равенстве людей и соответственно — отсутствии каких-либо социальных, культурных, ритуальных и т.п. ограничений на потребление, существует «негативное» прочтение идеи равенства, отрицающее эгалитаризм, «уравниловку». Если в традиционной системе межличностных связей каждый имел право на свою долю совокупного продукта и потребительский минимум, соответствующий социальному статусу, пусть даже в виде милостыни нищим, то в условиях индивидуализации каждый обязан сам заботиться о своем пропитании. Представления о «социальном служении» и «социальной ответственности» богатых сложились уже в конце XIX — начале XX вв., а до этого выживание социальных «аутсайдеров» обеспечивалось лишь за счет сохранения «пережитков» традиционных отношений солидарности и милосердия. Отчасти обеспечение выживания беднейших брало на себя

государство, пытавшееся так или иначе сгладить остроту социальных противоречий, вызванных трансформацией традиционных социально-экономических институтов.

Для самого класса обладателей собственности, буржуа, капиталистических предпринимателей на этапе становления капитализма в самом начале нового времени была характерна потребительская аскеза, отличающая их от господствующих классов традиционных обществ. Потребительская аскеза ранней буржуазии имела сугубо моральный, а не вынужденный материальный характер: доблесть истинного буржуа состояла в том, чтобы даже при больших финансовых возможностях вести демонстративно скромный образ жизни. М. Вебер считал эту аскезу одним из основных атрибутов «духа капитализма» и видел ее моральные основания в этике протестантского рационализма, не столько призывающей ограничить потребление как таковое, сколько воспевающей любые нерациональные, не относящиеся к делу и его развитию траты. В. Зомбарт приписывал потребительскую аскезу «мещанской» составляющей капиталистического духа, и считал ее проявлением «морали для дела», то есть демонстрации бережливости, расчетливости, надежности делового человека в противоположность легкомысленным растратчикам, которым нельзя доверять ни деньги, ни дела.

Однако потребительская аскеза, которую и Вебер и Зомбарт считали одним из важнейших компонентов первоначального капитализма, сравнительно быстро перестала исповедаться предпринимателями даже в странах протестантской традиции: методичность и рациональность стали атрибутами деловой культуры, а быт и образ жизни все больше и больше наполнялись комфортом, роскошью и престижным потреблением. Специфика потребления в капиталистическом обществе вытекает из описанного К. Марксом феномена «товарного фетишизма». Она состоит в делегировании вещам, потребляемым товарам основного смысла и первейшей цели человеческого бытия. Вещь воспринимается как воплощение всех социально-культурных отношений, связей, возможностей, и обладание ею отождествляется с собственной социальной значимостью. Фетишизм проявляется в потребительском сознании, подменяющем социальные, культурные, духовные и проч. характеристики

личности ее потребительскими возможностями, престижное потребление, имевшее большое значение и в традиционных обществах, становится не просто одним из знаков статуса, но содержанием личности.

Американский социолог *Т. Веблен* в известной работе «Теория праздного класса» (1899) утверждал, что рост производства не приводит к повышению уровня жизни большинства населения, а поглощается демонстративным, расточительным потреблением самой буржуазии. Веблен считал, что современные ему капиталисты-предприниматели не выполняют необходимых и полезных для общества производственных функций, но в своем образе жизни воспроизводят глубоко архаичные нормы праздного времяпрепровождения и «героической лени» варварских времен. В соответствии с этими нормами прибыль рассматривается не как результат рационального производственного процесса, а как военная добыча, трофей, несущий на себе, как известно, отпечаток харизмы и подтверждающий исключительность обладателя²⁹.

Архаичные нормы престижного потребления как бы «маркируют» принадлежность к высшему классу современного общества — предпринимательской элите. Веблен особо выделяет в качестве их проявления обязательное использование прислуги, которая на самом деле не необходима в современном домашнем хозяйстве, но подчеркивает статус хозяев, их высокие финансовые возможности и принадлежность к элите общества. Другим атрибутом престижного потребления буржуазии является демонстративное расточительство, чрезвычайно высокий стандарт роскоши и потребительское соперничество. Веблен подчеркивает, что для современного капиталиста возможность демонстративно потратить деньги имеет примерно то же значение, что турнир и военная доблесть для средневекового рыцаря — возможность продемонстрировать соперникам свое превосходство над ними, свое первенство³⁰.

Выше мы уже упоминали о том, что производство в капиталистическом обществе не связано напрямую с потреблением. Установка на непрерывный

²⁹ Веблен Т. Теория праздного класса. Экономическое исследование институтов. М., 1984.

³⁰ Веблен Т. Указ. соч., с. 140.

рост, на расширенное воспроизводство, не имеющее цели за пределами себя самого и рассогласованность предложения и спроса приводили в XIX — начале XX вв. к кризисам перепроизводства и стагнации экономик индустриальных стран Запада. Уже в XIX в. Маркс считал эти кризисы проявлением базового противоречия капиталистического способа производства — между массовым характером производства и частным характером присвоения, имея в виду присвоение и прибавочной стоимости, и производимого совокупного продукта. Чтобы избежать кризисов, необходимо это противоречие разрешить, то есть придать присвоению также массовый характер — передать средства производства и его продукт в руки масс, ликвидировать частную собственность.

Иное видение проблемы рассогласованности производства и потребления предложил английский экономист Дж Кейнс, идеи которого легли в основу «нового курса» Ф. Рузвельта, спасшего Америку в годы структурного кризиса «великой депрессии». Суть кейнсианства состоит в необходимости перераспределения доходов с целью обеспечения стабильного платежеспособного спроса в обществе, где существует налаженное массовое конвейерное производство товаров широкого потребления. Поддержание эффективного спроса на товары и услуги является условием экономического роста и высокой занятости, но требует активной государственной политики, направленной на контроль за ценами, размерами заработной платы, обеспечение пособий и развитие кредитования. Вплоть до 70-х гг. XX в. политика «государства благосостояния» обеспечивала экономический рост и социальную стабильность в странах Западной Европы.

Хотя аргументация Кейнса не выходила за пределы чисто экономической целесообразности и не апеллировала к социальным и культурным традициям (что сделало ее уязвимой для критики со стороны «новых правых» приверженцев «чистого» рынка), она открыла новый горизонт развития капитализма, основанный на иной связи производства и потребления: не пытаться продать то, что произвели, а производить то, что будет пользоваться спросом. Возникает современный маркетинг, понимаемый не как простая оптимизация движения произведенного товара к потребителю, а как изучение потребительского спроса с целью приведения производства в функциональное соответствие ему.

В середине XX в., после второй мировой войны сперва в США, а затем в восстановленной Западной Европе стало формироваться общество массового потребления, где потребление приобрело принципиально новые черты: во-первых, из приобретения необходимых для удовлетворения реальных потребностей товаров оно превратилось в самоцель, в потребление ради самого потребления как основного содержания жизни и выражения социальных позиций индивида (социально-психологический механизм потребительского общества описан в работе известного американского социолога Э. Фромма «Иметь или быть?»). Во-вторых, чтобы сделать потребление (а соответственно и производство) неограниченным, понадобилось сделать неограниченными сами потребности и постоянно формировать новые. Инструментом формирования потребностей часто выступает реклама. Лозунг рекламы периода становления общества массового потребления «Равняйся на Джонсонов!» призывает быть как все, жить не хуже других, иметь то же, что и все. С середины 80-х гг. XX в. в рекламе начинают все более значимое место занимать лозунги вроде «Потому что я этого достойна», «Себе в удовольствии не откажешь», отождествляющие потребление с самореализацией личности и побуждающие не просто удовлетворять прихоти, но культивировать их в себе. (О механизмах воздействия рекламы на формирование потребностей см., например: Ульяновский А. Мифодизайн рекламы. СПб., 1995).

В современном западном обществе потребление приобрело новые социокультурные черты, соединяющие тенденции рационального рыночного сознания, нарастающую иррациональность, а также особенности глобальной и сетевой культуры. Эти тенденции проанализированы современным американским социологом *Дж. Ритцером* и получили название *макдональдизации*. Под макдональдизацией Ритцер понимает тенденцию развития формальной рациональности в современном обществе, которая воплощается ресторанами быстрого обслуживания («МакДональдс») и другими формами потребления (современными гипермаркетами, кредитными картами и т.д.). Макдональдизация включает четыре базовых измерения: 1) эффективность как поиск наилучших средств достижения цели; 2) предсказуемость — товары, продукты и услуги, предлагаемые современным рынком массового потребления, являются абсолютно унифицированными, одинаковыми в рамках

сети, подобно тому как в ресторане «МакДональдс», в какой бы части мира он не находился, вкус гамбургера окажется тем же самым; 3) упор на количество, а не на качество; 4) замена человеческих технологий унификацией операций — стандартные продукты производятся в массовых объемах мало- или неквалифицированными работниками, в противоположность уникальности и причастности к личности создателя продуктов индивидуального изготовления; кроме того, в результате внедрения в массовое потребление поточных, по существу «фордистских» технологий, сам процесс потребления — например, поедания стандартных блюд в обстановке ресторана быстрого обслуживания — приобретает дегуманизированный, автоматический характер. Ритцер подчеркивает, что именно четвертое измерение макдональдизации порождает *рациональную иррациональность*, то есть выходит на тот уровень рационализации процессов обыденной жизни, в данном случае потребления, на котором они вступают в противоречие со здравым смыслом и логикой³¹.

М. Вебер, которому принадлежит идея перехода формальной рациональности в свою противоположность, имел в виду противоречие рациональной ориентации производства на прибыль реальным потребностям потребителей и самих предпринимателей. Дж. Ритцер переносит принципы формальной рациональности и порождаемой ею иррациональности на потребление, подчеркивая порождаемую ей дегуманизацию, превращение разнообразных нормальных проявлений человеческой жизни в стандартизированные роботоподобные практики, выхолащивающие суть реальных процессов.

С помощью концепции макдональдизации Ритцер анализирует *средства потребления* — введенное им понятие, служащее для обозначения того, что обеспечивает приобретение людьми товаров и услуг и возможность контроля и эксплуатации этих же людей в качестве потребителей³². Сюда в первую очередь относятся современные гипермаркеты, крупные оптовые магазины, индустрия быстрого питания и т.д., вследствие сверхрациональности своей организации — макдональдизации, порождающие иррациональность

³¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. Изд. 5. М., и т.д., 2002. с. 497.

³² Там же, с. 502.

потребительского поведения, ловко навязывающие покупателю ненужные покупки, с самого детства приучающие современного человека к потаканию прихотям и капризам. Утративший грань между рациональным и иррациональным, разумным и бессознательным потребитель сам не замечает того, как становится объектом манипулирования и эксплуатации.

Именно в тенденции рациональной иррациональности, в том числе и в средствах потребления, Ритцер видит фактор, порождающий риски современного общества. Казалось бы, нарастающая формальная рационализация должна сделать мир все более и более предсказуемым, о чем говорит и тенденция макдональдизации. Однако такая предсказуемость не снимает риск, поскольку стандартизированный и унифицированный мир современного человека, реально гораздо сильнее контролируемого внешними силами, нежели человек традиционный, в себе же самом несет опасность внезапного перехода рационального в иррациональное, предсказуемого и безопасного — в рискованное и опасное.

Тема 3. Хозяйственная жизнь и неэкономические институты общества.

Государство и хозяйственная жизнь. Политическая культура и хозяйственная жизнь. Бюрократия и ее роль в развитии хозяйства. В. Зомбарт о чиновниках как субъектах капиталистического развития. В. Зомбарт о значении государственной финансовой деятельности, военного дела, образования для становления капиталистического типа предпринимательства. Государство, чиновничество и развитие хозяйства на Востоке: конфуцианские идеалы управления хозяйством; посреднические функции государства и развитие хозяйства в Японии. Особенности влияния государства на хозяйственную жизнь России.

Значение государства для модернизации стран Востока. Изменение роли государства в условиях в постиндустриальном обществе, в условиях постмодерна и глобальных экономических связей.

Государственная церковная политика и хозяйственная жизнь. Хозяйственная и предпринимательская активность религиозных меньшинств: проблемы мировоззрения и социально-политического статуса. Старообрядчество и сектантство в России.

Религии и хозяйственная жизнь: концепция М.Вебера. Влияние религиозных картин мира на хозяйственные ориентации: протестантская этика и духовные предпосылки становления капитализма; католический повседневный рационализм и особенности хозяйственной жизни на Западе; православие и специфика хозяйственной жизни России.

Особенности становления и развития институтов церкви и хозяйственная жизнь: лютеранство и кальвинизм как институционализация протестантской идеологии; социальная доктрина католической церкви; институт монашества, «нестяжатели» и «осифляне» как воплощение социальных идеалов в православии; проблемы хозяйствования в «Социальной доктрине РПЦ».

Многообразие мировых религий и формирование специфических хозяйственных ценностей и институтов на Востоке и Западе. Особенности восточных религий (индуизм, буддизм, конфуцианство, ислам, иудаизм) и развитие хозяйства в разных регионах мира.

На хозяйственную жизнь людей оказывают существенное влияние неэкономические институты общества — в первую очередь государство, религия и церковь, а также семья, образование и др.

§ 1. Политические институты и хозяйственная жизнь.

Хозяйственная жизнь тесно связана с политическими институтами — в первую очередь с *государством*.

*1.1. Традиции протекционизма, идеология *laissez faire* и развитие хозяйственной жизни.*

Существенное влияние на хозяйственную жизнь оказывают представления о роли государства в обществе и о соотношении групповых, корпоративных, индивидуальных — и государственных интересов. Сложившаяся на Западе либеральная парадигма основывается на независимости индивида от государства, на представлении о том, что богатеть можно вопреки государству и независимо от него. Идеология, получившая название *laissez faire*, защищает принципы свободной конкуренции и невмешательства государства в экономику. В западных социокультурных моделях государству отводится минимизированная роль «ночного сторожа», в обязанности которого входит лишь создание условий для функционирования свободного рынка, в первую очередь обеспечение защиты прав собственности. Однако есть и сторонники более радикальных рыночных позиций — либертариисты, утверждающие, что государство не является необходимым даже в качестве гаранта прав собственности, а услуги защиты могут быть предоставлены также

на свободном рынке¹. Таким образом, рынок оказывается единственной регулирующей, стабилизирующей, интегрирующей силой.

Политические культуры Востока и дореволюционной России, напротив, отводят государству роль интегратора и верховного арбитра, гармонизирующего отношения между индивидами и первичными социальными ячейками, посредника между национальными, с одной стороны, и иностранными, как зарубежными, так и действующими на внутреннем рынке, хозяйственными субъектами — с другой. В этих регионах хозяйствующий субъект ориентирован на обогащение вместе с государством и ждет от него активной экономической политики.

Между этими двумя крайними полюсами развиваются конкретные экономические системы Запада и Востока, сочетающие независимость субъекта экономики от государства с активной экономической политикой в различных пропорциях, соответствующих национальным особенностям.

Меркантилизм и протекционистская политика государства способствуют подъему национальной экономики в период становления капитализма. Проиллюстрируем сказанное примером из истории России. Становление отечественного рынка совпало с укреплением тоталитарного государства, которое уже в XVI—XVII вв. оно заняло активную протекционистскую позицию. Создание крупного мануфактурного и промышленного производства в России со времен Петра I также шло при активной поддержке государства. Особенно Петр поощрял организацию компаний (товариществ) для создания крупных мануфактур, которые пользовались разнообразными привилегиями, но строго контролировались и регламентировались Мануфактур-коллегией. Основание мануфактур, требовавшее крупных капиталов, нередко осуществлялось с привлечением государственных средств, или казенные предприятия передавались под управление частных лиц, но, опять же, при строгом контроле, допускавшем в случае неудачи дела возвращать предприятия казне или передавать другим лицам. Таким образом, заинтересованность в успехе предприятия была обоюдная — у государства и частного владельца-распорядителя.

¹ См.: Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск, 2002.

Государство выступало верховным арбитром и заступником в решении конфликтов с иностранными конкурентами, стремящимися освоить русский рынок. При этом таможенная политика была направлена не столько на создание благоприятных условий для импорта отечественной продукции, сколько на ограничение проникновения иностранцев на внутренний рынок и пополнение казны за счет таможенных пошлин. Во второй половине XVII в. под давлением русского купечества началось наступление на иностранных конкурентов посредством таможенных тарифов. В 1646 г. была отменена беспошлинная торговля для иностранцев, которые обязались платить ввозную пошлину в Архангельске и в случае отправки товара вглубь России — еще дополнительный сбор. Последующие Торговый устав (1653 г.) и Новоторговый устав (1667 г.) ужесточали таможенные ограничения для иностранцев с целью ограждения русских торговых людей от конкуренции и пресечения возможностей извлечения иностранными купцами выгоды из перепродажи товаров. При Петре I меры, направленные на ограждение русских купцов от конкуренции, усилились: Петр пришел к выводу, что причиной отставания отечественного мануфактурного производства является конкуренция со стороны иностранцев. Таможенный тариф 1724 г. устанавливал прямую зависимость между размером пошлины и уровнем развития производства данного продукта в России².

В то же время, Петр I, в отличие от своих предшественников, стремился стимулировать активность внешней торговли, отменив государственную монополию на многие товары и введя 3% тариф на вывозимые товары. С целью поощрения судостроения и мореходства петровские тарифы снижались втрое, если купцы вывозили товары на своих собственных судах. И в дальнейшем, при незначительных отступлениях от протекционизма при увлекавшихся фритредерскими идеями Екатерине I и Александре I, государство оставляло для себя возможность контроля за сферой предпринимательства с помощью регулирования курса рубля и ценных бумаг, мер по борьбе с биржевой спекуляцией, выдачи ссуд из Государственного банка перспективным, «солидным» предприятиям и банкам.

² Таможенное дело в России. СПб., 1995, с. 33.

Переход от меркантилизма к идеологии свободной торговли как правило осуществлялся тогда, когда национальные производители становились достаточно сильны, чтобы обойтись без поддержки государства. В России в XIX в. сложилась на первый взгляд парадоксальная ситуация: сторонниками свободной торговли оказались крупные землевладельцы, помещики-крепостники, стремившиеся выходить на европейский рынок со своим зерном и дешево покупать импортные предметы потребления и роскоши. Они требовали снижения таможенных тарифов, в то время как предприниматели-фабриканты настаивали на сохранении протекционистских высоких тарифов и, в которых видели гарантию поступательного развития отечественной промышленности.

В контексте взаимодействия хозяйствующих субъектов с политическими институтами формируется система приоритетов по линиям: индивидуальные/корпоративные — общие/национальные/государственные интересы. Для США, например, характерен приоритет интересов частного бизнеса перед общенациональными и государственными, для Японии и других восточных обществ — наоборот, и это оказывает существенное влияние на современное экономическое развитие и конкурентоспособность экономик: государство, в базовых принципах которого изначально не заложена забота о частном бизнесе, неохотно идет на введение протекционистских мер и оказание финансовой поддержки. Например, в Японии и Западной Европе при поддержке государства создаются мощные объединения для проведения дорогостоящих научных разработок, а американские предприниматели вынуждены полагаться на свои силы. Японское правительство выделяет 250 млрд. долларов на поддержание технологического уровня экономики, а американский конгресс в аналогичном случае отказался от прямого инвестирования и предложил отчислить 1% от суммы по социальному страхованию на покупку акций предприятий, занимающихся развитием современной телекоммуникационной инфраструктуры³. Американские предприниматели, в свою очередь, тоже не спешат менять ориентации своей деятельности и отказываться от прибылей в

³ См.: Американское предпринимательство в информационную эру. /Научно-аналитический обзор/. М., ИНИОН, 1994., с.40—41.

пользу соблюдения национальных интересов, подкрепляя свое нежелание менять приоритеты утверждением, что акционеры не одобряют подобной политики. Этот пример прекрасно иллюстрирует различные пути решения проблемы в контексте двух принципиально различных ценностных и смысловых моделей предпринимательской деятельности и ее отношения с государством.

В то же время, активная внешнеполитическая позиция США, направленная на рубеже XX—XXI вв. на утверждение мировой гегемонии, проявляется как в агрессивной протекционистской политике — чему примерами являются конфликты вокруг попыток российских властей ввести ограничения на импорт куриных окорочков и американских ограничений на импорт стали из России в 2003 г., так и в постоянном моральном, идеологическом и экономическом давлении на другие страны, закрывающие свои рынки для американских товаров или ограничивающие их доступ. Подобному давлению постоянно подвергается Япония, правительство которой защищает внутренний рынок от импорта товаров — в основном автомобилей, электроники и т.п., выпускаемых отечественными производителями. В то же время, японское правительство поощряет экспорт и поддерживает экспансию на внешние рынки, в том числе и на американский, своих корпораций и товаров.

1.2. Влияние предпринимательской активности государства на хозяйственную жизнь

Государство само может выступать в роли крупного предпринимателя, и место государственного сектора в экономической системе, его значение, удельный вес, особенности организации, а также отношение к нему в обществе определяют особенности хозяйственной жизни.

Участью государства в хозяйственной жизни В. Зомбарт приписывал инициативу, «первичный зачаток» предпринимательства во многих областях хозяйства, трудных для освоения индивидуальными предпринимателями по причине капиталоемкости и необходимости использования (крупное мануфактурное производство, горное дело, транспорт и т.д.). В то же время, наиболее интересным представляется вывод В.Зомбарта о том, что само

государство в качестве крупнейшего капиталистического предприятия «действует в качестве образца, действует возбуждающе на частный капиталистический дух, действует поучающе во всех организационных вопросах, действует воспитывающе в вопросах деловой морали»⁴. Ему хозяйственная жизнь Запада обязана становлением таких особенностей капиталистического предпринимательства, как ориентация на долгосрочные цели и стабильность предприятия, в противоположность погоне за быстрой прибылью добуржуазного дельца-авантюриста⁵.

В. Зомбарт показал, что именно из сферы государственного управления в практику частного предпринимательства пришли многие полезные управленческие приемы и навыки, ставшие неотъемлемой частью современной деловой культуры. Так, *бухгалтерский учет* постепенно перешел в обязательную норму ведения хозяйства и в особенности в предпринимательскую практику после того, как был введен в обиход и показал свою эффективность в городском самоуправлении в Италии XV века. Сама идея организации, строгой должностной иерархии, четкого разделения обязанностей и ответственности пришла в хозяйственную организацию, по мнению В. Зомбарта, также из практики государственного управления⁶.

Объем государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и его *собственная экономическая активность* имеет принципиальное значение для развития национальной экономики. Традиционно крупный и весомый государственный сектор в российской экономике обусловил неустойчивость института частного предпринимательства в России, неартикулированность его интересов и ценностей, слабость самого института частной собственности всегда связывали именно с высокой экономической активностью государства. С влиянием государства связывают обычно и такие особенности деловой культуры, как бюрократизм, медлительность, негибкость, а в конечном итоге — чиновничье безразличие к эффективности работы.

⁴ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 216.

⁵ В. Зомбарт. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994, с. 72.

⁶ Там же, с. 221; 218.

Сходные проблемы отмечались и исследователями китайской культуры, где еще со времен Конфуция закрепились традиции чиновничьего управления хозяйством. Конфуцианская традиция содержит обширный корпус трудов по проблемам распределения, спроса, ренты и т.п., но не производства и предпринимательства.

Созданные в рамках конфуцианской традиции экономические трактаты предписывают строгий контроль за хозяйством со стороны государства, особое внимание к финансам и своевременному и полному сбору налогов, а также и созданию условий для обогащения народа, поскольку его богатство является залогом процветания государства. Кроме того, они рекомендуют уделять должное внимание справедливости нравов и рациональности мотивов в сфере хозяйства: важнейшими "догмами" конфуцианской экономической концепции являются требования "придавать большое значение справедливости и пренебрегать выгодой" и "избавляться от расточительности и поощрять бережливость"⁷. Бережливость, трудолюбие и почитание старших - основы национальной добродетели, обеспечивающие главную цель хозяйствования: стабильность и порядок в государстве при сохранении правящей династии. В то же время, богатство и процветание воспринималось как функция разумного и добродетельного управления, что подтверждает известное высказывание Конфуция о том, что при хорошем правителе стыдно быть бедным, а при плохом - богатым.

Таким образом, достаточно развитая рациональная экономическая мысль в конфуцианском Китае рассматривала хозяйственное развитие под углом зрения государственных интересов, в первую очередь стабильности и незыблемости традиции, в результате чего чиновничий аппарат и бюрократические принципы управления подменяли предпринимательскую инициативу и объективные законы развития экономики.

В другой стране конфуцианской традиции — Японии — государство также играет очень значимую роль в экономической жизни, но оказывается более динамичным, чем в Китае. Высокая роль государства в развитии японской

⁷ Тань Е. Китайская традиционная культура и модернизация // Вопросы экономики, 1994, 7.

экономики определяется не столько юридически (среди специалистов присутствует точка зрения, что юридически его возможности даже меньше, чем у, например, американского), сколько социокультурной традицией: «выработанное в течение многих веков ощущение себя как единого целого, ориентация на достижение коллективных целей и готовность принести личные интересы в жертву интересам коллектива возводят бюрократию на высшую ступень общественной иерархии, поскольку общественным сознанием она традиционно воспринимается как носитель и гарант высших интересов – общенациональных»⁸.

Японская бюрократия обладает в обществе высоким авторитетом, основанным отчасти на этической конфуцианской, отчасти на исторической традиции: в период реформ Мэйдзи и предшествующий им период Токугава (1700-1860) мудрая политика центральных властей обеспечила мир, процветание и стабильность, а затем и быстрое осуществление модернизации экономики. Кроме того, японское общество ориентировано на гармонию и консенсус, а для достижения его в среде конкурирующих субъектов рынка необходимо наличие «третьей силы», нейтрального посредника, в качестве которого и выступает бюрократия.

Одной из основных целей государственного регулирования рынка в Японии является минимизация негативных последствий конкуренции и индивидуализма предпринимателей на общественную жизнь и экономическое развитие: «Японцы предпочитают исключить как можно больше элементов неопределенности из рыночного процесса, что напоминает их практику использования веревок, проволок и шнурочков для связывания и изгибания стволов и веток деревьев с целью придания им форм, отвечающих их эстетическим ценностям»⁹.

Способность сильного централизованного государства затормозить развитие рынка в Японии используется сознательно с целью защиты социальных основ общества от разрушения, которое провоцируется проникновением «чистых» рыночных механизмов регуляции в социальную и

⁸ Японский феномен. М., 1996, с. 104.

⁹ Okimoto D.I. Between MITI and Market. Stanford, 1989, p. 11-12.

культурную сферу. Как подчеркивает английский социолог К.Поланьи в работе «Великая трансформация», протекционистская политика европейских государств на рубеже Нового времени также имела целью затормозить разрушительное воздействие товарно-денежных отношений на межличностные связи, снизить скорость распада социальных институтов традиционного общества — общины, коллективной собственности на землю, а также патерналистских и солидаристских устоев. Действия государства не смогли, конечно, вовсе остановить переход к новому — безличному — типу социальных связей, но замедлили темп этого перехода, сделали его не столь резким и болезненным, хотя бы отчасти сгладили остроту социального конфликта.

Важнейшим фактором, повлиявшим на развитие хозяйства в Европе рубежа нового времени и на становление там капиталистических принципов хозяйства, стало развитие *военного дела*. Особую роль здесь сыграло возникновение профессионального войска, поскольку оно «дифференцировало требования, предъявлявшиеся к действиям подданных государства; чтобы удержаться в борьбе за существование, человек требовался более уже не целиком, человек, обладавший как воинскими, так и хозяйственными способностями и познаниями, — но требовался уже только половинный человек: такой, который годится либо к войне, либо к хозяйствованию»¹⁰. Любые формы хозяйственной деятельности — ремесла, земледелие, торговля, предпринимательство и т.д. — получали наибольшее развитие там, где не было необходимости совмещать ее с освоением военного дела и прерывать ее для того, чтобы выполнять воинский долг (таким образом, если бы была воплощена в жизнь в полном объеме идея военных поселений Аракчеева, это затормозило бы и развитие военного дела как такового, и экономическое развитие России в тот период, когда ведущие европейские страны уже перешли к капиталистическому типу хозяйствования).

Всеобщая воинская повинность, введение которой сопутствовало утверждению индустриального капитализма, отрывала молодых мужчин от их повседневных занятий лишь на ограниченное время и в период жизни,

¹⁰ Там же, с. 219.

предшествующий, как правило, профессиональной зрелости. В то же время, массовое освоение военного дела способствует распространению дисциплины и организованности, воспитывает в массах стандартизированные формы поведения, необходимые для крупных индустриальных предприятий.

В.Зомбарт отмечает, что нередко слабое государство оказывает продуктивное воздействие на экономику, в первую очередь на предпринимательскую активность. Примерами являются Швейцария и Германия до 1870 г., граждане которых, лишённые поддержки со стороны мощного централизованного государства, были вынуждены «более приспособляться к потребностям рынка, так как они никогда не могут силой добиться себе сбыта, а должны завоевать его путем искусства убеждения и хорошего исполнения»¹¹.

Однако следует иметь в виду опасность как сильного, так и слабого государственного влияния на хозяйственную жизнь. Чрезвычайно сильное государство, активно вмешивающееся в экономику и тотально регламентирующее активность граждан, побуждает их обходить многочисленные запреты и ограничения, отступать в области «тени» и криминала. Слабое государство, не способное защитить экономические интересы и права граждан, также побуждает их обращаться к силам, находящимся за пределами закона (подробнее эти проблемы будут рассмотрены в теме 12.).

1.3. Церковная политика и хозяйственная активность населения.

Важнейшим фактором воздействия государства на хозяйственную жизнь является его *церковная политика*. В результате такой политики выделялись категории полноправных граждан, исповедующих государственную религию, и в той или иной степени притесняемых религиозных меньшинств. Если перед первыми открывались широкие возможности в разных сферах деятельности, то

вторые были ограничены в политических, образовательных, культурных и т.п. возможностях, что вынуждало их искать самореализации в хозяйственной и предпринимательской деятельности. Высокую экономическую активность религиозных меньшинств отмечают и М.Вебер, и В.Зомбарт, Г. Зиммель и другие исследователи. Причем причины этой активности следует искать не в содержании духовной традиции, наличии в ней каких-то особых установок и ценностей, а в особом статусе религиозного меньшинства. Такими оказываются протестанты в католических странах, повсеместно евреи диаспоры, китайцы в Юго-Восточной Азии, сикхи в Индии, индусы в Южной Африке и т.д.

В России примером хозяйственной и предпринимательской активности религиозных меньшинств являются, в частности, старообрядцы. Их случай особенно характерен, поскольку старообрядцы не имели расхождений с патриархией в догматике и вероучении. Специфика их картины мира и мотивация хозяйственной активности обусловлена государственной церковной политикой. Сторонники реформы богослужения стремились приблизить его к греческому «вселенскому» образцу, а противники стояли на жестких национальных позициях и видели всемирно-историческую духовную миссию Руси в том, чтобы сохранить первоначальное, «древнее» православное благочестие. Старообрядцы, которых представители государственной церкви называли раскольниками, полагали, что не они уходят в раскол, а сама Церковь и государство отходят от «древнего отеческого благочестия» и предаются «инославному римскому нечестию». Отсюда столь свойственное старообрядцам враждебное отношение к государству, нежелание сотрудничать с ним, которое затем было многократно усилено жестокими преследованиями и гонениями.

В течение 50-60-х гг. XVII столетия гонения на раскольников со стороны государства и официальной церкви ужесточались. На фоне обостренных эсхатологических ожиданий второй половины XVII в. для гонимых раскольников антихрист воплотился в царя Петра I, а проклятие распространилось на все государство, отошедшее, вместе с Церковью, от истинной веры. Поэтому старообрядцы очень жестко противопоставляли себя государству и всем «неверным никонианам». Первоначально основным путем

¹¹ Зомбарт В. Указ. соч., с. 218.

спасения были полная самоизоляция — бегство в «пустыни» или самосожжение, которое считалось самым радикальным способом избавления от антихриста.

Преследуемые властями, особенно жестоко в период правления Софьи, раскольники-старообрядцы уходили в малозаселенные и труднодоступные районы Русского Севера, Сибири, доходили даже до Алтая и Тибета. Естественно, что они внесли большой вклад в хозяйственное освоение этих земель. В конце XVII — начале XVIII вв. старообрядцы стали отказываться от самосожжений, однако их общины сохраняли замкнутость и поддерживали по возможности минимальные связи с внешним миром: в Сибири, в Алтайской тайге некоторые из них сохраняли самоизоляцию на протяжении нескольких веков!

В XVIII — начале XX вв. гонения то ослабевали, то снова усиливались; некоторые старообрядческие общины становились мощными хозяйственными организациями, выделялись и индивидуальные успешные предприниматели, и целые династии — особенно известны Рябушинские, Морозовы, Солдатенковы, Гучковы и др. По статистике перед революцией 1917 года свыше 60% торгово-промышленного класса составляли старообрядцы¹². Эту активность следует объяснять тем, что на протяжении нескольких веков противостояние староверов государству сформировало у них особую самостоятельность, инициативу, стремление к большей независимости от государства. В отличие от остальных русских промышленников, старообрядцы не были исторически связаны с покровительством государства, привыкли не рассчитывать на его помощь, а, напротив, действовать вопреки гонениям и ограничениям. В политике старообрядческих активистов в деловом мире наиболее последовательно проявлялось стремление к освобождению личной инициативы от излишней государственной опеки и зарегулированности.

¹² Рошин М.Ю. Старообрядчество и труд // Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 2. М., 1994, с. 133.

§ 2. Институт религии и церкви и хозяйственная жизнь общества.

Особое влияние на формирование хозяйственной культуры оказывают религии. Этот факт, впервые подробно исследованный *М. Вебером* в работе «Хозяйственная этика мировых религий», самой известной частью которой является «Протестантская этика и «дух капитализма»», ныне не вызывает ни у кого сомнений. Социологическая парадигма, предложенная М. Вебером, называется «понимающей социологией». Согласно ее методологическим принципам, любое социальное действие человека обладает осознанным мотивом, имеющим рациональную природу. Социальная жизнь и исторический процесс постигаются через сведение действий людей к их наиболее значимым мотивам. Речь здесь идет, естественно, не о личной, ситуативной или психологической («аффективной») мотивации, а о культурно значимых ценностях, лежащих в основе мотивации поведения. Глубинной основой такой мотивации является мировоззрение и вопрос о смысле жизни, решение которого определяется религиозной верой. Религия создает универсум ценностей и высших смыслов, в соответствии с которыми происходит рационализация повседневной, мирской жизни верующего человека. Эта рационализация проявляется, во-первых, рационализация повседневной жизни невозможна без надления ее смыслом и соотнесения с ценностями высшего порядка. Религия, формируя свой трансцендентный ценностный универсум — находящийся за пределами повседневности мир высших смыслов, создает позицию с которой можно посмотреть на мир, сравнить его с должным и дать оценку. Во-вторых, религиозная рационализация предполагает упорядочение повседневной деятельности на основании норм религиозного образа жизни, возможность реально воплотить представления о должном. Так, религиозная мотивация предпринимательства состоит не в высшем санкционировании стремления к обогащению, а в этической регламентации хозяйственной деятельности, ее регулировании в соответствии с представлениями о добре и зле, о праведном образе жизни.

2.1. Религиозное мировоззрение и хозяйственная жизнь

2.1.1. М. Вебер о влиянии протестантизма на формирование духовных предпосылок генезиса капиталистического предпринимательства.

В труде «Протестантская этика и «дух капитализма»», написанном и опубликованном в 1904-1905 гг., М.Вебер подробно проанализировал специфические мировоззренческие установки и картину мира, которые формирует протестантизм. В ее основе лежат представления о персонифицированном Боге-творце и о несовершенном, греховном мире, данном человеку для того, чтобы трудиться и преобразовывать его во славу Божью. Человек является «орудием Бога», повседневный труд представляет собой религиозный долг и единственный доступный ему способ служения Богу; главное в труде — его рациональный и методичный характер. Успех в земных делах является единственным надежным знаком спасения души верующего, а расширение дела и реинвестирование средств в него составляет основу и предпосылку дальнейшего служения, в котором, как и в любой религиозно осмысленной практике, не может быть конца. Подробно мировоззренческие предпосылки генезиса капитализма, описанные в работе М. Вебера, анализируются в Главе 8.

2.1.2. Мировоззрение и хозяйственная этика католицизма

В основе этики и социального учения католической церкви лежит Священное писание, духовное наследие Отцов Церкви и средневековая схоластика, которые постоянно приспособляются для ориентации верующих в меняющихся условиях современной жизни в энцикликах пап и других церковных трудах.

Святоотеческое наследие акцентирует внимание верующих на душеспасительном значении труда как со-творчества Богу, на труде как истинном предназначении верующего. Святой Ансельм Кентерберийский сказал «Не рожден ли каждый человек для труда как птица для полета?» Именно христианство привнесло в европейскую цивилизацию уважение к труду как признаку духовного и нравственного достоинства в противоположность

античному миру, где хозяйственный труд презирался как удел рабов и плебса. В то же время, христианской этике труда была присуща изначальная двойственность: ведь труд явился суровым наказанием, последовавшим за грехопадением Адама. Грехопадение превратило труд из божественного призвания к со-трудничеству в тяжкую борьбу за выживание. Таким образом, в христианском менталитете, едином для всех христианских конфессий, хозяйственный труд одновременно осознается как благо и как бремя, как возможность приблизиться к Творцу и как проклятие: почитаемый католической церковью святой Фома Аквинский назвал труд «тяжким благом».

В католической духовной традиции наиболее важна человеческая природа в Богочеловеческом образе Иисуса Христа, земная жизнь Спасителя (поэтому главным праздником католиков является Рождество). Католицизм особо почитает апостола Петра - деятельного строителя церкви как земного института, радеющего за привнесение христианских принципов в повседневную жизнь людей: «Католицизм как бы смотрит на небо с земли, рационально строит лестницу в небо, уделяя большое внимание земным проблемам»¹³.

Католицизм учит заслуживать спасение благими делами в повседневной жизни. Творимое добро, в том числе добросовестный труд, «уравновешивает» совершаемые грехи и в конечном итоге его перевес определяют шансы верующего на обретение вечного блаженства. Таким образом, католицизм ориентирует верующих на активность, выработку личной ответственности и дисциплины, а также и привычку к добросовестному труду, который был необходим для достижения спасения.

Представление о значимости повседневной добродетели в деле спасения обусловило внимание католических богословов и проповедников к устройению жизни на религиозных началах и к ее религиозной регламентации. Обладание профессией, принадлежность к профессиональному цеху выступало в средневековом католичестве важнейшим дисциплинирующим и душеспасительным фактором, каждое из конкретных занятий предполагало определенный уровень ответственности в соблюдении евангельских заповедей.

¹³ Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России, 1994, N 2, с. 60.

Важнейшей составляющей этой ответственности являлось профессиональное мастерство и добросовестность в выполнении повседневных обязанностей.

Отношение католической церкви к собственности основываются, как и вся социальная доктрина, на наследии Отцов Церкви. Их главным образом интересовало не производство и экономическое развитие, а перераспределение материальных благ. С точки зрения католической доктрины сами по себе собственность и материальное неравенство не осуждаются, но предполагают, во-первых, уважительное отношение к бедным, ибо "их лицо - лик Самого Христа", а во-вторых, необходимость помощи бедным, перераспределения богатств путем благотворительности. Причем перераспределение должно основываться сугубо на внутренних моральных побуждениях, на любви к Богу и к ближнему, а ни в коем случае не на навязанном извне эгалитаризме или насильственном изменении социального статуса. Способы стяжания богатства оправдываются католическими богословами постольку, поскольку они нравственны, основаны не только на корысти, но и на стремлении к общему благу, на любви к ближним. При этом утверждается нравственный принцип адекватного воздаяния за совершенный труд. Из всех видов экономической деятельности наиболее жесткому и последовательному отрицанию подвергается ростовщичество именно за неадекватность труда и вознаграждения.

Католическая хозяйственная этика, таким образом, ориентирует на мирскую активность, регламентированную и ограниченную духовными и нравственными заповедями христианства, поощряет активность личности, своим праведным образом жизни создающей предпосылки своего спасения. В. Зомбарт, в отличие от М. Вебера, считал не протестантизм, а рациональную регламентацию повседневности в католицизме важнейшей духовной предпосылкой возникновения капитализма на Западе.

2.1.3. Православие и хозяйственная жизнь

В православной картине мира духовное имеет абсолютный приоритет над материальным. Не отрицая необходимости деятельного отношения к миру, православная этика требует, чтобы человек не забывал о своем высшем духовном предназначении, чтобы не материальная выгода, не практический

интерес, а именно нравственное сознание определяли смысл его деятельности. Православие называют «иоанническим» христианством, подчеркивая, что оно вдохновляется образом апостола Иоанна — любимого ученика Христа, «апостола любви», который больше тяготел к внутренней, духовной, созерцательной стороне Учения. Для православного религиозного сознания свойственно больше сосредотачиваться на небесном, абсолютном и вечном, на последних судьбах мира. Созерцание - его высшее призвание, и от этого оно приобретает как бы «неотмирный» характер. Паря над землей, православное религиозное сознание смотрит на землю с высоты небес¹⁴. Для православия в богочеловеческом образе Иисуса Христа наиболее важна божественная природа, преобладающий образ Спасителя — «во Славе», воскресшего, поправшего смерть, а главный праздник — Пасха, Воскресение Христово. Для православия более важна «духовная, внутренняя жизнь человека, внутренние его побуждения и движения сердца. Православная этика воспитывает прежде всего сердце, и именно сердце в Православии является мистическим сосредоточением духовного пространства, в котором происходит сокровенный диалог человека и Бога. Таким образом, в Православии все определяется внутренним, сокрытым от внешнего взора»¹⁵.

Эти высшие ориентации распространяются на православную хозяйственную этику. Любая мирская деятельность оценивается по ее духовному и нравственному содержанию. Она должна в первую очередь руководствоваться высшими религиозными мотивами, служить душеспасительным, а не меркантильным целям. Практическая полезность хозяйственных усилий, самые добрые побуждения людей не имеют значения, если они совершаются без ориентации на внутреннюю духовную работу, не руководствуются любовью к Богу и к ближнему. Любой полезный труд может с православной точки зрения быть как благом, так и злом в зависимости от того, «какая именно мотивация лежит в его основе, во имя чего и с какими внутренними побуждениями сердца он совершается»¹⁶.

¹⁴ Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России, 1994, N 2, с. 60.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 66.

Земное бытие человека воспринимается православием как подготовка к жизни вечной, но не отделяется от нее, а считается как бы первым, подготовительным этапом. Поэтому православному сознанию свойственно чувство вечности, безграничности бытия, оно как бы теряет ощущение времени. Цель в земной жизни — не просто праведность и накопление неких моральных заслуг, а «стяжание святого духа». Поэтому православный верующий не ставит, подобно протестанту или католику, перед собой задачу рационального мирского поведения со скрупулезным подсчетом успехов и неудач, искушений и добродетелей. Он сосредотачивается на внутренней, духовной жизни, в ней ищет совершенствования. В любой деятельности для него имеет значение внутреннее содержание, а не внешняя форма.

2.2. Особенности становления и развития религиозных институтов и хозяйственная жизнь

Религия институционализируется как церковь с собственной догматикой, внутренней организацией, иерархией, нормами и правилами поведения, символикой, системой санкций за отступление от догматики и нарушение норм, с собственной материальной базой, которую составляют не только культовые сооружения, но зачастую и хозяйство, ориентированное не на удовлетворение церковных нужд. Помимо церкви существуют секты, общины и другие организации, имеющие перечисленные институциональные признаки. Институты религии, так же, как и религиозная вера и мировоззрение, оказывают влияние на хозяйственную жизнь. Целый ряд мировых религий не имеет четкой церковной организации (индуизм, конфуцианство), но имеет ярко выраженную этическую ориентацию, нормы и систему обрядов, упорядочивающие образ жизни.

В работах М. Вебера, входящих в «Хозяйственную этику мировых религий», уделяется внимание как анализу религиозного мировоззрения и картин мира, так и специфике религиозных институтов. Их многообразие и особенности исторического развития, места в обществе, взаимодействия с другими институтами (например, с государством) часто связано с

многообразием хозяйственных укладов и стереотипов хозяйственной деятельности в разных регионах мира.

2.2.1. Особенности лютеранства и кальвинизма как институционализированных направлений протестантизма.

Особенности протестантских представлений о спасении выразились в учениях различных церквей и сект. Одним из основоположников протестантизма был Лютер. Его духовный вклад в формирование нравственных предпосылок капитализма, по мнению М.Вебера, состоит в том, что именно в его учении повседневная профессиональная деятельность предстала как форма спасения, как единственная для верующего возможность посвятить свою жизнь служению Богу — ибо Лютер отрицал монашество и потустороннюю монастырскую асексу. Протестант трудится не ради богатства или даже просто пропитания, а во имя Бога: его профессия одновременно является и божественным призванием (в немецком языке слово *Beruf* означает и «призвание», и «профессия»).

Дальнейшее влияние на превращение протестантской этики в духовную основу капиталистического предпринимательства оказало учение швейцарского проповедника Жана Кальвина о предопределении. Согласно его учению, спасение или гибель человека определены Богом и не зависят от реального поведения, праведности или греховности каждого конкретного человека. Воля Божья недоступна познанию человека, и именно поэтому верующий кальвинист постоянно ощущает одиночество и тоску: он не знает своей судьбы и не может на нее повлиять. В отличие от католика или православного, он не может рассчитывать на посредничество церкви или соборную молитву; вера и любовь к Богу не спасают его, как лютеранина; даже собственная праведность и абсолютное благочестие не дают ему уверенности в спасении.

О своей судьбе верующий может судить только по успеху или неудаче своих каждодневных трудов. Если он встречает на жизненном пути удачу, богатеет, процветает, это воспринимается как знак избранности и спасенности, если нет - значит, он обречен на гибель.

Таким образом, оказывается, что зримым и наиболее надежным подтверждением спасенности верующего кальвиниста являются его успехи и

доход. Чем больше получаемый доход и чем быстрее совершаемый оборот капитала, тем выше религиозная ценность всей деятельности и тем очевиднее спасенность ее субъекта. При этом особое значение приобретает денежное, то есть абстрактное, а не вещное, выражение коммерческого успеха, позволяющее сопоставлять результаты и оценивать степень богоугодности различных видов деятельности.

2.2.2. Экономическая доктрина католицизма и проблемы мирового хозяйственного развития

Влияние католической церкви на хозяйственную жизнь определяется ее четкой институциональной структурой — единой иерархией, возглавляемой Папой. Католическая церковь заботится о том, чтобы верующие в меняющихся обстоятельствах повседневной жизни постоянно имели исходящее от нее духовное руководство. В Окружных папских посланиях - энцикликах, а также посланиях, обращениях и других документах, исходящих от Святого Престола, дается религиозная интерпретация важнейших проблем современности. Церковь дает не только принципиальные ориентиры, но и выражает свое отношение к конкретным проблемам, в том числе и хозяйственной жизни.

В 1891 г. появилась самая знаменитая энциклика папы Льва XIII «*Regum povacum*», в которой излагаются основные принципы социальной доктрины католической церкви в индустриальную эпоху. В «*Regum povacum*» Святой Престол сформулировал свое отношение к капиталистическому обществу, его противоречиям, к классовым антагонизмам и к интенсивно развивающемуся социализму. Отвергая одновременно ужесточение эксплуатации и классовую борьбу, католическая церковь предлагает человечеству свой путь, основанный на христианском братстве и теоцентрическом нравственном и социальном идеале. На этом пути католическая вера вернет труду его высокую нравственную и духовную ценность, подобно тому как в средние века христианство покончило с унижением труда.

Папа Пий XII в Рождественском послании 1952 г. анализирует социальные отношения индустриального общества и критикует господство техники и организации над человеком. «Демон организации» и «механическая

концепция» экономической жизни приводят к превращению человеческого общества в гигантскую машину, к полному триумфу количественных показателей экономического роста над его ценностным, человеческим содержанием. Индустриализм приводит к обезличиванию, к утрате индивидуальности и духовности, в конечном итоге - к дегуманизации труда. Пий XII наметил ставшее теперь общепринятым различие между ростом (экономических показателей) и развитием (принимающим во внимание «человеческую цену» материального благосостояния).

Эти идеи развивались в энцикликах «*Mater et Magistra*» («Мать и Наставница») Иоанна XXIII (1961 г.), и «*Populorum progressio*» («Прогресс народов») Павла VI. В них говорится, что западное общество создало «религию труда» в его жестком, бесчеловечном варианте, порожденном современным индустриальным производством, вместо того чтобы освящать труд через религию. Само по себе индустриальное общество существенно расширяет технические и социально-культурные возможности человека, позволяет преодолевать бедность. Однако реально индустриализм, лишенный духовного начала, оказывается в тупике эксплуатации, антагонизма и ненависти. Для народов «третьего мира» модернизация оборачивается утратой культурной идентичности, разрушением привычного жизненного уклада, ростом отчуждения, зависти и враждебности.

Выход из сложившегося положения церковь видит в духовном развитии, замене ценностей обладания типа «иметь» на подлинно гуманные ценности типа «быть»: «Как для народов, так и для отдельных людей "иметь" больше не есть конечная цель. Всякий рост амбивалентен. Будучи необходим, чтобы позволить человеку быть человеком, он превращается для него в тюрьму, едва только становится для него высшей целью, заслоня собою весь остальной мир. Сердца тогда черствеют и замыкаются в себе, людей собирает вместе не дружба, а интерес, который вскоре начнет их ссорить и разъединять. Стремление исключительно к тому, чтобы "иметь", воздвигает препятствия к возрастанию качества бытия и противостоит подлинному его величию: как для народов, так для отдельных личностей стяжательность есть самая очевидная

форма моральной недоразвитости»¹⁷. Католичество, признавая доктрину естественного права, считало и считает частную собственность незыблемым и справедливым социально-экономическим институтом, но лишь в том случае, когда она является не самоцелью, а лишь средством саморазвития человека и инструментом достижения достойного уровня жизни.

Нравственная оправданность прибыли составляет важнейший вопрос этического и социального учения христианства. Современная католическая церковь признает прибыль законным механизмом экономической эффективности, если она выступает не единственным критерием благополучия, а дополняется гуманистическими ценностями. В энциклике Иоанна-Павла II «*Centessimus annos*» («Сотый год», 1991) говорится: «Церковь признает законной функцию прибыли как показателя нормального хода дел <...>, прибыль - регулятор жизни предприятия, хотя и не единственный, его следует дополнять рассмотрением других человеческих нравственных факторов»¹⁸.

Важнейшей ценностью современной католической нравственной и социальной доктрины остается труд. Анализу его нынешних проблем посвящены многие документы и специальная энциклика Иоанна-Павла II «*Laborem Exercens*» («Совершая труд», 1981). В энциклике отмечается, что технико-технологические успехи цивилизации, преобразовавшие сферу занятости, не решают сами по себе проблем трудящейся личности. Становление индустриального общества осуществляется под идеологической эгидой двух систем - капитализма и социализма, в равной степени чуждых человечности и подчиняющих трудящуюся личность технике и самоцели экономического роста. Тэйлоризм и стахановщина одинаково приносят личность в жертву экономической эффективности. Для Иоанна-Павла II фактором, снижающим антагонизм и конфликтность в обществе, является развитие срединной культуры и промежуточных организационных и производственных звеньев между трудящимся индивидом, собственниками капитала, классами, нацией.

¹⁷ Цит. по: Патрик де Лобье. Социальная доктрина католической церкви. Брюссель, с. 149.

¹⁸ Окружное Послание Иоанна-Павла II "Сентессимус Аннос" (Сотый год). Ватикан, 1991, с. 83.

В одном из обращений к верующим Иоанн-Павел II отметил специфику труда в условиях становления постиндустриального общества: информационные технологии позволяют осуществить децентрализацию производства и таким образом преодолеть отчужденность и обезличивание, порожденные индустриализмом. Ориентация на мелкого производителя, на локальные трудовые ресурсы, на высококвалифицированного независимого специалиста, казавшиеся в индустриальную эпоху проявлением консерватизма, в современных условиях соответствуют как характеру передовых технологий, так и уровню квалификации и интеллектуальным запросам работника.

Современное социально-экономическое учение католической церкви постоянно развивается, дает общие ориентиры верующим в динамично развивающейся хозяйственной жизни. В целом католичество сохраняет ориентиры на духовное и нравственное наполнение трудовой деятельности и энергично критикует препятствующее этому обезличивание и отчуждение труда в индустриальном обществе. Современное предпринимательство находит поддержку католической церкви как форма самореализации активной творческой личности, но лишь при условии ее социальной ответственности, гуманизма и уважения к ближним. На упреки в утопизме идей переустройства общества на основе католических ценностей религиозные мыслители отвечают напоминанием о том, как христианство изменило облик западной цивилизации в средние века.

2.2.3. Мирской и монашеский идеалы в православии и особенности хозяйственной жизни России.

Соборная Православная церковь имеет единую иерархию и четкое разделение на мирян и клир, важнейшим институтом Православной церкви является монастырь, где формируется специфический духовный идеал и воплощается в самобытные формы хозяйственной аскезы. Для мирян монашеский идеал был образцом для подражания, примером совершенного религиозного служения и праведного пути.

Основными формами православной монашеской аскезы были постничество (упорное молитвенное бдение, отшельничество, строгое

воздержание, пост, опрощение) и трудничество (трудовое послушание, выполнение самых тяжелых работ). Наиболее почитаемые православные святители были великими трудниками, вошли в историю как пример великого трудолюбия. Основатели монастырей, становясь игумнами, продолжали деятельное участие в хозяйственной жизни. Но сам по себе труд в православии, в отличие от протестантизма, не считался способом служения Богу и по своей душеспасительной ценности стоял гораздо ниже созерцания, молитвы, поста.

Монашеское трудничество в полной мере воплотило идеал духовно наполненного бескорыстного труда. Труд имел аскетическое, душеспасительное значение и не предполагал получения адекватного материального вознаграждения. Напротив, считалось проявлением корыстолюбия брать за труд его настоящую цену: плата всегда занижалась, и работа выполнялась частично даром. Таким образом из монашеского идеала в мир пришла ценность бескорыстия и самоотверженности, сознание, что занижение платы за работу допустимо. (Не здесь ли корни той покорности, с которой люди принимали явно заниженные зарплаты в советский период и мирятся с многомесячным задержками в постсоветский.) Ведь принятие заниженного материального вознаграждения предполагает, что существует и нематериальная — духовная, нравственная — награда, которую получает бескорыстный труженик.

Монастырское трудничество совершалось как ради религиозной аскезы, так и во имя любви к ближним, к братии. В монашестве наиболее полно воплотился соборный идеал русского православия — гармония личного и собственно соборного, общего: трудническое послушание было строго индивидуальным, выполнялось в одиночестве и внутренней духовной сосредоточенности, но совершалось оно во имя как религиозной аскезы, так и общего хозяйства.

Монашеский идеал полностью отрицал частную собственность. Любая собственность принадлежит Богу, а люди лишь распоряжаются ею. И благом может быть только употребляемая в общих интересах собственность. Все монастырское хозяйство было совместным, общим, а распределение осуществлялось в соответствии с принципами равенства и удовлетворения потребностей. Потребление, впрочем, ограничивалось аскезой, которая становилась все суровее по мере духовного самосовершенствования.

Интенсивная хозяйственная деятельность превращала многие русские монастыри в мощные хозяйственные организмы. Экономическая мощь была необходима монастырям не сама по себе и не для развития производства как такового — она составляла основу их социальной, благотворительной деятельности. Ибо к монашескому трудничеству относился не только непосредственно физический труд, но и социальная работа - помощь неимущим и страждущим, уход за больными и сиротами, забота об образовании и духовном воспитании мирян.

Вопрос о приоритете духовного трудничества или социального служения монастырей стал предметом исторического спора стяжателей и нестяжателей. Основное расхождение между этими сформировавшимися в XVI в. направлениями состояло в том, что Иосиф Волоцкий и его последователи, именовавшиеся «осифлянами» («стяжателями») выступали за активную социальную и политическую позицию церкви, для чего стремились превратить монастыри в мощные экономические центры, стяжающие собственность ради организации мирской жизни на христианских началах. Нил Сорский с «нестяжателями» настаивали на отказе как от социальной и политической деятельности церкви, так и от монастырской и церковной собственности. Соответственно и монастыри «осифлян» и «нестяжателей» приняли разную институциональную форму. Первым было свойственно общежитие с общей собственностью, совместные молитвы, строгое соблюдение устава, обширное хозяйство (монахи Иосифо-Волоколамского монастыря могли прокормить до семи тысяч человек), запасы продуктов, инвентаря, мастерские, библиотека, приют, больница и т.д. Монастыри «нестяжателей» состояли из отдельных скитов, где монахи жили в уединении, общего хозяйства не вели, старались не отвлекаться от молитвы и духовного совершенствования на посторонние занятия, свои контакты как с государством, так и с простыми мирянами стремились сократить и свести к духовному наставлению.

Для мирян православие не выработало специальной хозяйственной этики, и все ежедневные дела, в монастырях освященные религиозной аскезой, в повседневной жизни мирян регулировались традиционными нерелигиозными ценностями. В обыденной жизни православный человек отдавал молитве положенное время, а затем жил в соответствии с мирскими, часто с

архаичными, дохристианскими, или сугубо прагматическими, представлениями. В повседневную жизнь обычного среднего человека православие входило как система обычаев и обрядов. А смыслы, ценности, руководящие повседневным, внерелигиозным поведением не носили специфического характера этической рационализации (в отличие, например, от протестантизма, который наделил религиозным смыслом и рационализировал повседневную хозяйственную жизнь). В целом хозяйственная жизнь мирян была с православной точки зрения ценностно нейтральна, если в ней не нарушались основные нравственные заповеди. Православие не оплодотворило повседневную жизнь едиными нравственными и духовными ценностями и смыслами, которые оставались отдельной, самостоятельной и самодостаточной сферой жизни.

Многие исследователи именно в разрыве между монашеским и мирским нравственными идеалами, в отсутствии целостного, единого нравственно-духовного стандарта видят причину неспособности православия создать этические предпосылки эндогенного капитализма.

2.2.4. Хозяйственная жизнь, трудовая и деловая этика в Социальной доктрине Русской Православной церкви.

Русская Православная церковь очень долгое время не формулировала специально своей социальной доктрины. Представляется, что это было связано с тем, что до Октябрьской революции 1917 г. она не была отделена от государства и не нуждалась в отдельной доктрине, а в годы советской власти она не имела возможности открыто декларировать свое отношение к мирской жизни и предлагать широкой общественности в качестве духовного и нравственного руководства свои ценности.

Архирейский собор принял Основы социальной концепции РПЦ в августе 2000 г. В этом документе впервые в тысячелетней истории было сформулировано отношение Русской Православной церкви к некоторым проблемам экономической жизни. Внимание сконцентрировано на «Труде и его плодах» и на «Собственности». Хотя прямо проблемы предпринимательства не рассматриваются, Социальная доктрина РПЦ формирует определенную духовную среду, в контексте которой активный хозяин обретает систему

нравственных координат своей деятельности. «Основы социальной концепции РПЦ» интерпретируют понятия на основе Священного Писания и Предания, создавая для верующих систему православных духовно-нравственных ориентиров.

Прежде всего рассматривается нравственная ценность труда. Здесь уже видно специфику именно православного подхода: «С христианской точки зрения труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти»¹⁹. Подчеркивается, что с православной точки зрения угодны Богу в равной степени все виды и формы труда, наполненные позитивным нравственным содержанием. В то же время, любой труд, если он внутренне проникнут греховными помыслами и целями, достоин морального осуждения как негодный Богу.

В «Основах социальной концепции РПЦ» осуждаются те виды современного бизнеса, которые, хотя прямо не связаны с теневой или криминальной деятельностью, с развратом, пьянством, наркоманией, но сопряжены с утратой экономической деятельностью ее гуманного, человеческого измерения. Так, в Главе XVI «Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма» осуждаются столь присущие экономике постиндустриального мира крупномасштабные финансовые спекуляции, разрушительные не только для благосостояния миллионов людей, но и для реальной экономики производства. Их пагубность состоит в том, что они «стирают зависимость доходов от труда» и «приводят к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производства»²⁰.

В то же время, абсолютно нравственными могут быть признаны только два мотива к труду: «Священное Писание свидетельствует о двух нравственных побуждениях к труду: трудиться, чтобы питаться самому, никого не отягощая, и

¹⁹ Основы социальной концепции Русской православной церкви, VI.4.

²⁰ Там же, XVI.3.

трудиться, чтобы подавать нуждающемуся». Таким образом, Основы социального учения РПЦ не позволяют говорить о христианской ценности таких мотивов хозяйственной деятельности, как самореализация и развитие творческих способностей личности, самоутверждение. Самореализация христианина лежит в поле духовного спасения. Притча о талантах цитируется в документе в связи с проблемой труда, но не анализируется подробно и не интерпретируется. Основное моральное побуждение, делающее труд христианской добродетелью — его ориентация на благо для других людей, прежде всего тех, кто не может сам себя обеспечить.

Христианское понимание труда предполагает беспрепятственное использование его плодов. Таким образом, трудящийся должен получать то, что заработал, Церковь в своей социальной Доктрине осуждает невыплату заработной платы — практику, столь распространенную в России в период социально-экономических «реформ». Если считать, что прибыль предпринимателя является также вознаграждением за его труд, то посягательства на нее тоже можно считать недопустимыми.

Собственность рассматривается в «Основах социальной концепции РПЦ» в качестве дара Божьего, данного для использования во благо себе и ближним: «люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими»²¹. В документе отстаивается представление об относительности собственности для людей — все, что есть у человека, дается ему свыше. Таким образом, если человек удачлив и богат, это не его собственная заслуга. В то же время, само по себе обладание собственностью не имеет религиозного смысла: «имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или негоден он Богу». Однако природа имущественного неравенства в документе не рассматривается. Что означает богатство — дар Божий, долг, возложенный на христианина, или испытание, выдержать которое ему должно помочь церковное наставление? И почему оно столь часто дается людям, явно нарушающим Божьи и человеческие законы и нормы нравственности? Эти вопросы остаются без ответа.

²¹ Там же, VII.1.

В отношении к собственности Социальная Доктрина РПЦ отстаивает принцип разумной достаточности и достойного существования, осуждая как игнорирование материальных нужд людей, так и погоню за материальными благами. Сама по себе собственность не является благом или злом, не может сделать человека счастливым, но процесс ее стяжания прямо угрожает нравственности: «погоня за богатством пагубно отражается на духовном состоянии человека и способна привести к полной деградации личности»²².

Православная Церковь не отрицает предпринимательства и обогащения самих по себе, но взыскательна к их мотивам и формам: те виды деятельности, которые за прагматической и технологической рациональностью не принимают во внимание ее духовное содержание, наносят ущерб общественной нравственности, подрывают стабильность общества и вредят благополучию других людей, поощряют грехи, пороки, пагубные страсти и привычки, признаются греховными.

2.3. Восточные религии и специфика хозяйственной жизни Востока

Социологического объяснения требует тот факт, что в цивилизациях Востока не сложились на эндогенной основе производство и предпринимательство капиталистического типа. В начале работы «Индуизм и буддизм», входящей в «Хозяйственную этику мировых религий», М.Вебер отметил, что Европе, Индии и Китае в XVI – XVII вв. практически в равной степени присутствовали социальные и экономические предпосылки развития капитализма: рациональное государственное управление и рациональная система знания, развивались точные и естественные науки, ремесленные слои населения обладали достаточной автономией и достигли весьма высокого уровня мастерства, устанавливались торговые связи в региональном и даже мировом масштабе, во всех слоях общества отмечалось стремление к накоплению и успеху. Почему же на Западе начал развиваться капитализм, а Восток еще несколько столетий оставался традиционным? Существенные

²² Там же, VII.2.

различия цивилизаций ярче всего проявлялись в их духовной сфере, доминантой которой выступали религии. Соответственно, и в концепции М.Вебера религии стали основным дифференцирующим фактором, ибо вполне логично было предположить, что именно различия в духовной, ценностно-мотивационной сфере при прочих относительно равных условиях послужили причиной коренного расхождения путей развития цивилизаций в дальнейшем.

В работах «Индуизм и Буддизм», «Конфуцианство и даосизм», «Типы религиозных сообществ», «Древний иудаизм» и других М.Вебер анализировал наиболее типичные (с его точки зрения) для восточных цивилизаций духовные ценности, картины мира, этические нормы, а также институты религии и их влияние на хозяйственную активность.

2.3.1. Индуизм и хозяйственная жизнь

Особенности влияния индуизма на хозяйственную жизнь следуют из его *картины мира*, в основе которой — представление о том, что источником всего сущего является вечная абсолютная реальность — Брахман, а вся эмпирическая, феноменальная действительность представляет собой его эманацию. Из этого следует, что, во-первых, действительность иллюзорна, неподлинна, так как подлинным бытием считается только Брахман, а во-вторых, что мир подчинен имманентным законам, обусловленным его причастностью к Брахману, и эти законы вечны и неизменны, их невозможно нарушить по чьему-либо произволу. Соответственно, поскольку иллюзорный мир исправлять бессмысленно и действовать в нем — тоже, то индуистская методика спасения, названная М.Вебером потусторонним мистицизмом, состоит в отказе от мира и любой практической деятельности в нем. Конечная цель спасающегося состоит в том, чтобы путем мистического озарения постичь Абсолют и слиться с ним, прервав тем самым колесо рождений — сансару. Ищущий спасения верующий стремится свести к минимуму свое участие в мирской деятельности, сосредоточившись на специальных методиках созерцания (медитации) и на постижении религиозной философии.

Анализируя социально-психологические установки мистиков, М.Вебер пришел к парадоксальному выводу о том, что «бегство» от мира и презрение к

«иллюзорным» повседневным делам на самом деле ведет к зависимости мистика от мира, которой нет у активного аскета. Ищущий спасения в мирской повседневной деятельности протестант сам преобразует мир во славу Божью и себе на пользу. Его деятельность направлена на совершенствование греховного мира и «исправление» его в соответствии с божественными заповедями, он активен в миру, а значит, свободен. Мистик же, если он полностью посвящает себя проникновению в спасительные истины, в физическом аспекте своего существования оказывается в полной зависимости от природы и людей, производящих продукты питания и другие необходимые средства существования. В более распространенном случае приверженность к мистической религиозности не обязательно ведет к полному уходу от мира. Мистик может оставаться в миру, выполнять повседневную работу, участвовать в социальных отношениях. Но его участие в мирских делах характеризуется минимальной заинтересованностью в их результатах и презрением к материальным выгодам, и стремлением свести свою активность к минимуму, приспособиться к тому, что дает природа и социальное окружение при минимальной затрате усилий, а значит и зависимостью от природной и социальной данности, несвободой по отношению к ней.

В индуизме отсутствует произвол Бога, случайность, каждый человек занимает свое место в кастовой системе в точности в соответствии с совокупностью заслуг и антизаслуг в прошедших рожденьях — кармой. Он может, прервав сансару, полностью выйти из земного бытия, или в течение жизни улучшить совою карму и таким образом обрести спасение в каком-либо из будущих рожденьев. Таким образом, по оценке М.Вебера, кастовая структура индийского общества, сакрализованная с помощью учения о карме, становится вечной, как различия между человеком и животными или между человеческими расами.

В *институциональном плане* индуизм не имеет ни четко организованной церкви, ни жесткой догматики, ни иерархии. Исследователи отмечают, что он институционализируется не в церкви, а в образе жизни, пронизанном многочисленными ритуалами и обрядами, поклонении многочисленным богам и духам, посещении храмов и святых мест, а также в жесткой сакрализованной социальной системе.

Главный тормоз развития духовных предпосылок современного капиталистического общества М.Вебер видел не в каких-либо частных положениях религиозно-ритуального комплекса, а в «духе индуизма» в целом. При этом М.Вебер указывает, что развитию эндогенного капитализма в Индии препятствовали не конкретные ритуальные запреты, а целостная система ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов, заложенных в индуистском религиозном сознании, квинтэссенцией которого является учение о карме, получившее реальное воплощение в кастовой системе.

Такие на первый взгляд значимые препятствия для развития капиталистического предпринимательства, как многочисленные ограничения на общение для членов разных каст, обусловленные требованиями ритуальной чистоты, низкий статус, а в некоторых случаях и недопустимость физического труда по найму, по мнению М.Вебера, не являются непреодолимыми и в конечном счете не останавливают создание современных предприятий буржуазного типа. Совместный труд представителей различных каст возможен как благодаря представлениям о «чистоте рук ремесленника в его профессии», так и соблюдению не слишком сложных ритуальных ограничений.

Однако устойчивость кастовой структуры и соответствующих ей мировоззренческих принципов «перекрывают» развитие капиталистического предпринимательства на более высоких уровнях духовной регуляции. Определяемая индуистскими религиозными ценностями картина мира не содержит установок на бесконечное, имеющее цель лишь в себе самом наращивание капитала и развитие производства.

2.3.2. Конфуцианство и хозяйственная жизнь

В работе «Конфуцианство и даосизм» М. Вебер подчеркивал, что Китай по уровню своего экономического, технологического и социально-политического развития в XV XVII вв. во многом превосходил Запад, и именно там сложились наиболее адекватные предпосылки развития капитализма. Многие важнейшие открытия, повлиявшие на развитие науки, техники, индустрии были сделаны в Китае (порох, компас), но получили практическое применение на Западе. М. Вебер объяснил это тем, что конфуцианская картина

мира ориентировала не на преобразование мира и активность, а на пассивное приспособление к внешним обстоятельствам.

Конфуцианство признает не личного Бога-творца, а неизменный и вечный космический порядок — Небо, Дао. Общество является частью этого космоса и подчиняется его единым законам, его вечной гармонии. Подчинение законам космоса, приспособление к ним является единственным условием счастья, которое состоит в покое и совершенстве. Все социальные и человеческие несчастья происходят в результате нарушения правителями, чиновниками или простыми людьми предустановленного порядка, непочтения к старшим, непослушания, нарушения законов. М.Вебер подчеркивает, что «Истинным путем к святости является приспособление к вечному сверхбожественному мировому порядку — Дао, а также к порожденным космической гармонией социальным нормам общежития. Прежде всего: исполненное пиетета включение в устойчивый порядок мировых сил»²³.

В отличие как от христианства, так и от индуизма, в конфуцианской картине мира отсутствует напряжение по отношению к нему и его практическое неприятие. Мир является лучшим из возможных миров. Человек по природе своей добр, и люди отличаются друг от друга лишь степенью добродетели, которая определяется в первую очередь знанием традиционных норм, законопослушанием, почитанием старших, то есть образованием. Универсальным средством достижения добродетели и совершенствования личности является образование, в основе которого лежит изучение классических философских и литературных текстов, а предпосылкой, условием для получения образования является материальный достаток. Нужда и отсутствие образования препятствуют добродетели и порождают пороки, нарушение этикета и законов.

Конфуцианство занимает особое место среди религий: оно представляет собой мировоззрение и картину мира, свод норм мирской этики, детально регулирующей образ жизни, но не имеет такого важного атрибута религии, как вера в сверхъестественное, догматики, иерархии, деления на клир и мирян.

²³ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B. I. Konfuzianismus und Taoismus. Tübingen, 1923. , с. 514.

Можно сказать, что *институционализация* конфуцианства практически совпала с государственной, поскольку его центральной фигурой являлся образованный чиновник и просвещенный добродетельный правитель.

Конфуцианские представления о социальных отношениях исходят из того, что все люди равны перед Небом и его законами и от природы добры. Социальная иерархия, на вершине которой находятся император и чиновники-бюрократы, хотя и поддерживается весьма жестко, но по сравнению с кастовой системой является «открытой», ибо продвигаться по ней может каждый, сдавший экзамены и совершенствующийся в добродетели, то есть соблюдающий ритуал, почитающий старших и т.д. Повседневное общение людей, их совместную работу, политическую, хозяйственную и т.д. деятельность конфуцианская этика ограничивает рамками ритуала, в основе которого — глубокий пиетет перед старшими. Конфуцианская этика носит предельно рациональный и всеобщий мирской характер, отношение человека к своей деятельности определяется не ее внутренним содержанием и смыслом, а легальностью, соответствием традиционным правилам, а также адаптацией к сложившимся условиям материального и социального бытия.

В конфуцианском Китае веками складывалась традиция рационального управления экономикой. Однако к хозяйственной деятельности образованный конфуцианец относился с позиций чиновника, а не предпринимателя. Сам Конфуций уделил немало внимания проблемам хозяйства, решить которые считал возможным лишь на основе соблюдения этических норм. В трактате «Луньюй» он пишет: "Люди желают богатства и знатности. Если не руководствоваться правильными принципами, их не получишь. Людям ненавистны бедность и низкое положение в обществе. Если не руководствоваться правильными принципами, от них не избавишься». Вне правильной, справедливой жизни, проникнутой уважением к старшим и соблюдением установленных норм, богатство утрачивает свою легитимность: «богатство и знатность, полученные не по справедливости, для меня подобны облакам, плывущим по небу» — утверждает Конфуций.

Созданные в рамках конфуцианской традиции экономические трактаты предписывают строгий контроль за хозяйством со стороны государства, особое внимание к финансам и своевременному и полному сбору налогов, а также и

созданию условий для обогащения народа, поскольку его богатство является залогом процветания государства. Кроме того, они рекомендуют уделять должное внимание справедливости нравов и рациональности мотивов в сфере хозяйства: важнейшими «догмами» конфуцианской экономической концепции являются требования «придавать большое значение справедливости и пренебрегать выгодой» и «избавляться от расточительности и поощрять бережливость». Бережливость, трудолюбие и почитание старших — основы национальной добродетели, обеспечивающие главную цель хозяйствования: стабильность и порядок в государстве при сохранении правящей династии. В то же время, богатство и процветание воспринималось как функция разумного и добродетельного управления, что подтверждает известное высказывание Конфуция о том, что при хорошем правителе стыдно быть бедным, а при плохом — богатым.

Таким образом, достаточно развитая рациональная экономическая мысль в конфуцианском Китае рассматривала хозяйственное развитие под углом зрения государственных интересов, в первую очередь стабильности и незыблемости традиции, в результате чего чиновничий аппарат и бюрократические принципы управления подменяли предпринимательскую инициативу и объективные законы развития экономики. В то же время ориентация на рациональную адаптацию к внешним условиям позволила странам конфуцианской традиции быстро и эффективно осуществлять догоняющую модернизацию.

2.3.3. Хозяйственная этика ислама

Хозяйственная этика ислама строится на активном принятии мира как единого творения Аллаха. М.Вебер назвал ислам религией воина, покоряющего мир, имея в виду агрессивное отношение раннего ислама к немусульманскому окружению, противостояние мира ислама (дар-уль-ислам) остальному миру (дар-уль-харк). Главная ориентация мусульманина — на единство общины верующих, укрепление ее богатства, славы и влияния.

Богатство в мусульманской культуре ценится и приветствуется, частная собственность священна и неприкосновенна, но с ограничениями на способы

его наживания. Богатство должно быть праведным, и для регуляции экономической деятельности в исламе существует ряд запретов. Прежде всего это *риба* — запрет взимания ссудного процента и обязательный *закят* — налог на имущество в пользу бедных. Соблюдение этих норм обеспечивает соответствие нажитого богатства господствующей нравственности и свидетельствует о его праведности и почетности. Мирская активность в целом ценностно нейтральна, она не является самоцелью, но ее и не следует избегать. Профессиональная деятельность поощряется исламом, но не ради наживы самой по себе. Профессия имеет смысл как форма интеграции индивида в общину единоверцев (умму) в качестве ее деятельного и полезного члена. Основой единства верующих является подлинное равенство людей перед Аллахом, ежедневные совместные молитвы и другие религиозные обряды.

Ислам имеет четкую *институциональную* структуру — систему учреждений, догматику, богословие и т.д. В рамках религиозного учения развиваются представления об «исламской экономике», в основе которых подчинение экономического роста и предпринимательской активности высшим духовным принципам. В соответствии с представлениями о равенстве людей перед Богом исламские экономисты пытаются найти практические пути реализации принципов частичного перераспределения доходов в пользу бедных и организации беспроцентных банков.

2.3.4. *Хозяйственная этика иудаизма*

Хозяйственная этика иудаизма проникнута духом рациональности и мирской аскезы, поэтому она, по мнению М.Вебера наложила существенный отпечаток на формирование буржуазного рационализма. Для иудаиста материальный мир не хуже мира духовного, напротив, он является венцом творения, поэтому нет нужды его не принимать. Специфика иудаистской хозяйственной культуры основывается на вере в то, что истинное служение Богу возможно только реальным деянием, воплощающим благочестие помыслов в энергию творчества и созидания. Религиозный долг каждого верующего состоит в обустройстве хотя бы части окружающего мира в соответствии с божественной волей и моральными нормами, поэтому любая деятельность, любой труд и любая профессия оказываются почетными и

уважаемыми. Главное, чтобы эта активность осуществлялась рационально и чтобы каждый верующий иудей имел свой "план жизни", то есть четко осознавал цель, которую он стремится достичь и основные этапы ее достижения. Поэтому воспитание молодежи главной целью имеет формирование способности планировать цели и средства их достижения, рационально использовать средства и развивать свои способности.

Таким образом, иудаистская религиозная этика ориентирует на рациональную мирскую активность, которая может проявляться и в хозяйственной, предпринимательской деятельности. Неминуемо присущий ей эгоизм не осуждается иудаизмом, поскольку он способствует мобилизации воли и энергии человека, а выгода для одного в конечном счете всегда оборачивается пользой и для общества. Накопленное богатство рассматривается как справедливое вознаграждение за труд (в том числе торговый, банковский). Иудей, терпеливо перенося нужду и невзгоды и воспринимая их как божественное испытание или кару, ждет вознаграждения еще в этой жизни, в недалеком будущем. По мнению М.Вебера, мирская этика иудаизма способствовала специфической склонности его последователей к рациональной финансовой деятельности. Эти особые духовно-нравственные традиции обеспечили им в древности и средневековье существенные преимущества над христианами.

Все виды праведной, полезной деятельности, все профессии в равной степени принимаются иудаистской трудовой этикой. Уважением пользуются земледелие и ремесло, но безусловную особенность трудовой и профессиональной культуры иудаизма составляет особый пиетет к образованию и знанию. Лишь иудаизм предписывает всем без исключения систематическое изучение Священного Писания и его публичное разъяснение и толкование. Первейший долг каждого отца - дать образование детям, причем не только мальчикам, но и девочкам: источники свидетельствуют, что в средние века в европейских городах, где большинство населения было неграмотным, у евреев грамотность была практически полной.

Тема 4. Хозяйственная культура

Понятие хозяйственной культуры. Хозяйственная культура как предмет социологии. Ценностно-нормативные основы хозяйственной деятельности.

Базовые ценности хозяйственной культуры: труд, богатство, собственность, практицизм, предприимчивость, профессионализм; их содержание и специфика в разных обществах.

Структура хозяйственной культуры: личностный и институциональный уровни; специализированный и срединный, обыденный (повседневный) уровни.

Функции хозяйственной культуры: мотивация хозяйственной деятельности и трансформация ценностных образцов. Легитимация разных видов хозяйственной деятельности посредством генерализации ценностного образца. Легитимация института предпринимательства как накопление «символического капитала» (П. Бурдьё). Регуляция хозяйственной деятельности через выработку и сохранение ценностных образцов; трансляция и преемственность ценностей и образцов хозяйственной деятельности.

§ 1. Понятие хозяйственной культуры

Понятие «хозяйственная культура употребляется в современной науке, а также и в публицистике, все чаще, однако главным образом на интуитивном уровне. Попытки ее четкого определения пока сделаны лишь немногими исследователями и носят недостаточно определенный характер. Это можно объяснить как сложностью и многогранностью более общего, родового понятия «культура», так и неопределенностью специализированной области «хозяйство», смешение его с экономикой и материальной жизнью общества.

Хозяйственная культура должна быть определена через понятие культуры вообще. Множество определений культуры, существующих в современной науке, заставляет нас остановиться на одном из них, наиболее точно соответствующем поставленным нами исследовательским задачам. В самом широком плане культуру можно определить как духовную

составляющую любой человеческой деятельности, как общую систему ценностных ориентаций, смыслов, мотивов, норм, обеспечивающих поддержание целостности и развития общества. Культура проявляется в любой форме деятельности и в любой социальной сфере как ее человеческое измерение, как полагание и реализация представлений о должном и совершенном. Это определение, не исчерпывая всех возможных подходов к культуре, раскрывает ее наиболее общие и значимые характеристики и широко используется в современной культурологии¹ и других дисциплинах.

Согласно концепции Т.Парсонса, культура как подсистема общей системы социального действия образует «высшую реальность», и она связана с системой действия посредством структурирования смысловых ориентаций. За культурной системой закрепляется в основном функция сохранения и воспроизводства образца поведения, его трансляция и творческие преобразования². Основной структурной переменной, с помощью которой можно анализировать систему культуры, являются ценности, которые представляют собой «не что иное как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств»³.

Таким образом, хозяйственную культуру можно определить как систему ценностей, задающую, воспроизводящую и творчески преобразующую образцы поведения в области хозяйственной деятельности.

Ценности культуры, выполняя основную функцию поддержания образца и мотивирует и регулирует поведение человека в соответствии с представлениями о должном, желательном типе социального действия и социального устройства; способствуют интеграции общества через универсализацию и трансляцию образцов и обеспечение легитимности (в смысле моральной оправданности и допустимости) тех или иных действий; через творческое изменение ценностных образцов культура способствует дифференциации, усложнению социального действия и общества в целом, его

¹ Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1996, с. 23—25.

² Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997, с. 17, 16.

³ Там же, с. 18.

исторической динамике по прогрессивному в целом пути усложнения и адаптации к меняющимся реалиям.

Хозяйственная культура представляет собой систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной (трудовой, производственной, предпринимательской, финансовой, коммерческой и т.д.) деятельности, определяющих форму ее осуществления, а вместе с тем и восприятия ее обществом.

Хозяйственная культура изучается социологией именно в тех аспектах, которые связаны с мотивацией и регуляцией хозяйственного поведения людей, с динамикой хозяйственной жизни общества, с формированием и функционированием хозяйственных институтов. Предметом социологии хозяйственной жизни являются нормы и правила, регулирующие поведение, эталонные образцы действия в определенной ситуации, ожидаемое поведение и способы его моделирования, а также фундаментальные ценности, идеи, символы, их интерпретация, развитие и трансляция. К предмету социологии хозяйственной жизни следует отнести и условия легитимации, то есть одобрения и принятия обществом тех или иных хозяйственных институтов и формирование «символического капитала» (П.Бурдье) социальных классов и групп, занятых разными типами хозяйственной деятельности. Следует отметить, что социология изучает хозяйственную культуру, как и любую другую область, в рамках конкретных обществ, как реально функционирующую и исторически определенную и уникальную совокупность ценностей, норм, смыслов.

Вопрос о хозяйственной культуре — это прежде всего вопрос о нематериальных составляющих хозяйственной деятельности, о том, что, помимо чисто практических и утилитарных потребностей, движет экономической деятельностью человека, какие жизненные установки регулируют эту деятельность и каково ее нормативно-ценностное обоснование в общей социокультурной системе данного общества. Участие человека в материальном производстве определяется не только его конкретными потребностями в материальных благах и существующим в обществе классовым делением и разделением труда, но также и сложившимися представлениями о смысле и достойном образе жизни, о социально-значимых целях, о

престижности и допустимости тех или иных видов деятельности, о собственности, материальном благосостоянии и богатстве, об успехе и о взаимоотношениях людей в процессе хозяйственной деятельности.

Хозяйственная культура определяется характером и динамикой материального производства, и в то же время, сама определяет его. Невозможно работать в сфере хозяйства — будь то предпринимательство, высокосложные финансовые и коммерческие операции, или физический труд любого уровня квалификации — и при этом не осознавать своей деятельности, не относиться к ней как к желанной или тягостной, престижной и почетной или позорной, обусловленной социальным статусом и потому гармоничной или, напротив, выводящей за пределы должных социальных отношений и потому нуждающейся в оправдании в глазах общества, как к соответствующей представлениям о смысле жизни человека и его предназначении или унижающей человеческое достоинство и противоречащей его сущности. Представления о высокой духовной, моральной ценности той или иной деятельности, наделение ее надобыденным смыслом побуждает активнее заниматься ею, и наоборот.

Существующие в культуре запреты и ограничения на тот или иной вид деятельности могут серьезно замедлить развитие соответствующих отраслей хозяйства и обеспечить минимальную конкуренцию для представителей тех субкультур, которые не знают подобных запретов (рост еврейского банковского капитала в странах Западной Европы объясняется не только особой склонностью иудеев к финансам, но и жестким запретом на ростовщичество у европейских христиан. Необходимость развивать ту или иную сферу экономики при нежелании разрушать устойчивую социокультурную систему нарушением запретов стимулирует поиски новых форм для привычных экономических институтов (например, запрет на взимание ссудного процента в исламских странах породил в наши дни такое явление, как "беспроцентные банки"). Формирование новых духовных ценностей может дать мощный стимул для активизации хозяйственной деятельности, классическим примером чему является зарождение протестантизма и капиталистического предпринимательства в Западной Европе.

§ 2. Хозяйственная культура в социальной системе

Хозяйственная культура является *элементом социокультурной системы общества*, связана с другими ее элементами и может быть понята только в контексте этой связи. Прежде всего, она определяется самыми общими, фундаментальными представлениями о структуре и смысле мироздания, месте в нем человека, мере и направлениях его активности, смысле его существования. Действующий субъект социальной жизни, в том числе и хозяйственной, в долгосрочном, историческом масштабе ориентируется не просто на удовлетворение интересов, и не на отдельные захватывающие его идеи, а на целостные картины мира, которые упорядочивают мир, наделяют его смыслом и задают человеку систему координат, в которой он и определяет свою жизнедеятельность. Проецируясь на хозяйственную деятельность, такие общие упорядоченные социокультурные системы — картины мира — и формируют ценности хозяйственной культуры.

В сферу хозяйственной культуры входят те ценности и смыслы, которые имеют отношение к любым видам хозяйственной деятельности человека. Общие представления о смысле жизни, о месте человека в мироздании и его предназначении, о его сущности и природе, об отношениях между людьми, о добре и зле, о праведности и грехе — все это может влиять на хозяйственную культуру.

Особое влияние на формирование хозяйственной культуры оказывают *религии*. Этот факт, впервые подробно исследованный М. Вебером, ныне не вызывает ни у кого сомнений. Объясняется это тем, что глубинной основой мотивации является мировоззрение и в первую очередь — решение вопроса о смысле жизни, которое в большинстве развитых обществ определялось религиозной верой. Так, протестантское представление о человеке—орудии Бога, преобразующем грешный мир во славу Его, порождает активное отношение человека к миру вообще, «развязывают ему руки» в повседневной деятельности, возводит активность в ранг добродетели, соответственно, стимулирует и хозяйственную активность. Представление о Божественном призвании (*Beruf*) в лютеранстве превращает профессию и повседневный труд в служение Богу и таким образом определяет формирование трудовой этики, столь много значащей для становления западноевропейской цивилизации.

Хозяйственная культура тесно связана с *социальными отношениями*. Прежде всего, на нее влияет характер соотношения индивида и аскриптивных социальных общностей — общины, касты, сословия, корпорации, или его связь с рынком. В особенности значение имеют соотношение индивидуальных и коллективных интересов, аскриптивных и достижительных ценностей. Подчинение индивидуальных практических и достижительных ориентаций коллективным или их свобода является важнейшим фактором формирования этики успеха и предпринимательской этики — важнейших составляющих хозяйственной культуры.

Ориентация хозяйственной деятельности на аскриптивные ценности, на поддержание аскриптивных общностей долгое время было принято считать признаком архаичности социального организма и даже его доэкономического состояния, в то время как индивидуальная достижительность и ориентация на рынок являются сущностью экономических отношений, ведущих к формированию капиталистической системы. Однако современное развитие хозяйственной жизни показало, что корпоративные ориентации и аскриптивные ценности имеют большое значение не только в архаичных, но и в сверхсовременных, постиндустриальных обществах, являются важнейшими инструментами современных систем менеджмента и организации фирмы. Опыт показал, что общества, в которых аскриптивные отношения не утратили доминирования — например, Япония, новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии — обладают мощным потенциалом современного развития и формирования самобытной продуктивной хозяйственной культуры.

Хозяйственная культура в ее формировании и функционировании тесно связана с *политической культурой*, парадигмами политического мышления и политической жизни. Так, существенное влияние на хозяйственную культуру оказывают представления о роли государства в обществе и о соотношении групповых, корпоративных, индивидуальных — и государственных интересов. Сложившаяся на Западе либеральная парадигма основывается на независимости индивида от государства, неподчинении его государственным интересам. В контексте либерального социально-культурного комплекса утвердились представления о том, что богатеть можно вопреки государству и независимо от него. Государству здесь отводится минимизированная роль «ночного сторожа»,

вмешательство которого в экономику, пусть даже в качестве «дирижера», чревато его чрезмерным усилением и потому нежелательно.

Политические культуры Востока и дореволюционной России, напротив, отводят государству роль интегратора и верховного арбитра в обществе, гармонизирующего отношения между индивидами и первичными социальными ячейками. В связанных с ними хозяйственных культурах индивид ориентирован на обогащение вместе с государством и ждет от него активной экономической политики. Между этими двумя крайними полюсами развиваются конкретные экономические системы Запада и Востока, сочетающие независимость субъекта экономики от государства с активной экономической политикой в различных пропорциях, соответствующих национальным особенностям.

В контексте политической культуры формируется система приоритетов по линиям индивидуальные/корпоративные — общие/национальные/государственные интересы, что также оказывает весьма существенное влияние на хозяйственную культуру. Для США характерен приоритет интересов частного бизнеса перед общенациональными и государственными, для Японии и других восточных культур — наоборот, и это оказывает существенное влияние на современное экономическое развитие и конкурентоспособность экономик: государство, в базовых принципах которого изначально не заложена забота о частном бизнесе, неохотно идет на введение протекционистских мер и оказание финансовой поддержки. Например, в Японии и Западной Европе при поддержке государства создаются мощные объединения для проведения дорогостоящих научных разработок, а американские предприниматели вынуждены в гораздо большей степени полагаться на свои силы. Американские предприниматели, в свою очередь, тоже не спешат менять ориентации своей деятельности и отказываться от прибылей в пользу соблюдения национальных интересов, подкрепляя свое нежелание менять приоритеты утверждением, что акционеры не одобряют подобной политики. Таким образом, для общества основным смыслом и ведущим мотивом предпринимательской деятельности выступает по-прежнему прибыль, а не общие интересы нации. Этот пример прекрасно иллюстрирует различные пути решения проблемы в контексте двух принципиально различных ценностных и смысловых моделей предпринимательской деятельности.

Эта проблема проецируется и на уровень культуры корпорации, где также стоит вопрос о приоритете интересов акционеров или развития компании в целом. Здесь также наиболее принципиально различаются американская и японская хозяйственная культура: В Японии компания считается собственностью не только акционеров (как в США), но и менеджеров и работников, при этом менеджеры и работники выступают как более значимые субъекты ее деятельности. Целью компании в японском понимании является не максимальная прибыль ради выплаты дивидендов, а ее стабильное развитие в целом в долгосрочной перспективе. Ради реализации этой цели выплаты дивидендов осуществляются по "остаточному принципу"⁴.

Государство само может выступать в роли крупного предпринимателя, и место государственного сектора в экономической системе, его значение, удельный вес, особенности организации, а также отношение к нему в обществе влияют на складывание хозяйственной культуры. Традиционно крупный и весомый государственный сектор в российской экономике обусловил и его особо высокое влияние на хозяйственную культуру. Неустойчивость института частного предпринимательства в России, неартикулированность его интересов и ценностей, слабость самого института частной собственностью всегда связывали именно с высокой экономической активностью государства. С влиянием государства связывают обычно и такие особенности деловой культуры, как бюрократизм, медлительность, негибкость, а в конечном итоге — чиновничье безразличие к эффективности работы.

С другой стороны, именно участием государства в хозяйственной жизни В. Зомбарт приписывал инициативу, «первичный зачаток» предпринимательства во многих областях хозяйства, трудных для освоения индивидуальными предпринимателями (крупное мануфактурное производство, горное дело, транспорт и т.д.). Ему же хозяйственная культура Запада обязана становлением таких особенностей капиталистического предпринимательства, как ориентация на долгосрочные цели и стабильность предприятия, в

⁴ См. Отличительные черты управленческой системы японских компаний // Японский феномен. М., 1996, с. 128—131.

противоположность погоне за быстрой прибылью добуржуазного дельца-авантюриста⁵.

В. Зомбарт же показал, что именно из сферы государственного управления в практику частного предпринимательства пришли многие полезные управленческие приемы и навыки, ставшие неотъемлемой частью современной деловой культуры. Так, бухгалтерский учет был заимствован из опыта городского самоуправления Италии XV века. Сама идея организации, строгой должностной иерархии, четкого разделения обязанностей и ответственности пришла в хозяйственную организацию, по мнению В. Зомбарта, из практики государственного управления⁶.

Ценности политической культуры, такие, как справедливость, господство и подчинение, свобода и ответственность опосредованно влияют на отношения в сфере производства, на деловую культуру и менеджмент. Представления о том, кто и на каких основаниях имеет легитимное с культурной точки зрения право управлять другими людьми и каким образом он должен это делать, проецируются с политической культуры на отношения людей в сфере производства.

Хозяйственная культура в ее формировании и развитии связана с *нормативно-правовой базой и правосознанием общества*, системой прав и обязанностей групп, индивидов, государства. Правовая система формально закрепляет хозяйственные институты и нормы поведения хозяйствующих субъектов, предполагает законные механизмы регуляции экономической деятельности. Хозяйственная культура включает отношение субъекта экономики к правовому регулированию его деятельности, общий уровень правосознания в обществе влияет на степень экономического правосознания, его уровень и особенности. Приоритет права или морали в решении экономических конфликтов составляет важную особенность разных социокультурных систем.

В Америке конфликты разрешаются с помощью юристов, здесь сосредоточено две трети всех юристов мира, и эта профессия является одной из

⁵ В. Зомбарт. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994, с. 72.

⁶ Там же, с. 221; 218.

самых престижных и высокооплачиваемых. В России избегают обращаться в судебные инстанции, но и на личностном уровне конфликт как правило разрешается через "победу" одной из сторон и "поражение" другой, что обуславливает интенсивное развитие в постсоветской России «силового предпринимательства» — законных и незаконных субъектов, формирующих рынок услуг по охране прав собственности и контролю за исполнением контрактных обязательств в условиях низкого взаимного доверия и нежелания признать интерес другого в качестве легитимных⁷. Японцы к юридической помощи обращаются редко (на одного юриста здесь приходится в 25 раз больше граждан, чем в США), потому что склонны к взаимным уступкам, которые в их сознании не противоречат частным интересам. Американцы рассуждают в терминах "права", а японцы — в терминах "долга", что позволяет налаживать отношения на взаимовыгодной основе. Деловые партнеры здесь ориентированы на достижение согласия при безусловном признании легитимности интересов друг друга (что вовсе не исключает жесткой конкуренции в их среде).

Или это все в тему 3? А? как быть? Что делать? Кто виноват?

§ 3. Базовые ценности хозяйственной культуры

Ценности культуры, согласно Т.Парсонсу, это представления о должном, об образцах действий. Прежде всего необходимо решить вопрос о том, является ли хозяйственная культура самостоятельным сегментом общей культуры. Мы можем лишь частично согласиться с российским социологом Р.В. Рывкиной, которая утверждает, что «экономическая культура — это «проекция» культуры (в ее широком понимании) на сферу социально-экономических отношений. Именно проекция, а не часть общей культуры, поскольку в сфере экономики и связанных с ней социально экономических отношений работает вся культура: все ее элементы проявляются, так или иначе функционируют здесь»⁸. Можно согласиться с тем, что практически любая ценность и норма культуры может «проецироваться» на сферу хозяйства — «справедливость», «престиж» и т.д. Но при этом они получают специфическую интерпретацию, фактически образуют

⁷ Волков В. Силовое предпринимательства. СПб., 2002, с. 36.

⁸ Экономическая культура: ее сущность и функции // Т.И.Заславская, Р.В.Рывкина. Социология экономической жизни. М., 1991, с. 110.

новые видовые понятия — например, «экономическая справедливость», «социальная справедливость», «справедливое распределение», «престижное потребление», «престижная профессия», в силу своей причастности к сфере хозяйства образующие единый смысловой ряд. Отнесенность к сфере хозяйства позволяет объединить их и выделить в самостоятельную сферу, сегмент общей культуры. Однако представляется, что специальная сфера хозяйственной культуры этими ценностями не исчерпывается. К ней можно отнести ценности двух типов. Во-первых, это ценности и нормы, образующиеся в результате «проекции» на сферу хозяйства универсальных ценностей: «индивидуализм» — «хозяйственный индивидуализм», «состязательность» — «экономическая конкуренция» и т.п. Во-вторых, в сферу хозяйственной культуры входят и собственные базовые ценности и нормы. Базовые ценности хозяйственной культуры формируются в процессе хозяйственной деятельности и непосредственно регулируют ее, обеспечивая ее мотивацию, регуляцию и легитимацию.

В качестве базовых ценностей хозяйственной культуры можно выделить ***труд, собственность, богатство, практицизм, рациональность, профессионализм, предприимчивость.***

Труд, являющийся одной из фундаментальных ценностей хозяйственной культуры, через которую выражается отношение человека и общества к деятельности, лежащей в основе социального бытия. На протяжении всей человеческой истории труд является не только экономической или социальной категорией, но и имеет смысловую, символическую, нравственную, эстетическую значимость: он может рассматриваться как достоинство или унижение человека (рабский, подневольный труд); как средство совершенствования личности (аскетическое трудничество православных монахов) или наказание, проклятие; как способ самовыражения, самореализации личности (мирская аскеза протестанта) или сфера отчужденного бытия, в которой работник лишается своей истинной человеческой сути; как служение Богу или Божье проклятие.

Таким образом, культурная ценность труда является противоречивой и неоднозначной. То, какая из сторон перечисленных оппозиций реализуется в

конкретной культуре, зависит от многих социальных, идеологических и исторических обстоятельств:

1. От места, которое трудящиеся занимают в системе общественных отношений. В добуржуазных обществах физический труд является уделом низших слоев общества, рассматривается как признак низкого социального положения, поэтому воспринимается как занятие недостойное, "низкое". В античном мире труд был недостойным свободного гражданина уделом рабов. Представители высших классов и сословий предаются "благородной праздности", которая сама по себе составляет признак высокого статуса. В буржуазном обществе, лишенном сословно-статусных различий трудолюбие является одной из базовых ценностей, но предпринимательский и управленческий труд все же является более престижным, поскольку приносит больше дохода, чем непосредственно производительный.

2. От определяемой господствующей религией (или идеологией) высшей духовной ценности материальной деятельности и конкретных ее форм. Так, мироотвергающие религии приписывают материальной мирской активности низкую ценность, рассматривая ее как фактор, отвлекающий от спиритуалистического спасения, от духовного совершенствования, достичь которое можно, лишь сведя к минимуму свое активное заинтересованное участие в делах общества. Религии, которые принимают мир (конфуцианство, ислам), принимают за образец должного и деятельность в миру.

3. От конкретных представлений об успехе и путях его достижения. В японской культуре, например, успех является коррелятом трудолюбия и усердия, а в раннем пассионарном варианте "американской мечты" успех не обязательно рассматривался следствием трудового усердия, а представлял собой скорее результат силы духа, умения воспользоваться обстоятельствами;

4. От устоявшихся представлений об отношениях руководства и подчинения в производственной деятельности: известно, что в большинстве обществ наемный труд пользуется значительно меньшим престижем, чем свободный труд самостоятельного хозяина. Повышение статуса наемного труда в условиях индустриально-капиталистического производства было результатом длительной эволюции социальных отношений и культуры. Как показал М.

Вебер, революционизирующую роль здесь сыграло христианство и в особенности протестантская этика, уравнившая ценность всех видов труда;

5. От технологических и эстетических характеристик труда. Тяжелый неквалифицированный физический труд всегда пользуется меньшим престижем, чем квалифицированный. Интеллектуальный труд как правило более престижен, чем физический, несмотря на искусственные идеологические попытки это изменить, предпринимаемые в некоторых обществах (например, у некоторых категорий средневекового европейского монашества или у создателей идеологии диктатуры пролетариата и у идеологов СССР).

Труд как ценность, то есть образец должного образа действий, является результатом исторического развития общества, на ее формирование оказывает влияние совокупность различных экономических, социальных, религиозных, идеологических, конкретно-исторических факторов и обстоятельств.

Труд как категория культуры охватывает не только непосредственно производственный, физический труд, но и труд по управлению и организации производства, труд предпринимателя, а также и интеллектуальный труд в сфере духовного производства. Каждый из этих видов труда имеет свою собственную культуру, обладает собственной ценностью, престижем, мотивациями и т.д. Уравнивание различных видов деятельности в качестве достойного, полезного и нравственно совершенного занятия способствует интеграции общества и дает дополнительные стимулы для повышения уровня хозяйственной культуры.

Следует отметить, что свободный производительный труд как основа общественного благосостояния в подавляющем большинстве развитых обществ, известных исторической науке, пользовался уважением и имел достаточно высокий культурный статус. Усердный труд земледельца и ремесленника уважался и считался добродетелью и в античности, и в средневековой Европе, и даже в Индии варна земледельцев-вайшьев относилась к числу дваждырожденных, то есть высших (хотя и уступала статусом священнослужителям-брахманам и правителям-кшатриям). Везде существовала, по выражению В. Зомбарта, «мещанская культура», утверждающая добродетели трудолюбия, бережливости, здоровой практичности. Но эта культура всегда занимала локальную нишу в общей системе той или иной культуры, значимость

и престиж ее ценностей был ограничен, распространялся не на все общество, а на достаточно узкий слой лично свободных тружеников-собственников.

Культурное, ценностное содержание труда является важнейшим фактором экономической жизни общества, поддержание положительного отношения к труду, его высокого статуса на шкале ценностей во многом определяет успех социально-экономического развития. Так, традиционные общества, отводившие труду низкий, во всяком случае, локальный, культурный статус, многие века пребывали в состоянии хозяйственного застоя. Изменение отношения к труду в позднем европейском средневековье, а затем его возвеличивание в ходе Реформации в качестве единственной формы служения Богу привело к интенсификации хозяйственной жизни, и в конечном счете — к социально-экономическому прорыву Западной Европы.

Поддержание высокого статуса и культурной значимости труда является важнейшей предпосылкой успеха социально-экономической модернизации. Традиционное японское трудолюбие, поддерживаемое всей системой культуры, обусловило модернизационный прорыв Японии в ходе реформ Мейдзи и после тяжелого поражения во второй мировой войне, послужило самой значимой основой "японского чуда".

В определенных исторических обстоятельствах, прежде всего на переломах развития, возникает необходимость в подъеме трудовой культуры, и тогда общество через систему господствующей идеологии вырабатывает и внедряет в массовое сознание высокие трудовые ориентации. Так, после свершения социалистической революции в России вставшие у власти коммунисты столкнулись с необходимостью создания фактически заново крупной современной индустрии и повышении производительности труда. При всех масштабах развернутых в стране репрессий, одним принуждением добиться желаемых целей было невозможно, и в СССР была развернута воистину беспрецедентная кампания по трудовой мобилизации общества. Труд был провозглашен "делом чести, делом доблести и героизма", получив характеристики, применимые скорей к подвигу на поле брани, нежели к повседневным обязанностям. Ответом на идеологические призывы был массовый энтузиазм общества и серьезные достижения в области экономики.

Однако такая мобилизационная трудовая культура оказалась неустойчивой, в течение длительного времени поддерживать ее было невозможно, как невозможно постоянно находиться в напряжении битвы. Как только ближайšie поставленные цели были достигнуты, энтузиазм ослабел и трудовая культура вернулась на прежний уровень, а попытки поддержания мобилизационной готовности "трудового фронта" с помощью идеологических кампаний типа "социалистического соревнования" потерпели поражение.

С ценностью труда связано его качество, которое определяется необходимым уровнем профессионализма, старанием, самоотдачей, обусловленной наделением труда высшей духовной и нравственной ценностью. Там, где труд является формой служения Богу, где профессионализм и совершенство продукта труда являются религиозным долгом (например, в профессиональной этике католицизма и в еще большей степени — протестантизма) формируется традиция высокого качества труда. Особенно ярко эта тенденция проявляется в тех культурно-этических системах, где высший смысл имеет повседневность во всех ее конкретных проявлениях (протестантский Запад, Япония). Качественный труд становится элементом не только специализированной профессиональной, но и срединной хозяйственной культуры, превращается в устойчивую массовую норму хозяйственной деятельности.

Там, где имеет смысл духовное и нравственное содержание процесса труда как аскетического средства самовоспитания личности, а его форма и практический результат второстепенны (например, в православной культуре), массовое качество труда обычно ниже. На уровне экстремальной и высокопрофессиональной культуры нередко высокое качество труда, но как норма срединной и повседневной культуры оно неустойчиво. В советский период российской истории, несмотря на интенсивные идеологические кампании за качество, эта тенденция не была преодолена.

Собственность является не только экономической, юридической и политической категорией, отражающей исторически определенный способ присвоения людьми предметов производственного и непроизводственного потребления. Собственность, по сути, отражает не отношения людей и объектов (вещей, капиталов, земли и т.д.), но отношения между людьми по поводу этих

объектов. Проецируемая на менталитет и ценностно-нормативную систему общества, она становится одной из базовых ценностей хозяйственной культуры.

Особенности представлений о собственности оказывают существенное влияние на все хозяйственное развитие в целом. Для архаичных обществ характерно отождествление собственности и объекта труда: собственностью считается обрабатываемая земля. Русские крепостные крестьяне вплоть до реформ 1861 года воспринимали обрабатываемую общиной землю как свою коллективную собственность, а не собственность помещика, каковой она являлась на самом деле: «Мы барские, а земля наша». Собственностью труженика в таких обществах считается и продукт труда, поэтому, например, скошенное сено, нарубленные дрова, охотничьи и рыбацкие трофеи воспринимаются как собственность того, кто их непосредственно добыл, а не хозяина угодий. Поэтому вырубка дров или незаконная охота не воспринимаются в архаичных обществах как грех, а вот кража сена из стогов или урожая с чужого поля (то есть продуктов труда реальных людей) — грех и несмываемый позор.

Для многих добуржуазных культур было характерно приписывание верховного права собственности на землю и недвижимость не ее реальному владельцу и распорядителю, а верховному правителю. Часто собственность воспринимается как дар Божий и Бог является как бы верховным собственником, перед которым реальный собственник-распорядитель несет ответственность. Русский предприниматель и общественный деятель начала XX в. П.А. Бурьшкин в своих воспоминаниях писал, что про богатство в России говорили, будто «Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета», и поэтому на распоряжение собственностью и ее приумножение смотрели как на «своего рода миссию, возложенную Богом»⁹.

В контексте буржуазной хозяйственной культуры собственность стала однозначно соотноситься с личностью владельца, превратилась в ее неотъемлемую часть — появился институт частной собственности. В протестантской этике собственность рассматривается как благословение Божье, данное конкретному человеку, а не как предоставленная во временное

⁹ Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1990, с. 100.

пользование и распоряжение. Частная собственность отождествляется с личностью владельца. Она уже не переносится на объект и результат труда, как в архаичном сознании: наемный рабочий всегда отдает себе отчет в том, что орудия и продукт труда являются собственностью владельцев, даже если они сами не работают.

В современном крупном предпринимательстве распространена акционерная форма собственности, в которой проявляется разрыв между собственностью с одной стороны и управлением и трудом с другой. Но и здесь существует значимая цивилизационная специфика: в современных японских компаниях собственниками считаются не только акционеры, но и служащие на основе пожизненного найма работники, в то время как собственники американских компаний — только акционеры, и их интересы обязаны защищать наемные менеджеры всех уровней.

Далеко не все культуры сформировали ценность частной собственности: в дореволюционной России она на уровне массового сознания не обрела устойчивости из-за господства общинной собственности у крестьян. На высших уровнях буддистской культуры, отрицающей личность и ставящей высшей целью полное снятие индивидуального бытия, собственность отрицается как лишний материальный груз, препятствующая спасению связь с иллюзорным миром.

Богатство, материальное благосостояние является ценностью хозяйственной культуры, тесно связанной с формой социальности и общей системой ценностей конкретного общества. В традиционных, добуржуазных культурах богатство имеет не самостоятельную, а подчиненную ценность, прежде всего ориентированную на поддержание устоявшегося типа социальности. В системе межличностных отношений богатство является прежде всего знаком статуса, а его приобретение и накопление направлено прежде всего на поддержание статуса. Вождь племени, предводитель дружины, феодальный сеньор *должен* обладать материальными благами, соответствующими его социальному положению, получает свою долю перераспределяемых материальных благ он также в силу своего положения (феодальная рента, оброк и т.д.) и тратит он их на поддержание системы традиционных отношений, устраивая общие пиршества и праздники, одаривая

дружинников богатыми подарками, оказывая помощь бедным общинникам, неся расходы на религиозные нужды и т.д.

Богатство в небуржуазных культурах подчинено достижению целей, имеющих наибольшую социокультурную ценность. Так, в традиционном конфуцианском Китае, где главной ценностью являлась добродетель и гармония личности, а наиболее престижной считалась управленческо-бюрократическая деятельность государственного чиновника, Богатство было необходимо как условие для получения хорошего образования, подготовки к экзаменам на чиновничью должность. В Юго-Восточной Азии, в странах буддизма тхеравады (Таиланд, Бирма и др.) богатство служит, прежде всего, для накопления религиозных заслуг и улучшения кармы путем строительства пагод, раздачи милостыни монахам, совершения дорогостоящих обрядов и паломничества и т.д.

Богатство является неоднозначной культурной ценностью, часто ассоциируется с пороками и преступлениями, на которые люди идут ради его накопления. В художественной культуре (литературе, изобразительном искусстве) разных стран и народов немало примеров тому, что богатство ассоциируется с жадностью, жестокостью, ленью и праздностью, ненужной роскошью и чревоугодием, а богачи считаются людьми порочными и недостойными уважения. При всем своем финансовом могуществе средневековые европейские купцы и ростовщики обладали низким социальным и моральным статусом, и христианину хорошо известно, что скорей верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в Царствие Небесное. Русские купцы и предприниматели потратили на благотворительные и меценатские нужды колоссальные средства, подарили обществу и потомкам многочисленные музеи, библиотеки, больницы, школы, но так и не смогли оправдать в глазах народа и интеллигенции эксплуатацию и стяжательство (если бы это им удалось, не было бы социалистической революции).

С другой стороны, честная бедность и даже нищета в некоторых культурных нишах считались атрибутом праведности и даже святости. Нищенствующие монахи, отшельники, юродивые, ушедшие от забот о хлебе насущном в духовное совершенствование и молитвенное служение Богу, пользовались уважением и духовным авторитетом, средневековые знатные

дамы в праздник ритуально омывали ноги нищим в знак признания их духовной чистоты.

Однако почитание нищеты существовало не во всех культурах — иудаизм и ислам осуждают ее, а протестантизм прямо порицает, провозглашая признаком гибели души, и даже преследует. Но даже в тех культурах, где такое почитание существует, оно занимает строго определенные, локальные ниши, обычно не выходящие за пределы, по удачному выражению М. Вебера, «религиозной виртуозности». В повседневной жизни люди везде стремятся к достойной благополучной жизни и материальному достатку.

При всем осуждении богатства, оно остается желанным. Однако главное при этом — его справедливость, понимаемая как соответствие господствующей морали и социальному статусу обладателя: разбогатевший мещанин, рвущийся во дворянство, вызывает презрение и насмешку, невежественный простолюдин, скопивший капитал и скупающий все, что продается за деньги, не может купить себе уважения традиционного общества. В то же время обнищавший сеньор, неспособный выполнять свои функции патрона, обедневший рыцарь, которому не на что купить доспехи и нечем заплатить дружинникам также оказываются за рамками устоявшегося разделения социокультурных ролей — на этот раз из-за бедности. Обнищавший аристократ — такой же трагикомический персонаж искусства, как и разбогатевший выскочка: вспомним картину Федотова "Завтрак аристократа" или трагический накал страстей "Скупого рыцаря".

В буржуазном обществе статус богатства как культурной ценности меняется. В культуре протестантского Запада богатство приобретает самостоятельную ценность, поскольку служит зримым выражением успеха в трудах, которым Бог благославляет своего избранника. Именно богатство является для протестанта единственным средством убедиться в своей избранности и спасенности.

Здесь меняется и назначение богатства. Оно больше не служит потреблению, использованию для приобретения каких-либо иных, высших ценностей. Оно предназначено только для самовозрастания, для того, чтобы быть вложенным в дело и приносить еще большее богатство, чтобы еще интенсивнее служить Богу и прославлять трудом Его дела. Таким образом, в

буржуазном обществе богатство впервые становится не потребительским, а производительным.

Наконец, конкретная форма богатства также зависит от характера производства, социальности и разделения труда в обществе. У кочевых племен вещественным выражением богатства является скот, у оседлых земледельцев — земля, у воинов — добыча в виде ценностей, сокровищ, рабов и т.п. В буржуазном обществе богатство становится незримым, то есть приобретает форму капитала, по определению Маркса, "самовозрастающей стоимости", которую нельзя потреблять в обычном смысле, но которая может приносить новый капитал. В постиндустриальном, информационном обществе главной ценностью, наряду с капиталом, становится информация, ноу-хау, от обладания которой зависит поддержание производства на уровне научно-технического прогресса, а также — что еще важнее — эффективность производственной деятельности и контроль за рынками.

В современном несловном обществе богатство не является атрибутом высокого социального статуса, а само повышает статус индивида. Богатство независимо от его источников и форм само по себе обладает престижем, пользуется уважением или, во всяком случае, вызывает интерес. Все это делает богатство столь желанным, в конце концов общество становится безразличным к способам его накопления: аморальные и даже криминальные практики, лежащие в основе многих крупных состояний, игнорируются или даже оправдываются успехом.

В современном обществе, как и в архаичном, богатство требует внешней манифестации в форме престижного потребления и роскошного образа жизни. Неоправданно высокие престижные траты вновь становятся символом принадлежности к высшему классу.

Практицизм и рациональность являются ценностями, обозначающими должное качество деятельности. По определению М. Вебера, в социологической системе которого рациональность является центральной категорией, она представляет собой «растущую логическую и телеологическую согласованность деятельности», т.е. ориентацию на четкое осознание целей, оценку возможностей, поиск оптимальных путей их реализации и извлечения максимального результата при минимальных вложениях средств и усилий.

Практицизм и рациональность являются необходимыми атрибутами любой хозяйственной деятельности и поэтому присущи любой хозяйственной культуре, но в разных обществах занимает разное место в иерархии ценностей.

В традиционном обществе практицизм является атрибутом субкультуры «мещанской добродетели» и потому его место в общей системе ценностей весьма ограничено. В рамках сословных субкультур, находящихся вне «мещанской добродетели» — среди рыцарей-феодалов, дворянства, воинов, священнослужителей и т.п. практицизм и рационализм получает негативную оценку, а практичные, трезвые, осторожные люди вызывают презрение и насмешки. Образ скарредного ростовщика, считающего каждый грош, осторожного домовитого крестьянина или бюргера, противопоставляемый безрассудной отваге и самоотверженному благородству рыцаря, хорошо знаком как по средневековой литературе, так и по более поздним рыцарским романам.

Стремление к обогащению в традиционных культурах как правило не связано с рациональностью и практицизмом. Здесь распространен, по выражению М. Вебера «авантюристический капитализм», основанный на военных походах и разбое, хищнической эксплуатации человеческих и природных ресурсов колоний и своих собственных родовых вотчин, сопровождающийся разорительной роскошью и совершенно не озабоченный воспроизводством. В. Зомбарт в работе «Буржуа» объявляет основанную на рациональности «мещанскую культуру» уделом покоренных народов и слабых духом людей, не способных к самостоятельным активным захватническим действиям, не проявляющим исторической инициативы и вечно вынужденных выживать под гнетом иноземных завоевателей и своих более инициативных сородичей.

Причина осуждения практицизма и рациональности небуржуазными культурами состоит в том, что в основе таких культур и соответствующих социальных систем лежат ценности солидарности, часто подкрепляемые духовными — религиозными, идеологическими ценностями высшего порядка, и эти ценности по своей сути противоречат практицизму и рациональности. Действительно, нельзя быть одновременно щедрым сеньором, одаривающим дружину, устраивающим пышные праздники и помогающим бедным — и

расчетливым накопителем, самоотверженным героем и борцом за высокую идею — и осторожным обывателем.

Практицизм противоречит и ценностям большинства религий (кроме протестантизма и иудаизма), поскольку они ориентируют верующего на глубокое духовное проникновение в основы Учения и на высшее гностическое Знание, на уход от мирских забот или по крайней мере на минимизацию интереса к ним. Практицизм же, напротив, сосредотачивается на «мелочах» обыденной жизни, для него не существует трансцендентных, запредельных ценностей. Известный американский теолог Харви Кокс в работе «Мирской град» пишет: «Под "прагматизмом" (В данном контексте синоним «практицизма» — *Н.З.*) мы понимаем заинтересованность секулярного человека вопросом "будет ли работать?" Секулярный человек не слишком озабочен тайнами. Его мало интересует то, во что нельзя вложить энергию и интеллект. Он судит об идеях — если воспользоваться словарным определением прагматизма — по "результатам, к которым они могут привести на практике". Мир при этом рассматривается не как единая метафизическая система, а как набор задач и целей... Городской секулярный человек — прагматик. Он озабочен решением конкретных проблем и выясняет, что для этого потребуется. Он не интересуется ни тем, что называется "последними вопросами", ни метафизическими рассуждениями. Так как религия в основном занимается именно этими вещами, то выходит, что он не задает "религиозных" вопросов»¹⁰.

Во многих обществах до нашего времени сохранилось двойственное отношение к рациональности и практицизму. Его носитель вызывает не то чтобы открытое порицание, но более или менее затаенное осуждение, как Лопехин в чеховском "Вишневом саде" или персонажи популярных ныне анекдотов о "новых русских". Ориентация на практическую рациональность признается законной и оправданной, но все же не вполне морально и духовно полноценной. Ценности практицизма и рациональности, таким образом, оказываются не вполне легитимными.

Лишь в обществе с доминирующими «вещными» отношениями рациональность становится основой образа жизни, обретает универсальность и

¹⁰ Кокс Х. Мирской град // Знамя, 1992, N 9, с. 208—209.

становится одной из наиболее почитаемых добродетелей. Но и здесь постоянно воспроизводятся локальные субкультуры, отвергающие практицизм и рациональность. Ярким примером этому служит молодежная контркультура 60-х годов XX в. в США и Западной Европе.

Профессионализм является ценностью хозяйственной культуры, тесно связанной с разделением труда в обществе и отражающей его социальное и культурное измерение, отношение к нему людей. В любом обществе, развитом настолько, что там существует разделение труда, существует и ценность профессионализма, но ее конкретное воплощение зависит от многих социально-экономических факторов, от господствующей религии, этической системы и т.д.

В традиционных культурах профессия является неотъемлемым признаком человека, она неотделима от его социального, религиозного, личностного статуса. Принадлежность к определенной профессии является одновременно и средством обретения идентичности, вхождения в общественную систему в определенном качестве. Наиболее ярко это выражено в индийской кастовой системе, которая представляет собой сакрализацию и закрепление с помощью апелляции к высшим религиозным ценностям профессионализма и разделения труда. Каждая каста, являющаяся в то же время профессиональной группой, имеет четко определенное место в социальной иерархии и соответствующий общественный статус. Поэтому профессиональная деятельность приобретает священный характер, возводится в ранг религиозного долга.

Сущность профессионализма в традиционном обществе составляет искусное мастерство, совершенствование продукта труда. Традиционный профессионал вкладывает в него все свои силы и способности, стремится реализоваться как личность именно через профессиональное мастерство, и относится к орудиям и продуктам труда как к частице себя. Каждое изделие несет знак его мастерства, его усердия, частицу его души. Вот как характеризует традиционный профессионализм В. Зомбарт: «Труд настоящего крестьянина, также как и настоящего ремесленника, есть одинокое творчество: в тихой погруженности он отдается своему занятию. Он живет в своем творении, как художник живет в своем, он, скорее всего, совсем бы не отдал его на рынок. С горькими слезами на глазах крестьянки выводят из стойла

любимую пегашку и уводят ее на бойню; старик-кустарь воюет за свою трубку, которую у него хочет купить торговец... Крестьянин, также, как и ремесленник, стоит за своим произведением, он ручается за него честью художника. Этим объясняется, например, глубокое отвращение всякого ремесленника ...к массовой выделке»¹¹.

В традиционных добуржуазных обществах профессии неравны в своем статусе и престиже, как неравны и сами люди. Статус каждого занятия определяется конкретной социокультурной традицией. В то же время, земледелие практически везде почитается как уважаемое и достойное (хотя и низшее из достойных) занятие: столпами европейского средневекового общества являются священнослужители, дворянство и земледельцы, индийского — варны дваждырожденных брахманов, кшатриев и вайшьев (земледельцев).

Истинную революцию в понимании профессионализма произвело учение Лютера и протестантизм в Западной Европе. Провозгласив профессиональный труд единственным способом служения Богу, «призванием» (Beruf), Лютер придал ему сакральную ценность и уравнивал значимость и статус разных профессий. Другие протестантские учения, в частности, кальвинизм, постепенно лишили профессионализм как ценность конкретного содержания. Должным образом отныне стало не конкретное мастерство, а сам факт регулярной, рациональной деятельности, не содержание труда, а профессиональная аскеза как самоотверженный труд во славу Божью, ради преобразования греховного мира.

В современном обществе, вступившем в постиндустриальный этап развития, профессионализм является одной из основных ценностей. Однако теперь он понимается как образование, квалификация, а не просто рациональная деятельность. Представление о профессии не ограничивается больше узкими рамками конкретной квалификации и должности, а предполагает широкое поле возможностей, обусловленных высоким уровнем разносторонней профессиональной подготовки и стремлением к максимальной творческой самореализации.

¹¹ В.Зомбарт, Буржуа. М., 1994, с. 16—17.

Потеря или отсутствие профессии означает прежде всего отсутствие способа интегрироваться в социум и потерю самоидентификации. Именно эти социокультурные последствия безработицы делают ее в величайшем злом и бедствием современного мира, заставляет развитые общества искать всевозможные средства борьбы с ней, а идеологов слаборазвитого мира побуждает призывать к отказу от современного развития экономики. Махатма Ганди, например, отрицал промышленное развитие и современную технику потому, что она вызывает рост безработицы и разрушает таким образом традиционные солидаристские и ценностно-смысловые структуры.

С ценностями труда и профессионализма тесно связана ценность **призвания**, которая придает им смысл высшего духовного служения. В религиозно окрашенной хозяйственной культуре призвание означает сакрализацию профессии как того места, на которое человек поставлен Богом и на котором он должен служить ему с полной самоотверженностью. В современной профессиональной культуре призвание имеет смысл ярко выраженной склонности и способностей человека к избранной профессии и оценивается чрезвычайно высоко как залог наиболее полной самореализации личности.

Предприимчивость становится ценностью хозяйственной культуры на рубеже Нового времени. До этого она, как отмечал В. Зомбарт, была свойственна непроизводственным видам деятельности: организации военных походов и исследовательских экспедиций (имеющих целью захват Богатой добычи в новых землях), кладоискательству и занятию алхимией с целью обогащения, а также организации крупных торговых операций (часто сопровождавших военные походы и экспедиции).

Духовные и психологические качества, составляющие предприимчивость, определяются В. Зомбартом как 1) идейное богатство и духовная свобода, способность предложить новую идею; 2) духовная энергия и воля к действию, к обязательному претворению идеи в жизнь; 3) способность к воплощению идеи в конкретный реально осуществимый план; 4) духовная сила, упорство, способность рисковать и пожертвовать всем ради достижения поставленной цели.

В традиционном хозяйстве добуржуазных обществ предприимчивость была скорее маргинальным качеством, базовыми ценностями выступали стабильность и постоянство воспроизводства сложившихся структур и отношений, а также и объема производимой и присваиваемой продукции. Традиционный крестьянин воспринимает количество материальных благ как некую фиксированную величину, «общий пирог», от которого каждому причитается его доля в зависимости от социального статуса. Если кто-либо вследствие реализации новых идей может захватить больше положенной ему по статусу доли, то значит, остальным достанется меньше. Поэтому предприимчивость воспринимается как начало, противоречащее справедливости и порицается. Кроме того, предприимчивость в традиционном обществе противоречит и солидаризму, поскольку раскалывает единство общества, позволяя энергичным индивидам выделиться, приобрести благосостояние, не положенное им по статусу.

Поворот в отношении общества к предприимчивости наметился в торговых городах Западной Европы в XIII—XIV вв. Он был обусловлен как ростом значения предпринимателей — купцов и банкиров — для хозяйственной жизни, так и эволюцией собственно культурной среды. В этот период стали распространяться теологические интерпретации христианских ценностей в активном, творческом духе. По оценкам историков, в Европе XII—XIII вв. стали все яснее обозначаться мировоззренческие сдвиги в направлении признания допустимости и богоугодности хозяйственной и предпринимательской активности. В трудах и проповедях теологов все чаще появляются мотивы оправдания прибылей купцов и, что самое главное, призывы к мирской активности как выполнению Божественного предназначения. Немецкий теолог и проповедник XIII в. Бертольд Регенбургский в проповеди "О пяти фунтах" предложил новую интерпретацию евангельской притчи о хозяине, оставившем своим рабам несколько талантов (мера веса) серебра и требующем отчета за их использование. Согласно Бертольду Регенбургскому, Бог для человеку пять "талантов" — личность, обладающую свободной волей; профессию и место в социальной иерархии; время; имущество, собственность; любовь к ближнему. Все эти "таланты" человек обязан правильно использовать (время) и преумножать (Богатство). Выполнение профессионального долга, той "службы",

которую Господь даровал человеку, является важнейшим его жизненным предназначением, составляющей личности. Верность профессии, цеху и самоотверженное стремление к совершенству мастерства — важнейшая добродетель христианина. Имущество также предстает как дар Божий, и умение правильно им распорядиться, преумножить его, а не растратить в праздной роскоши также является высшим долгом человека. Российский медиевист А.Я. Гуревич подчеркивает, что в данной проповеди Бертольд "вместо призывов к аскетической пассивности и уходу от мира ...настаивает на необходимости социально полезной деятельности как основы существования общества" ¹². В XIII—XIV вв. постепенно меняется и отношение общества к предпринимателям. Купцов уже признают неотъемлемой частью общества. Теологи в иерархии богоугодности профессий и сословий хотя и относят их к разряду "служащих" (сервантов), но признают прибыль справедливым вознаграждением за труды, за риск и опасности их профессии. Непосредственно в среде западноевропейских бюргеров престиж предпринимателей возрастал еще быстрее. Во многих городах купечество определяет политику советов, местное законодательство, прибирает к рукам суды. Особенно характерно это было для городов Италии ("генуэзец — значит купец"), где богатство и предприимчивость были реабилитированы, а местные проповедники даже уподобляли купцу самого Христа, который дает людям возможность "обменять земные преходящие вещи на вечные"¹³. Конечно, каждый предприниматель считал свое богатство результатом благосклонности Бога, но при этом превозносил и свои личные качества — ум, ловкость, смелость, предприимчивость.

В новое время в буржуазном обществе предприимчивость окончательно соединилась с хозяйственной деятельностью и постепенно стала ее базовым принципом. В первой трети XX в. Й. Шумпетер создал теорию предпринимательства («Теория экономического развития», «Капитализм, социализм и демократия» и другие работы), основой которого провозглашается «созидательное разрушение», то есть способность во имя реализации новой

¹² А.Я.Гуревич. Средневековый купец // Одиссей, 1990, с. 107.

¹³ Там же, с. 113.

идеи отказаться от устоявшихся структур и принципов деятельности и создавать новые «комбинации факторов производства». Характерно, что «предприниматель» у Шумпетера — не столько конкретный, классово определенный субъект хозяйства, сколько его предикат, ибо шумпетерианский предприниматель не тождественен «капиталисту», а даже до известной степени ему противоположен. Капиталист становится предпринимателем лишь тогда, когда он создает новое дело, в остальное время он владелец, управляющий, бюрократ, воплощающий рутинизацию предпринимательской харизмы. Мотивы предпринимательской инновационной деятельности не носят ярко выраженной ни прагматической, ни гедонистической окраски. Скорее всего, им движет стремление к успеху, воля к победе, радость творчества¹⁴. Таким образом, предприимчивость становится сущностным признаком культуры рыночного хозяйства.

§ 4. Структура хозяйственной культуры

Являясь сложной и разветвленной системой смыслов, ценностей, норм, хозяйственная культура имеет разные *структурные уровни организации*. Пользуясь структурно-функциональной методологией и анализом социальных систем Т. Парсонса, вполне обоснованно выделение личностного и институционального, специализированного и срединного уровней организации норм, ценностей и смыслов хозяйственной культуры. Это положение нашло развитие в ряде недавних работ российских ученых¹⁵.

Личностный уровень составляют ценности, нормы, мотивы, ориентации, определяющие экономическую деятельность людей на индивидуальном уровне. Это внутренние, культурно обусловленные мотивы хозяйственной активности (например, глубоко усвоенные ценности протестантской этики, традиции трудолюбия, рациональности и т.п.), субъективно воспринятые смыслы и ценности, личностные переживания этой деятельности, ее оценки, связанные с ней ожидания. На этом уровне общепринятые смыслы и ценности оказываются

¹⁴ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982, с. 189—194.

¹⁵ Экономическая культура: ее сущность и функции // Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Социология экономической жизни. М., 1991, с. 113—115.

подверженными изменениям в зависимости от жизненного пути индивида и ситуации его деятельности.

Когда эти индивидуальные ценности, нормы, стереотипы поведения и восприятия и т.п. оформляются и закрепляются в реальной практике управления производством и ведения делового предприятия, в устойчивых массовых стереотипах экономического поведения, наконец, воплощаются в хозяйственных организациях с устойчивой легитимной спецификой — "капиталистическое предприятие", "социалистическое хозяйство" и т.д., — они образуют *институциональный уровень* хозяйственной культуры¹⁶. На институциональном уровне нормы хозяйственной культуры кодифицируются в различных документах — в уставах и кодексах организаций, в декларациях этических принципов бизнеса, в сводах правил для работников фирм и учреждений и т.п. В институционализированной культуре разрабатывается система санкций за нарушение норм, в то время как на личностном уровне возможно лишь сознание соответствия или несоответствия ценностному образцу, чувство личной нравственной полноценности или вины.

Личностный и институциональный уровни хозяйственной культуры тесно взаимосвязаны. Формирование массовых устойчивых мотивов и стереотипов капиталистического предпринимательства поставило вопрос о регуляции взаимоотношений института предпринимательства с обществом в целом.

С одной стороны, именно хозяйствующий индивид определяет экономические и соответствующие культурные институты, укрепляет или, наоборот, расшатывает их. Так, ослабление специфических мотивов и стереотипов "коммунистического труда" на уровне работника привело к распаду института социалистического народного хозяйства. С другой, трудящиеся воспринимают ценности хозяйственной культуры через посредство ее институтов — компаний и предприятий, поддерживающих устойчивые нормы трудолюбия, старательности, высокой производительности, предприимчивости; сельской общины, из поколения в поколение воспроизводящей нормы и стереотипы совместного хозяйствования на земле;

¹⁶ Там же.

семейной фирмы, культивирующей определенные нормы деловой практики и т.д. Современные компании специально закрепляют важные для них стандарты деятельности в институционализированных этических кодексах поведения работников, соблюдение которых строго обязательно для них.

В хозяйственной культуре можно выделить специализированный и срединный, и обыденный (повседневный) уровни.

Специализированная хозяйственная культура включает в себя, во-первых, разные типы высокой профессиональной культуры. Это локальные субкультуры специалистов высокого уровня (высококвалифицированных рабочих, фермеров, бизнесменов, менеджеров, финансистов и т.д.), в силу особенностей своей профессиональной деятельности обладающих специфическим менталитетом, традициями, ценностными ориентациями, нормами поведения, профессиональным языком и т.п.¹⁷

Во-вторых, сюда можно отнести и *мобилизационные* формы хозяйственной культуры, возникающие и существующие под воздействием каких-либо исторических, экономических, идейных обстоятельств и существующие ограниченное время или среди ограниченного числа субъектов экономики. Ярким примером такой мобилизационной хозяйственной культуры являются ценностные ориентации и нормы поведения трудящихся в период форсированной индустриализации в СССР в конце 20-х — 30-х годах, разного рода кампании и движения типа стахановского. Для мобилизационных форм характерно затухание по мере прекращения действия внешних по отношению к хозяйственной культуре факторов. Мобилизационный потенциал присущ разным национальным культурам в неодинаковой степени. Помимо русской, высоким мобилизационным потенциалом обладает японская культура.

Срединная хозяйственная культура противостоит ее специализированным и мобилизационным формам как устойчивая и непротиворечивая совокупность ценностных ориентаций, которые разделяются широкими массами населения на протяжении длительных периодов времени. В ней снимается противоречивость оппозиционных ценностей типа аскеза —

¹⁷ Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1996, с.210—212.

гедонизм, труд — праздность, богатство — нищета, практицизм — идеализм, предприимчивость — пассивность и т.п.¹⁸

Срединная хозяйственная культура проникает в повседневную практику и образует *обыденную (повседневную)* хозяйственную культуру. На обыденном уровне она предстает не в виде решения высокосложных специальных задач, а как ежедневное выполнение обязанностей на работе или ведение небольшого собственного дела, ведение домашнего хозяйства, планирование семейного бюджета и покупок для членов семьи, выбор рода деятельности и т.д. Именно на повседневном уровне культуры наиболее отчетливо проявляется роль обычаев и норм как сложившихся стереотипов экономического поведения, мало осознаваемых и поддерживающихся в силу привычки. На обыденном уровне хозяйственной культуры поддерживаются традиционный уровень трудолюбия и усердия, качества и интенсивности труда, бережливости, аккуратности и исполнительности, а также дозволенная мера праздности и т.д.

Срединная культура образует тот общий фон, контекст, из которого вырастают специализированные и мобилизационные формы, границы между ними размыты и прямой зависимости уровней их развития нет. Общество может обладать высоким уровнем развития и срединной, и специализированной хозяйственной культуры, например, Япония, где беспримерное повседневное трудолюбие является средой, в которой вызревают высокие образцы производственной, предпринимательской и организационной культуры. А в России низкий уровень развития срединной культуры является одной из главных проблем, но и до- и послереволюционная история знает немало примеров высокой специализированной профессиональной культуры и высокоэффективного производства, ярких предпринимательских талантов.

Срединная культура является одним из наиболее значимых стабилизирующих факторов в обществе. Высокий уровень срединной хозяйственной культуры сглаживает колебания социально-экономического развития и обеспечивает более высокую адаптивную способность общества.

¹⁸ Ахиезер А.С. Срединная культура // Россия: Критика исторического опыта. Т. III. М., 1991. С. 336–337. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1996. с. 135.

Примером опять может послужить Япония, без серьезных внутренних социальных потрясений осуществившая экономическую модернизацию.

§ 5. Функции хозяйственной культуры.

В рамках структурно-функционального анализа, получившего основательную разработку в трудах Т. Парсонса и затем Р. Мертон, каждый вид конкретного действия связан с принятыми в данном культурном поле ценностями и нормами. Культура в целом сообщает социальному действию упорядоченный и непротиворечивый характер.

Хозяйственная культура как система ценностей, норм, смыслов, связанных с хозяйственной деятельностью, с одной стороны «обслуживает» эту сторону жизни общества, а с другой — взаимодействует с другими компонентами совокупной культуры. В совокупной системе социальной регуляции она выполняет различные функции, среди которых наиболее существенное значение имеют функции мотивации, легитимации и внутренней регуляции.

5.1. Мотивация хозяйственной и предпринимательской активности.

Помимо практической потребности человека и общества в материальных благах, хозяйственная деятельность нуждается в социокультурной, духовной мотивации и стимулировании. Эта мотивация связана не с индивидуальными, частными, психологизированными, а с общими для данной культуры смыслами и ценностями, выступающими в качестве внешних по отношению к индивиду мотивов деятельности.

В традиционном обществе, где хозяйственная деятельность встроена в систему межличностных отношений, такая мотивация не выходила за пределы устоявшихся представлений о статусе — социальном, религиозном, профессиональном — который предписывал определенные формы хозяйственной активности. Выход за их пределы не одобрялся обществом, поэтому хозяйственная жизнь была статичной и ориентировалась на

поддержание существующей социальной системы и постоянного, стабильного уровня производства и потребления.

Производство традиционного общества ориентировано на непосредственное потребление. В. Зомбарт пишет: «исходной точкой всякой хозяйственной деятельности является потребность человека, его естественная потребность в благах. Сколько благ он потребляет, столько и должно быть произведено; сколько расходует, столько и должен заприходовать»¹⁹. Производство ориентировано в первую очередь на выживание и удовлетворение первичных потребностей, производить или зарабатывать сверх физически необходимого представляется бессмысленным и нерациональным: «человек "по своей природе" не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни»²⁰. Производство сверх этого не считается необходимым, а порой и вызывает негативную реакцию, поскольку размеры и формы потребления зависят не столько от индивидуальных склонностей субъекта, сколько от занимаемого им места в системе межличностных отношений и сложившейся традиции: «Самая потребность в благах не зависит от произвола индивидуума, но приняла с течением времени внутри отдельных социальных групп определенную величину и форму, которая теперь уже рассматривается как неизменно данная. Это идея достойного содержания, соответствующего положению в обществе, господствующая над всем докапиталистическим хозяйствованием»²¹.

У традиционного индивида, личность которого была неразрывно связана с группой и не мыслилась вне ее, и не возникало, как правило, потребности в изменении потребительских стереотипов. Их неравенство само по себе не воспринималось как несправедливость — ведь оно соответствовало различию в социальном статусе. Несправедливость возникала тогда, когда нарушалась установленная традицией мера неравенства, т.е. индивид не мог потреблять то,

¹⁹ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с.12

²⁰ М.Вебер. Протестантская этика и "дух капитализма" // М.Вебер. Избранные произведения. М., 1990, с. 81).

²¹ Зомбарт В. Буржуа, с. 12.

что ему полагалось, например, когда налоги и поборы становились слишком большими и не оставляли законной доли для пропитания.

Согласно концепции Т. Парсонса, к функциям культуры относится не только поддержание, но развитие, трансформация ценностных образцов. В рамках хозяйственной культуры происходит постепенная трансформация ценностей, связанных с мотивацией хозяйственной деятельности. Эта трансформация, определяемая изменениями как в материальных, технико-технологических, так и в духовных основаниях культуры общества, имеет чрезвычайно большое значение для развития общества в целом, дифференциации и усложнения хозяйственной активности.

Отход от традиционной ригидности хозяйства начался с прорыва в системе духовной мотивации хозяйственной деятельности в Новое время в Западной Европе. В его основе было глубокое изменение в представлениях о смысле жизни и назначении человека, возникшее в эпоху Реформации. Протестантская этика возвела повседневный труд в ранг единственно богоугодной и душеспасительной деятельности и, самое главное, разорвала связь производства и накопления с потреблением. Главной целью хозяйственной деятельности в капиталистическом обществе является наращивание производства и прибылей, инвестиции. Простое товарное производство уступило место расширенному.

Важнейшим механизмом стимулирования хозяйственных достижений является сформировавшаяся в культуре *этика успеха*, определяющая представления о состоятельности личности и ее жизненного пути. Вообще наличие ориентаций на успех, наивысший результат, высокую оценку и признанное превосходство над окружающими — *достижительные* ориентации являются важной детерминантой человеческого поведения в любом обществе. Однако в разных культурах и в разные исторические эпохи и у разных социальных слоев и групп представления об успехе были разными: для благородного сословия античного и феодального европейского общества это были прежде всего военная доблесть и придворная (политическая) карьера, для городских и мелких сельских производителей — стабильный доход и надежное благосостояние. В целом для традиционных культур успех, состоятельность индивида был связан с обретением и «накоплением» межличностных связей и

отношений, главным образом статуса, а богатство, безусловно, всегда желанное, хотя и было признаком успеха, но не любой ценой и обязательно в контексте межличностных отношений.

Интенсивность достижительных ориентаций и характер их проявления зависит не столько от высших духовных ценностей, сколько от конкретного сочетания разных социальных, политических, нравственных факторов в конкретные периоды исторического развития. Уровень достижительных ориентаций в обществе связан с уровнем и темпами экономического развития. Высокая достижительность является важнейшей предпосылкой предпринимательской активности, особенно ее новаторских форм. Однако она не является проявлением высокого рационализма: предпринимателем руководит не только мотив погони за прибылью, но и часто иррациональное (с финансовой и производственной точки зрения) стремление к новизне, к творчеству и к риску. Так, освоение новых рынков, внедрение научных открытий, принципиально новых технологий и методов работы, как правило, не могут не только принести быструю прибыль, но даже окупить затраты, поэтому они мотивируются не простым «бухгалтерским» расчетом, а внутренним побуждением к поиску неисследованных возможностей, к первенству в какой-либо области.

В современном западном, в особенности американском, обществе успех теряет свои конкретные характеристики и становится самодовлеющей ценностью. Представляется, что такому пониманию успеха способствовало укоренение протестантской этики в ведущих странах Запада (Англии, США, отчасти Голландии и др.). Как показал Вебер, для протестанта любой успех в любом виде деятельности (в особенности в профессиональной) и в любой сфере жизни является страстно ожидаемым знаком Божьего благословения, спасения души.

В контексте западной цивилизации выделяется особая достижительная культура США. Ее формирование обусловлено специфической переселенческой «фронтальной» культурой и идеологией, в которой голос «крови и почвы» не имеет той силы, что в традиционных обществах, люди оторваны от своих корней, постоянно сталкиваются с необходимостью силой оружия расчищать для себя жизненное пространство, завоевывать позиции в условиях

относительного равенства возможностей и жесткой конкуренции, социального «естественного отбора». Причем на раннем этапе становления культуры успех воспринимается почти исключительно как следствие волевых качеств личности и умения воспользоваться стечением обстоятельств, то есть как нечто иррациональное. Образование и способности, культурный уровень и моральные качества личности играют лишь служебную роль. Важным элементом этой культуры является героизация предприимчивого человека, нашедшая выражение в лучших произведениях американской литературы, например, в творчестве Дж. Лондона или Т. Драйзера.

Формируется жесткая достижительная культура, постепенно утрачивающая баланс успеха как цели и средств его достижения. Возникает гипермотивация успеха, который не просто становится базовым мотивом любой деятельности, но вступает в противоречие с моральными и социальными нормами и порождает аномии. Известный американский социолог Р. Мертон утверждает, что «Современная американская культура представляется близкой к полярному типу, в котором акцентирование цели-успеха не сопровождается эквивалентным акцентированием институциональных средств»²².

Таким образом, гипермотивация порождает социокультурные проблемы, конфликты и противоречия, которые решаются с помощью другой функции хозяйственной культуры — легитимации, которую мы подробно рассмотрим далее.

Американский социолог и психолог Д. МакКлелланд, долгое время исследовавший механизмы стимулирования достижительных ориентаций в западных культурах с целью повышения предпринимательской активности населения, пришел к выводу, что такие ориентации должны быть эндогенны и самобытны. Все культуры на разных этапах своего развития вырабатывали различные механизмы активизации хозяйственной деятельности. Важной предпосылкой успехов Японии является сочетание достижительных ориентаций с системой межличностных отношений, сложившихся в японском обществе на массовом уровне. Каждый индивид является полноценным членом общества

²² Р. Мертон Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования, 1992, № 2, с. 120.

только постольку, поскольку он является членом группы и занимает определенное место в ее иерархии. Иерархизм японского общества не статичен, а динамичен: каждый член группы стремится служить ей, добиваться поставленных целей с самоотверженностью «самурая XX века», выполнение долга перед семьей, фирмой и в конечном счете государством имеет высший, полусакральный смысл. «Культура стыда», боязнь «потери лица» перед своей группой оказывается мощным стимулом достижительных, активных ориентаций: «личное честолюбие и стремление к достижению у японцев, вместо того чтобы быть аномалиями в этом групповом обществе, на самом деле являются глубоко присущими ему характеристиками»²³.

Успех для японца воспринимается не как результат везения или способностей, а прежде всего усердия. С детства они учатся терпению, настойчивости и целеустремленности, их девиз — «нагнуться за последним рисовым зернышком». Целостное мировосприятие японца не знает противопоставления рабочего времени и досуга, это две стороны единого образа жизни, и обе в равной степени желанны. Поэтому японец отдает работе больше времени, чем европеец или американец и это не кажется ему ненормальным.

В Индии в рамках кастовой системы стимулом хозяйственной активности и профессионального совершенствования выступали традиционные представления о религиозном долге. А в конце XIX — начале XX вв. сформировался социокультурный механизм стимулирования современной хозяйственной активности. Стимулам для нее выступали представления о развитии национальной промышленности как главной предпосылки достижения независимости, своеобразный «экономический национализм». Под лозунгом *свадешии* — самостоятельного производства необходимых товаров — развернулась кампания бойкота импортных товаров и продуктов, приобретшая характер общенациональной и закрепившая в народном менталитете представления о ценности национального производства.

Важнейшим социокультурным фактором активизации предпринимательской деятельности являются локальные религиозные,

²³ Reischauer E. The Japanese today: Change a. Continuity. L., 1988, p.171.

нравственные, исторические традиции. Вебер указывал на тот факт, что религиозные меньшинства как правило оказываются в хозяйственном отношении более активными, чем большинство населения — «именно потому, что они добровольно или вынужденно отказываются от политического влияния и политической деятельности, — концентрируют все свои усилия в сфере предпринимательства; этим путем наиболее одаренные их представители стремятся удовлетворить свое честолюбие, которое не находит себе применения на государственной службе»²⁴. Именно с протестантских сект, по мнению М. Вебера, начинается подъем капиталистического предпринимательства. В «Хозяйственной этике мировых религий» М. Вебер уделил много внимания рассмотрению роли гетеродоксии и сект в хозяйственной жизни Индии и Китая, придя к выводу, что они зачастую проявляли высокую активность в отдельных областях экономики. Так, джайны, которым вследствие строго запрета на умерщвление живых существ были недоступны сельскохозяйственные занятия, но у которых строгость и обилие религиозных запретов породили традицию рациональной регламентации любой деятельности, оказались успешными коммерсантами и финансистами. Корни японской хозяйственной культуры уходят к религиозно-этическим учениям буддийских сект эпохи Токугава (1600—1867), которые провозглашали повседневный профессиональный труд в качестве единственно подлинной религиозной практики, поощряли накопление капитала. В России хорошо известна высокая хозяйственная мотивация у старообрядцев и сект «духовных христиан» — духоборов и в особенности молокан. Современная хозяйственная жизнь также изобилует примерами активных субкультур, становящихся ведущим субъектом модернизации: в Индии сикхи стали основными носителями «зеленой революции», проявив восприимчивость к новым сельскохозяйственным технологиям; в Южной и Юго-Восточной Азии у истоков «экономического чуда» стоят представители китайской диаспоры (хуасяо), неизменно демонстрирующие высокую предприимчивость.

²⁴ Вебер М. Протестантская этика и "дух капитализма" // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 64

5.2. *Нравственная легитимация хозяйственной и предпринимательской активности*

Известно, что все члены общества не могут быть в равной степени активны в хозяйственном отношении. В современном рыночном производстве самостоятельным предпринимательством занимаются не более 15 % активного населения, а добиваются значительных успехов, создают крупные предприятия и владеют большими капиталами единицы. Для того, чтобы общество с таким существенным имущественным расслоением и неравенством хозяйственных ролей развивалось стабильно, необходимо, чтобы успехи активного меньшинства выглядели нравственно оправданными в глазах сограждан. Хозяйственная культура формулирует ценностные принципы, которые делают успех немногих приемлемым для большинства — выполняет функцию легитимации хозяйственной и предпринимательской активности. Реализация этой функции основана, по определению Т. Парсонса, на генерализации ценностного образца, то есть на превращении его из локального, исповедуемого лишь ограниченной группой в универсальный, разделяемый большинством.

Личностный уровень социокультурной легитимации. Здесь происходит усвоение и принятие ценностей хозяйственной культуры личностью, превращение ее во внутреннее убеждение. На этой основе ценности и связанные с ними образцы поведения признаются легитимными, морально допустимыми и оправданными. Например, проследим, какими духовными факторами обусловлена легитимация предпринимательского успеха, когда большинство населения, не занятое непосредственно предпринимательством, признает оправданным и законным обогащение активного меньшинства.

Как показал М. Вебер, в западной культуре для легитимации капиталистической предприимчивости сыграла решающую роль протестантская этика, предписывающая предпринимательскому меньшинству трудиться, добиваясь успеха как благословения Божьего, и вести такой же, как и все, умеренный и нормативно-упорядоченный образ жизни.

Существенным ценностным компонентом для общественно-значимой хозяйственной этики протестантизма стала мирская аскеза, обеспечившая отделение капитала от потребления и наслаждения и его переориентацию на производственные цели. Со становлением капитализма на Западе связана

подлинная революция смыслов: отныне богатство перестает служить престижному потреблению и быть предпосылкой «благородной праздности», оно становится условием и средством своего дальнейшего роста и требует от обладателя самоотверженного труда.

В отличие от нравственно неоправданного авантюрного стяжательства, важнейшей составляющей культуры буржуазного предпринимательства является методический, стабильный характер деятельности, постоянные рационально спланированные усилия в противоположность «взрывной» активности авантюриста. И именно методический рационализм и постоянство труда предпринимателя роднят его с постоянным трудом рабочего. Другим структурным компонентом современной хозяйственной культуры стало отношение индивида к своей работе независимо от конкретной профессии как к призванию. В этом контексте предпринимательская активность приравнивается к труду прочих профессионалов: «Отношение к труду как к призванию стало для современного рабочего столь же характерным, как и аналогичное отношение предпринимателя к наживе»²⁵.

Легитимация образцов хозяйственной деятельности на личностном уровне способствует интеграции общества, поддержанию его целостности и единства.

Институциональный уровень легитимации. Генерализация ценностного образца и его признание легитимным на личностном уровне сопровождается институциональной легитимацией, то есть закреплением этих образцов в форме устойчивых социальных институтов. На этом уровне происходит стабилизация социально значимых взаимодействий, придающих обществу в целом устойчивость. Институциональный и личностный уровни легитимации взаимосвязаны: чем устойчивее духовные предпосылки, ценностные образцы деятельности личности, тем быстрее организуется гармоничное взаимодействие между институтом и обществом. С другой стороны, отсутствие легитимности и признания ценностного образца на личностном уровне подрывает устойчивость

²⁵ Вебер М. Протестантская этика и "дух капитализма" // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 204.

института: подрыв универсальности ценностного образца «коммунистического труда», потеря людьми веры в них в конце концов привели к распаду институтов социалистического хозяйства. Но для утверждения новых институтов «рыночной» экономики необходимо, чтобы ценностные образцы, лежащие в ее основе, получили легитимацию на личностном уровне.

Продолжим пример с легитимацией хозяйственного и предпринимательского успеха. Ее проявлением на институциональном уровне является легитимация бизнеса как социального института и формирование отношений «бизнес-общество». Если воспользоваться терминологией П. Бурдьё, то «экономический капитал» буржуазии рос непропорционально ее «символическому капиталу», то есть престижу, моральной легитимности²⁶. «Символический капитал» оставался по большей части у традиционной аристократии или даже частично переходил к эксплуатируемым классам в форме идей сочувствия, сострадания, воплотившихся в гуманистических и филантропических общественных движениях и целой традиции «критического реализма» в искусстве. «Символический капитал» антагониста буржуазии рабочего класса рос также за счет формирования классовой идеологии, в первую очередь марксизма, научно обосновавшего его прогрессивную «историческую миссию», наделившего его способностью отстаивать объективные интересы всего человечества и связавшего с самыми радужными перспективами развития. На этом фоне классу капиталистов пришлось бороться за обретение собственного «символического капитала», выдвигая идеи «служения бизнеса обществу» и «социальной ответственности» бизнеса (подробнее они будут рассмотрены в теме 10).

Легитимация хозяйственных институтов с помощью норм хозяйственной культуры способствует интеграции ее новых видов в общество, и особенно остро эта проблема встает в период модернизации. В 90-х годах XX в. российское общество снова столкнулось с проблемой легитимации предпринимательской активности и института предпринимательства. После того как были сняты формально-юридические запреты и предпринимательство стало легальным видом экономической деятельности, оказалось, что

²⁶ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

большинство населения, не участвующего в нем непосредственно, относятся к предпринимательству негативно, не считают прибыли честными и морально оправданными, а весь институт в целом бесполезным и даже вредным для общества. Встала проблема признания моральной состоятельности и социальной оправданности, то есть легитимации предпринимательства.

Подобные проблемы не являются специфическими для России, их решает любое модернизирующееся общество. Кроме того, любой принципиально новый вид хозяйствования должен быть признан в качестве легитимного, хотя некоторые, будучи формально законными, так и остаются в глазах общественного мнения сомнительными нравственно, и даже порицаемыми, то есть не легитимными. Например, так было с ростовщичеством в средние века в Европе, не вполне почтенным бизнесом в России конца XIX — начала XX вв. считалась биржевая игра, а в современной России — экспорт сырья. В условиях модернизации накопление «символического капитала» института предпринимательства осуществляется как с посредством идеологий служения обществу и социальной ответственности, так и с помощью обычных PR-технологий. Для многих незападных стран, сохраняющих четкую религиозную идентичность, характерно декларирование подчинения новых форм экономической деятельности высшим ценностям традиционной культуры. Так, в исламских странах бизнес и экономическая активность вообще преподносятся как мирные формы «джихада» — борьбы за самоутверждение и приоритет в мире.

Большое значение для легитимации института частного предпринимательства в модернизирующихся обществах имеет его дистанцирование от теневых и в особенности криминальных практик.

5.3. Регуляция отношений внутри сферы хозяйства и предпринимательства

Хозяйственная культура выполняет функции регуляции хозяйственной деятельности через формирование и поддержание ее ценностных образцов и их трансляцию. Так возникает специфическая для каждого конкретного общества и

исторического этапа культура труда и управления, деловая культура, культура торговли и потребления и т.д. К культурной регуляции хозяйственной жизни может быть отнесена также и деловая этика — внесение нравственного измерения в предпринимательскую деятельность.

Хозяйственная культура регулирует отношения между людьми на производстве, которые определяются не только отношением к собственности, социальным статусом и должностью, но и сложной системой культурных ценностей, господствующих в обществе. Принятые в обществе нормы качества выполняемой работы, трудовая дисциплина, точность и пунктуальность, тщательность и оперативность выполнения поручений, а также добросовестность выполнения обязательств, надежность деловых партнеров и т.п. определяются ценностными образцами, на которые ориентируются участвующие в хозяйственной деятельности люди. Можно привести такой пример: известно, что в российской хозяйственной традиции высокая технологическая сложность в отдельных отраслях и производстве отдельных видов продукции часто сосуществует с низким качеством товаров массового потребления повседневного спроса, с отсутствием должного внимания к дизайну и упаковке изделий и продуктов, которые по своим потребительским качествам могут и не уступать импортным аналогам. Это невнимание к деталям, связанным с повседневностью можно объяснить сосредоточенностью на чисто духовном идеале спасения в православии, в соответствии с которым любая деятельность оценивается по ее внутреннему, этическому содержанию. Повседневный труд будет рассматриваться как добродетель в том случае, когда он наполнен аскетическим содержанием и благочестивыми помыслами, а не сосредоточен на внешней форме. Отсюда проистекает невнимание к форме — к конкретной профессии и профессиональному мастерству, к качеству работы, к орудиям труда и технологии, к внешнему оформлению и упаковке изделия: «Из принципа определения внешнего внутренним следовало и отсутствие интереса к форме, что проявлялось в самых разных аспектах. Так, например, качество вещи определялось по ее содержанию, по функциональности. Возможно, с этими представлениями связано и пренебрежение русскими упаковкой товара, его эстетическим оформлением, и, напротив, принцип "через внешнее к внутреннему" в католическом и протестантском религиозном сознании повлиял

на то, что внешняя эстетика быта была возведена в своего рода культ уже в секулярном сознании»²⁷. Узкопрофессиональное мастерство, совершенство в каком-либо одном деле, в отличие от западного понимания профессионализма, не почиталось добродетелью. Напротив, всегда больше ценился «мастер на все руки», универсал и дилетант, воплощающий представление об всеобщности и универсальности труда как аскетической добродетели.

Традиции управления в экономике формировались господствующими в обществе традициями взаимоотношений людей, нормами господства и подчинения, представлениями о целях и смыслах хозяйственной деятельности, о возможностях самореализации в труде и т.д. В Западной Европе в основе этого процесса лежали традиции христианской этики и ремесленных цехов. Они постепенно утрачивали собственно религиозное содержание и трансформировались в секулярную идеологию «достижения успеха» и гражданской ответственности за выполнение профессионального долга. В США научное управление персоналом изначально основывалась на принципах, научно и практически обоснованных Ф.Тэйлором и Г.Фордом. Их культурные основания состояли в индивидуализации работника, абсолютизации его рационального стремления к повышению заработка и формализации всех отношений и производственных практик.

Регулятивная функция хозяйственной культуры проявляется также и в том, что через нее осуществляется *трансляция стереотипов хозяйствования и образцов поведения*, связанного с экономической деятельностью — традиции трудолюбия, взаимопомощи, исполнительности и т.д., а также стереотипы распределения, стандарты потребления материальных благ²⁸. Таким образом, хозяйственная культура осуществляет историческую преемственность форм хозяйственной деятельности и хозяйственных ориентаций.

Через хозяйственную культуру происходит накопление образцов, традиций, норм хозяйственной деятельности. Осуществляется функция исторической памяти, которая хранит как навыки, технологии (народных

²⁷ Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России, 1994, № 2, с. 90.

²⁸ Экономическая культура: ее сущность и функции // Т.И.Заславская, Р.В.Рывкина. Социология экономической жизни. М., 1991, с. 112.

ремесел, адаптации к природным условиям и т.д.), так и традиции и ценности. Так, старинная традиция «помочей» в сельской общине согласовалась с проникнутой религиозным подвижничеством городской традицией совместного безвозмездного труда на строительстве обыденного (построенного за один день) храма и впоследствии претворилась в совместный труд общины по строительству школ, больниц и т.д. Эта чрезвычайно богатая в русской культуре традиция безвозмездного совместного труда ради общей пользы и во имя высокой общей идеи была использована коммунистами и в советский период приобрела, в частности, форму субботника.

Накопленные традиции могут актуализироваться в хозяйственной культуре, передаваться из поколения в поколение, могут постепенно утрачиваться при изменении условий хозяйствования и общей социокультурной среды. В хозяйственной культуре происходит отбор ценностей и норм, необходимых для выживания и успешного функционирования хозяйственной системы. Не все из обширного опыта хозяйствования приживается: в центральной России в дореволюционный период опыт фермерского (хуторского) сельского хозяйства не выдерживал конкуренции с привычным, глубоко укорененным в социокультурной традиции общинным и артельным хозяйством, исторический опыт кооперативного движения 20-х годов стал интенсивно востребоваться в период «перестройки» конце 80-х — самом начале 90-х годов XX в., затем, однако, от него отказались в пользу индивидуалистических моделей предпринимательства.

В структурно неоднородной хозяйственной жизни всегда существуют разнообразные тенденции, опробуются новые организационные формы, институты, модели. Однако «приживаются», то есть отбираются исторической памятью те из них, которые не только наиболее эффективны экономически, но и органично сочетаются с остальными элементами социокультурной системы.

Приведем пример. Российское дореволюционное предпринимательство в целом не было ориентировано на либеральные политические и экономические модели в западном, в особенности американском смысле (понятие «либерал» в русской политической культуре относилось скорее к требованию буржуазных свобод). Оно было в гораздо большей степени ориентировано на образцы европейского корпоративного капитализма, в особенности на Англию. Такая

ценностная ориентация в целом соответствовала политической и правовой культуре общества, его базовым ценностям, общей ориентации на традицию, династию, корпорацию.

В начале советского периода истории, в особенности в 20-х годах, во время индустриализации ориентации резко изменились: народному хозяйству была нужна не глубокая традиция (которую сознательно уничтожили), а энергия самородков и самоучек, не отягощенных прошлым опытом, начинающим с нуля и признающим лишь утилитарный расчет. Социокультурным образцом для хозяйствующего человека стал не образованный представитель вековой предпринимательской династии, верный традиции и вписанный в социокультурную среду, а *self-made man*, одаренный выскочка, человек без корней и даже без образования, каковыми реально и были новые руководители народного хозяйства. Произошла переориентация с европейской модели на американскую: «...американизм должен характеризоваться ... прежде всего, неизбывной энергией. Все великие изобретатели и дельцы вовсе не были людьми, получившими высшее или даже среднее образование. Они были энергичными самородками, которые могли в любом брошенном вагоне или же просто в пустыре сделать изобретение — и им победить. Очевидно, тот тип человека, который нам предстоит создавать в унисон с развивающимся хозяйством, будет характеризоваться не теми чертами, которые интересовали старую русскую, — начитанную, но неряшливую интеллигенцию... Самая культура в нашем понимании есть не что иное, как техническая и социальная сноровка»²⁹. Таким образом, с 20-х годов нынешнего века социокультурным образцом для российского хозяйства стали США. В постперестроечный период эта ориентация сохранилась, поскольку у нарождающегося практически «дикого» нового русского капитализма не было традиции, на которую можно было бы ориентироваться, а либеральный образец свободного независимого индивида, преследующего исключительно частные интересы, оказался как нельзя лучше соответствующим новопровозглашенным «общечеловеческим ценностям».

²⁹ Гастев А.К. Как надо работать. М., 1972, с. 95.

К «банку данных» исторической памяти, культурной традиции общество нередко обращается в те моменты, когда выясняется, что заимствованные новые образцы не приживаются и частично или полностью отторгаются. В постсоветской России в конце 90-х гг. XX в. и в начале XXI стали все чаще вспоминать как традиции дореволюционного предпринимательства, торговли, даже рекламы, так и некоторые традиции советского периода.

Тема 5. Социокультурная динамика хозяйственной жизни (проблемы переходных обществ).

Динамика хозяйственной жизни как предмет социологии. Линейные концепции социально-экономической динамики: марксизм и теория общественно-экономических формаций, теория «стадий роста» У.Ростоу. Понятия «роста» и «развития». Понятие модернизации, первичная и вторичная, догоняющая, эндогенная и заимствованная модернизация. Основные противоречия модернизации. Соотношение внутренних и внешних противоречий и их влияние на процесс модернизации.

Вклад К. Маркса, М. Вебера и позднейших социологов в создание сравнительной теории модернизации. Концепции вестернизации незападных обществ. Поиски прямых аналогов «протестантской этики» и других социально-культурных ценностей и институтов Запада в собственном культурном наследии, ограниченность аналогий. Позднейшее развитие веберизации и ее использование в теории модернизации. Понятие структурной модернизации. Концепции Ш. Эйзенштадта, А. Турена, А. Абдель-Малека, М. Леви и др.

Социально-экономические, политические и социокультурные аспекты модернизации. Исходное противоречие модернизационного процесса: наложение и взаимодействие принципиально различных типов социокультурной регуляции. Социокультурные проявления этого противоречия: между традициями и современностью, между собственным достоянием и инородной культурой, между потребностями в развитии и сохранении стабильности. Социокультурная многоукладность как отражение этих противоречий. Конфликтный тип взаимодействия традиций и современности.

Нелинейные концепции социально-экономического развития. Теория флуктуаций культурно-исторических типов П.Сорокина, соотношение идеациональных и чувственных ценностей и хозяйственного развития. Теория «мир-экономик» Ф.Броделя и И.Валлерстайна. Понятия «контр-модерна» и «анти-модерна» (А.Турен). Теории самобытности как попытки разрешить противоречие между императивами развития и сохранения целостности и идентичности; идеи возврата к традиционным ценностям, подчинения

социально-экономического развития высшему духовному началу как образы «дугой современности».

Общественное развитие всегда было одной из центральных проблем социологии, раскрывавшей его факторы, направленность, механизм, ритмы. Предметом социологии хозяйственной жизни являются факторы и механизмы развития хозяйственной жизни, его этапы и стадии, а также магистральные исторические тенденции. Можно выделить две большие группы социологических теорий развития: во-первых, это линейные теории прогресса, рассматривающие историческое развитие общества как движение от примитивных хозяйственных и социокультурных форм ко все более сложным. Теории прогрессивного линейного развития общества как правило включают представления о различных стадиях или ступенях этого развития, которые проходят все общества и которые закономерно сменяют одна другую. В целом все человечество мыслится как развивающееся прогрессивно, в одном направлении, на основе универсальных законов. К этим теориям можно отнести марксистскую теорию общественно-экономических формаций, теорию «стадий роста», теории модернизации.

Во-вторых, теории нелинейного развития, отрицающие единый универсальный закономерный социально-исторический прогресс и интерпретирующие развитие человечества как смену исторических циклов, не имеющих общего прогрессивного направления (теория флуктуаций П. Сорокина) или развитие на основе социокультурной самобытности, уникальности каждого общества (теории цивилизаций и социокультурной самобытности).

§ 1. Линейные теории социально-экономического развития.

Линейные теории социальной динамики, исходящие из представлений о наличии общечеловеческого закономерного прогресса, восходят еще к «закону двойной эволюции» О. Конта, рассматривавшего историю мышления и историю общества как смену теологической, метафизической и позитивной стадий. На последней общественная жизнь управляется «социократами» и «индустриалами»,

Наиболее ярким выражением линейных представлений о социальной динамике является *теория К. Маркса*, которая трактует ее как «естественно-исторический» процесс, подчеркивая универсальный и закономерный характер прогресса общества. Этот прогресс включает стадии — *общественно-экономические формации*, социально-экономические и социально-культурные характеристики которых определяются *способом производства*, то есть господствующими отношениями по поводу собственности, формами участия в общественном производстве, размерами и способом присвоения доли материальных благ. Первой, наиболее примитивной из выделенных Марксом формаций была первобытнообщинная, с примитивными орудиями и неразвитым разделением труда, отсутствием деления общества на классы, практически равным доступом к производимому продукту у всех членов общества. Наиболее развитой в технологическом смысле была капиталистическая формация, опирающаяся на индустриальное производство, приобретшее массовый характер, развитое разделение труда, классово-антагонистическую структуру общества. Противоречие между массовым характером производительных сил и частным характером присвоения общественного продукта готовило, по мнению Маркса, смену капиталистической общественно-экономической формации на самую передовую, коммунистическую, устранявшую все социальные противоречия и знаменовавшую вступление человечества в эпоху «подлинной истории».

Реальные процессы динамики хозяйственной жизни в разных обществах объясняются в теории Маркса не через простое сведение к «материалистической» — экономической или технической детерминации, а с помощью сложного и глубокого анализа социальных отношений по поводу экономических интересов, где материалистическая детерминация «лишь в конечном счете» прокладывает себе дорогу через сложное взаимодействие

экономических, социальных, юридических, политических, идеологических и прочих факторов. Однако процессы изменений в социально-экономической сфере трактуются с точки зрения линейного исторического прогресса: так, разрушение традиционных социальных основ индийского общества под воздействием британского колониального владычества рассматривается Марксом как ускоренный путь к капиталистическому способу производства, который затем создаст прямые предпосылки для перехода к следующему, коммунистическому, этапу. Те формы социально-экономической жизни, которые не укладывались в схему — в первую очередь феномен «азиатского способа производства», отличающегося как от античного рабовладения, так и от европейского феодализма, создавали трудности для применения марксовской теории динамики хозяйственной жизни.

В 50-х — 60-х гг. XX в. получили распространение теории линейного социального развития, обоснованные универсальностью технико-технологического прогресса и связанных с ним форм хозяйственной и социальной жизни. Эти теории предполагали, что развитие технологий и соответствующих им форм производства вызывает к жизни и адекватные типы культуры, и более развитые западные общества представляют собой образец для всех остальных, более технологически и экономически отсталых стран. Социальные и культурные особенности разных регионов мира воспринимались в рамках этих теорий как вторичные по отношению к универсальности технико-технологического и экономического прогресса.

Типичной теорией универсального социального прогресса на основе прогресса технико-экономического является теория *«стадий роста»* американского экономиста **У. Ростоу**. В ней описываются пять стадий экономического роста и соответствующего ему социального прогресса, через которые, подобно марксовым общественно-экономическим формациям, проходят все общества, хотя каждое и имеет специфику. Первой стадией роста является традиционное общество и присущая ему примитивная технология, основанная преимущественно на мускульной силе, которым соответствуют межличностные социальные связи. Затем следуют стадии транзита, взлета и зрелости, после которых на пятой стадии *общества массового потребления*, на которой достигнут столь высокий уровень производства и благосостояния

населения, что структура экономики изменяется в пользу технически сложных товаров длительного пользования (например, автомобилей, бытовой техники и т.п.) и сферы услуг. В 1960 г., когда была опубликована работа Ростоу, он утверждал, что эта стадия достигнута лишь в США, для остальных стран он является более или менее далекой перспективой. При этом приверженцы теорий прогресса, основанного на технико-экономическом развитии, считали, что «отсталые» страны в целях ускорения своего развития и последовательного достижения более высоких стадий роста могут заимствовать образцы социально-экономического устройства — не только технологии и технические новшества, но и институты, нормы, ценности у более развитых стран. Так возникла и утвердилась идея необходимости распространения западных (более передовых) форм социальности на все человечество в целях ускорения его прогрессивного развития.

Наиболее общей основой теорий линейного прогрессивного развития является парадигма перехода от традиционного состояния к современному, представленная, в частности, в работах Т. Парсонса, описанных в главе 2. Целый ряд исследователей творчества М. Вебера, в том числе и сам Т. Парсонс, придерживались мнения, что, исследуя в «Протестантской этике» и других работах духовные предпосылки генезиса западного капитализма и лежащей в его основе сквозной рационализации образа жизни, немецкий социолог раскрывал «универсальное значение» феноменов западной культуры. Т. Парсонс в предисловии к английскому переводу «Социологии религии» М. Вебера отмечает, что «едва ли можно сомневаться, что современное западное общество стало первичной моделью для всего мира в целом». Формальная рациональность зрелого западного капиталистического общества представляется целому ряду исследователей как наивысший, самый развитый тип рациональности, к которому постепенно должны прийти и другие культуры.

Парадигма линейного, универсального развития с воспроизведением западных образцов легла в основу теорий модернизации, получившие особое распространение в 50-х — 90-х годах XX в..

В то же время создавались теории постиндустриального общества и постмодерна, а в конце 90-х — и теории глобализации, в которых в парадигме линейного прогрессивного развития описываются социальные реалии конца XX

— начала XXI вв. Известный американский социолог и футуролог *А.Тоффлер* определил стадии, которые человечество проходит в своем развитии, как сменяющие друг друга «волны»: на смену традиционной цивилизации, основанной на владении землей, приходит индустриальная цивилизация, а за ней следует «третья волна» — цивилизация, экономические, социальные и культурные процессы в которой определяются *информацией*. На этой новейшей стадии общественно-экономического развития информация составляет основной капитал и богатство общества, специфика ее производства, распространения, обмена определяет характер всех социально-культурных процессов.

§ 2. Теории модернизации

2.1. Понятие модернизации

Под модернизацией понимается процесс перехода обществ от традиционного состояния к экономике и предпринимательству капиталистического типа, гражданскому обществу и правовому демократическому государству, демократическим свободам, секуляризации и т.д. Запад осуществил этот переход в ходе *органичной* модернизации, которая началась здесь на рубеже Нового времени на основе собственных, эндогенных социально-экономических, политических и духовных предпосылок, отвечала *внутренним* потребностям общественного развития и продуктивно решала назревшие проблемы и противоречия, не нарушая, в то же время, преемственности развития. Затем модернизация охватила Восточную Европу, Азию, Латинскую Америку и другие регионы мира и в XIX - XX вв. составила важнейшее содержание процесса мирового исторического развития.

Ведущий специалист по проблемам модернизации израильский ученый *С. Эйзенштадт* в известной работе «Модернизация: протест и изменения» (1966) дал ей такое общее определение: «Модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальности, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на

другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатом веках — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты»¹.

В странах Восточной и Южной Европы, Азии, Латинской Америки, Африки модернизация происходит не на основе внутренних потребностей развития и готовности к ней, не на основе созревших эндогенных социально-экономических и духовных предпосылок, а в результате продиктованной извне необходимости. Это *вторичная, неорганичная* модернизация, предпосылки которой неорганичны социально-экономической и духовной системе, нарушают единство общества и преемственность его развития.

Стимулом для неорганичной модернизации является расширение влияния и прямая экспансия западных стран в Америке, Азии и Африке, а также «вызов», который бросает им Запад своими притязаниями в экономической, геополитической, информационной, духовной и т.д. сферах. Такая модернизация, называемая *догоняющей*, основывается на стремлении самоутвердиться в контексте новых мировых реалий, укрепить обороноспособность перед лицом угрозы извне, получить моральную (или политическую, экономическую) компенсацию за военные поражения в прошлом, поднять уровень благосостояния и престиж перед богатыми и развитыми странами и т.п.

Важным фактором догоняющей модернизации является так называемый демонстрационный эффект, стремление к подражанию в образе, стиле, а главное — уровне и качестве жизни развитым странам. Такое стремление характерно для всех слоев общества, но осуществить его удастся, естественно, только наиболее материально обеспеченной верхушке, для которой демонстрационный эффект выступает как важнейший стимул предпринимательской активности. С другой стороны, демонстрационный эффект, ориентируя на заимствование образа и уровня жизни, на гедонистические ценности, не создает устойчивых производственных и предпринимательских ориентаций, которые подменяются авантюристическим стремлением к максимальной наживе при минимальной рациональности и примитивизме хозяйственных установок.

¹ Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966, p. 1.

Социальные измерения модернизации

Модернизация представляет собой сложный комплексный процесс изменений, охватывающий все сферы общественной жизни. В сфере экономики модернизация предполагает внедрение наукоемких технологий, прогресс в энергетике, углубление разделения труда, формирование рынков товаров, капиталов, труда, ростом независимости экономики от политики. Вместе с тем, предполагается различие «экономического роста» и экономического «развития»: если первое предполагает рост устойчивое увеличение национального продукта на душу населения, то второе — структурные изменения в экономике, сопровождающиеся устойчивым, «самоподдерживающимся» ростом. В сфере политики модернизация предполагает постепенное формирование политической системы современного западного образца: централизации и в то же время — разделения властей, установление политической демократии, включение все более широких масс в политические процессы.

В социокультурной сфере модернизация предполагает развитие индивидуализма и безличных форм социального взаимодействия как базовых; секуляризацию и растущее разнообразие форм духовной жизни; рационализацию сознания на основе широкого распространения достижений научно-технического прогресса и специфических форм рыночного регулирования экономики и предпринимательства. Но главная цель социокультурной модернизации — формирование духовных и нравственных предпосылок для новых форм деятельности, в первую очередь — стимулов хозяйственной и предпринимательской активности. Развитие социокультурных предпосылок модернизации может ее облегчить и ускорить — подобно протестантской этике и развитию индивидуализма на Западе, а отсутствие таких предпосылок, неприятие общественной нравственностью и культурой новых форм поведения и деятельности приводят к срывам модернизации и попятным тенденциям развития.

Модернизация и «модернити»

В теориях модернизации часто возникает необходимость в понятии, охватывающем весь комплекс культурных ценностей и институтов, присущих

капиталистическому Западу. Для этого используется понятие «модернити». Модернити — комплексная характеристика культуры развитого западного буржуазного общества, «приверженность европейскому рационализму и сциентизму, стремление к росту материального богатства и техническому прогрессу, отношение к природе как к объекту приложения своих сил и знаний. Это также идея социального равенства и личной свободы, индивидуализм, готовность человека к постоянным переменам в производстве, потреблении, образе жизни, в политических институтах, правовых нормах, моральных ценностях, как и желание быть инициатором таких перемен, желание "быть современным"»². В научной традиции модернизация связана с развитием и распространением «модернити». Французский социолог *А. Турен* отметил, что модернизация и есть «модернити» в действии.

При этом А. Турен различает «модернизацию» и «модернити», подчеркивая, что самобытное по социокультурным основам японское общество является в некоторых аспектах (например, в сфере менеджмента) более «модернизированным», чем американское — признанный образец наиболее чистой культуры «модернити»³.

Идея «модернити» и «модернизации» основывается не только на ценностях индивидуализма и экономической свободы, но и на идеалах Просвещения, утверждающих равенство людей в стремлении приобщиться к культурному наследию, к научным достижениям, развивать личность и интеллект, быть активно причастным к прогрессу общества. В этом смысле модернизация означает решительный разрыв с традиционными сословными, кастовыми, клановыми и т.д. ограничениями, этнической и конфессиональной замкнутостью, с любыми формами социокультурного неравенства. Два важнейших символа «модернити» — это свободный рынок, где каждый может реализовать свою инициативу в условиях конкуренции, и университет, где каждый может приобщиться к рациональному знанию и культуре.

Перенесенная на международные отношения, парадигма линейного поступательного развития и идея модернизация оформилась в модель

² Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994, с.23.

³ Touraine A. Modernity and Cultural Specificities / International Social Science Journal, Nov. 1988, N 118. : Modernity and Identity: A Symposium, p. 454.

«Восток—Запад», в которой заложена не только идея экономического и научно-технического превосходства Запада, его опережающего развития, но и необходимости развития «отставшего» Востока, помощи в движении по пути прогресса, возможности постепенного преодоления бедности и хотя бы гипотетического равенства с лидерами.

Такое понимание модернизации основывается на понимании культуры «модернити» как центрального смысла и цели развития незападных обществ. Их традиционные социокультурные системы анализируются прежде всего с целью вычленения «позитивных», «динамичных» начал, аналогичных ценностям «модернити» или способствующих их восприятию. Общая модель развития представлялась как универсальный путь «модернити» с учетом локальной специфики.

Иная модель развития формулируется через понятия «контрмодернизации» и «антимодернизации». «Контрмодернизация» означает, в соответствии с терминологией А.Турена, альтернативный вариант развития, ориентированного на те же цели, что и модернизация — развитие экономики, индустриализацию, научно-технический прогресс и т.д., но осуществляемый принципиально незападными, в корне расходящимися с нормами и ценностями «модернити» методами. Как «контрмодернизацию» можно рассматривать, например, сталинскую индустриализацию в Советском Союзе и курс китайского руководства 50-х годов XX в. «Антимодернизацией» А.Турен назвал противодействие модернизации, стремление «разойтись» не только с «модернити», но и с экономико-технологическими показателями современности, найти собственный, самобытный путь развития на основе не только эндогенных культурных ценностей, но и форм экономической жизни. К ним можно отнести попытки обоснования «исламской экономики», «буддистской экономики» и т.д.

К середине 80-х годов XX в. формулируется идея «модернизации в обход модернити». Появление и разработка этой концепции были связаны с такими именами, как Ш.Эйзенштадт, А.Турен, А.Абдель-Малек и др., которые пришли к выводу, что успех модернизации не связан с копированием «модернити». Западному экономическому рационализму они отводят ограниченную роль образа индустриально-технологической «современности», и некоторые исследователи предлагают заменить понятие «модернизация» на

«индустриализация». При этом подчеркивается, что духовные предпосылки, необходимые для движения традиционного общества к индустриализации отнюдь не охватывают всего объема западной культуры как некоего идеального типа, и не включает такие ее неотъемлемые черты, как, например, индивидуализм, что в полной мере проявилось, например, в опыте развития Японии и других стран Востока.

2.2. Социокультурные факторы хозяйственной модернизации и вестернизация

В основе формирования теорий модернизации лежали, как уже говорилось, представления о линейном прогрессивном развитии человечества, которое проходит универсальные стадии (ступени, формации и т.п.). При этом считалось, что страны Востока, Африки, Латинской Америки должны идти по тому же пути прогресса, повторять те же этапы роста, что и Запад. Первоначальные теории модернизации, сформулированные в 50-е гг., основывались на представлении об однозначном «преодолении отсталости» в ходе «гонки за лидером» в экономическом и социальном развитии, а соответственно — и в интенсивном заимствовании ценностей, норм и стереотипов поведения людей. Неизбежным последствием такого видения исторического процесса явилась изначальная вестернизация теорий модернизации, которые были ориентированы на выяснение конкретных механизмов экономического роста.

Теоретические концепции радикальной вестернизации были немногочисленны и относились главным образом к колониальному и первоначальному постколониальному периоду, однако на уровне практической политики модернизации вестернизаторские тенденции получили широкое распространение как в качестве самостоятельных стратегий развития, так и в комплексе с другими стратегиями. Основными принципами стратегии вестернизации являются 1) поспешное массивное ничем не ограниченное наступление западной культуры, интенсивное внедрение, обычно в пределах демонстрационного эффекта, западных ценностей и стереотипов поведения,

стилей жизни; 2) возведение в ранг реформаторского курса дескриптации традиционных ценностей и норм, мировоззренческих установок и т.д.

В целом вестернизаторский подход признает за традиционными ценностями и институтами лишь очень низкую способность к динамике и адаптации, а их позитивный смысл — обеспечение социокультурной интеграции — практически совершенно сбрасывает со счетов. Особый упор делается на несовместимости традиционного духовного наследия с потребностями экономического обновления, преодоления отсталости и присоединения к «цивилизованному мировому сообществу».

Сторонники вестернизации возлагают надежды на заимствование, вплоть до копирования западных ценностей, норм, институтов. Несостоятельность этих ожиданий, правда, становится очевидной достаточно быстро. Исследователи отмечают, что хотя внешние проявления «духа капитализма» и возможно «импортировать», потенции этого пути весьма ограничены, поскольку подобное «культуртрегерство» наталкивается на сопротивление глубинных основ менталитета и систем мотивации поведения. Наиболее ярким примером радикальной социокультурной вестернизации и последовавших за ней тяжелейших социально-политических потрясений является «белая революция» в Иране в 70-х годах. Она была примечательна тем, что сопровождалась весьма интенсивным развитием капиталистического сектора экономики и поэтому продемонстрировала в наиболее чистом виде сопротивляемость именно культурных и духовных сторон жизни общества. Колоссальный приток в страну финансовых средств и товаров, развитие современных секторов экономики и быстрый рост прослойки «новых персов» в качестве успеха модернизации не компенсировали резко негативного воздействия на общественное сознание агрессивного вторжения чуждой культуры. Распространение отнюдь не лучших образцов массовой культуры Запада затронуло повседневную бытовую и потребительскую культуру, средства массовой информации и досуг, внешний облик городов и литературу — «даже запах и цвет» стали западными.

Практически вестернизация естественным образом сопровождается разрушением традиционных структур, норм, ценностей, социокультурных ролей и картин мира. Опыт больших и малых срывов модернизации, самым ярким, но далеко не единственным из которых является пример Ирана,

свидетельствует о том, что несбалансированная вестернизация ведет к дезорганизации и хаосу, ставит под угрозу само осуществление модернизации. Об этом многократно говорили специалисты, в первую очередь — Ш.Эйзенштадт, посвятивший проблематике срывов специальное исследование «Модернизация: протест и изменения» (1966).

Как подчеркивает Ш.Эйзенштадт, главной проблемой модернизации и главной причиной ее срыва является не отсутствие обновления и консервация традиции сами по себе, а отсутствие новых отношений и институтов, ценностей и норм на месте разрушающихся старых. Конфликты и противоречия вызывает не существование разных типов общественных институтов и систем ценностей (традиционных и модернизированных, эндогенных и заимствованных у Запада и т.п.) само по себе, а отсутствие общего уровня их взаимодействия, универсальной системы, в которую они могли бы вписаться⁴.

Уже в конце 50-х годов текущего столетия критики вестернизации отстаивали позитивную роль традиционного наследия в процессе модернизации и делили традиционную культуру на «полезные» и вредные» для него элементы. «Вредными» считались различные проявления традиционного корпоративизма, в особенности патронажно-клиентельных отношений, тормозящие развитие индивидуальной инициативы и ответственности, а «полезными» — «аналоги» западных ценностей и институтов, в особенности «протестантской этики», обеспечивающие мотивацию предпринимательской активности капиталистического западного типа, распространение безличных отношений, этики успеха, а также становление институтов индустриального хозяйствования. В результате этой критики за вестернизаторской моделью остался статус локальной тактики развития, а парадигма линейного универсального прогресса стала постепенно заменяться теориями структурной и синтетической модернизации, делающими упор на локальной специфике, различии форм, темпов, методов развития в разных регионах мира.

⁴ Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973, p. 55-59.

§ 3. Критика линейной парадигмы социально-экономического развития и эволюция теории модернизации в 80-х гг. XX века

Несостоятельность теорий вестернизации заставила исследователей признать «огромное институциональное разнообразие различных современных и осовременивающихся обществ» и значимость сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества, а также важную роль ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной жизни⁵.

В новой парадигме процесс мирового развития уже не выглядит детерминированным исключительно технологическим и экономическим процессом, а модернизация представляется уже не однолинейной и моноцентричной, а полиморфной и допускающей значительную вариативность в структуре и темпах своей динамики. Итогом критического переосмысления теорией понятия модернизации явилась ее трактовка не как линейно-универсального движения к внешне заданной цели, а как внутренне противоречивого и многопланового процесса.

Модернизация — в современном понимании — это разрешение противоречий между а) эндогенными ценностями, нормами, институтами и «мировой цивилизацией», вхождение в которую является одной из основных целей всех преобразований; б) привносимыми западными ценностями и нормами, заимствуемыми институтами и собственным социокультурным достоянием, по отношению к которому вестернизация выступает как разрушитель; в) императивом (как внешним, так и внутренним) изменений, являющихся условием полноценного вхождения в сложившиеся мировые связи, и необходимостью поддержания стабильности и целостности общества⁶.
Разрешение этих противоречий возможно на путях, во-первых, понимания

⁵ Patterns of Modernity. Vol. II: Beyond the West. N.Y., 1987, p. 4.

⁶ О противоречиях модернизации см.: Б.С. Ерасов. Одномерная логика российских модернизаторов. — Общественные науки и современность. 1995, № 2.

модернизации как движения к различным целям в разных сферах жизни общества; во-вторых, признания роли самобытной культуры в жизни общества.

Происходит обновление понятийного аппарата теории: вместо «модернизации» и «развития» ученые предлагают использовать термины «трансформация», «индустриализация», а вместо приобретенного негативный смысл понятия «традиционность» — «эндогенность» (термин, подчеркивающий привязку развития к собственным, изначально присущим данной культуре ценностям и институтам), и «идентичность» (термин, подчеркивающий сохранение изначальной сущности общества, его тождества самому себе при всех изменениях). Для обозначения процесса восприятия незападными культурами западных ценностей и институтов вместо «заимствования» (подразумевающего копирование) вводятся понятия «ориентализация», «девестернизация», «адаптация», означающие трансформацию заимствуемых ценностей в новой культурной среде, наполнение их новым, принципиально иным содержанием. В отечественной литературе получило широкое применение понятие «самобытность», включающее в себя весь спектр неповторимого своеобразия каждого из западных обществ⁷.

3.1. Аналоги "модернити" в незападных культурах и их место в процессе хозяйственной модернизации

Критика радикальной вестернизации, набравшая силу на протяжении 60-х - 70-х годов, привела к отказу от ее абсолютизации. Произошло осознание того факта, что "...разрушение старого не обязательно способствует возникновению нового и сопровождается им. Часто разрыв традиционных связей и утрата традиционных ценностей ведет к дезинтеграции, дезориентации и хаосу, а не к укоренению новых ценностей и институтов"⁸. Исследователи признали, что традиционные ценности, нормы и институты не всегда оказывают тормозящее воздействие на процессы модернизации, но часто играют позитивную роль (например, в Англии и в Японии монархические символы и этика государственного служения сыграли мобилизующую роль). Наконец,

⁷ Обоснование этого термина см.: Б.С. Ерасов. Социальная культурология. М., 1996, с. 208—209.

⁸ Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973., с. 99.

кризис универсалистской концепции модернизации убедил теоретиков в том, что не везде и не всегда западные ценности оказываются пригодными для незападных цивилизаций, которым солидарность и справедливость в традиционном понимании органичнее, чем рациональность и свобода конкуренции.

Обновленная концепция модернизации основывается на следующих положениях: 1) значимость сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества; 2) устойчивость ценностно-смысловых факторов в регуляции как политической, так и хозяйственной жизни; 3) большая вариативность институциональных, символических, идеологических интерпретаций, которые различные общества и цивилизации дают реальным процессам модернизации.

Обновленная модель мирового процесса развития выглядит уже не однолинейной и моноцентричной, как в вестернизаторской модели, а полицентричной и допускающей значительную вариативность в формах и направлениях своей динамики. Реальная форма ответа на «вызов» модернизации определяется, по Ш.Эйзенштадту, целой совокупностью конкретных характеристик каждого отдельного общества, в том числе и его цивилизационными основаниями: базовыми представлениями о космическом и социальном порядках и их соотношении, социальный и культурный строй, базовыми представлениями об основных социально-культурных ценностях (таких как равенство, иерархия, инновация и др.).

Отказ от парадигмы вестернизации, признание значимости эндогенных социокультурных факторов в процессе движения к современности повлек за собой все более пристальное внимание к возможным аналогам западных индивидуалистических, активных, достижительных ценностей, которые могли бы составить духовную основу модернизации. С конца 50-х годов получают распространение исследования, посвященные поискам в эндогенных культурах Востока прямых аналогов «модернити», в особенности протестантской этики, т.е. духовных, религиозных ценностей, ориентирующих индивида на активную мирскую деятельность, в первую очередь — на занятие производством и торговлей, на активное преобразование мира взамен пассивного следования

законам природы и традициям, на рациональную калькуляцию выгоды и прибыли взамен межличностной регуляции хозяйственной деятельности.

Индийские исследователи считают, что заключения М.Вебера о сугубо потусторонней направленности индуистского мировоззрения не соответствуют действительности, поскольку на самом деле оно порождает не только стремление к уходу от реальности, пассивность и фатализм, но и — главным образом — активную деятельность по накоплению заслуг и улучшению кармы. Согласно учению о карме, человек, совершая добрые и злые поступки, сам творит свою судьбу, и эта установка должна порождать у верующих чувство ответственности и активное отношение к жизни. Поэтому утверждается, что сознание верующего индуиста оказывается благоприятным материалом для капиталистического общества и его экономического рационализма.

Большинство ученых, работающих в этом направлении, указывает на значение предписаний соответствующим кастам варны вайшьев (торговцев, отчасти - земледельцев и ремесленников) трудиться, усердно заниматься торговлей и ремеслами, вести умеренный образ жизни, накапливать благосостояние и т.д. При поверхностном сопоставлении эти предписания напоминают нормы, которые утверждает протестантизм для своих последователей, тем более что в доколониальной Индии процветали торговля и ремесла, успешно развивалась математика, была разработана рациональная формальная логика и грамматика. Исследователи напоминают, что не только варне вайшьев, но и брахманам, ориентации которых, носили сугубо потусторонний характер, чуждый интересам к материальным благам, были свойственны стремления к приобретательству и накоплению богатства, поскольку они брали вознаграждение за свои ритуальные, научные и юридические услуги.

Известные английские индологи Л. и С. Рудольфы увидели подтверждение способности эндогенных индийских ценностей рационализировать мирскую деятельность в духовном наследии М.К.Ганди. Они считают, что, несмотря на сугубо негативное отношение Ганди к капитализму и индустриальному развитию, именно с ним в индийское массовое сознание вошел поведенческий стереотип мирского аскета, профессионального политика, основывающего свою деятельность на строгой калькуляции,

планомерном учете обстановки и ресурсов, апелляции к конкретным интересам и потребностям масс. При всем различии основных ценностных установок, стиль повседневной деятельности Ганди совпадает со стилем такого признанного образца и идеолога буржуазно-предпринимательской этики, как Б.Франклин. И если М.Вебер видел истоком идеологии Б.Франклина протестантизм, то Л. и С.Рудольфы выводили аскетизм Ганди из традиционной религиозной этики индийских торговых каст, стилем жизни которых также, как и у протестантов, является жесткий самоконтроль, подчинение физических и интеллектуальных усилий реализации высших духовных ценностей.

Исследователи модернизации тщательно искали прямые аналоги протестантской этики и в Японии. Целью этих поисков было выявление духовных основ «японского чуда» — быстрой и эффективной модернизации японского общества. При всем сходстве с религиозно-культурной ситуацией в Китае структура базовых ценностей японского общества, по мнению известного исследователя культур Дальнего Востока Р.Белла, коренным образом отличалось от нее: если в Китае доминировали ориентации на поддержание стабильности системы, на патернализм и сыновнюю почтительность, то есть на интегративное начало в культуре, то в Японии, при всей значимости социокультурной интеграции, доминировали ориентации на мобилизацию всего общества на выполнение поставленных целей, на лояльность снизу доверху и достижение высоких, в том числе и экономических результатов. При такой структуре ценностных ориентаций японское общество восприняло установки на модернизацию в период революции Мэйдзи как общую цель, достижение которой потребовало общих усилий. Этому способствовал высокий мобилизационный потенциал духовной системы японского конфуцианства, буддизма и синтоизма.

В японском варианте конфуцианства и буддизма исследователи находят немало аналогов протестантской этики, то есть установок на активную мирскую, в том числе и хозяйственную деятельность, на трудолюбие, бережливость и расчетливость. Японцы заимствовали экономические концепции конфуцианства, прежде всего ориентацию на производство при ограничении потребления, но эти концепции интерпретировались здесь иначе, чем в Китае. Прежде всего, конфуцианские экономические теории здесь

использовались в практике централизованного управления, а не оставались абстрактными поучениями. Но самое главное — они приобретали динамизм, в корне отличный от китайской интегративной системы. Этот динамизм, составляющий сущность аналогии японских ценностей с протестантскими, подкреплялся буддийскими и синтоистскими ценностями.

Важнейшим фактором, подкрепляющим достигательные рациональные ориентации в японской культуре, является этический кодекс самураев Бусидо, из которого на все сферы деятельности, в том числе и на хозяйство, распространились установки на самоотверженное служение и достижение поставленной цели при безусловном подчинении нижестоящего вышестоящему. В ходе преобразований Мэйдзи в Японии большое мобилизационное значение приобрел синтоизм как сакрализация национализма и преданности государству. Синтоистские ценности способствовали не только сплочению общества вокруг идей индустриализации в период Мэйдзи, но и активизации практических усилий, направленных на достижение общенациональных целей.

Одним из наиболее существенных социокультурных факторов модернизации Японии исследователи считают коллективные, групповые ориентации. Японский солидаризм и корпоративизм способствовал экономическим успехам в противоположность другой буддийской культуре — тайской, где эти ценности существенно слабее. (В культуре Таиланда буддийское мировоззрение, ориентированное на индивидуальное спасение путем накопления заслуг и хорошей кармы ведет к автономизации индивида даже в рамках традиционной солидаритетской общины и не способствует ее мобилизации для достижения общих целей). В японской культуре корпоративизм основывается на религиозных ценностях почитания старшего и фактического «освящения» родителей и политического лидера, но это освящение переходило границы простой преданности и ориентировало индивида на активную, самоотверженную и целеустремленную деятельность во имя процветания своей корпорации.

Важнейшими из аналогов протестантской этики в во всех культурах считаются ценности трудолюбия, бережливости, аккуратности, стремления к накоплению богатства. Особенно выделялись религиозные мотивы в обосновании этих ориентаций и в особенности - высшие духовные санкции

активной производственной и коммерческой деятельности. Исследователи находят духовные истоки хозяйственной рациональности и мирского аскетизма как в конфуцианстве, так и в учениях буддийских сект периода Токугава – «Син», «Сингаку», «Хотоку», «Дзэдо синсю» др. Они провозглашали усердие в труде и умеренность в потреблении религиозным долгом, а также оправдывали стремление к накоплению богатства, которое в классическом буддизме и конфуцианстве считалось недостойным занятием.

Японский исследователь Накамура нашел сходство с протестантской хозяйственной этикой в учении дзэнского монаха Судзуки Сёсана (1579-1655). Согласно ему, каждая профессия и работа — испытание веры, поскольку являет собой Божественный Абсолют. Он не видел иного пути самореализации для буддиста, кроме преданности земному долгу и самоотверженного труда, будь то труд крестьянина или торговца⁹. Особое значение Накамура придавал учению Судзуки Сёсана о предопределении, согласно которому размеры благосостояния и продолжительность жизни зависят от кармы, и каждый буддист должен работать просто для блага людей, отстраняя личные интересы и заботу о личном материальном процветании. Здесь Накамура видел близость веберовской интерпретации кальвинистского предопределения и считал, что эта концепция сыграла существенную роль в формировании экономической этики на разных стадиях модернизации Японии.

3.2. Неполнота аналогии "модернити" в незападных обществах

В поисках прямых аналогов протестантской этики исследователи опираются на полиморфизм культуры, многочисленные нормы и ценности, свидетельствующие о значимости практических установок в реальной жизни как исторического, так и современного индивида. Этих установок, по их мнению, должно быть достаточно для легитимизации эндогенного капиталистического развития. Однако при этом у них без ответа остается вопрос, почему эндогенный капитализм так и не получил самостоятельного развития в странах Востока до «вызова» со стороны Запада. Привлечение для

⁹ Япония в сравнительных культурологических исследованиях. Реферативный сборник. М., 1990. , ч.2., с. 28-29.

объяснения исторических, политических и прочих факторов оказывается недостаточно для решения проблемы: необходима теоретическая модель соотношения различных видов хозяйственных ориентаций.

Более пристальный анализ эндогенного культурного наследия показал, что те проявления прагматизма и рациональности, которые обнаруживаются на индийской почве, носят принципиально иной характер, чем принятый М.Вебером за основу «духа капитализма» рациональный мирской аскетизм протестантов. В целом индуизм предстает как скоординированная система жизненных позиций, в которой сочетаются потусторонние мистические установки и активная деятельность в миру. Но эта последняя - не самостоятельное средство спасения, как мирской аскетизм в протестантизме, а лишь элемент или этап, подчиненный конечной потусторонней ориентации. Поэтому, хотя элементы аскетизма и рациональности включены в систему поведенческих норм индуиста, доминирующим, определяющим принципом остаются мистическое созерцание и уход от мира. И это означает, что та рациональная хозяйственная деятельность, которая лежит в основе европейского капитализма, не присуща индийской культуре [Aurora G.S. Hindu Religious Rationality and Inner-Worldly Ascetism. / Recent Research on Max Weber's Studies of Hinduism. Munchen, Koln, London. 1986.].

Попытки объяснить успешную модернизацию Японии с помощью аналогов "модернити", также подвергаются обоснованной критике. Прежде всего, здесь большую, нежели на Западе роль играли институциональные, социально-групповые, политические факторы, а также исторические обстоятельства. Отмечается, что совпадения отдельных ценностей с западными носит случайный и локальный характер и не имеет объясняющей значимости при исследовании истоков японской модернизации. По мнению американского японоведа Д.Муна, к проблемам модернизации Японии необходимо подходить с точки зрения более широкой исторической перспективы, берущей в расчет разные исторические обстоятельства и события, институциональные и структурные факторы. По его мнению, модернизация в Японии протекала независимо от традиционных религиозных ценностей.

Таким образом, по мнению большинства современных исследователей процессов модернизации в странах Востока, найденные там прямые аналоги

западных ценностей "модернити" - протестантской этики реально имеют иную социокультурную природу и соотносимы с добуржуазными европейскими ценностями, с общечеловеческими прагматическими установками. Этот вывод подтверждает значимость эндогенного социокультурного наследия при осуществлении модернизации, необходимость более внимательного отношения к традиционному потенциалу незападных обществ. А неадекватность прямых аналогов говорит о том, что восточные культуры не уподобляются западным, их специфика имеет более глубокие корни, нежели простая традиционная экзотика, преодолимая при движении по «общечеловеческому» пути развития. Невозможность уподобить эндогенные социокультурные ценности Востока ценностям «модернити» заставили теоретиков модернизации двигаться дальше по пути признания социокультурной специфики и традиций как самостоятельного фактора модернизации.

3.3 Социокультурные факторы экономической модернизации в синтетических концепциях развития

Современный этап формирования концепции мирового развития отражают синтетические концепции модернизации. Они называются «синтетическими» потому, что считают успех модернизации возможным только при органичном синтезе современных рационально-технологических ценностей и институтов с традиционными, самобытными основами незападных обществ и полагают учет социокультурной специфики важнейшей исходной посылкой современных преобразований. Одна из базовых посылок этой концепции состоит в том, что переход к современным формам социально-экономического и культурного бытия должен осуществляться при опоре на собственные силы (*self-reliance*).

Модернизация мыслится на современном этапе становления концепции как сложный процесс, подразумевающий структурную дифференциацию социокультурной системы и формирование новых институтов, норм, форм коммуникации, символов и ценностей не на основе отрицания традиционного, а его органичного включения в процессы осовременивания, задействование его мобилизационного и интеграционного потенциала. В этой связи происходит

«новое открытие» («*rediscovery*») традиционных культур, которые обретают новый смысл и становятся легитимирующей основой преобразований.

Общий вывод С.Эйзенштадта о модернизации незападных обществ состоит в том, что она осуществляется на основе социального, культурного, религиозного, политического плюрализма, одновременного действия различных факторов и тенденций, столкновения процессов отторжения нового, адаптации к нему, его безусловного принятия при отказе от собственного наследия, или, напротив, абсолютизации последнего и т.д.

Структурная парадигма модернизации отражает тот факт, что современные виды деятельности и ценностные ориентации занимают лишь определенные сферы социальной жизни — современные сектора в экономике и финансах, некоторые сферы правового регулирования и управления, политической системы, наука и технология и т.п. За традиционными сферами остаются регуляция в сферах межличностных отношений и неофициального общения, семья, обеспечение целостности и духовного единства общества, решение мировоззренческих, экзистенциальных проблем. Р.Белла в исследовании «Религии Токугава» отмечает, что переход к современности вовсе не означает доминирования экономических ценностей и экономической рациональности в обществе — такой путь развития прошли фактически только США. В других обществах и культурах экономическая рациональность получает свободу развития в определенной социальной нише.

Составной частью исследований путей и форм синтеза и структурирования традиционных и современных ценностей является выявление в эндогенном духовном наследии тех элементов, которые могут наиболее успешно способствовать органичному переходу к современности: определять цели, потребности и стратегические направления развития самобытных обществ, обеспечивать легитимность новых институтов и форм деятельности, облегчать адаптацию к ним традиционного индивида. Противопоставление традиционных и современных индустриально-капиталистических обществ рассматривается не как жесткая антитеза, а как подвижное соотношение, обусловленное динамизмом традиционного начала, его способностью изменяться и приспосабливаться к современным условиям.

Утилитарные и практические ориентации рассматриваются в контексте этого подхода уже не как прямые аналоги «модернити», а как предпосылки формирования культуры и этоса современного индустриального общества, которые могут быть реализованы в ходе модернизации.

Известный американский индолог М.Сингер, один из наиболее последовательных выразителей этой позиции, на основании социологических исследований ценностных ориентаций мадрасских предпринимателей утверждает, что традиционная индийская религия и социальные институты совместимы с современным развитием экономики и успешно приспособляются для того, чтобы обеспечить ее дальнейший прогресс¹⁰. Сингер пришел к выводу, что индуизм может использоваться как хорошая духовная основа индустриального развития, если брать его философско-этическое учение. Индуистские традиционные институты также успешно адаптируются к новым условиям и превращаются в самобытные формы функционирования буржуазных институтов и норм. Кастовая система успешно сочетается с современными формами иерархии, основанными на квалификации, образовании и т.п., обеспечивая, в то же время, солидарность и идентификацию индивида на личностном уровне общения. То же самое относится и к традиционной большой семье, которая, приспособившись к современным социально-культурным отношениям и функционированию в условиях индустриального производства, все же не разрушается и не является препятствием для экономического и социального развития.

Большое значение как факторы, активизирующие предпринимательскую активность, имеют локальные традиции, соединяющие ценности традиционной аскезы с установками на хозяйственную и предпринимательскую активность. В таком качестве часто выступают реформаторские движения и религиозные секты. Известно, что весьма значительных успехов в коммерческой и фининсовой сферах индийской экономики добились джайны. (Еще М.Вебер предвидел это и писал о них как о возможных носителях коммерческого и финансового капитала в Индии.) Это объясняется тем, что у джайнов склонность к рациональности и строго упорядоченному образу жизни

¹⁰ Singer M. When a Great Tradition Modernizes. N.Y., 1972. , с. 357.

сочетается с предельно жестким запретом на насилие и умерщвление живых существ (принцип ахимсы), строго ограничивающим возможные сферы приложения их активности. Коммерция и финансы же остаются в числе тех немногих профессий, которые удовлетворят религиозным и нравственным императивам джайнов.

Известно, что носителями «зеленой революции» (внедрение новых интенсивных методов агрикультуры) в Индии в 60-70-х гг. XX в. стали сикхи. Исследователи полагают, что «зеленая революция» стала для сикхов результатом долгой «зеленой эволюции», то есть культивирования в их среде установок на производительное, коммерчески ориентированное сельское хозяйство и почитания ценностей трудолюбия и рационального хозяйствования.

Активизации предпринимательской деятельности способствует религиозное реформаторство. Его содержание на Востоке состоит в попытках дать мирской профессиональной активности человека высшую духовную санкцию. Известнейший реформатор индуизма Свами Вивекананда в своей «Карма-йоге» провозгласил труд одним из путей к спасению: «Все йоги — труда, мудрости и любви могут служить прямым и самостоятельным средством для достижения свободы, спасения».

Реформаторские тенденции способствовали большей общественной интеграции благодаря легитимизации ими принципа вариативности, многообразия профессиональной и частной жизни. Характерно, что в отличие от западной Реформации, приведшей к расколу христианства и сопровождавшейся длительными религиозными войнами, реформаторские течения на Востоке органично включаются в «большую традицию». Утверждая ценности и нормы мирской активности, восточные реформаторы воспринимают ее именно как «свою» — индийскую, исламскую, буддийскую, не отменяют и не критикуют ее, а приспособливают к современной реальности.

§ 4. Нелинейные теории общественного развития и динамика хозяйственной жизни.

К нелинейным теориям общественного развития можно отнести теорию флуктуаций социокультурных суперсистем П.Сорокина, теорию мир-экономик

Ф.Броделя и У.Валлерстайна, возможности интерпретации М.Вебера в духе плюрализма цивилизаций, теории цивилизаций и самобытности.

Русско-американский социолог *П.А. Сорокин*, полемизируя с линейным экономикоцентричным видением истории, в известном фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика» предложил модель развития, основанную на флуктуации (колебаниях от средних показателей) социокультурных суперсистем. Суть этой теории состоит в том, что все известные истории социокультурные организмы включают в себя ценности как утилитарно-материалистические, прагматические, так и духовные ценности, и характер конкретного общества определяется их сочетанием. В *чувственных* социокультурных суперсистемах доминируют ценности чувственного, эмпирического, материального характера, ориентации на полнокровное ощущение жизни, динамизм и бесконечный прогресс, овладение внешним миром и его изменение, стремление к власти, богатству, комфорту, физической красоте и силе. Характер и качество этих ценностей может варьироваться от активно-чувственного, с акцентом на творчество, деятельное преобразование мира, до цинично-чувственного, где гедонизм и пассивное потребление маскируются притворными, неподлинными духовными ориентациями. В *идеациональных* суперсистемах доминируют духовные, часто трансцендентные вечные ценности и истины, нацеленность на самосовершенствование, внутреннюю жизнь, мистическое постижение первоначал бытия. В любом реальном обществе, как утверждает П. Сорокин, чувственные и идеациональные ценности переплетены и структурированы, и в процессе исторического развития происходит флуктуация — колебание характера культуры между этими двумя полюсами. Когда чувственные и идеациональные ценности оказываются гармонично уравновешены, формируется *идеалистическая* социокультурная суперсистема (примерами являются конфуцианская культура Китая, античная культура VI—IV вв д.н.э., европейская христианская культура XIII в.). Кризис современного западного общества объясняется кризисом чувственной суперсистемы, которая достигла крайнего полюса флуктуации, когда чувственные ценности стали тормозить развитие общества. Теперь следует ожидать постепенного нарастания

идеационального начала и движения к новому равновесию — идеалистической суперсистеме.

Каким образом соотносится характер социокультурной суперсистемы и экономическое развитие общества? Прежде всего, П. Сорокин отрицает универсальный линейный прогресс экономики и благосостояния как общества в целом, так и отдельных классов и групп. Экономическое развитие также подчиняется закону флуктуации от подъема к кризису, процветания к упадку. Ни господствующие, ни низшие и угнетенные классы не находятся в стабильном состоянии благополучия или, наоборот, бедности — все социальные группы переживают благополучные и бедственные периоды.

Характер социокультурной системы влияет на экономическую жизнь не столь прямо и непосредственно, как на жизнь духовную и ее разнообразные проявления — религию, нравственность, искусство, науки и формы познания, его влияние во многом зависит от того, насколько менталитет общества органичен повседневному поведению людей. В то же время, в самом общем виде связь характера социокультурной системы и экономической жизни проявляется в том, что «в условиях идеациональной культуры отношение к экономике либо негативное, либо индифферентное, в лучшем случае она допускается как меньшее из зол в рамках самой ограниченной необходимости. В чувственной системе это или основная ценность, или одна из главнейших. Поэтому идеациональное общество уделяет гораздо меньше внимания и энергии для достижения экономического благосостояния, чем общество чувственное, и, в отличие от него, не достигает в этом отношении столь высоких результатов»¹¹. В чувственном обществе к экономическим ценностям относятся «с почтением и восторженностью», и эти ориентации способствуют концентрации усилий на хозяйственной жизни, на достижении изобилия, богатства, комфорта, на оптимальной организации хозяйственной жизни.

Социальные группы—носители чувственной культуры часто оказываются и ведущими экономическими классами, такой оказалась буржуазия, экономическое положение которой улучшалось по мере развития чувственной культуры на Западе. В то же время, трудящиеся классы — рабочие,

¹¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000, с. 609.

ремесленники, крестьяне — редко оказываются яркими и последовательными выразителями того или иного типа культуры. П. Сорокин считает, что их материальное положение в условиях чувственной культуры лучше, чем идеациональной, поскольку выше общий уровень развития экономики и благосостояния всего общества в целом.

Однако воздействие характера социокультурной суперсистемы на хозяйственную жизнь и благосостояние общества не является однозначным. П. Сорокин указывает, что некоторые специфические особенности чувственной культуры могут оказывать негативное воздействие на хозяйственную жизнь и благосостояние общества, даже довести его до упадка, кризиса, ввергнуть в нищету. Такая ситуация возникает «когда, например, в условиях сверхразвитой чувственной ментальности каждый начинает бороться за максимальную долю счастья и благосостояния, это ведет к конфликтам между конфессиями, классами, областями и провинциями, союзами и т.д., которые зачастую перерастают в восстания, войны, классовые стычки, чрезмерное налогообложение. Люди утрачивают чувство безопасности, и в конце концов экономическое процветание становится невозможным»¹². В итоге благосостояние общества падает.

Идеациональная культура, вопреки своей духовной, «неотмирной» сущности нередко создает предпосылки для подъема хозяйственной активности, способствует росту благосостояния как отдельных групп, так и общества в целом. Такие предпосылки могут быть, во-первых, «непрямыми» следствиями идеациональной культуры, например, рост благосостояния церкви как института и священнослужителей как социальной группы в период религиозного подъема в обществе, например, когда вокруг почитаемого святого места, или носителя особой религиозной харизмы складывается община верующих типа русского общежительного монастыря, многие из которых были крупными хозяйственными центрами. Во-вторых, они могут прямо вытекать из некоторых установок духовного характера, подобно протестантской этике, признавшей мирскую работу религиозным долгом верующего.

¹² Сорокин П.А. Указ. Соч. , с. 607.

Таким образом, связь между характером господствующей культуры и направлением экономической флуктуации существует, но она не является прямой и непосредственной. В целом П. Сорокин описывает зависимость флуктуаций культуры и хозяйственной жизни так: «преимущественно идеациональные общества обнаруживают тенденцию существовать в экономических условиях, уровень которых ниже (с чувственной точки зрения), чем уровень культур преимущественно чувственных. Периоды, когда идеациональная культура начинает клониться к упадку, а чувственная — усиливаться, отмечены начинающимся улучшением экономической ситуации социальной системы в целом (но не обязательно во всех ее частях). Экономический подъем продолжается в период идеалистической или смешанной культуры, во время которой достигает больших вершин, однако самые высокие уровни наблюдаются во времена полного развития чувственной культуры, как раз перед ее последующим упадком. Когда культура окончательно достигает зрелости, она неизбежно начинает порождать обстоятельства, которые действуют как против чувственной культуры в целом, так и против экономического благосостояния, считающегося одной из главных ее ценностей. Действие этих сил, проявляющееся даже в периоды высшего развития чувственной культуры, ведет к ее упадку»¹³.

К нелинейным концепциям социально-экономического развития можно отнести и миросистемную теорию, наиболее яркими представителями которой являются французский историк Ф. Бродель и американский социолог *И. Валлерстайн*. Миросистемой называется социально-экономическое образование с единым разделением труда и множеством культур, центром, полупериферией и периферией, которые в процессе исторического развития могут смещаться, постепенно меняя геоэкономическую локализацию. Подтипом миросистемы является «мир-экономика», где разделение труда и экономическое развитие осуществляется в рамках межгосударственной системы. Основой и ядром современной мир-экономики является капиталистический Запад, который за последние пять веков распространился на Европу, Северную (а затем в значительной степени и Южную) Америку, отчасти другие регионы мира. Мир-

¹³ Сорокин П.А. Указ. Соч., с. 608-609.

экономики неевропейских цивилизаций, имеющих собственные хозяйственные уклады, не смогли перерасти свои границы, и они постепенно оказались втянутыми в капиталистическую миросистему в качестве периферии. Локализация ядра капиталистической мир-экономики менялась, перемещаясь из Средиземноморья на Север и т.д., но ее качественная определенность и тенденции развития сохранялись на протяжении веков¹⁴. И. Валлерстайн пишет: «Миросистема модернити представляет собой капиталистическое мирохозяйство, и это означает, что ею управляет стремление к безграничному накоплению капитала, которое иногда называют законом стоимости... Эта миросистема территориально расширялась многие столетия, последовательно инкорпорируя в принятую в ней систему разделения труда все новые регионы... Капиталистическая миросистема представляет собой совокупность мирохозяйств, определяемого отношениями центра и периферии, и политической структуры, состоящей из входящих в международную систему суверенных государств»¹⁵.

Современная капиталистическая миросистема имеет характер глобального образования с тремя основными соперничающими центрами — Западной Европой (Европейский Союз), США и Японией. Политические и экономические кризисы XIX — XX вв. подвели ее к точке бифуркации, после которой возможны как преодоление кризиса и вступление миросистемы в новый этап развития, так и ее распад и формирование новой мир-экономики.

Важный вклад в развитие нелинейных теорий социально-экономического развития внесли современные последователи М. Вебера. Дело в том, что сам М. Вебер отрицал наличие единых универсальных законов исторического развития и в качестве методологии социологических исследований предлагал «понимающий» метод, состоящий в интерпретации социального поведения людей, то есть сведения ее к «понятным», рациональным мотивам. Модернизация Запада основывалась, с точки зрения М. Вебера, на специфическом рационализме протестантской этики, а отсутствие эндогенной модернизации на Востоке и вообще его хозяйственная специфика объясняется

¹⁴ Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002, с. 489-491.

¹⁵ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003, с. 50.

особенностями рационализма, складывающегося в рамках восточных религиозных картин мира. Вообще каждой из рассматриваемых Вебером цивилизаций присущ собственный тип рациональности, в соответствии с которым строятся и картина мира, и важнейшие поведенческие стратегии людей: «во всех культурах существовали самые различные рационализации в самых различных жизненных сферах. Характерным для их культурно-исторического различия является, какие культурные сферы рационализируются и в каком направлении»¹⁶. Протестантизм привнес в западную цивилизацию сквозную рационализацию на основе религиозных ценностей всей мирской деятельности, в том числе и хозяйственной, чем открыл дорогу для развития формальной рациональности развитого капиталистического общества. Индийская цивилизация дала миру самую глубокую и последовательную «теоретическую» рационализацию религиозного созерцания, а конфуцианская — практического повседневного поведения. Из веберовской теории рационализации не следует, что какой-либо из этих типов рациональности является более высоким или «прогрессивным», а остальные должны развиваться в его направлении. Поэтому из теории М. Вебера можно сделать вывод о том, что мировые цивилизации, развивающиеся каждая в соответствии с собственным типом рационализации, по самобытному пути, и западный капитализм и культура модернити является исторической судьбой и спецификой пути Европы и Америки, а не образцом будущего всего мира¹⁷.

Подобной точки зрения придерживаются и сторонники *цивилизационной теории*, выделяющие большие социокультурные общности по принципу единства и самобытности духовной регуляции. Виднейшими представителями цивилизационной теории были О. Шперглер, А. Тойнби, Н. Данилевский, ее отдельные положения развивает и уже упомянутый выше Ш. Эйзенштадт. Согласно этой теории в рамках цивилизационного устройства мира выделяются макромасштабные социокультурные общности, принципы устройства которых сложно структурированы и включают в себя как самобытные хозяйственные

¹⁶ Вебер М. Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 55.

¹⁷ Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998, с. 42-64.

уклады, так и социальные, этно-национальные, политические, религиозные, культурные ценности и институты¹⁸. История человечества рассматривается как циклы становления, зрелости и упадка цивилизаций, и таким образом нередко абсолютизируется их локальная специфика и замкнутость. Идее единой исторической судьбы человечества, развивающегося по пути прогресса, противопоставляется уникальность исторической судьбы отдельных общностей. Подобно тому как в теориях линейного развития абсолютизация универсальных законов нередко порождает невнимание к социокультурным особенностям, уникальным традициям, самобытным ценностям и в конечном счете — социально-историческому редукционизму, так и в теории цивилизации абсолютизация духовной специфики локальных образований приводит к забвению общности исторической судьбы и единства человечества. Реально это может выражаться в представлениях о непримиримом конфликте цивилизаций (С. Хантингтон), каждая из которых ориентирована на собственные ценности и законы, на самоутверждение и противопоставление другим, или в оправдании отсталости и слаборазвитости, которое прикрывается ссылками на «специфику» исторической судьбы.

§ 5. Динамика хозяйственной жизни в теориях социокультурной самобытности.

Теории социально-культурной самобытности по большому счету являются ровесницами и постоянными спутницами культуры «модернити». По мере распространения последней на незападные общества они возникали как ответ эндогенных культур и цивилизаций на вторжение, как попытки противопоставить активному навязыванию социокультурных стереотипов извне свой собственный, органичный вариант развития. Ярким примером является дискуссия славянофилов и западников в России, шедшие на протяжении второй половины XIX в., споры о пригодности и целесообразности для России индустриального пути развития, о перспективах русской крестьянской общины,

¹⁸ Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.

о специфике русской государственности. Аналогичные или сходные сюжеты возникали и возникают по сей день во всех незападных обществах: теории «исламской экономики» и «исламского социализма» на арабском и Среднем Востоке, концепции гандизма и сарвадайи в Индии и Юго-Восточной Азии, «буддийский путь» и «буддийский социализм» в регионах распространения буддизма, концепции негритюда в Африке. Для успешно модернизированной Японии также характерен глубокий интерес к собственной социокультурной специфике и предпосылкам «японского чуда», выражающийся в настоящем буме теорий японской культуры.

Теории культурной самобытности и основанные на них идеологические и практически-политические построения носят ярко выраженный антизападный характер и их рассматривают как альтернативу модернизации или, согласно А.Турену, «антимодернизацию». Это связано с тем, что такие теории прежде всего принципиально отрицают универсальность западного пути развития и приемлемость культуры «модернити» для незападных обществ, ищут альтернативные пути развития, органичные собственному культурному наследию и соответственно — совершенно уникальные.

Главный смысл теорий социокультурной самобытности состоит в том, что они в первую очередь отстаивают стабильное существование общества, а его место в мировой системе определяют на основе противопоставления другим. Лозунг, общий для этих теорий и выражающий их суть — «возврат» к ценностям традиционных культур и особенно религий: индуизма, буддизма, ислама*. Однако этот возврат в современных условиях оказывается связанным с

* Необходимо отметить, что концепции буддийской и исламской экономики разрабатываются в связи с современными идеологическими и религиозно-реформаторскими течениями общественной мысли многих стран соответствующих регионов, ориентированы на интересы и потребности различных слоев и классов, основываются на избирательном отношении к традиционному наследию и допускают значительные расхождения в его интерпретации. Не ставя перед собой задачи подробно анализировать эти расхождения, мы сосредоточим внимание на выяснении принципиальных общих положений о развитии экономики в контексте теорий самобытности.

новым осмыслением традиционного наследия в условиях современных социально-экономических и политико-идеологических реалий.

Создателем и главной социальной базой распространения теорий самобытности являются традиционные элиты — управленческие и политические, религиозные и культурные. Однако неверно, что это всегда бывают реакционные ретрограды, в силу мировоззрения и образования неспособные «вписаться» в новые реалии: многие из них получили образование и работают в ведущих западных научных центрах, хорошо знакомы с теорией и практикой западного рынка. Кроме того, сами западные ученые часто являются активными разработчиками концепций самобытного развития — например, известный американский буддолог Е.Шумахер, много писавший о «буддийской экономике». К разработке альтернативных теорий развития западных ученых побуждает гуманистическое неприятие западной цивилизации, стремление найти выход из противоречий, перед которыми оказались буржуазные страны на постиндустриальном этапе своего развития, показать альтернативы универсальной парадигме промышленного развития и взвинчивания материальных потребностей.

5.1. Хозяйственное развитие сквозь призму ценностей социокультурной самобытности.

Теории самобытности рассматривают путь развития цивилизаций сквозь призму стабильности и интеграции социокультурного организма. В основе этой интеграции они видят прежде всего духовные и нравственные ценности традиционной культуры, которым отдается безусловный приоритет над всеми остальными. В соответствии с этими ценностями определяются стратегические цели и методы развития и разрабатываются принципы экономической деятельности. Отдается идеологическое предпочтение таким специфическим формам экономического развития, которые должны обеспечивать стабильность

социально-культурного организма перед лицом растущего давления со стороны распространяющейся западной культуры.

Приверженцы самобытного развития жестко критикуют Запад за его «бездуховность», гибельную для природы и человека погоню за материальными благами и прибылью, пустоту и суетность западного образа жизни. Главным объектом их критики является «отделение экономики от этики», которое они находят в западной культуре. Социально-экономические институты западного общества сторонники самобытности критикуют за их отчужденность от человека, его реальных жизненных интересов и ценностей, за то, что они утверждают принципы индивидуализма и конкуренции, разъединяющие людей.

Поэтому главной особенностью теорий самобытности является подчинение бытия и развития общества духовным и нравственным принципам соответствующих цивилизаций: индуизма, буддизма, ислама, конфуцианства и т.д. Эти высшие принципы провозглашаются основами цивилизационного устройства, консолидирующими и стабилизирующими общество и определяющими его отношение ко всем основным сферам духовности и социальной жизнедеятельности, в том числе к производству, потреблению, распределению, взаимоотношению с природой, к научно-техническому и технологическому развитию.

Наиболее соответствующими эндогенным духовным основам индийской цивилизации считаются принципы гандизма. Соответствие гандизма "духу" индийской цивилизации определяется в первую очередь тем, что он ставит социально-экономическую и политическую жизнь страны в прямую зависимость от духовных ценностей, соответствующих основным этическим и мировоззренческим положениям индуизма. Главной целью развития общества гандизм провозглашает самосовершенствование на основе стремления к истине в широком религиозно-философском смысле, смирения, ненасилие в смысле непричинения вреда не только физического, но и морального, исключаящем ненависть и обязательно предполагающем сострадание и любовь. Гандистское самосовершенствование носит не индивидуалистический, а коллективистский характер, самосовершенствование каждого возможно лишь при условии самореализации всех. При этом в гандизме снимается присущее классическому индуизму противоречие между стремлением к самосовершенствованию,

спиритуалистической самореализации личности и необходимостью повседневной практической активности, поскольку труд по производству средств существования является высшей формой жертвенности, «трудом любви», совершаемым во имя общего блага и служащим общему совершенствованию.

Концепции «исламской экономики» ставят «кораническую» концепцию общества и исторического развития во главу угла и считают реализацию нравственных ценностей ислама первичной по отношению к материальному благосостоянию и экономическому прогрессу. Согласно догмату тоухида (единобожия), мир един и целостен в своей принадлежности Богу, и это единство определяет деятельность людей во всех ее формах и направлениях, в том числе и в хозяйственном развитии. Главную задачу исламской экономической мысли видят в определении «этического кода» мусульманской деятельности с тем чтобы им руководствовались все участники рынка. При этом сторонники «исламской экономики» не выступают против модернизации и технико-экономического прогресса как таковых - они лишь против отступлений от норм ислама, которые могут быть сопряжены с современным развитием¹⁹.

«Буддийская экономика» исходит из приоритета буддийских ценностей: как подчеркивает Е.Шумахер, «буддийская экономика сильно отличается от современной материалистической экономики, поскольку видит суть цивилизации не в умножении потребностей, а в очищении самого человека»²⁰. На сферу экономической деятельности распространяются базовые ценности буддизма — ненасилие, простота, самосовершенствование. Буддийские теоретики утверждают, что буддизм стимулирует возникновение экономического рационализма особого рода, отличного от западного. Отличие состоит в том, что рациональная хозяйственная деятельность в буддийских обществах связана не с развитием индивидуализма, а с альтруизмом, коллективизмом и солидарностью. С точки зрения буддийской (как и гандистской) экономической философии представляется нерациональной погоня за прибылью и постоянное наращивание производства в ущерб

¹⁹ ИONOBA A.B. Исламский взгляд на проблему человека в условиях рыночной экономики // Вопросы экономики, 1993, N 8.

²⁰ Schumacher E. Buddhist Economics // Asia. A Handbook. N.Y., 1966. , p.696.

интересам конкретных людей, солидарности общества, гармонии общества с природой, а также выполнению религиозных обязанностей и религиозного совершенствования (инвестиции вместо благотворительных пожертвований).

Теории самобытного развития придают большое значение сохранению *единства и гармонии в обществе* посредством возложения на государство функции верховного арбитра, организатора справедливого распределения материальных благ. В концепциях "исламской экономики" общественные интересы предпочитают личным и альтруизм является одним из основных принципов общественной, в том числе и экономической жизни. Во имя братства мусульман и гармонии общины специалисты в области «исламской экономики» предписывают отказываться от личной выгоды и справедливо перераспределять прибыль между всеми участниками производственного процесса.

Высшей духовной основой экономической справедливости и равенства является равенство людей перед Богом, поэтому эксплуатация и угнетение оказывается нарушением высших принципов общественного устройства и подрывом духовных устоев. Каждый член общества должен получать доход и прибыль, соответствующие его реальному вкладу в производство, при этом трудящийся должен в идеале получать столько же, сколько собственник и работодатель, ибо большие различия в доходах противоречат принципу равенства. Именно в исламских странах реально действует закон, ограничивающий наращивание прибыли в пользу ее перераспределения (закят), исламские эксперты по практической экономике уделяют серьезное внимание проблемам сочетания максимальной прибыльности предприятия с разработкой оптимальных справедливых форм распределения прибылей на предприятиях с различными формами собственности, в акционерных обществах и кооперативах разных типов. Однако специалисты признают, что без государственного вмешательства в процесс распределения, то есть в условиях свободного рынка, принцип «экономической справедливости» и равенства доходов практически не выполним и остается этическим идеалом.

В то же время, именно принцип равенства заставляет исламских теоретиков отказываться от насильственного перераспределения доходов и принимать материальное неравенство людей, а также и институт частной собственности, как должное: человек подчиняется только Богу и никому

больше, а Бог создал людей с неодинаковыми характерами и способностями, и было бы несправедливым и преступным лишать людей того, что ими честно заработано.

Сторонники самобытного развития Индии также считают интеграцию общества и поддержание социальной гармонии на основе соблюдения моральных и духовных принципов индуизма своей важнейшей задачей. Ганди и его сторонники считали необходимым сохранение традиционной социально-экономической и культурной единицы общества — общины и сельского самоуправления, позволяющих сочетать гармонию внутреннего мира человека с управлением и социальным контролем. А неотъемлемым следствием равенства и гармонии социальных и духовных начал в индуистском обществе является, по мнению современных индийских мыслителей, особый психологический и эмоциональный настрой, называемый ими «духом братства» и выраженный в концепции Ганди в этике любви, жертвенности, труда на общее благо. Этот особый духовный настрой реально выражается в привязанности к семье и общине, чувстве ответственности перед ними и защищенности, обеспеченной их поддержкой. Конкретные характеристики личности — семейное положение, кастовая и (а также и социальная) принадлежность, профессиональная квалификация, характер и темперамент, бытовые условия и т.д. — наделяются универсальной значимостью и обуславливают хозяйственные роли индивида.

Призыв к сохранению традиционных форм солидарности в теориях самобытности выступает не только как интегративный механизм, но и как важнейшая основа для социально-экономического развития, ибо именно ячейки традиционной солидарности, подобные японским группам или русской общине выступают в качестве его основного субъекта.

Другой важнейшей идеей, общей для теорий самобытности является *разумное ограничение потребления*, отказ от погони за богатством и возведения материального благосостояния в ранг главной цели общественного развития, принятие в качестве идеала концепции материального благосостояния, утвердившейся в данной культурной традиции, а не пришедшей с Запада. При этом они не отрицают собственность и разумный достаток, соответствующие традиционным нормам потребления и не допускающие эксплуатацию.

Наиболее разработанной и определенной является концепция материальных благ в «буддийской экономике». Ее квинтэссенцией является концепция «срединного пути», основанная на максимальном благосостоянии при минимизации потребления — «красоте малого», выработке правильного образа жизни и стандарта потребления. Простота образа жизни и сознательное снижение стандарта потребления у буддийских экономистов тесно связаны с религиозным императивом ненасилия, поскольку позволяют людям жить без напряжения, конфликтов, постоянного чувства неудовлетворенности и выматывающей погони за материальным достатком. На уровне программы «промежуточной технологии» Э.Шумахера идеалу «срединности» соответствует производство на основе местных ресурсов, для местных нужд, на основе местной рабочей силы и с использованием технологий, устаревших в развитых странах, но соответствующих потребностям местного производства и возможностям неквалифицированной рабочей силы²¹.

Ислам не является аскетической или мироотвергающей религией, и забота о материальном благосостоянии является одной из добродетелей правоверного мусульманина. Однако, наряду с предписаниями обеспечивать достойный уровень жизни, Коран и исламское право содержат строгие ограничения на способы добывания собственности, и мораль здесь имеет безусловный приоритет перед ценностью собственности и материальных благ как таковых.

Общим для теорий самобытности в вопросе их отношения к собственности является признание того, что собственность является функцией труда. Вообще *труд* является одной из самых почитаемых ценностей теорий самобытности во всех регионах, все они признают его высокую моральную ценность и значимую роль в системах традиционных ценностей. Эндогенная трудовая аскеза является одним из основных факторов развития и прогресса, признаваемых теориями самобытности, ибо развитие материальной сферы, основанное на эксплуатации людей или природных ресурсов, на биржевой игре

²¹ Schumacher E. *Small is Beautiful. A Study of Economics as if People Mattered*. L., 1975., с.53.

или иных видах спекуляции, на любых других нарушениях высших духовно-этических принципов они не считают легитимным.

Теоретики самобытного развития наделяют труд религиозной значимостью. По Е.Шумахеру, он выполняет тройную функцию: дает человеку шанс совершенствовать его способности; предоставляет ему возможность преодолеть свой эгоцентризм с помощью участия в коллективной деятельности; и наконец, именно труд является источником необходимых для жизни товаров, продуктов и услуг. Лишение человека работы, с точки зрения буддийских экономистов, пагубно не только потому, что лишает его источников средств существования, но и потому, что человек теряет возможность совершенствоваться и дисциплинироваться с помощью регулярных и систематических занятий. Согласно высшим целям «буддийского пути», развитие экономики ориентировано на совершенствование челове

В концепциях «исламской экономики» под трудом понимают деятельность индивида, направленную на изменение окружающего мира в целях обеспечения себя необходимыми материальными средствами к жизни, а также интеллектуальное творчество, которому придается не менее важное значение, чем непосредственно производственной деятельности. Мусульманские теоретики высоко ценят созидательную активность и в современных условиях призывают верующих к освоению новых технологий, повышению квалификации и профессиональному совершенству. Упорный созидательный труд и наращивание экономического потенциала при приоритете исламских духовных и нравственных ценностей является для мусульманских идеологов одним из основных направлений *мирного джихада* - борьбы за укрепление позиций исламского мира и соревнования с Западом. Поэтому разработчики теории «исламской экономики» уделяют серьезное внимание осмыслению, идеологическому оформлению, легитимации на основе исламских ценностей современных видов трудовой, в том числе предпринимательской и индустриальной деятельности, форм дифференциации социально-экономических ролей и разделения труда, оправданию прибылей и капиталов.

Теории самобытного развития поощряют *предпринимательство*, если только оно не противоречит базовым духовным и нравственным ценностям

соответствующих культур, не ведет к дезинтеграции общества, эксплуатации и забвения традиционной общности людей.

Осмысление предпринимательской деятельности в духе идеи самобытного развития и самоопределения, обретения независимости и поиска собственного места в меняющемся мире дает мощный стимул для интенсификации экономического развития и экономической модернизации. Хрестоматийным является пример Японии, где самурайский кодекс чести и этика служения были сознательно переориентированы на экономическую деятельность. Реже приводится пример национально-освободительного движения Индии, в рамках которого еще в конце XIX в. широко обсуждалась проблема достижения экономической независимости и самостоятельного развития экономики на благо собственного народа, а не метрополии. Экономический потенциал воспринимался индийскими идеологами как одна из главных предпосылок и условий свободного развития страны в целом, и они призывали к интенсификации всех видов производственной, коммерческой, финансовой деятельности независимо от форм собственности, укладов, кастовых и классовых отношений. Практическое выражение призывы национальных лидеров к развитию экономики получили в лозунгах и кампании свадеши - перехода на производство и потребление исключительно товаров, произведенных в Индии. Эта кампания вылилась в массовый бойкот английских и прочих импортных товаров. О значимости и весомости этих действий для индийского национального сознания свидетельствует текст следующей клятвы, принятое в храме богини Кали в 1905 г.: "Мы клянемся в священном присутствии богини Кали в этом святом месте, что не будем, насколько это практически возможно, использовать иностранные товары или покупать в иностранных магазинах те товары, которые имеются в наличии в отечественных магазинах, или покупать что-либо, сделанное иностранцами, если это может быть сделано нашими согражданами" [цит. по: Новая история стран Азии. М., 1995., с.316]. Результатом кампании под лозунгом "Покупай индийское!" был рост ремесленного производства и индийских коммерческих и финансовых фирм, Индия наполнилась товарами отечественного производства, которые преобладают на ее внутреннем рынке и по сей день, а также и составляют существенную долю экспорта. Индийское государство после обретения

независимости придерживалось курса на поддержку отечественных производителей, а аналитики считают «экономический национализм» одной из существенных особенностей развития Индии конца XIX-XX вв.

Весьма важным вопросом в связи с выяснением роли теорий самобытности в ценностном обосновании современного развития незападных обществ является их *отношение к научно-техническому прогрессу*. Здесь наблюдается разброс оценок от враждебности и отрицания, обоснованного «разрушительным воздействием» на природу и человека, до энергичной поддержки и попыток найти для него эндогенные стимулы. Идеологема «самобытные ценности — западная техника» получила распространение на Востоке еще в конце XIX в, и теперь освоение современных технологий и развитие собственных высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности часто интерпретируется как необходимое звено в общей стратегии «самобытного развития» и соревнования с Западом. Главным условием развития современных технологий и связанных с ними отраслей производства является его подчинение эндогенным духовным и нравственным ценностям. В то же время, именно проблемы современного научно-технического прогресса, высоких технологий, в том числе и информационных, их места в современном развитии, их соотношения с духовными ценностями самобытных культур не получили достаточной разработки в теориях развития по самобытному пути. Это существенно снижает не только их практическую применимость в современных условиях, но и ослабляет их идеологический и мобилизационный потенциал.

5.2. Концепции японской социокультурной самобытности о природе "японского экономического чуда"

Природа до недавнего времени уникальных успехов развития Японии в конце XIX — XX вв. — так называемого «японского экономического чуда» — является предметом пристального внимания исследователей разных специальностей. Как в самой Японии, так и на Западе уже утвердилось мнение, что к японской экономике нельзя подходить с традиционными мерками западных классических и неоклассических теорий рынка и свободного предпринимательства. По выражению одного западного теоретика, японский

капитализм — это тот же организм, что и западный, но существующий в другой среде. Эта биологическая аналогия подчеркивает, что при внешнем сходстве базовых институтов и принципов функционирования экономики в Японии она развивается в принципиально иной социокультурной среде, что и определяет ее самобытность и непохожесть на западную модель. К японской экономике по существу неприменима западная концепция «экономического человека», рационально ищущего удовлетворения четко осознаваемых интересов и потребностей. Продемонстрированные Японией принципы менеджмента, деловой культуры, вся сфера целеполагания и регулирования хозяйственной деятельности опирается на иные культурные ценности, на собственное понимание человека, на самобытные формы мышления и нормы социального поведения. В связи с этим важнейшим вектором исследования природы «японского экономического чуда», процессов развития Японии в целом являются социологические концепции как собственно японских, так и западных исследователей.

Интерес к собственному обществу и культуре, попытки понять и определить их неповторимую специфику проявился в Японии еще в 50-60-х годах XIX в. и выразился в формировании и постоянном развитии теорий "Нихондзин рон" ("теорий о японцах") и "Нихон бунка рон" ("теорий о японской культуре")²². Пики интереса к самобытной культуре приходятся на экстремальные моменты истории — подъем национального самосознания и национальной гордости после победы в русско-японской войне или кризис после поражения во второй мировой войне, осмысление достигнутого в области экономики в 70-х годах XX в. и т.п.

Важнейший шаг в понимании японской культуры был сделан американской исследовательницей Р.Бенедикт, которая в 1946 г. опубликовала вызвавшее сильный резонанс в научной мысли работу «Хризантема и меч». В этом исследовании была обоснована типология «культур стыда» и «культур вины». В «культурах стыда» или «культурах внешних переживаний», к которым относится и японская культура, поведение человека определяется боязнью

²² М.Н.Корнилов. О типологии японской культуры (японская культура в теориях "Нихондзин рон" и "Нихон бунка рон") // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985.

«потери лица», критики со стороны других людей, опасностью внешних санкций. «Культура стыда» определяет ориентацию индивида на выполнение долга и обязанностей, связанных с конкретным социальным статусом и ролью. В «культурах вины» (к которым относятся все западные, и, в первую очередь, американская, культуры) поведение соотносится индивидом с универсальными социальными и нравственными ценностями, оценивается на основе соответствия им и определяется внутренним переживанием вины. Из работы Р.Бенедикт ясно следовало, что «культура вины» стоит выше, чем «культура стыда».

Типология «культур стыда» и «культур вины» была встречена жесткой критикой со стороны как японских, так и западных авторов за ее «европоцентризм». Действительно, концепция вошла в научный обиход в период, когда господствовало линейное вестернизаторское представление о модернизации, традиция воспринималась как косная, враждебная прогрессу сила, а Япония, потерпевшая только что сокрушительное поражение и подвергнутая американской оккупации, была еще далека от свершения «экономического чуда».

Во второй половине 70-х гг. XX в. получила распространение контекстуальная концепция социокультурной самобытности Японии. Она формировалась в условиях новых экономических и интеллектуальных реалий: Запад был охвачен тяжелым экономическим кризисом, из которого уже совершившая экономический скачок Япония не только выбралась быстрее и безболезненнее, но и успела совершить экспансию на западные рынки. Теории вестернизации уже утратили свое доминирующее положение в общественной мысли, и произошло переосмысление роли традиционной культуры в процессе модернизации, уже возникло представление о возможности альтернативных в социокультурном плане путях развития. Контекстуальная концепция японской культуры формировалась как попытка осознать предпосылки и механизм уже состоявшейся экономической модернизации.

В основе контекстуальной теории лежит представление о радикальном эмпиризме японской культуры, ее ориентации на эмпирический контекст и реальную ситуацию, на непосредственный жизненный опыт: японский исследователь Хасэгава Нёдзэкан назвал ее «цивилизацией повседневной

жизни»²³. Японская культура принимает мир как единственную реальность. Синтоистское мировоззрение основано на виталистическом единстве мира, принятии его во всей изменчивости и многообразии, а заимствованные универсалистские картины мира на японской почве трансформировались и приспособлялись для удовлетворения повседневных, земных интересов. Даже буддизм на японской почве адаптировался к эмпирической ориентации: японские буддисты ищут нирвану «здесь и сейчас»²⁴.

Мир принимается как феноменологическая данность, в его изменчивости и подвижности. Если для индуизма и буддизма именно изменчивость, преходящий характер феноменального мира составляет фундаментальную причину его отрицания, то для японцев прекрасна именно изменчивость, она является главной ценностью мира, и эта особенность менталитета наиболее наглядно и ярко отразилась в японской эстетике.

Мир воспринимается как целостность. Для мышления японца характерно постоянное осознание контекста, восприятие объекта не изолировано, а сквозь призму его места в системе координат окружающей действительности. Причем единство мира в целом и конкретного объекта всегда превосходит внутренние противоречия, поэтому рациональное и эмоциональное, частное и общее не противопоставляются, как это происходит в западной культуре.

Человек в японской культуре, с точки зрения ее контекстуальных концепций, воспринимается во всей полноте его конкретных личностных характеристик, в динамике становления личности. Он принимается таким, какой он есть, ибо в японской культуре, в отличие от западной, отсутствуют представления об абсолютных нравственных и духовных ценностях, здесь нет абсолютного зла или греха, как нет и абсолютного добра. Нравственные категории определяются применительно к ситуации, а существующее зло воспринимается как «несовершенство» или «нечистота», которые поддаются исправлению.

Особенно важно, что в японской культуре человек определяется не как изолированная индивидуальность, а в совокупности с его социальным

²³ (Цит. по: Корнилов М.Н. О типологии японской культуры // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985, с. 42.

²⁴ Корнилов М.Н. Указ. соч., с. 42-43.

окружением — контекстом, а также с рангом и ролью в системе социальных отношений. Соответственно, на поведенческом уровне такой человек ориентирован на определение своего социального статуса, места и роли в существующей системе отношений и прилагает все силы для того, чтобы наилучшим образом ему соответствовать. Социальные отношения в соответствии с особенностями японского менталитета выстраиваются на основе приоритета «человечности» над словами, разумом, формальными законами.

Контекстуальная ориентация японской культуры обусловила ее высокие адаптивные возможности. Самоутверждение японцев осуществляется на основе приспособления к всегда конкретным реалиям, на принятии их как данности. Поэтому поражение во второй мировой войне было воспринято японским обществом не как повод для нравственной и идеологической рефлексии или поисков виновных в национальной катастрофе, а в первую очередь — как стимул для консолидации и поисков реальных путей выхода из тупика. К началу 50-х гг. XX в. была сформулирована конкретная стратегия экономических преобразований: повышение качества выпускаемой продукции и рост производительности труда, которая стала мобилизующей ценностью и стимулом для экономической активности. Стремление определить свое место в новых, послевоенных мировых реалиях реализовывалось в условиях внутреннего единства и консолидации, проистекающих из целостности социального космоса японской культуры и массовой традиционной ориентации на государственное единство и служение.

Специфические особенности японской культуры — прежде всего, ориентации на группу, ее внутренний иерархизм и динамизм, а также высокие адаптивные способности и связанные с ним трудолюбие, настойчивость, страсть к учебе — легли в основу японского менеджмента и деловой культуры, которые в значительной степени обеспечили успех экономического развития.

Тема 6. Социология постмодерна и анализ хозяйственных реалий современного общества.

Понятие постмодерна, модернизация и постмодернизация (Д. Белл, А. Тоффлер). Понятие постмодерна во французской социологии (Ж.Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Лиотар): симуляционные пространства и символический обмен; ценностный плюрализм и релятивизм. Конструктивизм и деконструктивизм как альтернативные тенденции постмодерна. Постмодерн как общество риска. Потребительское общество, Э.Фромм о социально-психологических и культурных основах экономики потребления.

Постмодернизм и особенности японской культуры: контекстуализм, ценностный релятивизм, феноменологические ориентации.

Ж.Бодрийяр об экономике как системе симулякров и “конце производства”, изменении сущности труда и промышленности, системы занятости и рабочего движения. Предпринимательская культура в постиндустриальном обществе. Особенности производственной и трудовой культуры в постиндустриальном обществе. Информационная экономика и индустриальное производство: изменение приоритетов.

Изменения приоритетов и ценностей в трудовой культуре, самореализация и “экономика досуга”. Индивидуализм и “конец аскезы” в культуре постмодерна. З. Бауман об “индивидуализированном обществе” и упадке труда. Изменения в профессиональной культуре и проблема занятости в постиндустриальном обществе.

Постиндустриальное общество как “общество риска” (У.Бек).

§ 1. Социокультурный контекст постмодерна.

1.1. Модернизация и постмодернизация

Представление о структурном характере современных модернизационных процессов было бы не полным, если не учитывать тот факт, что в 80—90-х годах XX столетия мир стоит перед проблемой постмодернизации, вызванной выходом наиболее развитых стран Запада и Японии на новый уровень развития, характеризуемый качественно новыми особенностями хозяйственного, социального, культурного бытия. Постмодернизация не снимает полностью проблему модернизации, поскольку, с одной стороны, вслед за Д. Беллом мыслится следствием познеиндустриальной модернизации, ее закономерным продолжением и дальней перспективой¹. С другой стороны, однако, авторитетные исследователи утверждают, что пребывание в рамках общей логики

¹ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994, с.101.

модернизации с ее моноцентричным и направленным развитием является предпосылкой для перехода к постиндустриальному типу развития как принципиально новому качеству социокультурного бытия. Является ли индустриальная модернизация и формирование культуры западного буржуазного типа обязательной предпосылкой перехода к постиндустриальному обществу? А.С. Панарин пишет, что “различие между традиционными и современными обществами... несравненно глубже и значимее, чем последующие различия между индустриальным и постиндустриальным обществами. Поэтому при сопоставлении любых альтернативных проектов надо учитывать общую доминанту модернизации, без чего мы неизбежно попадаем в ловушку консервативно-романтического утопизма. Национальные и регионально-цивилизационные ценности надо защищать, не упуская из виду общецивилизационных критериев эффективности — социально-экономической, научно-технической, политической”². Опыт показывает, что позднеиндустриальная модернизация и постмодернизация могут развиваться параллельно, ибо индустриальное развитие является базой для формирования как технической, так и социальной базы постиндустриального, но все же они являются качественно различными типами общества³.

Современную хозяйственную жизнь и ее культуру уже нельзя отождествить с обществом “модернити” и его культурой, понимаемой как рационализм, индустриализм и сциентизм Нового времени. Особенности современного общества описываются в разных исследовательских парадигмах. Наиболее адекватными и широко признанными являются концепция *постиндустриального* общества (Д. Белл, А. Тоффлер) и концепция *постмодерна* (Ж. Деррида, Ж. Лиотар, Ж. Бодрийяр, З. Бауман). Концепция постиндустриального общества характеризует по преимуществу качественно новые уровни развития технологий и связанное с ними состояние производства и социально-экономической сферы, а также новые культурные феномены, порожденные этими явлениями. Так, А. Тоффлер в известной работе “Третья волна” (1980) утверждает, что на смену обществам “первой волны” — аграрной и “второй волны” — индустриальной, приходит общество “третьей волны” — информационной. Главной движущей силой его развития являются современные информационные и телекоммуникационные технологии, главным богатством — информация. Этим определяются все изменения, происходящие в социальной, культурной, экономической сферах. Таким образом, концепция информационного общества А. Тоффлера основана на техническом детерминизме

² Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством / Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 2. М., 1995., с.49.

³ .Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994, С. 101.

общественного развития и особенности современного общества выводит из специфики технологий.

Концепция постмодерна является более широкой, обращается к комплексному исследованию процессов в сфере мировоззрения, картины мира, культуры, нравственности и т.д., а также в институтах общества, в которых произошли столь существенные изменения, что современное общество стало принципиально отличаться от классического модерна. Эти изменения затрагивают и сферу хозяйствования, в особенности производства и потребления, труда и рабочей силы, отношений в процессе производства. Они столь существенны, что требуют и особой методологии и понятийного аппарата для адекватного понимания. Эти методологические подходы разрабатываются социологией постмодерна.

В то же время, целый ряд исследователей, среди которых Э. Гидденс, У. Бек и др. придерживаются мнения, что современное общество не вышло за рамки модерна и его следует описывать как “зрелый модерн”, “второй модерн” и т.п.

Высказывается также мнение, что постиндустриальное общество не просто качественно отличается от индустриального, но вообще выходит за рамки *экономических* формаций, то есть обществ, определяющие отношения которых связаны с индивидуальными материальными интересами человека, с рынком и принципиально ориентированы на обмен и эффективность, выраженную в деньгах, причем не только в сфере хозяйства, но и в социальных отношениях, политике, культуре. Понятие постиндустриального общества в его значимых характеристиках получает интерпретацию *постэкономического*, то есть выходящего за пределы базовых основ экономической эпохи — всеобщего характера вещных отношений, частной собственности, труда как основной формы социальной деятельности⁴.

Однако следует иметь в виду, что постиндустриальные хозяйственные уклады и культурные ценности постмодерна даже в самых развитых обществах не охватывают все сферы жизни и все слои и группы населения, а являются более или менее объемными и влиятельными компонентами системы. Они сами в силу своей природы воспроизводят индустриальные и даже доиндустриальные уклады как внутри развитых стран Запада, так и в мировой системе Север—Юг. Особенностью мира постмодерна, в отличие от “модернити”, является то, что архаичные элементы не воспринимаются более как “тормоз” на пути общего прогресса, который надо устранить, а становятся необходимыми функциональными компонентами единой структуры. Поэтому говорить об общемировом

⁴ См. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998, с.192—205.

движении в сторону некоего постэкономического общества нет оснований — лидеры экономического и социального развития, страны Запада и США, осуществляют свою доминирующую роль в мире вовсе не для того, чтобы его “постмодернизировать”, а лишь ради контроля над ним в собственных интересах: “полная глобализация функций капитала делает его безразличным ко всем субстанциям чужих обществ. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не решением задач догоняющей модернизации, которые у нас на словах провозглашались”⁵.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что постиндустриальные, постмодернизированные компоненты сосуществуют с “модернити” и модернизацией, а также с архаичными ценностями и институтами, и в современном мире одновременно разворачиваются процессы модернизации, постмодернизации и архаизации. В рамках стратегии развития транзитных обществ необходимо присутствуют ориентации на постиндустриализацию, но они должны дополнять устойчивый модернизационный комплекс, опираться на него. А это возможно лишь в условиях структурной модернизации, в полной мере учитывающей социокультурную самобытность каждой страны и региона и целенаправленно нейтрализующих архаизацию и анархизацию, а не усиливающей ее.

1.2. Социокультурные особенности постмодерна.

Теоретики постмодерна указывают на такие его общие характеристики как распад социокультурного единства, плюрализм ценностей, культурных форм и стилей, а также отсутствие единой универсальной “арочной” морали, ценностный релятивизм. Для постмодерна характерен постепенный отказ от “логоцентризма” как фундаментального для европейской культуры представления о развитии общества согласно единой логике, об однозначной детерминированности событий и явлений. Научные методы и принципы стратегического планирования реальных действий основываются на недетерминизме, позволяющем учитывать случайные флуктуации, непредсказуемые последствия, нелинейность развития и отсутствие единой универсальной логики⁶. Восприятие мира принимает контекстуальный характер, основанный на целостном видении.

Ценностный релятивизм приводит к тому, что общество постмодерна становится деидеологизированным. Но оно не просто не нуждается в одной “единственно верной” идеологии (религиозной, классовой или какой бы то ни было другой). Существующее в

⁵ Федотова В.Г. Криминал как продукт системы // Независимая газета, 09. 02. 2000.

⁶ Кравченко С.А. Социология. М., 2002, с. 467-468.

общественном сознании множество идеологий все более рассматривается не как набор альтернативных проектов оптимального устройства реального социального мира, а как набор текстов, которые можно при необходимости использовать в качестве привлекательного символа. Так, идеями экономической свободы могут “обозначаться” различные практики (вплоть до криминальных), не имеющие по существу ничего общего с либеральными ценностями в их классической форме

Особенностью постмодерна является рост “симуляционных пространств”, под которыми подразумевается такое изменение сущности прежних ценностей, смыслов, институтов, норм, при котором они становятся подобиями прежних подлинных своих прообразов, но по существу не имеют с ними реального сходства. Эти образы-симулякры не имеют связи с объектами реального мира, которым они соответствуют, поэтому симуляционные пространства не подлежат оценке с позиций критериев истины, добра, красоты и т.д., а прочитываются как рядоположенные и равнозначные тексты, имеющие своих референтов в самих себе. Так, потребление в постмодернистской экономике перестает быть непосредственно связано с удовлетворением реальных потребностей, направлено не столько на реальные ценности и вещи, но на их символы (одежду приобретают не потому, что старая пришла в негодность и не служит защите от холода и т.п., то есть своему прямому назначению, а потому, что она вышла из моды).

Таким образом, постмодернистское видение мира не соотносит его феномены ни с какими “подлинными сущностями”, а воспринимает как совокупность альтернативных систем ценностей, тенденций развития, нормативных порядков. Соответственно, постмодернизм допускает “деконструкцию” социума как когда-то “сконструированного” текста. Так, общностям людей, сформировавшимся в эпоху модерна на основе деления на классы и считавшимся фундаментальными, противопоставляется любой другой принцип создания таких общностей — профессиональный, конфессиональный, гендерный и т.д., каждый из которых равноценен другому. В результате прежние социально-экономические интересы, лежащие в основе классовой борьбы, утрачивают значимость, поскольку на их место приходят другие интересы. Социум дробится, становится все более гетерогенным и внутренне дезинтегрированным.

Утрата прежней непосредственной связи социальных символов, идеологий, практик с референтом в реальной действительности, плюрализация ценностных стандартов и растущая гетерогенность социума вызывает к жизни такое связанное с постмодерном явление, как играизация общества⁷. В жизни людей все большее место

⁷ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1998; Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность, 2002, № 6.

начинают занимать практики и поведенческие стратегии, направленные на удовлетворение потребности в самой деятельности, а не в достижении внешней по отношению к ней цели. Эти игровые практики часто интерпретируют как особенность высокоразвитых обществ, связанную с тем, что постоянно растет количество людей, стремящихся к самореализации, к деятельности ради нее самой как способа удовлетворения собственных потребностей в спонтанной творческой деятельности, в самореализации. Например, человек работает не просто для того, чтобы удовлетворить потребность в материальном вознаграждении за труд, а ради самого удовольствия, находимого в нем. Такая деятельность, где практическая целесообразность не является обязательным атрибутом, противопоставляется серьезным, всегда имеющим внешнюю цель практикам модерна, большинство из которых рационально ориентированы на внешнюю цель: человек трудится не для удовольствия трудиться, а ради зарплаты. Однако кроме свободного творчества играизация общества подразумевает и увеличение количества случайных, спонтанных, не подчиненных логике и какой-либо рациональности практик, которые теперь пронизывают все общество, а не являются атрибутом девиантных субкультур.

В целом непосредственно обусловленная ростом симуляционных пространств играизация действительно коренным образом отличает внутреннюю логику и картину мира постмодерна от рационального модерна. М. Вебер отмечал, что аскетическая протестантская этика осуждает игру в любой форме — от спорта и зрелищ до прагматически бессмысленного творчества — именно за привнесение в жизнь иррациональных страстей.

В условиях ценностного релятивизма постмодерна все большую силу набирает тенденция, которую исследователи называют “концом аскезы”, “демобилизацией личности”, а в неофрейдистской терминологии — “смертью отца” (Э. Фромм) в культуре. Эта тенденция развития социокультурных и нравственных характеристик личности связана 1) с отказом от рациональности и ориентацией на иррациональные, сиюминутные, спонтанные, случайные мотивы и практики; 2) с нежеланием субъекта подчинять себя внешнему целедостижению и дисциплине, например, все больше людей не хочет методично и самоотверженно добиваться высокого статуса и благосостояния, годами идти к намеченным целям, посвятив им всю свою жизнь и отказываясь от всего, что мешает этой цели, а стремится получить все сразу; 3) с потаканием своим капризам и прихотям, независимо от того, какие последствия это может вызвать; 4) с неразборчивостью в средствах удовлетворения сиюминутных желаний; 5) с отказом от обязательств, накладываемым на субъекта членством в социуме, таких, как гражданская и социальная

ответственность, а значит, с растущей индивидуализацией и добровольным отказом от социальных ролей и практик, которые в эпоху модерна были не только обязательными, но и желательными для члена свободного общества; б) с “бунтом” — как в открытой, так, чаще, и в скрытой, форме против любого мобилизующего социокультурного начала, будь то власть, религия, мораль или закон. Все описанные социокультурные особенности общества постмодерна приводят к росту гедонизма и индивидуализма, ослаблению социальных связей.

Таким образом, глубинной социокультурной и социопсихологической тенденцией, характеризующей общество постмодерна и определяющей его специфику по сравнению с обществом модерна, является нравственная и психологическая демобилизация, связанная со “смертью отца” в культуре. На место рациональному планированию жизни, волевому контролю над собой, самоорганизации и мобилизованности во имя достижения сознательно поставленных целей, — то есть всему тому, что связано с мужским, серьезным и аскетическим началом в культуре, приходит иррациональное “движение по течению”, потакание инстинктам и желаниям, расслабленность и стремление к легким и приятным, необременительным практикам, ассоциирующимся с материнским началом. Возможность самореализации личности приписывается здесь лишь досуговым сферам, отдыху и потреблению, которое из обеспечения жизни превращается в саму жизнь как таковую. В массовой культуре постмодерна окончательно оформляется отмеченное Э. Фроммом перенесение смысложизненных ожиданий из сферы рациональных достижительных практик — того, что имеет смысл “быть”, в сферу приобретения, обладания — того, что означает “иметь”⁸.

Этой “материнской” культуре и присущ культ игры как удовольствия, как гедонистического отказа от серьезных целей и серьезных усилий, как замена труда (того, что “трудно”) и трудового вознаграждения — выигрышем, за который реально не отдано ни физических, ни интеллектуальных сил. Вместо планомерного, в течение всей жизни создаваемого роста состояния, во имя которого человек *трудится*, ожидается моментальный доход на бирже, в финансовой “пирамиде” и т.д., ради которого *играют*. Формируются целые субкультуры, в которых труд превращается в крайне нежелательное, даже “позорное” времяпрепровождение, а “достойным” признается лишь быстрый и легкий заработок — эти субкультуры питают растущий во всем мире криминальный бизнес.

Создатель теории постиндустриального общества Д. Белл указывает на противоречие между основными структурными составляющими его культуры: с одной

⁸ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1998.

стороны, современное высокотехнологическое наукоемкое производство ориентировано на рациональность и эффективность, рост производительности труда, который обретает новый культурный смысл как форма творческого самовыражения личности, с другой стороны, мы сталкиваемся с принципиальным уходом от ценностей аскетизма и рационализма, ориентациям на гедонизм, приходящим на смену аскетическим ценностям протестантской этики и рационализму “модернити”⁹. Это противоречие изнутри подрывает стабильность постиндустриального общества, лишая его субъекта целенаправленной, творческой, активной, социально ориентированной деятельности.

З. Бауман, как и А. Тоффлер, утверждает, что в основе экономики и главное - извлечения крупных прибылей — в современном обществе лежит производство не материальных предметов, а идей. Особенность его состоит в том, что идея, поданная один раз, может потом многократно продаваться, и прибыльность дела в целом зависит не столько от производителя, сколько от потребителя, за которого и идет основная конкуренция. Таким образом, в процессе производства прибылей меняются местами производители и потребители: “большая часть населения интегрирована в современное общество в качестве потребителей, а не производителей”¹⁰.

Однако такая интеграция оказывается неустойчивой и чреватой внутренними противоречиями: она постоянно должна поддерживаться несовпадением потребностей и уровнем их удовлетворения, то есть двойственностью в жизни людей. Постмодернистское общество поэтому называют и потребительским, и в то же время, дерегулированным — основанным на постоянной неопределенности и риске.

Неопределенность и риск — настолько важная особенность общества постмодерна, что его даже называют “обществом риска” (У. Бек). Она вызвана к жизни как особенностями постиндустриальной экономики, так и спецификой культуры в целом. Неопределенность как важнейшая особенность состояния постмодернити в сфере экономического развития основана, с одной стороны, на колебаниях конъюнктуры рынков, волнообразных подъемах и спадах производства, порождаемых легкостью, с которой капитал в современном обществе перемещается по планете в поисках более выгодных условий. С другой стороны, в основе неопределенности лежит специфическая картина мира, где отрицаются длительные взаимодействия и принимаются лишь краткосрочные стратегии, где мир мыслится как “контейнер с одноразовыми вещами”, каждая из которых ценна лишь в данный момент времени и легко может быть заменена

⁹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1993.

¹⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002, с. 85.

любой другой¹¹. Основа экономики постмодерна — потребление — и является такой кратковременной стратегией, где главной целью является даже не сама по себе полезность вещи, а удовольствие от новизны, что делает невозможным ни длительные привязанности, ни долговременное партнерство. То, что модно и престижно сегодня, завтра устареет и может стать предметом насмешки и позора. Любая вещь, договор, взаимосвязь и т.д. ценны лишь в момент наивысшей прибыльности и конкурентоспособности. По мере того как эти приоритеты утрачиваются, возникает потребность в новых, порождающая вечную нестабильность, неуверенность, зыбкость бытия: “Возведение конкурентоспособности и “открытой для всех” погони за максимальной выгодой в ранг основного (и чуть ли не единственного) критерия, разделяющего подходящие и неподходящие, правильные и неправильные поступки и действия, породило тот всеобщий страх, который пронизывает в наше время большинство людей, то широко распространенное чувство неуверенности, который испытывает едва ли не каждый... Людям предлагается (скорее навязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность”¹².

1.3. Постмодерн в цивилизациях Запада и Востока.

Сущность постиндустриального общества, по мнению исследователей, составляют “тотальные антизападные тенденции на Западе”¹³, связанные с нарастающим несовпадением экономико-технологических и социокультурных реалий конца XX — начала XXI вв. с ценностями культуры “модерна”, в первую очередь с его универсализмом, рационализмом, логоцентризмом, аскезой и “отцовской культурой”. Современными теоретиками культура новейшей эпохи в целом и социокультурные факторы экономического развития в частности осознается как отказ от “модернити” или даже ее отрицание, вызванное невозможностью принять в новых условиях институты и ценности классической культуры “модернити”¹⁴.

Концепция постмодерна вызвала особый интерес на Востоке, в частности, в Японии. Это обусловлено целым рядом причин. Во-первых, принадлежность Японии, а в настоящее время и наиболее развитых стран Юго-Восточной Азии, к мировому Центру, развивающему современные информационные технологии, предполагает и развитие

¹¹ Бауман З. Указ. соч., с. 197.

¹² Бауман З. Указ. соч. с. 201.

¹³ Postmodernism and Japan. L., 1989.

¹⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1993, с.20.

соответствующих им социокультурных ценностей и институтов. Во-вторых, отход Запада от культуры “модернити” на Востоке был воспринят многими как возможность не только отказаться от навязанных вестернизаторских вариантов догоняющей модернизации, но и вернуться к собственной традиции, получающей оправдание по большому историческому счету. В-третьих, “отказ от западного на самом Западе” позволил восточным исследователям, обратившимся к своей традиции как к адекватной основе современного развития, взглянуть на нее по-новому и увидеть такие ее эндогенные черты, которые, по существу, тождественны тем чертам культуры постмодерна, которые подчеркивают современные исследователи на Западе. Оказалось, что то, что для Запада является отказом от собственного социокультурного пути, по которому шел в течение последних пятисот лет, для Востока, в частности, для Японии, является органичными свойствами эндогенной культуры. Можно сказать, что в теориях постмодерна на Востоке мыслители обрели возможность для национального самосознания нового уровня, самоутверждения и даже реванша в новых историко-культурных реалиях.

В то же время, японский постмодернизм отличается и рядом особенностей. Так, специалисты подчеркивают, что в Японской культуре не актуальны деконструкции, составляющие важнейшую особенность постмодернизма как контркультурной тенденции модерна на Западе. Это объясняется тем, что в самобытной японской культуре не было тех компонентов, которые потребовали “деконструкции” на современном Западе: единой универсалистской метафизической картины мира, атомарного субъекта-носителя рациональной “отцовской культуры”, “арочной морали” и универсальной иерархически выстроенной системы ценностей, линейной ориентации на будущее, которой подчиняется настоящее.

Японская культура, по мнению ряда исследователей, изначально несла в себе целый ряд свойств, которые Запад обрел только в ситуации постмодерна. В Японии нет универсальной картины мира, подчиняющейся единой логике и закономерностям: этой культуре присущ релятивизм во всех его проявлениях, в том числе и в онтологическом, мир воспринимается в постоянном становлении и спонтанном развитии, и именно этой текучестью, неопределенностью он дает человеку и культуре импульсы к творчеству. Субъект в японской культуре не обладает жесткой определенностью и рациональными ориентациями. Напротив, он мыслится контекстуально: во-первых, личность идентифицирует себя по социальному окружению, контексту, в который она встроена, на который ориентируется и в рамках которого, а не сама по себе, развивается. Это “мягкая” личность, структура которой размыта и находится в постоянном становлении вместе со становлением группы, общества и мироздания в целом. Во-вторых, сознание “мягкой”

личности подчинено не ориентациям на определенные с однозначной четкостью ценностные приоритеты, а требованиям контекста, в котором в данный конкретный момент она находится. Вместо рациональному подчинению себя достижению “внешних” целей японец скорее ориентируется на встраивание в иррациональную подвижность контекста. Ценностный релятивизм и отсутствие единой “арочной морали” всегда было присуще японской культуре, которая парадоксальным (на первый взгляд) образом сочетает в себе высокий мобилизационный потенциал с ситуативными нормами поведения и контекстуальными представлениями об основных нравственных универсалиях. Здесь нет устойчивых и однозначных представлений о добре, зле, истине, справедливости и т.д. — они определяются согласно конкретной ситуации. Даже такие “актуальные” в XX в. оппозиции, как “традиционное—современное”, “эндогенное—западное” в сознании японской молодежи начала XXI в. все более утрачивают значение.

Критическим возражением тем, кто видит японскую культуру неким эндогенным аналогом постмодерна, часто возражают, что ей присущи групповые ориентации, и “мягкий” индивид не является автономным, а его подвижность находится в рамках групповой идентичности. На эту критику сторонники японского постмодерна отвечают утверждая, что в конце XX в. начались достаточно интенсивные процессы размывания групповых ориентаций, что для “новых японцев” характерны установки на свободу, индивидуализм, расширение потребления и гедонизм, на открытость внешнему миру. Групповые ориентации молодых людей претерпевают существенные изменения: вместо идеалов служения и преданности группе, самоидентификации по отношению к ней здесь наблюдается все больше спонтанности, временности, текучести, коммуникативных, а не онтологических мотивов.

Исследователи отмечают и высокую игровую направленность современной японской культуры: освоение новейших технологий, их развитие и внедрение являются для японцев скорее свободной игрой, в которую вкладываются скорее страсть и непосредственный “детский” азарт, нежели жесткую рациональную модернизационную аскезу (которая была, например, присуща россиянам эпохи индустриализации). В то же время, в Японии наблюдается и колоссальный интерес к играм в их досуговом, развлекательном, гедонистическом проявлении.

Постмодернизм в Японии и на Востоке вообще — результат “совпадения” традиционных ценностей этих культур с новейшими общемировыми тенденциями, он находится под постоянным вниманием исследователей и еще ожидает своего адекватного осмысления. Однако он уже нашел оригинальное воплощение в современной организационной и деловой культуре.

§ 2. Экономическая жизнь в социологии постмодерна.

Рассмотренная выше (параграф 1.1) точка зрения о выходе постиндустриального общества за пределы экономических формаций имеет смысл лишь если признать, что и экономическая жизнь, и производство в современном обществе приобретает специфику, позволяющую говорить либо о принципиально новых базовых закономерностях, либо об изменении сути важнейших институтов, возникновении новых ролей и наполнении старых новым содержанием. Именно это имеет в виду крупнейший представитель постмодернистской социологической традиции, французский мыслитель Ж. Бодрийяр, когда говорит о “конце классической политэкономии” в марксовом смысле. Бодрийяр, вслед за К. Марксом, называет исторической стадией политической экономии капиталистическое общество с присущими ему институтами и отношениями. Политэкономия как наука рассматривает присущие этому обществу закономерности развития реальных рыночных процессов и их определяющее воздействие на все общественные отношения и институты, включая социальные связи и социальную структуру, политические интересы и выражающие их отношения между классами, партиями, государствами и т.д., нравственность, культуру и прочие сферы, на которые реальные экономические отношения влияют не непосредственно, а через многочисленные посредствующие звенья. Конец классической политэкономии как науки означает, что в новую эпоху уже неправомерно говорить о детерминирующем воздействии реальных хозяйственно-экономических отношений на все остальные. В мире постмодерна экономика более не оказывает детерминирующее воздействие ни на что, кроме себя самой, и сама, в свою очередь, определяется не реальными потребностями людей и общества, а собственными закономерностями. По Бодрийяру, состояние постмодерна можно охарактеризовать как посткапиталистическое, когда все известные экономические, социальные, политические институты (труд, производство, фабрика, накопление, потребление, власть, профсоюзы и т.д.) прекращают свое существование. Они не разрушаются насильственно в результате революции (движение к которой также прекращается), а в ходе саморазвития капитала заменяются подобиями-симулякрами, изменяющими все общественные отношения.

Суть этих изменений состоит в безусловной универсализации капитала не как реального расширенного воспроизводства и присвоения прибавочной стоимости, опирающегося на классовое господство и силовой аппарат государства, а через всепроникающие системы кодов, освобождающие экономику от привязки к материальным

и практическим, промышленным, торговым, потребительским, а также и классовым, идеологическим, нравственным отношениям: “Да, все это идет к тому, чтобы быть “вложено в дело”, захвачено и поглощено сферой ценности, причем понимаемой не как рыночная стоимость, а как скорее как математическая величина, — то есть оно должно быть не мобилизовано ради производства, а зарегистрировано, приписано к некоторой рубрике, вовлечено в игру операциональных переменных, должно стать не столько производительной силой, сколько фигурой на шахматной доске кода, подчиняясь общим для всех правилам игры”¹⁵.

Превращение экономики в код, игру симулякров связано с революцией как в самой экономике, так и в сознании людей. Бодрийяр указывает, что эта революция связана с тем, что открытые ранее законы и категории утрачивают прежнее значение в фундаментальном смысле: происходит отрыв знаков и символов от реальности — от того, что они в действительности обозначают и символизируют. В результате “освободившийся” от груза реальности знак начинает “жить собственной жизнью”, соотносясь лишь с другими такими же пустыми знаками, а не с реальными хозяйственными процессами: “Избавившись от “архаической” обязанности нечто обозначать, он (знак — *Н.З.*) наконец освобождается для структурной, то есть комбинаторной игры по правилу полной неразличимости и недетерминированности, сменяющему собой прежнее правило детерминированной эквивалентности. То же происходит и на уровне производительной силы и процесса производства: уничтожение всякой целевой установки производства позволяет ему функционировать как код, а денежному знаку — пуститься, например, в ничем не ограниченные спекуляции, без всякой привязки к производственным реалиям и даже к золотому запасу”¹⁶.

Закон стоимости, который в классической политэкономии описывал рыночный обмен товаров, обладающих меновой и потребительной стоимостью, то есть практической полезностью, прагматической ценностью, в обществе постмодерна, по мнению Бодрийяра, заменяется структурной игрой ценностей, которые более не предназначены для того, чтобы удовлетворять реальные потребности людей, а становятся самодостаточными. Производство функционирует уже не ради того, чтобы обеспечивать общество необходимыми материальными благами, повышать его адаптированность к среде (как считали функционалисты), не под влиянием высших духовных смысложизненных ценностей и даже не ради “дурной бесконечности” прибыли как таковой (как считали М. Вебер и В. Зомбарт), а подчиняясь единственно внутренней логике “кода”, которому

¹⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000, с. 63.

¹⁶ Бодрийяр Ж. Указ. соч. с. 52.

уподобляется экономическая жизнь в целом. Именно этим уподоблением коду экономическая жизнь эпохи постмодерна отличается от всех других эпох: она уже не имеет какой-либо детерминации вне себя самой, а ориентирована исключительно на внутренние процессы, подобно кодам, знаки в которых соотносятся лишь друг с другом, а не с реальностью. И если в марксистском анализе экономический базис порождает и регулирует определенные общественные отношения, а в веберианском — культурные ценности стояли у истоков разных исторических форм хозяйствования, то в постмодернистском анализе современности Бодрийера речь идет лишь о *симуляционных отношениях*, когда “все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное”¹⁷.

В контексте постмодернистской социологии *производство* анализируется Бодрийером как код, просматривающийся через материальную очевидность машин, предприятий, изделий, технологий, рабочего времени, заработной платы, рынка, капитала. В состоянии постмодерна производство-код принимает все более универсальный характер, независимо от его практической полезности или вредности, прибыльности или убыточности, оно стремится подчинить все себе и оставляет свои “метки” на всем. Однако при это оно перестает быть производством в традиционном смысле этого понятия: во-первых, оно теряет объективную мотивацию и детерминацию, перестает быть обусловлено теми или иными реальными потребностями человека или общества; во-вторых, постмодернистское производство-код развивается по своим имманентным законам и повинует собственной логике, подчиняется собственным потребностям. Соответственно, связанные с производством институты также утрачивают прежнее значение: Бодрийер пишет об исчезновении фабрик, обусловленном тем, что “на фабрику становится похоже все общество”¹⁸.

Один из важнейших парадоксов постмодерна, на который указывает Бодрийер, состоит в том, что именно с концом производства, с утратой им социальной и любой другой детерминации, оно вступает в стадию невиданного ранее *экономического роста*. У его истоков — кейнсианская революция, превратившая потребление из ограниченного и подчиненного производству в равную ему по значимости сферу. Оно превратилось в способ поддержания производства, управляемый и моделируемый в соответствии с чисто экономической, а не практической, социальной, человеческой необходимостью. Человек отныне потрбеляет не то, что ему нужно, а то, что предлагается, а точнее — агрессивно навязывается. Производитель предлагает не то, что нужно потребителю, а то, что ему

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же., с. 69.

выгодно производить. С этого момента и замкнулся круг, превративший социально детерминированное хозяйство в имманентно детерминированную экономику, безразличную к социальным задачам.

Замкнутость производства и потребления друг на друга, их взаимная обусловленность и обеспечила постоянство экономического роста, который в наши дни “оставляет далеко позади традиционные задачи производства и потребления. Этот процесс — сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию *знаков* производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки... Задачей становится производить что угодно, по принципу реинвестирования любой ценой (вне зависимости от нормы прибавочной стоимости)”¹⁹. Самодостаточность экономического роста, таким образом, ведет к тому, что в масштабах человечества он не означает реального *хозяйственного* прогресса, повышения уровня и качества жизни людей, уменьшения бедности, безработицы, сокращения разрыва между доходами бедных и богатых т.д.

Важнейшим последствием этого виртуального экономического роста, не связанного напрямую с прогрессом оказывается выделение двух сфер экономики постмодерна — реального производства, и виртуальной экономики финансов. Именно в этой последней в первую очередь происходит экономический рост, на фоне которого реальное производство может как развиваться прогрессивно, так и деградировать.

В основе виртуальной экономики финансов лежит отрыв денежного знака от общественного производства, утрата связи денег как знака с теми реальными ценностями, которые они обозначают. Этот процесс венчал отказ от золотого эталона (в 1971 году) как последней формы устойчивости и репрезентативности валюты, и переход к “плавающим курсам”, не связанным никакими реальными эквивалентами и свободным для ничем не ограниченной игры по собственным правилам. Деньги отныне могут самовоспроизводиться и умножаться независимо от хозяйственной реальности, финансовая игра — это просто игра цифр, знаков, слов. Из всех знаков, обращающихся в фазе экономического роста, деньги обращаются быстрее всего и не соизмеримы ни с чем другим. Из опосредствующей абстракции рыночного обмена деньги превращаются в автономный симулякр, не связанный ни с каким реальным обозначающим, а финансовые потоки становятся самодостаточной экономической реальностью, виртуальной экономикой, за которой не стоят процессы, происходящие в реальных секторах.

¹⁹ Бодрийяр Ж. Указ. соч., с. 74.

Бодрийяр дает понять, что виртуальная/симуляционная экономика финансов играет ведущую роль в современном мире. Игра плавающего курса международной спекулятивной валюты способна обрушить любую реальную экономическую сферу и любую национальную экономику (“дефолты” британского фунта, азиатских валют, российского рубля в 90-х годах): “Не стало больше референтной инстанции, под властью которой производители могли обменивать свои ценности согласно контролируемым эквивалентностям; это конец золотого эталона”²⁰.

Виртуальная/симуляционная экономика по Бодрийяру завершает логику развития системы, где знак отрывается от обозначаемого и начинает жить самостоятельной жизнью, никак не связанной с процессами реальности.

В то же время, развитие непроизводственной, “виртуальной экономики” специалисты подразделяют на два направления. С одной стороны, это “финансовая экономика”, возникающая в результате преобладания кредита над капиталом. В условиях глобализации экономических связей у “финансовой экономики” появляется возможность строить самодостаточную реальность, сохраняющую лишь опосредованные связи с традиционным хозяйством, с производственным сектором главным образом в виде его кредитования, а также создания инфраструктуры, обеспечивающей его наиболее эффективное функционирование. В таких условиях производитель помимо собственной прибыли автоматически заботится и о доходах кредитора, а само производство с точки зрения доходности приобретает прикладной характер. Примечательно, что при этом прибыльной может оказаться не только “полезная”, но и фиктивная, и деструктивная по отношению к социуму и к самой экономике деятельность²¹. Направляемые международными финансовыми группами валютные потоки далеко не всегда способствуют социально-экономическому развитию конкретных стран и регионов, а нередко, напротив, “обрушивают” годами укрепляемую национальную валюту, примером чему являются малайский и японский кризисы в 1997 году. “Финансовая экономика” выступает в качестве мощного глобального, универсального фактора, являясь при этом максимально абстрактной, дегуманизированной силой. Чистая прибыль здесь абсолютно доминирует над любыми человеческими измерениями социально-экономического бытия, над культурой, моралью, гуманитарными проблемами.

²⁰ Там же, с. 77.

²¹ Неклесса А.И. Россия в новой системе координат — цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996, С. 62.

С другой стороны, развивается “информационная экономика”, в основе которой также “невещественные” ресурсы и которая представляет собой конструктивную составляющую постиндустриальной экономики, реальное производство нового типа, а не формальную деятельность в области финансов и управления. Эта технологическая революция в сфере производства, основанная на информационных и телекоммуникационных, а также управленческих и финансовых технологиях использует в качестве источника экономического развития творческие потенции человека вместо природных ресурсов и капитала.

§ 3. Труд в социологии постмодерна.

Практически все исследователи труда констатируют “упадок” или даже “конец” труда в современном обществе. Имеется в виду, что прежние ценности рационального “трудового общества” модерна и тем более включение труда в целостное и органическое течение жизни традиционных обществ с их межличностными отношениями отошли в прошлое, уступив место принципиально новому пониманию как сущности труда, так и его места в жизни социума и человека.

Какие изменения в труде, его сущности и социальном смысле, целях, мотивации, связанных с ним институтах происходят в ситуации постмодерна?

3.1. Труд как симулякр

Бодрийяр рассматривает труд в русле своей теории симуляционной природы экономической жизни и ее базовых институтов. Он утверждает, что процесс труда перестает быть *производственным* в традиционном понимании: он уже не предполагает удовлетворения каких либо потребностей человека — будь то потребности чисто экономического характера, в средствах существования, или духовные потребности в самореализации и творчестве, или социальные потребности в причастности к определенным видам деятельности, институтам, группам и коллективам. Общество воспроизводит труд также не в качестве необходимой для поддержания его материального бытия рабочей силы, а в качестве некоего универсального кода: “Труд больше не является производительным, он стал воспроизводительным, воспроизводящим предназначенность к труду как установку целого общества, которое уже и само не знает, хочется ли ему что-то производить”²².

²² Бодрийяр Ж. Указ. соч., с. 58.

Через код труда воспроизводится сама принадлежность человека обществу, осуществляется социализация, более эффективная, нежели прежняя социализация через участие в реальном производстве, ибо здесь не имеет значения, чем, где, сколько времени, каким образом, с какой квалификацией, за какое вознаграждение, в какой социальной среде и т.д. занят человек — важно, что он занят, то есть несет на себе знак причастности к универсальной сети, является ее ячейкой. Важно, что люди “приставлены к делу”, а значит, “учтены”, поддаются тотальному контролю и управлению, обеспечиваемому — нет, не обществом, как утверждали сторонники социологического реализма, — а всепроникающим кодом.

Труд в качестве кода, труд-симуляция утрачивает связь с производством, в силу чего исчезает граница труда и не-труда. Безработный, получающий пособие также “помечен” универсальным кодом, как и любой трудящийся, получающий зарплату. Можно сказать, что статус безработного — это такое же место в симуляционной системе разделения труда, как и любое другое. Здесь можно видеть принципиальное отличие постмодернистской симуляции от социальных смыслов труда в обществе “модернити”, и тем более в традиционном обществе: там труд как реальная производственная деятельность был связан с конкретной профессией, квалификацией и уровнем мастерства, с соответствующим уровнем дохода, с престижем и социальным статусом. Участие в общественном производстве, трудовая специализация означали и социализацию, и место в обществе, и возможности мобильности, а безработица, напротив, была чревата не только потерей надежного источника доходов, но и социального статуса, по существу — маргинализацией личности. Постмодернистский труд-симуляция более не связан ни с надежностью доходов, поскольку пособие по безработице во многих странах вполне сопоставимо с минимальным размером оплаты труда, ни с социальным статусом: из-за неустойчивости системы занятости в целом безработица является временным (иногда весьма длительным) состоянием, которое приходится переживать практически каждому взрослому человеку.

Труд-симуляция, утративший связь с производством, не может больше отождествляться с производительным трудом, а сливается с обслуживанием. Это не просто означает чрезвычайную значимость “третичного сектора” (сферы обслуживания) в современном обществе, а прежде всего тот факт, что в условиях симуляции “всякий труд сливается с обслуживанием — с трудом как чистым присутствием/занятостью, когда человек расходует, *предоставляет* другому свое время. Он “обозначает” свой труд, подобно тому как можно обозначать свое присутствие или преданность”²³. Это понимание

²³ Бодрийяр Ж. Указ. соч., с. 67.

труда как услуги далеко от традиционной категории служения, поскольку не предполагает обязанности и взаимности, не вовлекает человека в систему значимых межличностных связей. Для большинства людей труд является не осознанной потребностью что-то производить, или вступать с кем-то в личные отношения, а просто навязанной извне необходимостью иметь место в обществе, обусловленное, как мы уже говорили выше, причастностью к универсальному симуляционному коду. А эта причастность как раз и обозначается отдачей своего времени — на труд или не-труд.

Таким образом, “труд - больше уже не сила, он стал знаком среди знаков” — утверждает Ж. Бодрийяр²⁴. Что представляют собой труд в своем новом качестве?

Во-первых, если труд в традиционном понимании соотносился со специализацией, выражающейся в различии профессиональных и производственных функций и ролей, с взаимосвязями индивидов, необходимых в рамках каждого определенного трудового процесса (ср.: “органическая солидарность” Э. Дюркгейма, описанная в теме 2), то в ситуации труда-кода принципиальное значение приобретает взаимозаменяемость всех компонентов трудового процесса, да и его самого, поскольку код-симулякр безразличен к реальности, в данном случае к труду в классическом производственном смысле, с реальностью профессиональных ролей. Теперь уже важно не расставить людей по местам в системе трудовой организации общества сообразно с их реальным вкладом в производственный процесс, а “поместить каждого в социальную сеть, где ничто не направлено ни к чему, кроме имманентности самой этой операциональной разметки”²⁵. Отсюда сверхмобильность рабочей силы в наиболее развитых современных обществах, понимаемая как готовность перемещаться в пространстве сообразно “обозначаемым” рабочим местам, а также как готовность быстро менять квалификацию, профессию, сферу занятости. В традиционные иерархии престижности профессий и сфер деятельности постоянно вносятся коррективы, обусловленные неопределенностью и подвижностью постмодернистских систем ценностей и всех социальных иерархий вообще.

Во-вторых, труд-симулякр уничтожает различие между трудом и досугом, трудом и свободным временем. Труд в понимании классической политэкономической и социальной теории жестко отделен от всех остальных сфер жизни человека в качестве особого рабочего времени, и при этом еще локализован в пространстве рабочего места, противопоставленном пространству повседневной жизни, досуга, отдыха. В состоянии постмодерна намечается тенденция к снятию этих границ, к смешению рабочего и свободного времени, рабочего места и места повседневной жизни, проникновению труда

²⁴ Там же, с. 58.

²⁵ Там же, с. 62.

во все ее сферы: “Работа доставляется на дом с помощью компьютера. Труд расплывается, проникая во все сферы общества и повседневного быта. Перестает существовать не только рабочая сила, но и пространство-время труда; отныне все общество представляет собой один сплошной континуум ценностного процесса. Труд сделался *образом жизни*”²⁶.

Свободное время — это уже не время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, способности человека к новому труду, а система практик, равноценная труду по своему социальному значению. В колоссальной индустрии свободного (от производственного труда) времени — массовой культуры, развлечений, быта, моды, спорта, а также и в высокой культуре и образовании, повышении квалификации — человек постмодерна на самом деле не выходит за пределы труда, а в такой же степени, как и на непосредственном рабочем месте, оказывается включенный в единую, пронизывающую все общество систему труда-кода. По мнению Бодрийяра, капитал не филантропически терпит убытки, выводя огромные средства из оборота и вкладывая их в образование, культуру, здравоохранение и т.п., а сознательно инвестирует в систему универсальной кодировки, опутывающей все сферы жизни общества и закрепляющей его универсальное господство.

В-третьих, утрачивает свой смысл и описанный К. Марксом феномен отчуждения, когда рабочее время, само участие в производственном процессе и все созданное противостоит личности и враждебно ей (см. тему 2). Присутствие-услуга, в качестве которых выступает теперь труд, неотделимы от личности человека, вовлекает ее целиком, поэтому исчезает и отчуждение в первоначальном смысле. Исчезает также прибавочная стоимость, поскольку не имеет значение, производится ли что-нибудь во время “обозначения труда присутствием”, а вместе с ней и эксплуатация в марксовом понимании: труд-симуляция не противостоит человеку, а полностью включает его в систему кода. Это уже не традиционная эксплуатация, а реальное господство капитала над обществом, тотальное закабаление и закрепощение человеческой личности²⁷.

В-четвертых, когда труд не находится в реальном соотношении с производством, заработная плата перестает находиться с ним в отношении эквивалентности и пропорциональности (или неэквивалентности и непропорциональности). В ситуации тотальной симуляции заработная плата тоже лишь обозначает принадлежность к системе кодов, “таинство вроде крещения (или же соборования), делающее вас полноправным гражданином политического социума капитала”²⁸. Эта принадлежность, это полноправное

²⁶ Бодрийяр Ж. Указ. соч., с. 70.

²⁷ Там же, с. 67.

²⁸ Бодрийяр Ж. Указ. соч., с. 72.

гражданство связывают человека как часть системы определенными правилами игры. С одной стороны, получая доход как инвестицию капитала в рабочую силу, он должен тут же реинвестировать его в потребление, которое превращается в своеобразное “служение” системе, условие ее постоянного самовоспроизводства. С другой стороны, происходят и прямые реинвестиции заработной платы в форме акционирования, банковских вкладов и т.д.

Условный характер эквивалентности труда и заработной платы определяет, с точки зрения Бодрийера, принципиально новый характер экономических требований и всей экономической борьбы, главным лозунгом которой становится не улучшение условий жизни посредством повышения зарплаты, а максимальная зарплата за минимальный труд. Этими максималистскими требованиями, противоречащими реальности и здравому смыслу, обозначается абсурдность ситуации, когда труд является лишь симулякром, призраком настоящего труда. Максимальную цену, таким образом, капиталу приходится платить не за эксплуатацию, а за отказ от производства, за разложение рабочей силы, утрату ею профессиональной и классовой идентичности.

3.2. Изменение роли труда в институциональной системе общества в условиях постмодерна.

З. Бауман, в отличие от Бодрийера, говорит не о “конце труда” в смысле утраты его реального содержания и превращения в симулякр, а констатирует “упадок труда”, связанный с изменением его роли и места в жизни общества и человека.

На труд и занятость распространяется такая особенность культуры современного общества, как отказ от долгосрочных стратегий и отношений, выражающаяся в сверхмобильности рабочей силы, ориентации на частую смену мест работы, специальности, профессии, готовности мириться с краткосрочной и неполной занятостью: “Согласно последним подсчетам, молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают по меньшей мере одиннадцать перемен рабочих мест, и эти ожидания смены точек приложения своих способностей наверняка будут нарастать, прежде чем завершится трудовая жизнь нынешнего поколения. Лозунгом дня стала “гибкость”, что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к

работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до “очередного уведомления”²⁹.

Эта краткосрочность серьезным образом сказывается на всех социальных отношениях, определяемых производством. Во-первых, когда человек относится к месту работы как к кемпингу, из которого вскоре можно и нужно будет уехать (сравнение З.Баумана — *Н.З.*), ему не надо думать о налаживании оптимальных отношений с окружающими людьми, о благоприятном психологическом климате в коллективе (на чем в индустриальном обществе были построены менеджерские стратегии “человеческих отношений” — см. тему 9). Поэтому не только в личной жизни (*private*) человек становится полностью атомизированным, изолированным от других людей, от любых человеческих сообществ (включая класс в марксистском понимании), но и в важнейшем аспекте своей общественной жизни — на производстве.

Во-вторых, атомизация человека на производстве, утрата им связей и солидаристских отношений с ближайшим окружением, с коллегами ведет к тому, что защита интересов, отстаивание собственных прав перед лицом капитала или государства, становится практически невозможным делом. Если трудящийся эпохи традиционных отношений мог рассчитывать на традицию и установившуюся меру неравенства и эксплуатации и “совесть” хозяина, трудящийся эпохи модерна мог полагаться на коллективную классовую солидарность, на профсоюзы и другие рабочие организации, то в современном обществе при новой частичной, неполной, краткосрочной занятости и отсутствии общих личных связей и долгосрочных общих интересов с коллегами трудящемуся не на кого рассчитывать и не с кем объединяться. В этом смысле Бауман указывает на конец классовой борьбы как единого целенаправленного долгосрочного проекта трудящихся, основанного на таких институциональных факторах, как профсоюзы, политические партии и т.п..

В-третьих, и это особенно важно, Бауман констатирует в современном обществе разрыв социальных связей между трудом и капиталом. В индустриальном обществе модерна эта связь была неразрывной: и труд, и капитал представляли собой две стороны одного производственного процесса, одной хозяйственной жизни, зависели друг от друга, полагались друг на друга, более того — не могли выжить друг без друга. И тем местом, где они встречались — в пространстве и во времени — была фабрика, завод, предприятие. С ним была связан неразрывно судьба обеих сторон: для капиталиста она была семейным делом, воплощением и реальной жизнью капитала, источником его стабильности и преумножения. Жизнь предприятия-дела была дольше жизни каждого отдельного члена

²⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002, с. 29-30.

семьи хозяев, дело воплощало и долгосрочные перспективы семьи в целом, и даже личное бессмертие каждого из членов. Стабильность же капиталистического предприятия в значительной степени определялась тем, удалось ли наладить устойчивые отношения с трудящимися, с помощью долгосрочных соглашений урегулировать конфликты, находить оптимальные и взаимовыгодные формы совместной деятельности.

Для рабочего предприятие также было не просто местом, где зарабатывается хлеб насущный, но и тем местом, где проходит вся жизнь, за устройство которой стоит бороться: налаживать благоприятный климат в коллективе, требовать оптимальных условий труда и его оплаты от местного менеджмента и хозяев, объединяться в профсоюзные организации для того, чтобы совместно с другими трудящимися добиваться долгосрочных прав и гарантий от предпринимателей и от государства.

Когда капитал и труд сведены таким образом вместе на длительный срок (в перспективе — даже бесконечный), урегулирование их взаимоотношений, обязательств, прав и т.д. становится объектом пристального внимания, скрупулезных переговоров, компромиссов или конфликтов — в любом случае, это позволяет Бауману говорить о предприятии, на котором все эти отношения локализуются, как о важнейшем социальном институте общества модерни. Разрыв же долгосрочных перспектив, освобождающий и труд, и капитал от необходимости такие отношения налаживать, ведет к принципиальному изменению сути этого института. Правда, капитал еще не стал полностью свободным от пространственной локализации, но в современном обществе уже можно говорить о “взаимном разъединении” капитала и труда³⁰. Причем автономия сторон оказывается не симметричной: капитал становится более подвижным и гибким, свободно перетекает из одной формы в другую и из одного места в другое в зависимости от собственных краткосрочных конъюнктурных целей. В этих условиях ему нецелесообразно обременять себя длительными отношениями с рабочими, принимать на себя социальные обязательства. Трудящиеся же при всей мобильности и подвижности рабочей силы гораздо в большей степени привязаны к месту (более подробно проблемы подвижности капитала и ее социальных последствий будут рассмотрены в разделе о глобализации — тема 7). Человек в условиях неопределенного рынка труда вынужден постоянно “гнаться” за причудливыми изменениями конъюнктуры, приспосабливаться к новым технологическим требованиям, адаптироваться к новым организационным и социальным условиям.

Еще одно социальное измерение “упадка труда” в современном обществе связано с тем, что оно обеспечивает работой далеко не всех, а лишь избранных — наиболее

³⁰ Бауман З. Указ. соч., с. 31.

квалифицированных, гибких, подготовленных. Причем знания, получаемые в высших учебных заведениях, зачастую устаревают раньше, чем выпускник успеет применить их на практике³¹. В таких условиях работа вообще может превратиться в удел избранных. Уже сейчас потребности общества могут удовлетворить две трети производителей, в ближайшем будущем при существующих темпах научно-технологического прогресса это сможет сделать и одна треть. Остальных ожидает судьба экономически бесполезного социального балласта.

Вынужденная безработица становится, таким образом, неистребимым атрибутом рынка труда общества постмодернити. Однако это, по мнению Баумана, уже не традиционный “резервный рынок”, из которого могут рекрутироваться новые работники, как это было в эпоху индустриального капитализма после преодоления кризисов и депрессий. Это люди, которые навсегда опоздали и остались вне активной трудовой деятельности, и эта роль отведена им самим обществом постмодерна. Предназначение армии безработных — своим статусом аутсайдера усиливать чувство неопределенности и напряженности у работающих.

3.3. Постмодерн и динамика трудовой культуры.

Постиндустриальное общество и эпоха постмодерна, с которыми связывают специфику нынешнего этапа мировой истории, характеризуется качественными изменениями в культуре труда, которые даже назвали “концом трудового общества”. Еще в 60-х — 70-х годах в индустриально развитых странах Запада стали отмечать падение трудовой этики у молодежи, потерю интереса к профессиональному образованию, повышению квалификации, карьерному росту и даже стабильному заработку. Объяснение нашлось в присущем постмодерну растущем стремлении личности к “самореализации”, но не через труд, карьеру и постепенный, но устойчивый рост благосостояния и другие рациональные практики, как это было в обществе модерна, а через “свободное самовыражение”, творчество, игру. Характерные для индустриального общества профессии и виды труда, в особенности в индустриальном производстве, связанные с рациональной организацией и планированием, с дисциплиной, постоянным самоконтролем, психическими, интеллектуальными и физическими напряжениями — то есть с мобилизованностью личности, не удовлетворяют этим требованиям. Здесь личность предстает как связанная формальными и неформальными обязательствами, рутинными практиками, “серьезными”, а не игровыми, заботами. Теоретики и идеологи постмодерна

³¹ Бауман З. Указ. соч., с. 166.

предполагали, что потребности “игровой самореализации” могут быть удовлетворены в сфере “информационной” экономики, связанной с ускоренным развитием информатики, компьютерной техники, телекоммуникаций и т.п., с акцентом на гуманитарных ценностях и “культивировании человека”, наконец, в сфере самозанятости и бизнеса³².

Однако эта концепция нового, “не трудного, а игрового” труда в эпоху постмодерна, встречает как минимум два серьезных возражения:

Во-первых, ее опровергает структура рынка труда. Действительно представляющие возможности творческой самореализации сферы новейших информационных технологий, гуманитарной культуры, фундаментальной науки весьма ограничены в своей трудоемкости, и, в то же время, требуют столь высокой профессиональной подготовки, что могут вместить лишь очень незначительную часть реально существующей рабочей силы. Остающимся за их пределами многим миллионам людей как в развитых странах Запада, так и в странах “второго” и “третьего” мира приходится довольствоваться трудом в другой быстро развивающейся в обществе постмодерна сфере экономики — в сфере услуг (как непосредственно услуг населению, так и подсобного персонала в бизнесе), где труд как раз является рутинным, не творческим, не требующим высокой квалификации и не дающим возможностей для “самовыражения”.

Во-вторых, представление о массовом и перспективном характере труда-самореализации в обществе постмодерна опровергает социокультурная ситуация. Представление о творческой самореализации в культуре постмодерна сопряжено, как показано выше, с понятием игры как спонтанной, произвольной, не предполагающей внешней дисциплины и рациональности, и в этом смысле противоположной труду, активности. Оно представляется как “свободный от ценностей” полет фантазии, смелый отказ от абсолютных истин, ценностей, норм, от теоретических и нравственных авторитетов, которые могут поставить предел игре и потребовать серьезного напряжения, выбора.

Однако на самом деле любое подлинное творчество серьезно. Творчества не бывает без предварительного самого основательного освоения уже достигнутого и наработанного в данной области человечеством, то есть без фундаментального образования, без подлинного профессионализма. Поэтому те, кто начал трудовую деятельность без предварительного глубокого фундаментального и профессионального образования, заведомо обречены на рутинные, нетворческие работы. Настоящее творчество не возможно без истинного увлечения проблемой, а значит, это игра (в смысле бескорыстия и внутренней личностной обусловленности мотивов), но особого рода — серьезная игра, в

³² Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000. М., 1992.

основе которой — самый напряженный труд. Творческий процесс связан не с легким и приятным времяпрепровождением, а, напротив, с жесткой мобилизацией всех сил и внутренних ресурсов личности, полной самоотдачей, основанной на самодисциплине и рациональной организации труда. Индивид, ориентирующийся на социальную демобилизацию и гедонистические ценности, вряд ли способен к творческой самореализации. Наконец, творчество в любой области человеческой деятельности — науке, искусстве, бизнесе и т.д. — не возможно без серьезного отношения к проблеме и цели, а значит, без устойчивой ценностной установки, без развитого духовного и нравственного сознания. Лишенные глубокой внутренней мотивации и ценностных установок, духовно незрелые люди, принявшие за чистую монету постмодернистский ценностный релятивизм, также имеют мало шансов на подлинную самореализацию в творчестве.

Таким образом, и структура рынка труда, и состояние культуры постмодерна говорят о том, что подлинно творческий труд стал еще менее доступен, чем раньше, поскольку большинству недоступны необходимая для него фундаментальная подготовка и квалификация, а рабочие места в соответствующих сферах крайне немногочисленны. Шансы на личностную творческую самореализацию через труд в современном обществе имеют вовсе не те, кто “избавился” от рационального контроля со стороны ценностей и институтов общества и предается “игре”, а те, кто под внешней оболочкой “*homo ludens*” сохраняет серьезные фундаментальные знания, железную дисциплину и моральную убежденность.

3. Бауман отмечает опасную тенденцию, в русле которой труд в недалеком будущем может оказаться достоянием “касты избранных”, выделением двух “классов” общества постмодерна³³: на одном полюсе концентрируется немногочисленная высокообразованная и высококвалифицированная элита, умеющая и в силу своего воспитания любящая работать, находящая в труде — будь то бизнес, техническое и научное творчество, информация, высокие технологии, искусство — радость самореализации, азарт и смысл жизни, прекрасно осознающая, что успех — не только слепая удача, но и результат сознательных, целенаправленных, трудоемких усилий. На другом остается масса людей, не имеющих фундаментального образования и высокой квалификации, вынужденная в силу этого довольствоваться рутинными работами в различных сферах (в первую очередь — обслуживания), часто на основе краткосрочной или частичной занятости, видящая в труде только лишь источник средств существования.

³³ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002, с. 30.

3.4. Досуг и потребление в хозяйственной культуре постмодерна.

Особое место в культуре постмодерна занимает досуг. Мы уже говорили о том, что в контексте превращения труда в симулякр исчезают принципиальные грани между ним и досугом и праздностью. К росту свободного времени в обществе в целом и ориентации значительных слоев населения на досуг как единственную форму неотчужденного бытия приводит как внедрение трудосберегающих технологий, идущее параллельно с переструктурированием экономики и сокращением занятости, так и плюрализация ценностей и играизация. Особенно интенсивно распад прежней “трудовой” культуры отмечается у молодежи, часть которой оказывается изначально, в силу невозможности получить необходимые для того, чтобы соответствовать требованиям современного рынка труда образование и квалификацию, оказывается не занятой. Альтернативу труду, а заодно и традиционным для Запада рациональным формам культуры, она находит как в разнообразных формах досуга, предоставляемых “индустрией развлечений”, так и в новых формах духовности, заполняющих образовавшийся после утраты прежнего значения протестантской этикой и “религией труда” вакуум. Большую популярность обретают восточные мистические учения, некоторые из которых имеют сейчас поистине планетарную популярность. Общество трансцендентальной медитации, Общество сознания Кришны, движения Шри Чинмоя и Гуру Раджнеша и другие школы, секты и направления неоиндуизма, дзэн-буддизма и других восточных мистических религий вошли в сознание постиндустриального общества в рамках движения контркультуры. В них выразился духовный протест против потребительства, мещанского благополучия и индивидуализма и, одновременно — их синкретический характер, ориентация на освобождение импульсов подсознания и беспредельное расширение возможностей человека, превращение его в центр мироздания. Не вдаваясь здесь в детальное исследование неоориентализма на современном Западе, отметим лишь, что после упадка “трудового общества” духовные искания Запада обратились именно к мистическим восточным традициям, которые М. Вебер считал в силу их потусторонних ориентаций противоположными духовным основаниям рационального капитализма эпохи “модернити”.

Значение досуга повышает и особое значение информации как главного экономического ресурса постиндустриального общества. Главным источником роста становится творческий потенциал человека, производящего информацию, поэтому исследователи отмечают особое значение гуманитарных факторов в современном

обществе³⁴. Это выражается в росте сферы “производства человека” — воспитания, образования, здравоохранения и культуры здоровья, а также разнообразных форм досуга. В связи с этим развивается и сфера высокой культуры, превращаясь из относительно замкнутой элитарной деятельности в распространенное средство формирования разностороннего, творческого индивида. Дж. Нэбитт и П. Эбурдин видят “возрождение искусств”, рост интереса массовой аудитории к высокой художественной культуре, как прошлого, так и настоящего одной из “мегатенденций” (“мегатрендов”) современного и будущего развития, что связано как с ростом образования, разнообразием интересов личности, так и с ростом благосостояния, позволяющего приобщаться к первоклассным и уникальным образцам художественной культуры. Исследователи отмечают рост расходов на искусство и культуру, рост посещаемости театров и музеев, увеличение тиражей и продаж книг (несмотря на развитие кино, видеопроката и мультимедиа), рост количества профессиональных артистов, художников, писателей. В США, где особенно устойчив культ спорта, в конце 80-х годов затраты населения на посещение культурных мероприятий стали превышать затраты на спортивные зрелища³⁵. Исследователи объясняют рост интереса к культуре у массового потребителя тем, что усложнение и интеллектуализация труда в постиндустриальном обществе требует более сложных форм рекреации: если монотонный физический труд в индустриальном производстве и достаточно простые формы организации дела для восстановления сил требовали главным образом сна и “грубых развлечений”, то новые виды деятельности, увеличивая интеллектуальные нагрузки, требуют и интеллектуального досуга³⁶.

Высокая культура не удовлетворяет, однако, все потребности постиндустриального общества в “духовной пище”. Значительная ее доля приходится на массовую культуру, обращающуюся к повседневным жизненным ситуациям, ординарным чувствам и настроениям и объясняющая действительность с помощью примитивных и упрощенных образов и выразительных средств, доступных любой аудитории. Роль массовой культуры в современном обществе состоит в социализации, адаптации человека к условиям усложняющейся и быстро меняющейся социальной действительности, к разнообразию и динамике социальных ролей³⁷. Динамичная и диверсифицированная реальность внутри

³⁴ Там же.

³⁵ См. Нэбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. М., 1992., гл. “Возрождение искусств”.

³⁶ Разлогов К. Феномен массовой культуры / Культура, традиции, образование, вып.1., М., 1990, с. 139.

³⁷ Ерасов Б.С. Социальная культурология, М., 1996, с.410—414.

общества усложняется тем, что телекоммуникационные связи объединяют мир, связывая воедино его самые отдаленные уголки, и массовая культура с помощью своих образов объединяет мир в единую духовную систему, помогает его восприятию как единства в многообразии форм³⁸.

Важная функция, которую выполняет массовая культура в постиндустриальном обществе, состоит в заполнении свободного времени и духовной пустоты, нарастающих в обществе из-за массового высвобождения рабочей силы и выталкивания масс из сферы не только творческой, но и вообще полезной деятельности. Для них эрзац реальной деятельности, наполненной жизни, подлинной культуры создается с помощью мощной индустрии развлечений.

Кроме того, массовая культура отвлекает человека от проблем усложняющейся реальности с помощью расширения потребления, превращения предметного мира в составную часть образа жизни и символ социального и духовно-нравственного состояния. Э. Фромм в работе "Иметь или быть?" показывает изменение смысла потребления в XX веке: если в традиционных обществах и в период становящегося капитализма он состоял в обладании вещью, которую бережно хранили, стремясь максимально продлить срок ее существования именно как полезного предмета, то теперь вещи превратились в знаки статуса и акцент переместился с обладания на процесс приобретения, люди уже не привязаны к вещам, для них возможность приобретать престижные вещи и быстро менять их на еще более новые и престижные важнее, чем само наличие полезной вещи³⁹. Важнейшим элементом массовой культуры является реклама, которая через свои навязчивые образы утверждает почитание материального продукта как полноценного заменителя духовного, представление о материальном богатстве и расширенном потреблении как конечной цели человеческого бытия⁴⁰. Ж. Бодрийяр, подчеркивая родство массовой культуры и рекламы, их фактическую смысловую идентичность, отмечает: "Телереклама, прерывающая фильмы, которые идут по ТВ, конечно, бесцеремонна, но она всего лишь трезво подчеркивает, что большая часть телевизионной продукции никогда не достигнет "эстетического уровня", и что эти фильмы, в сущности, явления того же порядка, что и сама реклама. Большинство фильмов, и притом не самых худших, созданы все из того же романса повседневности: машины, телефон, психология, макияж — все это просто-напросто иллюстрирует образ жизни. Так же, как и реклама: она

³⁸ Там же, с 86.

³⁹ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1989. с.77-78.

⁴⁰ Ерасов Б.С. Социальная культурология, ч.2, М., 1994, с.87.

канонизирует образ жизни посредством изображения, превращая его в настоящую электронную микросхему»⁴¹.

Описанное отношение к искусству, досугу и потреблению в корне отличается от пуританского, лежащего, согласно М. Веберу, в основе тотальной рациональности образа жизни капиталистического предпринимателя западного типа. Искусство, также, как и столь популярный в современном обществе спорт, отрицались радикальными протестантами не только как бесполезная трата времени, но и за иррациональность возбуждаемых ими эмоций и страстей, осуждение роскоши и стремление к строгости и умеренности быта вытекало из представления нерациональности связанных с ними затрат⁴². В зрелом капиталистическом обществе и культуре постмодерна происходит как бы разделение единого ранее образа жизни. Рациональность, трезвый расчет, скрупулезная оценка всех деталей и возможностей развития дела продолжают оставаться атрибутами сферы бизнеса и деловой культуры, в то время как досуг и быт все больше утрачивают рациональность, не только допуская непрактичное престижное потребление и искусственное взвинчивание потребностей, но и все больше культивируя экзотические формы времяпрепровождения и экстремальные практики. Такого рода занятия, требующие дорогостоящего снаряжения и специальной подготовки, доступных немногим, престижны и являются знаком особого статуса, выделяют из общей массы, подчеркивают нестандартность. Такие мотивы потребления и образа жизни до известной степени противоречат нормам “модернити”: М. Вебер стремление к унификации образа жизни, к тому, чтобы не выделяться из группы, не отличаться от соседей, уходящее корнями в аскетическую протестантскую этику, легло в основу возникновения стандартизированного индустриального производства⁴³. Человек постиндустриального общества, напротив, стремится к тому, чтобы выделиться из массы, проявить свою уникальность. В отличие от строгих раннебуржуазных нравов, осуждающих любую экстравагантность и любые отступления от общепринятых норм поведения, культура постмодерна с присущим ей ценностным плюрализмом отличается разнообразием форм деятельности, стилей поведения и жизни. В 80-е годы в стратегиях экономики промышленно развитых стран наметилась тенденция к развитию, наряду с массовым поточным производством, высокотехнологичного малосерийного производства с высоким уровнем качества, цель которого — удовлетворение потребности некоторых социальных групп в индивидуализации через потребление. Но эта индивидуализация иного рода, чем в

⁴¹ Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000, с.179-180.

⁴² Вебер М. Избранные произведения. М., 1991, с. 195—197.

⁴³ Там же, с. 196.

высокоискусном ремесле, составлявшем основу производства традиционных обществ, ибо она основана не на “тупике виртуозности”, а на постоянном совершенствовании технологий, в том числе и информационных, позволяющих создавать огромное разнообразие индивидуальных изделий на базе вариативности и комбинирования компонентов.

В философском эссе “Америка” Ж. Бодрийяр анализирует различные проявления общества постмодерна, в том числе и искусственность, симуляционную природу его социальной, культурной, политической среды, а также и среды обитания. Это общество кажется избавленным, наконец, от всякого зла и несовершенства, от недостатка материальных благ, дискомфорта, природных катастроф, всякой бытовой неустроенности — но на самом деле искусственная социокультурная среда порождает собственные угрозы, собственное зло, источник которого следует искать в самой симуляционной природе общества.

Тема 7. Социологические проблемы мирового хозяйственного развития: глобализация и ее последствия.

Международные хозяйственно-экономические связи. Формирование глобальных экономических связей. Интернационализация и глобализация. Международные хозяйственные связи в парадигме «Восток-Запад». Парадигма «Север-Юг», Центр-Периферия и особенности международного хозяйственно-экономического развития. Понятия «глобальности» и «глобализма».

Экономическое измерение глобализации: единство рынка, финансовых и информационных потоков. У.Бек об особенностях деловой активности транснациональных экономических субъектов: неопределимость национальной принадлежности; высокая динамичность, подвижность в глобальном масштабе инвестиционных, производственных, налоговых и проч. локализаций; «капитализм без труда»; «капитализм без налогов», столкновение «виртуальных» и «реальных» налогоплательщиков.

Социальные последствия экономической глобализации: утрата внутреннего уровня социальной интеграции, изменение содержания конфликта «новых богатых» и «новых бедных».

Социокультурное измерение экономической глобализации: формирование транснациональных субъектов экономической деятельности - «глобального экономического человека». Освобождение «глобального экономического» человека от социальных и национальных обязательств. Особенности этоса глобального мира (по Кюнгу): приоритет «общих» интересов перед локальными, «этики ответственности» перед «этикой убеждения». Толерантность как ценность хозяйственной культуры глобального мира.

У.Бек о политическом контексте экономической глобализации: снижение роли национального государства, изменение содержания понятия «политического», трансформации политических институтов модерна, «субполитизация» как проникновение политики в неполитические сферы, в том числе в экономику.

Деструктивные социокультурные последствия экономической глобализации: отказ от идеи развития в мировом масштабе, формирование «глубокой периферии» и «четвертого мира»; разрушение традиционных политических, социальных, культурных институтов и ценностей обществ, втянутых в глобальные отношения; хаотизация обществ мировой периферии, развитие криминальных экономических практик как результат кризиса цивилизационного устройства, их развертывание в глобальном масштабе; деградация и исчезновение уникальных местных хозяйственных укладов; структурная деформация локальных экономик; деградация местных рынков труда, профессиональной структуры, бизнеса. Глобализация и фундаментализм.

Глобализация и глокализация, рост значимости местных укладов, рост значения региональной интеграции, диалектика глобального и локального.

Альтернативные модели глобализации: формирование многополярного мира, возвращение гуманитарного измерения международным экономическим отношениям.

§ 1. Основные парадигмы глобализации.

Важнейшей особенностью развития международных экономических связей в современном мире является их **глобализация**. Это явление качественно отличается от роста интенсивности и значимости двух- и многосторонних хозяйственно-экономических отношений — *интернационализации*, которая особенно интенсифицировалась на рубеже XIX — XX вв., а затем после окончания второй мировой войны. Глобализация отражает динамическое измерение *глобальности*, то есть представляет собой *процессы вовлечения экономик суверенных государств в качественно новое мировое единство, по самой своей природе являющееся транснациональным, лежащим поверх границ отдельных государств, культур, цивилизаций и имеющим свои собственные, качественно специфические принципы функционирования*. Это новое мировое единство не оформлено мировым государством или правительством, но проявляется в экономических, политических, социальных, гражданских,

экологических, культурных, демографических и проч. процессах, затрагивающих интересы всего человечества. В то же время можно говорить о формировании институтов глобализации, к которым относят, во-первых, транснациональные корпорации, производства, финансовые операции, товары, рекламные кампании которых ориентированы на глобальный рынок. В настоящее время в мире насчитывается примерно 38500 «отцовских» транснациональных компаний, в руках определенных фирм в результате внутрифирменного обмена и т.п. находится до 70% мировой торговли¹. Во-вторых, к институтам глобализации можно отнести не просто международные, а принципиально наднациональные организации — экологические, правозащитные, молодежные и т.д., деятельность которых направлена на решение возникающих в процессе глобализации проблем.

Процесс глобализации является объективным, в него постепенно включаются все страны и народы, и попытки изоляционизма оказываются лишь временными мерами, которые в конце концов обязательно уступают тем или иным (не экономическим, так культурным; не культурным, так гражданским и т.д.) формам вовлеченности в глобальные процессы. Глобализация осуществляется сразу в нескольких измерениях — хозяйственно-экономическом, политическом, гражданском, культурном и информационном, экологическом.

Глобализация означает изменение парадигмы международных отношений, сформировавшейся в обществе модерна. Во-первых, уходит в прошлое *парадигма «Восток-Запад»*, рассматривающая взаимодействие «первого мира» (развитого «Запада»), и «третьего мира» (отсталого «Востока»). Понятия эти не чисто географические, а геополитические и геоэкономические, цивилизационные, включающие в Восток не только страны Азии, но и Африку, и Латинскую Америку, то есть весь незападный мир. В основе этой парадигмы лежит модернистская и вестернизаторская идея о противостоянии передового, развитого, богатого, гуманного, демократического Запада отсталому, бедному, авторитарному Востоку, где нет подлинной свободы, личность подавлена и подчинена косным традициям. Западу отводится цивилизаторская и

¹ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001, с. 56.

просветительская миссия приобщения Востока к «современным» формам жизни, к экономическому и технико-технологическому росту. Как мы видим, в основе модернистской парадигмы «Восток—Запад» лежит линейное прогрессивное представление о социокультурной динамике, и динамике хозяйственной жизни в том числе, ибо страны Запада первым делом стремились «приобщить» «бедный и отсталый» Восток к современным технологиям, хозяйственным, в особенности производственным институтам, стереотипам деятельности, а заодно и ценностным ориентациям.

При всей нетерпимости к традиции, культивировании расистского превосходства парадигма «Восток-Запад» основывалась на представлениях о единстве исторической судьбы всего человечества, универсализме прогресса, к которому следовало — пусть даже насильно — приобщать «отсталые» народы. В парадигме «Восток-Запад» развивалась теория модернизации как постепенного приобщения Востока к достижениям западной цивилизации, как «догоняющего развития», постепенно обеспечивающего если не выравнивание потенциалов разных стран и регионов, то, по крайней мере, их сближение, при котором бедные должны были становиться богаче, непросвещенные приобщаться к научно-техническому прогрессу, осваивать новые технологии, угнетаемые становиться свободнее и т.д..

В условиях глобализации парадигма «Восток—Запад» заменяется на парадигмы «Север-Юг» и «Центр-Периферия». Здесь понятия «Севера» и Юга» также имеют не чисто географический, а геополитический и геоэкономический смысл. Развитые страны «Севера» являются лидерами глобализации, доминируют в рамках мировой хозяйственной системы, и соответственно, выполняют по отношению к «Югу» функции управления и координации, которые осуществляются не только через какие-либо специальные институты (ГАТТ, ВТО, МВФ и т.д.) и организации, но и через деятельность транснациональных корпораций, перемещающих капиталы, производства, рынки труда, товарные потоки в соответствии со своими интересами.

Если воспользоваться предложенной И. Валлерстайном миросистемной моделью, развитый «Север» оказывается глобальным «Центром», окруженным «Полупериферией» и «Периферией». В такой парадигме периферийные — слаборазвитые, зависимые, бедные — общества оказываются органичной

составной частью системы, занимают свою нишу и выполняют отводимые им роли.

В условиях глобализации получили новую интерпретацию концепции самобытного развития и неповторимого пути разных цивилизаций. Они наложились на постмодернистскую презумпцию ценностного релятивизма и плюрализма форм развития. Здесь получает, наконец, полное признание идея о цивилизационной специфике путей развития, но при этом отрицается универсализм прогресса и единство судеб человечества. Отсталый, бедный «Юг» становится Периферией глобального мира, получающей «гуманистическое» признание права на «самобытность», то есть на консервацию отсталости и бедности, на отказ от развития. Развитый и богатый «Север» перестает проявлять и даже декларировать свою озабоченность судьбой «Юга», напротив, стремится к консервации отсталости, которая превращается в атрибут мировой Периферии и в ее сущностный признак, обеспечивающий ее специфическое место в сети мировых связей. Отсталость делает экономику страны проницаемой и легко поддающейся реструктуризации в интересах более сильного партнера, политическую систему — податливой и пластичной, элиты сговорчивыми и готовыми за небольшие преимущества причастности к анклавам глобального истеблишмента обеспечивать удовлетворение их интересов в ущерб интересам собственных народов.

В рамках глобальной парадигмы новый смысл приобретает и вестернизаторская риторика, которая не только оправдывает слаборазвитость культурной самобытностью, но и при необходимости энергично настаивает на социокультурной неполноценности обществ Периферии — «пассивности», «низкой трудовой этике», «неспособности контролировать собственные ресурсы», «антидемократизме», «сервильности» и т.д. Подобные идеологические кампании предназначены теперь уже не для того, чтобы навязать собственные, вестернизаторские стандарты, а чтобы оправдать экспроприацию ресурсов у «недостойных», бесцеремонное разрушение основ жизни целых народов, обреченных быть «вечно вчерашними», изгоями прогресса.

Под *глобализмом* понимается один из аспектов глобализации, представляющий собой сознательное одностороннее сведение многомерности

глобальных отношений к экономическому измерению. Немецкий социолог **У. Бек** в известном труде «Что такое глобализация?» подчеркивает: «Глобализмом я называю понимание того, что мировой рынок подменяет или вытесняет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма. Она действует по монокаузальному, чисто экономическому принципу, сводит многомерность глобализации только к одному, хозяйственному измерению, которое мыслится к тому же линейно, и обсуждает другие аспекты глобализации — экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный, — если вообще дело доходит до обсуждения, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка»². В приложении к международным отношениям под глобализмом понимается основанное на экономической экспансии выстраивание однополярного мира, доминантного объединения с наиболее экономически мощным государством и его ближайшими сателлитами в центре и со слабыми и очень бедными странами на полупериферии и периферии. При этом Центр получает возможность беспрепятственно перераспределять мировые природные, трудовые, финансовые и проч. ресурсы в свою пользу, нимало не заботясь о судьбе Периферии. При этом если парадигма модернизации подразумевала постепенно «подтягивание» Востока к уровню Запада, то парадигма «Север—Юг» предполагает воспроизведение существующих элементов мировой системы в их наличном виде, поскольку без «Юга» не может быть «Севера»³.

Глобализованный мир представляет собой доминантное объединение, на вершине которого находится «Север» как «глобальная экономическая держава», осуществляющая координацию мировой экономической системы, но не с целью формирования единого гуманного и благополучного «постэкономического» мира⁴, а ради оперативного создания, извлечения и перераспределения сил и средств, необходимых для осуществления собственной крупномасштабной

² Бек У. Что такое глобализация? М., 2001, с. 23.

³ Неклесса А.И. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. М., 1994, С. 8, 12-14.

⁴ См. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 550-553.

экономической структурной перестройки⁵. Делается это во многом за счет ресурсов и интересов «Юга», некоторые регионы которого в это же время впадают в состояние хаоса и деградации. На таком «глубоком Юге» складываются деструктивные алгоритмы «квазихозяйственной деятельности», основанной на расхищении ранее созданных ценностей или высокодоходных криминальных технологий, адресованных потребителям во внешнем мире, в том числе и в процветающих странах Запада/Севера — производство и распространение наркотиков «золотого треугольника» или «медельинского картеля» и т.д.⁶ Ценностный релятивизм постмодерна не создает устойчивых моральных и идейных оснований для блокировки такого рода деструктивных форм обогащения, коль скоро они «вписались» в мировую финансовую систему.

В целом процесс глобализации сложен и многогранен, носит структурированный характер, и отнюдь не однозначен по своим последствиям для человечества. Архаичные социально-экономические структуры и формы деятельности на Периферии не воспринимаются более как «тормоз» на пути общего прогресса, который надо устранить, а становятся необходимыми функциональными компонентами единой структуры. Поэтому говорить об общемировом движении в сторону некоего «единого процветающего человечества» нет оснований — лидеры экономического и социального развития, страны Запада и США, осуществляют свою доминирующую роль в мире вовсе не для того, чтобы его «постмодернизировать», а ради контроля над ним в собственных интересах: «полная глобализация функций капитала делает его безразличным ко всем субстанциям чужих обществ. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не решением задач догоняющей модернизации, которые у нас на словах провозглашались»⁷.

⁵ Неклесса А.И. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. М., 1994, С. 14

⁶ Неклесса А.И. Россия в новой системе координат — цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996, с. 59.

⁷ Федотова В.Г. Криминал как продукт системы // Независимая газета, 09. 02. 2000.

§ 2. Социальные и культурные аспекты глобализации хозяйственной жизни.

Важнейшей сферой осуществления глобализации является хозяйственная и экономическая жизнь. Предметом социологического исследования в данном случае является специфика субъектов хозяйственной деятельности, особенности институтов, социальных общностей и групп, вовлеченных в глобализацию, новые уровни развития хозяйственной этики и хозяйственной культуры, социальные последствия экономической глобализации.

Основными субъектами хозяйственной глобализации являются, как мы уже говорили, транснациональные компании. Их специфика в качестве субъектов хозяйственной деятельности определяется глобальным характером этой деятельности. Прежде всего, они не имеют жесткой привязки к национальным общностям: капиталы, топ-менеджмент, офисы и производственные мощности, рабочая сила — все это легко меняет не только географическую локализацию, но и национальный состав и принадлежность. Можно сказать, что не ТНК принадлежит к какой-либо нации или национальному государству, а сегменты национальных рынков, рабочей силы, капитала, производственных мощностей принадлежат ТНК, работают на нее независимо от национально-государственной принадлежности и интересов. ТНК легко переносят предприятия туда, где расходы по найму и налоги минимальны, таким образом, они свободно выбирают самые прибыльные места для инвестиций, производства, уплаты налогов. Связанные с ТНК субъекты получают возможность динамичной смены места жительства, также вне привязки к национальному, традиционному контексту. Соответственно, национальные обычаи и традиции, этические нормы, духовные ценности и т.д. оказывают все меньшее влияние на функционирование капиталистической экономики. Таким образом, именно глобализация завершает процесс отрыва капитализма от его социальных, национальных, культурных характеристик. К. Маркс еще в «Манифесте коммунистической партии» (1848 г.) писал о том, что ни у буржуазии, ни у пролетариата «нет отечества»: по самому характеру своей деятельности, по социальной позиции и выполняемым ролям они не связаны с

культурой, традициями, национальными интересами — их социальная позиция определяется их экономической деятельностью и экономическими интересами.

Освобождение капитала от национальной привязки обусловлено его ориентацией на максимизацию прибыли, которая в условиях глобализации, в свою очередь, получает дополнительные стимулы, связанные с высокой мобильностью экономики. Если капитал индустриальной эпохи еще сохранял зависимость от локального рынка, природных ресурсов и рабочей силы, еще нуждался в протекционистской поддержке государства, то глобальные хозяйственные акторы не только не нуждаются во всем этом, но и извлекают прибыль из своей независимости от локальных условий.

2.1. Глобализация и трансформация социально-экономических институтов капиталистического общества.

Глобализация изменяет характер институтов социально-экономических капиталистического общества — прежде всего предприятия, наемного труда, налогообложения, профсоюзов.

Независимость ТНК от национально-культурного контекста их деятельности, высокая мобильность производственных потенциалов меняет сущность предприятия как социального института реальной экономики. В условиях индустриального общества предприятие было не просто хозяйственной единицей, где сосредоточены основные и оборотные фонды, создана материальная база производства, подобран более или менее стабильный контингент рабочей силы — от неквалифицированной до высококвалифицированных технических специалистов и менеджеров. Предприятие оказывалось и важнейшим социальным институтом, где создавалась не только хозяйственная, но и социальная и культурная инфраструктура — образовательные, медицинские, рекреационные учреждения, жилищный фонд, социальная защита работников. Как мы уже писали в главе 6, в обществе постмодерна смысл предприятия как социального института в значительной степени утрачивается в силу того, что капитал становится более мобильным и легко перетекает из одной формы в другую. Производственный капитал при необходимости легко трансформируется в капитал финансовый,

виртуальный, а значит, не обремененный ни социальными, ни вообще какими бы то ни было реальными обязательствами.

В условиях глобализации постмодернистская трансформация сути социально-экономических институтов усугубляется разрывом их связи с конкретным социально-культурным контекстом. Предприятия не просто физически обретают более высокую степень мобильности — мобильность заложена в самой философии глобальной экономики. ТНК создают предприятия там, где находят это наиболее целесообразным, и под влиянием рыночной конъюнктуры и в особенности — динамики рынка рабочей силы переносят их из страны в страну. В конце XX — начале XXI века значительная часть производственных предприятий оказались перемещены из развитых стран Центра на Периферию, где рабочая сила дешевле, а социальных обязательств меньше. Хотя оплата труда на предприятиях глобальных компаний, как правило, выше, чем на национальных предприятиях, все же в странах Периферии она ниже, чем была бы в старых индустриальных странах.

В индустриальном капиталистическом обществе ориентации одних хозяйственных субъектов на наращивание прибыли уравнивались требованиями социальной справедливости со стороны других субъектов. Капиталу противостояло рабочее движение как в форме политических партий, так и профессиональных союзов. В современном мире глобальному капиталу вовсе не противостоит «глобальный профсоюз», и можно говорить о том, что два основных социальных полюса капиталистического общества — труд и капитал — оказались оторваны друг от друга. В современном глобальном мире мы имеем дело, по замечанию У. Бека, с «капитализмом без труда». Социальная система капиталистического рыночного общества, к которой Запад шел на протяжении двух столетий через тяжелейшие кризисы и потрясения, и которая воплотилась в обществе «массового благосостояния», в настоящее время поставлена под сомнение.

Для самих развитых стран Центра глобализация и деятельность ТНК оказывается неоднозначной по социальным последствиям. Рост доходов ТНК часто сопровождается сокращением рабочих мест за счет перевода предприятий в страны Полупериферии и Периферии. При этом институты социального обеспечения этих стран оказываются все менее и менее эффективны из-за того,

что мобильные и не имеющие четкой национальной и гражданской привязки субъекты глобальной экономики получили беспрецедентную возможность избавиться от налогового бремени.

У. Бек назвал глобальный капитализм «капитализмом без налогов», поскольку важнейший для обществ модернизировать институт налогообложения претерпевает принципиальные трансформации и становится все более фиктивным: «Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры — в третьей... Пикантность ситуации заключается в том, что именно самые богатые становятся *виртуальными налогоплательщиками...*»⁸. Бремя содержания развитой социальной инфраструктуры, поддержания традиционно высокого уровня культуры, обеспечения безопасности и т.д. ложится на *реальных налогоплательщиков* — на мелкие и средние предприятия, на частных лиц. Возникает конфликт между виртуальными и реальными налогоплательщиками: лидеры глобализации пользуются фактически бесплатно социальными и культурными достижениями высокоразвитых стран, которые оплачивает не глобализированное население, страдающее, вдобавок ко всему, от издержек глобализации вроде сокращения рабочих мест. По замечанию У. Бека, ирония новейшей истории состоит в том, что глобализацию вынуждены оплачивать те, кто от нее не выигрывает, а проигрывает: в Германии с 1979 г. доходы предприятий выросли на 90%, зарплата — на 6%; поступления от подоходного налога за последние десять лет выросли в два раза, а налоги с корпораций уменьшились в два раза и составляют лишь 30% общих налоговых сборов⁹.

В то же время, фактическая деконструкция института налогообложения в условиях глобализации принципиально меняет систему взаимоотношений хозяйствующего субъекта и государства. Контроль за налогами фактически означает не только возможности обеспечивать социальную деятельность, включая пособия безработным, здравоохранение, образование, культуру, науку, но и контроль за хозяйственной деятельностью в рамках определенной

⁸ Бек У. Указ. Соч., с. 15.

⁹ Бек У. Указ. Соч., с. 17.

территории. Отсутствие такого контроля означает, что хозяйственная деятельность превращается в автономную сферу, переходящую границы, утратившую связи с локальным социальным, национальным, политическим контекстом.

2.2. Финансовая глобализация и ее политические последствия.

Экономическая глобализация основывается на формирующемся мировом единстве рынка, финансовых и информационных потоков. «Пусковым механизмом», давшим старт как самой экономической глобализации, так и становлению ее идеологии (неолиберализма) послужил Вашингтонский консенсус, представляющий собой десять рекомендаций по реформированию мировой торговли, сформулированных в 1989 г. экономистом Дж. Вильямсоном, в числе которых налоговая дисциплина и налоговая реформа; минимизация общественных расходов; минимальные таможенные тарифы, способствующие экспорту; экспортная ориентация обменного курса валют в развивающихся странах; отказ от государственной регуляции промышленного развития; поощрение прямых иностранных капиталовложений; поощрение приватизации государственных предприятий; всемерная защита права частной собственности¹⁰.

Финансовые потоки и рынки ценных бумаг в конце XX в. стали утрачивать национальную принадлежность и ориентироваться на быстрое переливание средств в те регионы и сферы хозяйства, где обеспечивается максимальная прибыль (в противоположность традиционно ориентации на гарантии сохранения вкладов). Отказ США от золотого стандарта и введение плавающего курса доллара стал важной вехой в отрыве финансов от национального производства и их превращения в самодостаточную глобальную силу. Самостоятельный рынок валют и ценных бумаг превратил финансы в виртуальную экономику, воистину глобальную силу, качественно отличную от любой национальной финансовой системы и стремящейся ее под себя подмять.

¹⁰ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001, с. 15-16.

Глобальная доступность информации делает ее не только важнейшим ресурсом общемировой культуры, но и служит весьма эффективным препятствием для попыток изолироваться от глобальной экономики. Ф. Фукуяма в известной книге «Конец истории» писал: «Сегодня ни одна страна не может в подлинном смысле оградить себя от глобальных средств массовой коммуникации, от внешних источников информации; тенденция, получающая развитие в одном углу земного шара, быстро находит отклик в местах, отдаленных десятками тысяч километров. Страна, пытающаяся обособиться от глобальной экономики посредством отказа от внешней торговли и инвестиций зарубежного капитала, должна будет все же учитывать, что чаяния ее населения формируются знанием об условиях жизни и культурных достижениях внешнего мира»¹¹.

Экономическая глобализация имеет беспрецедентные политические последствия. Если в либеральном обществе классического модерна политика и экономика стремились к максимальной независимости друг от друга в рамках национальных государств, то теперь наметились иные тенденции. С одной стороны, экономические процессы легко переходят государственные границы и нарушают суверенитеты, транснациональные экономические акторы требуют максимальной открытости тех стран, где они видят свои интересы. С этой точки зрения они заинтересованы в том, чтобы вдохнуть новую жизнь в старую либеральную концепцию «минимального государства», не вмешивающегося в хозяйственную жизнь, не претендующих на ее регулирование или на протекционистские меры в отношении собственного, национального производства, не взимающего высокие налоги в целях обеспечения социального и культурного, научно-технологического, а тем более оборонного, потенциал. Эти притязания получили отражение в описанных выше рекомендациях «вашингтонского консенсуса». Таким образом, политические институты общества модерна — прежде всего государство, органы безопасности и др. — утрачивают прежнюю значимость. Политические партии из выразителей интересов различных социальных слоев общества и реального представительства становятся выразителями интересов различных финансово-

¹¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992, p. 12.

промышленных групп, транснациональных корпораций. Территориальная целостность и нерушимость границ как важнейший признак государства модерна в условиях глобализации оказывается поставленным под вопрос и существенно ослабленным, поскольку транснациональные экономические связи пронизывают пространство независимо от территориальных границ и не терпят на своем пути никаких преград, а если они возникают в виде, например, жесткой тарифной таможенной политики, то у глобальных акторов оказывается достаточно способов давления — как чисто экономического, так и политического, идеологического, общественно-гражданского и т.д. — на суверенные правительства в целях достижения собственных интересов. И в подавляющем большинстве случаев в национальных политических системах находятся деятели, представляющие интересы ТНК в противовес национальным интересам. Португальский писатель Ж. Сарамагу, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1998 г., в статье «Почему я поддерживаю антиглобалистов» отмечает, что экономическая глобализация представляет собой новую форму тоталитаризма: «Нельзя же всерьез говорить о демократии, когда реальная власть находится не в руках правительств, избранных гражданами, а у транснациональных монополий, которые никто не избирал»¹².

С другой стороны, У.Бек отмечает, что с экономической глобализацией связана «субполитизация» современных обществ, то есть «дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти за рамками политической системы, шанс, который во все большей мере получают предприятия, действующие на всем пространстве мирового общества»¹³. Политические роли обретаются акторами, которым они никогда ранее напрямую не были присущи: предприятиями и фирмами, налоговыми и аудиторскими институтами, пенсионными фондами, международными финансовыми и торговыми организациями и т.д. Для реализации собственных политических интересов у них уже нет необходимости обращаться к правительствам, парламентам, судебным и проч. органам легальной политической системы, а уж тем более —

¹² Сарамагу Ж. Почему я поддерживаю антиглобалистов // Россия в глобальной политике. Том 1. № 1, 2003, с. 177.

¹³ Бек У. Указ. соч., с. 14.

к мнению избирателей (которое, впрочем, в информационном обществе стало столь же легко манипулируемым, как и потребительское поведение).

Утрата значимости институтов налогообложения, социального обеспечения, национального государства приводит к тому, что снижается внутренний уровень социальной интеграции даже внутри благоденствующих социальных государств Европы¹⁴. Становится все меньше посредствующих звеньев внутри социальной системы, объединяющих бедных и богатых и обеспечивающих их диалог, согласие, взаимную легитимацию. Возникает специфическая форма разделения людей не только по привычным экономическому и социальному признакам, но и по принципу локального и глобализированного. В то время как бедные остаются привязанными к локальным экономическим и социальным пространствам и вынуждены вместе с ними переживать их деградацию, богатые свободно разрывают все локальные связи. Социально-экономическая система перестает быть единым целым, полюсами которого являются бедные и богатые, они, по выражению У. Бека, отныне «сидят за разными столами», и между ними становится все меньше и меньше связующих звеньев и возможностей коммуникации.

2.3. Социокультурные характеристики субъекта глобализации

Осмысление процессов, связанных с глобализацией, вызывает необходимость описания нового типа хозяйственного актора — «глобального экономического человека» (В главе 1 мы анализировали особенности понятий «экономического» и «хозяйствующего человека» применительно к разным типам хозяйствования). Этот новый тип, являющийся субъектом экономической глобализации, обладает как общими с «экономическим» и «хозяйствующим» человеком социокультурными характеристиками, так и принципиально новыми свойствами, делающими его исторически и социологически уникальным. Это объясняется тем, что субъект глобальной экономики связан с новым, виртуальным капиталом, движение и рост которого не связаны не только с

¹⁴ Бек У. Указ. Соч., С. 19, 102 и далее.

социальными, культурными, природными контекстами, но и с реальным производством. Более того, прибыль «глобального экономического человека» может извлекаться даже из деструктивной по отношению к реальной экономике и благосостоянию населения деятельности, например, из финансовых спекуляций, а также и из криминальных, деструктивных по отношению к обществу и культуре практик (торговли наркотиками, оружием и т.д.).

Участие «глобального экономического человека» в реальном производстве также носит специфический характер, обусловленный описанной нами выше трансформацией социально-экономических институтов в условиях глобализации, и в нем практически не остается черт трудолюбивого, заинтересованного, внимательного «хозяйствующего человека». Реальное производство уже не связано с удовлетворением потребностей людей и ростом их благосостояния, а представляет собой, как показал Ж. Бодрийяр, самодостаточный процесс, ориентированный на максимизацию прибыли. Предприятия перестают быть узлами социальной инфраструктуры и легко перемещаются в зависимости от инструментальной целесообразности, поэтому «глобальному экономическому человеку» не просто безразличен социальный и культурный контекст его деятельности. Он относится к нему с агрессивнопотребительским равнодушием кочевника, который имеет возможность в любой момент бросить дотла разграбленные и опустошенные земли и перебраться на новые. При этом для него особенно важно, чтобы локальные политические институты не были способны оказывать сопротивление проникновению на их территорию, чтобы не было социальных групп, которые могли бы эффективно противостоять такому проникновению, выражать и отстаивать собственные интересы, чтобы ценности локальных культур не предоставляли достаточных для нравственного сопротивления оснований.

2.4. Глобальная хозяйственная и деловая культура

Деятельность глобального экономического субъекта связана с формированием глобальной экономической и деловой культуры, находящейся в сложном и неоднозначном взаимодействии с локальными культурами. Для глобальной деловой культуры характерна оперативность и широкое использование информационных и телекоммуникационных технологий,

способствующих универсализации методов ведения делового предприятия, принятия решений, организации деловых связей, общность языка делового общения, которым стал английский и т.п. При совершении деловых операций электронные деньги начинают вытеснять другие их формы. На предприятиях и в офисах глобальных компаний структура, нормативная система, правила поведения персонала, стиль труда и общения, ритмы деловой активности и т.д. воспроизводятся во всех странах пребывания.

В основе деятельности транснациональных корпораций всегда лежит их собственная целерациональность и система целеполагания, их собственная институциональная структура, а также корпоративная этика и культура. Но их деятельность, осуществляемая вне государственной регуляции (а часто вопреки интересам конкретных государств), в то же время протекает в контекстах локальных обществ и их самобытных культур, специфических институтов. Вынужденные приспособляться к локальным контекстам, ТНК в то же время являются проводниками универсальных институциональных и этико-культурных систем, структур сознания и деятельности, не национальных, а глобальных по своей природе. Именно представители ТНК формулируют концепции «глобального этоса», возможного, с их точки зрения, как набора наиболее общих культурных и нравственных максим, норм поведения. Известный немецкий теолог и одновременно – член совета директоров корпорации «Кэнон» Г. Кюнг предолжил такой амбициозный этический проект, основой которого как раз провозглашается общее благо, терпимость, уважение к разнообразию, принимаемому в качестве значимого фактора экономической деятельности. Базовым принципом «глобального этоса», а точнее — глобальной этики бизнеса, является «приоритет общего блага», предпочтение более общих интересов и целей («всего мирового сообщества») частным интересам и целям — индивидуальным, групповым, национальным, предпочтение более общих прав и свобод частным правам и свободам¹⁵.

Под «частными» интересами, свободами, правами подразумевается специфика локального бытия во всей ее полноте и неповторимости, которая может использоваться ТНК, если оказывается инструментальной, а может и

¹⁵ Этос глобального мира, М., 1999, с. 112-113.

третироваться, и жестко отвергаться и репрессироваться, если оказывается помехой для достижения их целей. За формулировками «сообщество», «общие интересы», «общие права» формально стоит «человечество», «глобальное сообщество» — но каково их реальное содержание? Представляется, что их абстрактность и предельная широта ведут к тому, что фактически за ними стоят конкретные акторы глобальной экономики — сами ТНК с их интересами, правами и свободами, необходимыми для реализации прагматических целей. Таким образом, провозглашенная основой нового мирового этоса толерантность на деле предстает как толерантность локальных сообществ к деятельности транснациональных экономических субъектов. Они же сами оставляют за собой право быть толерантными к локальной специфике лишь тогда, когда это соответствует их интересам, и отвергать эту специфику как проявления «национализма», «фундаментализма», «тоталитаризма», «традиционности», «отсутствия свобод», «нарушение прав человека» и т.д., как только она начинает им мешать.

Что касается глубоких духовных оснований глобального этоса, здесь Г. Кюннг подчеркивает необходимость замены этики «идейных убеждений» этикой «ответственности»¹⁶. Что это означает? С точки зрения самого Кюннга, это осознание ответственности за общие судьбы человечества и признание моральной лишь деятельности в общечеловеческих интересах, к которым в первую очередь относятся экологические. Вот ради «выживания человечества» и надлежит отказываться от идеологических, религиозных, культурных и прочих ценностей, отказываться от своих выстраданных или унаследованных от предков убеждений, предавать идеалы. Ведь еще М. Вебер показал, что именно культуры как различные картины мира и способы его рационализации, определяющие образ практических действий, обуславливают фундаментальное разделение человечества. Именно убеждения и стоящие за ними ценности делают людей принципиально нетолерантными, неспособными поступиться принципами, принять навязываемые извне образцы.

¹⁶ Там же, с. 192.

Но какие альтернативы «этике убеждений» предлагаются в контексте глобалистской парадигмы? Ведь очевидно, что одной проповеди общего блага явно недостаточно.

Представляется, что наиболее реальную альтернативу «этике убеждений» может составлять лишь инклюзивная концепция культуры. Инклюзивизм предполагает способность той или иной социокультурной системы принимать в качестве легитимных иные (инокультурные) ценности, нормы, идеалы, включать их в собственную систему ценностей, не отказываясь от нее, а лишь ее расширяя. Концепции инклюзивизма возникли при попытке западных теоретиков осмыслить специфику некоторых восточных культур, в частности, индийской. Теперь делаются попытки по этому же принципу спроектировать и глобальную культуру — не просто как способность признать правомочность чужих ценностей, норм и идеалов и дистанцироваться от них, но и как способность включить их в собственную систему ценностей.

Реализация инклюзивного проекта глобальной деловой культуры предполагает ее четкое структурирование (как это наблюдается в устойчивых восточных, в том числе в индийской, культуре). Чтобы быть реально действенной, глобальная экономическая и деловая культура должна обладать более или менее стабильной иерархией ценностей, смыслов, поведенческих образцов, сфер бытия как отдельной личности, так и общества в целом. Разрушение иерархии ценностей, поведенческих образцов, смешение сфер бытия — например, перенесение меновых отношений из экономики в межличностные связи, мораль, искусство, образование и т.д., на самом деле не повышает, а снижает стабильность общества, делает его более конфликтным и менее плюралистичным, провоцирует негативные последствия глобализации.

§ 3. Глобализация и локальные хозяйственные системы.

Глобализация не исчерпывается формированием универсальной общечеловеческой культуры, в том числе и экономической. Она включает в себя и тенденцию усиления локальных культур и фактически предстает как

*глокализация*¹⁷ (термин, производный от слов «глобализация» и «локализация»). Глокализация представляет собой сложное явление, несущее в себе противоречивые тенденции. Во-первых, это неразрывная связь глобального уровня бытия и его локальных проявлений, значимость которых повышается; во-вторых, это противопоставление локального глобальному и обострение противоречий между ними.

3.1. Место локальных культур в глобализирующемся мире.

В мире реального хозяйства, то есть производства и потребления живыми людьми с их картинами мира, нравственными стандартами, традициями, нормами, стереотипами реальных товаров и продуктов, в отличие от «экономического» космоса движения меновых стоимостей и виртуальных финансовых потоков, локальная специфика всегда присутствует в качестве принципиально важной величины. Именно в сфере реального производства и потребления универсальные и обезличенные образцы получают конкретное воплощение. Глокализация как тенденция современного развития свидетельствует о том, что, во-первых, «общечеловеческие» ценности и образцы могут обретать бытие лишь в локальной форме, во-вторых, для обогащения совокупного опыта и прогресса человечества как единого сообщества ценен уникальный опыт локальных культур и жизненных миров. Именно здесь с наибольшей очевидностью раскрывается истинный смысл и значимость толерантности как ценности «глобального этоса» — способности продуктивно использовать многообразие мира, инклюзивистского умения превращать чужой позитивный опыт в собственное достояние и предпосылку для собственного творчества.

Рассмотрим подробнее перечисленные проявления глокализации.

В геоэкономической парадигме Север-Юг наблюдается перераспределение производственного потенциала человечества по новым принципам: из развитых стран Запада, где он был сосредоточен в период модерна, он перемещается на Восток и Юг, где инвесторы находят более

¹⁷ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001, с.92.

дешевую и в то же время уже достаточно квалифицированную рабочую силу. Соответственно, там же сосредоточена и значительная часть потребителей продуктов и товаров. Вместе с современными производствами по миру перемещаются не только производственные мощности и технологии, но и принципы управления, нормы деловой культуры, стереотипы поведения, стандартные ритмы жизни, воплощенные в продолжительности рабочего дня и чередовании труда и досуга и т.д. Именно в этом часто видят проявление глобализации. Однако реально производство в контексте локальной, специфической культуры неминуемо обретает особые черты, определяемые социокультурными качествами рабочей силы, сложившейся на протяжении многих столетий. Западные менеджерские технологии не применимы в условиях Востока и Юга без учета особенностей межличностных связей, специфики отношений вышестоящих и нижестоящих, исполнительской дисциплины, распределения ответственности, местной культуры труда, тщательности и качества выполняемой работы и т.д. Послевоенная модернизация Японии изначально протекала по заемным американским образцам, однако привела к выработке уникальной системы менеджмента. Трудоемкие производства в Южной Корее, Китае и Юго-Восточной Азии встраиваются в антропологический контекст «культуры риса», интеллектуальный потенциал древних индийской и китайской цивилизаций оказался широко востребован современной наукой, когда западное *ratio* уже не в состоянии выйти на новые познавательные горизонты.

Аналогично обстоит дело и с потребительским поведением. Продукты глобальных компаний — глобальные «бренды» — распространяются по всему миру, провоцируя унификацию потребительских и поведенческих стереотипов. Например, рестораны быстрого обслуживания «МакДональдс», «Кока-Кола» и проч. пользуются спросом во всем мире, от Америки до Австралии. В каждом новом регионе мировой бренд обретает собственное значение и по-своему адаптируется к местной культуре, занимает неповторимое место в структуре потребления: где-то в «МакДональдс» заходят просто быстро перекусить, а где-то посещают, чтобы «приобщиться» к западному образу жизни.

Таким образом, то, что рассматривается как «глобальная хозяйственная культура» и представляется почти безупречным примером универсальности

западных образцов хозяйствования, распространившихся по глобальным сетям на весь остальной мир, реально существует в формах конкретных, впитавших локальный колорит и специфику «глокальных» хозяйственных культур.

Другим аспектом описанной диалектики глобального и локального (глокализации) в современном мире является рост значимости локального опыта для человечества как целостного сообщества. Каждая мировая цивилизация и каждая этническая культура являются носителями ценнейшего опыта: или духовного восхождения на высшие ступени бытия, где осуществляется спасение — необходимое для человека надление всей его жизни высшим смыслом, соотнесение индивидуального и преходящего со всеобщим и вечным, или адаптации к конкретным условиям бытия, где раскрывается цветущее многообразие человеческой повседневности, богатство душевных, психологических, физических, экологических, художественных практик. Именно уникальность социокультурного опыта обеспечивает способность что-то внести в совокупную сокровищницу глобального сообщества — уникальные научно-технологические знания, политические институты, гражданские инициативы, духовные откровения, или просто оздоровительные методики, музыкальные ритмы или блюда национальной кухни. Этот аспект глокализации показывает, что в парадигме современного мироустройства нет «отсталых», лишенных значимого наследия, «ненужных», подлежащих «реконструкции» культур, каждая представляет собой вместилище ценного опыта.

Однако это признание значимости локального не должно переходить во фрагментацию мировой культуры, распадающейся на отдельные самодостаточные ячейки. Сущность глокализации состоит в признании взаимодействия, взаимопроникновения, взаимообогащения локальных культур, через которые проявляет себя совокупная культура человечества. Именно на этом пути возможно найти решения глобальных проблем, ответы на которые не знает западная цивилизация. Так, порожденную неумной активностью «фаустовского духа» западной цивилизации экологическую проблему, быть может, возможно решить или приблизиться к решению с позиций ненасильственных восточных культур, рассматривающих человечество и природу как единый органический Космос. Решение проблем психофизического

здоровья современного человека, измученного отчуждением и неприкаянностью больших городов, можно искать в традиционных оздоровительных практиках.

3.2. Противоречие глобального и локального в современном развитии

Глокализация в качестве «оборотной стороны» глобализации знаменует собой и противоречие между глобальным и локальным уровнями хозяйственной деятельности, при котором глобальный развивается за счет локального, а этот последний оказывает ему посильное сопротивление.

Глобализация не только разрушает прежние локальные уровни общности, но и вызывает разрушение локальных экономик и хозяйственных культур, деградацию рабочей силы, уничтожение уникального хозяйственного опыта под воздействием вторжения более мощных экономических акторов или включения в систему глобальных финансовых и производственных связей. Еще во времена Ост-Индской компании колониальное вторжение вызвало деформацию традиционных хозяйственных структур и производств Индии (массовое разорение ткачей и т.п.). Ответом был рост «индийского экономического национализма», который в начале XX в. вылился в активные, хотя и ненасильственные, кампании по защите местных производителей и бойкоту импортных товаров. Экономическое противостояние стало важнейшей частью национально-освободительной борьбы, а национальная буржуазия и мелкие производители — ее активными участниками.

На рубеже XX-XXI вв. разрушение локальных хозяйственных миров происходит по следующим основным векторам:

1) деградация и исчезновение уникальных традиционных хозяйственных укладов, неспособных конкурировать с технологически более оснащенными современными производствами, которые переносятся из развитых стран Центра на периферию;

2) структурная деформация локальных экономик вследствие их встраивания в глобальные экономические связи, приводящая к росту безработицы, потере наработанного технико-технологического потенциала. Эта

тенденция касается не только периферии и полупериферии мирового хозяйства, но и развитых стран Западной Европы, из которых выводятся производства в периферийные регионы с более дешевой рабочей силой. При этом приоритеты получают не те отрасли и производства, которые необходимы для сбалансированного развития местного хозяйства, повышения уровня жизни населения, а наиболее прибыльные для мирового экономического Центра;

3) периодические финансовые кризисы, провоцируемые играми крупных международных спекулянтов. От них также страдают не только растущие экономики полупериферии, но и развитые страны, как в 90-х гг. XX в. Япония и Великобритания;

4) усиление теневых и криминальных форм экономической активности, начиная от разного рода нарушений трудового законодательства, незаконных или полузаконных финансовых операций, «отмывания» денег и кончая такими прямо криминальными видами бизнеса, как торговля наркотиками, проституция и порноиндустрия, торговля органами и «живым товаром» и т.д.;

5) разрушение институциональных и социальных основ хозяйства, касающееся не только стран периферии и полупериферии, где происходит разрушение традиционных межличностных связей, отношений солидарности, взаимной поддержки и защиты, но и развитых стран Центра, из которых вместе с рабочими местами в более дешевые регионы «уходят» и налоги. Открытость мирового экономического пространства позволяет актерам крупного бизнеса размещать производство и платить налоги в наиболее «дешевых» регионах, но при этом покупать недвижимость, вкладывать средства, жить, давать образование детям там, где существует более развитая и стабильная социальная и культурная инфраструктура, фактически ничего за это не платя. При этом население развитых стран — по преимуществу Западной Европы — не только лишается рабочих мест и финансовых поступлений, но и само вынуждено нести более тяжелое налоговое бремя ради сохранения привычного (и столь привлекательного для других) уровня безопасности, социального обеспечения, культуры.

6) разрушение локального единства социума, объединяющего бедных и богатых как два полюса социально-экономической иерархии. При этом богатые образуют транснациональный класс, единый как в принадлежности к

глобальным социально-экономическим институтам — ТНК, международным организациям, так и в образе жизни, обусловленном высоким уровнем доходов. Именно богатым становятся доступны блага, представляемые процессом глобализации: информация, высокая мобильность и доступность перемещений по всему миру, современные виды услуг и т.д. Бедные же оказываются привязанными к локальным социально-экономическим пространствам, из которых уходят прежние социальные блага и рабочие места, следовать за перемещением которых реально они не в состоянии. Если в период становления капитализма бедные из разоряющихся деревень уходили в город на фабрики и заводы, то в период глобализации фабрики и заводы уходят из одних регионов мира в другие, где используют местную, более дешевую рабочую силу.

7) деградация эндогенных хозяйственных культур, которая происходит вследствие вторжения «глобального экономического человека» и его специфического, ориентированного на чистую и максимальную прибыль, рационализма. Вторгаясь в пространство самобытных, но ослабленных цивилизаций Юга, глобальная хозяйственная культура не столько «подтягивает» до своего уровня, сколько оказывается фактором, ускоряющим деградацию собственных духовно-этических основ хозяйственной деятельности.

Самобытные хозяйственные культуры и традиции деловой этики, содержащие необходимые для общества ценностные ориентации и нормы деятельности, предполагающие веками налаженные формы взаимоотношений в хозяйстве, вытесняются в сферы «архаичных» локальных укладов, третируются как «вечно вчерашние» и под этим предлогом подменяются «передовыми» ценностями и нормами индивидуализма, достижения, целерациональности и потребительства. В результате все большая часть экономической элиты стран мировой периферии оказывается втянутой в глобальные экономические связи, действуя при этом не в интересах своих национальных экономик, а обслуживая потребности Севера. Национальная буржуазия, когда-то бывшая оплотом антиколониальной борьбы, носителем национального самосознания, превращается в «чужой класс», который «и по

тому, как он распоряжается капиталом, и по своей социокультурной ориентации во многом принадлежит другой цивилизации»¹⁸.

В контексте самой хозяйственной этики все больше перестают цениться и обращать на себя внимание собственно моральные нормы, ограничивающие погоню за наживой в пользу социокультурных ценностей — солидарности, учета общих интересов, честности, достоинства. Зато утверждаются представления о том, что экономическая эффективность сама по себе является ценностью и оправдывает любые безнравственные и деструктивные для общества последствия. Это оказывается важным этическим подспорьем для периферийных участников глобальных связей, поскольку в контексте финансовой постэкономики, противостоящей экономике производства, вид и формы деятельности не имеют значение, если она приносит высокие прибыли. Таким образом наиболее прибыльными оказываются нехитрые «специальности» периферийных дельцов, сводящиеся, в основном, к распродаже накопленного предыдущими поколениями достояния, да к импорту дешевого ширпотреба (если он, конечно, конкурентоспособен на местных рынках. В России начала 90-х импорт ширпотреба и дешевых продуктов был весьма прибыльным делом, разорившим отечественных производителей, а вот в Китае местные продукты и товары массового потребления сохранили позиции на внутреннем рынке и начали успешную экспансию во вне).

Таким образом происходит «взламывание» цивилизационных основ хозяйственной жизни западных обществ через механизмы финансовой постэкономики. Но вместе с ними подвергается более или менее интенсивному разрушению и социокультурная система в целом: добродетель провозглашается уделом «вчерашних», солидарность — главным препятствием на пути «прогресса», ответственность игнорируется в угоду максимизации прибылей. Как констатировал Б.С. Ерасов, «необходимость «вхождения в мировую цивилизацию» с «эффективной экономикой и финансовой системой» оборачивается явлениями, определяемыми как «неоархаизация»,

¹⁸ Ерасов Б.С. Глобальный хаос и криминал как продукт крушения цивилизационного устроения // Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного периода. М., 2001, с. 107.

«деиндустриализация», «деградация», «антиразвитие», «формирование мирового андерграунда», «антиистория», «антицивилизация» и т.д.»¹⁹

Толерантность как культурная и нравственная установка «глобального этоса» в контексте этих деструктивных тенденций получает особенный, зловещий смысл: под вывеской плюрализма ценностей и стереотипов поведения утверждается вседозволенность, терпимость и инклюзивное принятие другого превращается в попустительство откровенно аморальным и асоциальным практикам. Принятая в парадигме постмодерна рядоположенность ценностных и моральных стандартов, уже известная нам в ипостаси отказа от «этики убеждений», лишает общество возможности применить не только чисто правовые, но и моральные репрессии в отношении тех, кто подрывает его основы. Напротив, образуется целый хор, по выражению Б.С. Ерасова, «апологетов криминала», предлагающий разные формы оправдания деструктивных форм деятельности, которым приписывается и смелая инициатива, и инновационность, и независимость от традиционных институтов и норм... Происходит романтизация и героизация «сильной личности» теневого дельца, вседозволенность намеренно путается со свободой, под вывеской «прав человека» на самореализацию и творческую активность утверждается анархия. Те же, кто жестко критикует аморальные и асоциальные практики, кто пытается принять меры против разрушительных для общества и культуры форм деятельности, клеймятся как «ретрограды», «традиционалисты», а то и противники прогресса, свободы и прав человека. В таком контексте именно защитники морали и устоев общества выглядят наиболее «нетолерантными», поскольку демонстрируют нежелание признать легитимными устремления «сильных личностей» к неограниченной власти за счет попрания жизненных интересов других людей, к богатству за счет ограбления «слабых» и «неспособных», «самореализации» ценой отказа от нравственных и эстетических идеалов.

Наиболее опасным последствием разрушения локальных социокультурных и хозяйственных образований в условиях глобализации и является рост фундаменталистских — религиозных, националистических и т.д.

¹⁹ Там же, с. 116.

— тенденций, которые в начале XXI в. стали приобретать все более экстремистский и насильственный характер. Международный терроризм стал все чаще интерпретироваться как «война бедных против богатых», принявшая новые формы вместо традиционных форм классовой и социальной борьбы.

§ 4. Глобализация и глобальные проблемы человечества. Альтернативные модели глобализации.

Важнейшей проблемой, принципиально влияющей на облик современного общества, его хозяйственной культуры, является состояние окружающей среды. Человечество уже не может развивать экономику, с прежней интенсивностью черпая ресурсы из природы и оказывая прежнее давление на нее. Экологическая проблема является во истину глобальной, поскольку, во-первых, она так или иначе затрагивает жизненные интересы всего человечества, во-вторых, ее реальное решение возможно лишь в глобальном масштабе, в-третьих, современные проявления экологического кризиса структурированы в соответствии с глобальной системой мироустройства Центр—Периферия: экологический кризис провоцируется развитым Центром, а его негативные последствия сказываются прежде всего на качестве жизни Периферии.

Экологическое сознание стало важнейшей составляющей современного общественного сознания. Ее принципиальное отличие от индустриальной модернизации состоит в том, что 1) острота экологической проблемы достигла объективно критического уровня, 2) экологические ценности стали неотъемлемой частью общественного сознания, что отразилось в хозяйственной и конфессиональной культуре, 3) возникли реальные предпосылки для перехода к экологически безопасным производствам не только за счет развития технологии, но благодаря изменению самой философии экономического развития, основу которого должны составить не природные ресурсы, а творческий потенциал человека.

Истоки экологического кризиса следует искать в специфике культуры модерниста на Западе. В рамках индустриальной модернизации человечество долгое время наращивало свой промышленный, потребительский, а также и оборонный потенциал, не задумываясь о том вреде, который наносится природе. Причиной этому послужило не только технологическое несовершенство производства, но и в первую очередь — отношение к природе, обусловленное культурными ценностями западной цивилизации. Как показал М. Вебер, активная мирская аскеза протестантизма (который исповедовался в ведущих индустриальных странах, внесших наибольший «вклад» в загрязнение окружающей среды) предполагала деятельность по преобразованию мира. Человек, считающий себя орудием Бога, полагал возможным и даже необходимым любое вмешательство в природные процессы, насильственно преобразовывал природу во имя своих целей и долгое время не задумывался о последствиях. Наряду с Реформацией, гуманистический пафос Просвещения и проповедуемая западными мыслителями вера в Человека и его неограниченные возможности также поощряли неограниченное вмешательство в природу, ресурсы которой казались неисчерпаемыми.

Столь же губительными для природы оказались и установки коммунистической идеологии (западной по своему генезису) на преобразование окружающей среды «в интересах человека» и в целях создания «материальной базы коммунизма». Изменение русла рек, затопление пойменных земель искусственными морями, распашка целины, бездумное уничтожение лесных богатств и т.д. стали трагическими результатами не только необдуманного и неграмотного хозяйствования, но и представлений о неограниченных «созидательных» возможностях человека.

С середины XX века загрязнение атмосферы, рек и мирового океана, гибель животных, растительности и целых природных комплексов (гибель Аральского моря в СССР, лесов в Западной Европе и США, угроза опустынивания и т.д.), губительная для здоровья загазованность больших городов, вредные выбросы многих производств, парниковый эффект, загрязнение химикатами продуктов питания и т.д. сделали дальнейшее насилие над природой реальной угрозой для существования человечества. В это же время стала очевидной и ограниченность природных ресурсов, не только нефти,

угля и металлов, но и таких, казалось, неисчерпаемых, как пресная вода и кислород.

Однако проблема состоит в том, что общая потребность в чистой окружающей среде часто вступает в противоречие с интересами производства и бизнеса. Для эффективного решения экологической проблемы в глобальных масштабах (а ее можно решить только так) необходимо изменение ценностных ориентаций, стереотипов и норм поведения в отношении природы. Необходим переход от стереотипа насильственного преобразования к стереотипу гармонии, сохранения, ненасилия. Наряду с крупномасштабными производственно-техническими проектами постепенно в сознание общества внедряется представление о «красоте малого», ренессанс мелкого и среднего экологически безопасного производства соответствует императивам экологической культуры постиндустриального общества.

Необходимость решения экологической проблемы заставляет Запад все чаще обращаться к философским и религиозно-культурным традициям Востока, где гармония человека с природой, восприятие его как части природы, а не ее вершины, сформировала ненасильственное отношение к окружающей среде. Не зная преимуществ опасных для окружающей среды технологий и отрицая безудержный рост потребления, многие восточные идеологии, например, гандизм или «буддийская экономика» Е. Шумахера, призывают предпочесть сознательное ограничение потребления насилую над природой. Познание природы и деятельность человека рассматривается в контексте восточных традиций не как покорение природы во имя утилитарных или даже высших гуманных целей, а как раскрытие ее собственных потенциалов, неразрывно связанное с самосовершенствованием человека.

Одной из наиболее значимых общих экологических теорий стала концепция устойчивого развития (*sustainable development*) как особого состояния взаимодействия социума и природной среды, в основе которого лежит стратегия экологической безопасности, обеспечение которой возможно только на базе долговременного экономического роста и формирования экологической культуры как важнейшей составляющей гуманизации общества. Устойчивое развитие предполагает комплексный и многоаспектный процесс, обеспечивающий стабильный рост социоприродной системы, не нарушающий

ее безопасности и приводящий к повышению качества жизни как настоящих, так и будущих поколений²⁰. Концепция устойчивого развития предполагает принятие экологических показателей в качестве критерия эффективности производственного предпринимательства, ориентацию жизнедеятельности общества на природные циклы, духовную переориентацию человека. Все это в конечном счете должно обеспечить, по мнению теоретиков, переход индустриальной цивилизации к инвайроментализму как качественно новому состоянию системы природа-человек²¹.

Однако, несмотря на создание плодотворных теоретических подходов, разработку экономических, технологических, правовых методик экологической защиты реальное решение экологической проблемы в конце XX века осуществляется на уровне теории «золотого миллиарда». В ней отражается современное состояние модернизационного и постмодернизационного проектов, их практическое воплощение на уровне парадигмы мирового развития. Согласно теории «золотого миллиарда», если экосистема планеты не может выдержать распространения западных стереотипов потребления и уровня жизни на все человечество, следовательно, то они должны остаться привилегией лишь обитателей высокоразвитых западных стран. Из теории «золотого миллиарда» следует, что основная тяжесть социальных последствий спровоцированного сверхразвитием Запада экологического кризиса ложится на слаборазвитые страны Востока, Африки, Латинской Америки, а в значительной степени и на Россию, которые стечением экологических и историко-политических обстоятельств оказываются лишенными возможности повышать уровень жизни, вынуждены довольствоваться «срединными технологиями» (Е. Шумахер²²) и полутрадиционным уровнем и качеством потребления. Необходимо также иметь в виду, что наметившееся в последние годы XX в. существенное улучшение экологии в развитых странах Западной Европы и в

²⁰ Айзатов Ф.А. Устойчивое развитие как особое состояние взаимодействия социума и природы (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филос. н.). Саранск, 1999, с. 20-21.

²¹ См.: Цивилизованный бизнес как фактор устойчивого развития России. М., 1999.

²² См.: Schumacher E. Small is Beautiful. A Study of Economics as if People Mattered. L., 1975.

США обеспечивается не только высокотехнологичными экологическими производствами, строгим природоохранным законодательством и ростом экологического сознания, но и вынесением экологически грязных производств в страны с менее развитой экономикой и большой потребностью в рабочих местах, что стало возможно в условиях возможным в условиях формирования глобального разделения труда и контролем над ним со стороны транснациональных корпораций. Наконец, богатые страны Запада могут себе позволить осуществлять захоронение и переработку вредных отходов производств (например, отработанного топлива АЭС) в странах (в том числе и в России!), остро нуждающихся в дополнительных валютных поступлениях. Кроме того, экономически развитые страны далеко не адекватно оплачивают используемые ими природные ресурсы: согласно подсчетам, только ориентировочная стоимость кислорода, производимого «легкими планеты» (лесами бассейна Амазонки и Центральной Африки) и безвозмездно потребляемого промышленной цивилизацией, составляет десятки миллиардов долларов ежегодно, и переход к справедливому учету подобных реалий (например, введению биосферной ренты) может оказать шоковое воздействие на современную глобальную экономику, по масштабам сопоставимое с нефтяным кризисом 70-х годов²³.

Становится очевидным, что равномерное распределение между всеми субъектами мирового хозяйства тягот экологического кризиса резко подорвало бы не только экологию, но и экономику благополучного Запада, и уже этот факт ставит под сомнение радужные прогнозы относительно возможности решения экологической проблемы в современном обществе даже при опережающем развитии «информационной экономики». Кроме того, ситуация с глобальным экологическим кризисом отражает общую систему современных мировых связей, новую глобальную парадигму мирового экономического развития и соответствующих ему политических реалий, изменение которой в настоящее время не представляется возможным.

²³ Неклесса А.И. Россия в новой системе координат — цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996, С. 61.

В то же время, насущность глобальных проблем, стоящих перед *всем* человечеством, ставящих под вопрос *общее* благополучие и само будущее, заставляет обращаться к поискам *альтернативных вариантов глобализации*. Их можно разделить на два типа. Во-первых, геополитические и экономические проекты, воплощение которых можно реально противопоставить современной парадигме глобализации. Это, например, предлагаемый У. Бекком проект европейской региональной интеграции: «Из ловушки глобализации нет национального выхода. Но есть, пожалуй, выход транснациональный. Транснациональная совокупность государств масштаба Европейского Союза могла бы восстановить приоритет политики, восстановить демократически контролируруемую общественно- и экономико-политическую способность действий для кооперирующих стран. ... Настоятельно необходимо ввести социальные и экологические минимальные стандарты. И это должно делаться не из протекционистских соображений, а для преодоления европейской двойной морали, когда люди в других странах не защищены в отношении того, что в Европе дефинировано и защищается как человеческое достоинство. Политике дерегулирования транснациональных государств нужно бы противопоставить требование *ререгулирования*, введения новых социальных и экологических стандартов»²⁴.

Во-вторых, философские, культурные, нравственные проекты, ориентированные на противопоставление экономическому и политическому глобализму, чреватому социальными, культурными, экологическими катастрофами, возвращения духовного и нравственного, гуманитарного измерений в базовые парадигмы международных отношений. Этому духовному возрождению единого глобального человечества должен способствовать возврат к ценностям мировых религий, к достоянию великих цивилизаций²⁵.

²⁴ Бек У. Указ. Соч., с. 272.

²⁵ См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002, гл. 15; Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003, гл. 9.

Тема 8. Социологический анализ предпринимательства.

Становление социологии предпринимательства: А.Смит, Р.Кантильон, Ж.-Б.Сэй, Ж.Тюрго, немецкая историческая школа о предпринимательстве как экономическом и культурно-историческом явлении. К. Маркс о социальном облике предпринимателя.

Исторические типы предпринимательства: традиционное, авантюристическое и капиталистическое. Вклад М.Вебера в социологию предпринимательства: исследование особенностей становления капиталистического предпринимательства и его “духа”. В.Зомбарт о составляющих “капиталистического духа”: “предпринимательское” и “мещанское” начала, их историческая динамика.

Социальные функции и роли предпринимательства: собственник; капиталист; организатор производства; труженник; несущий бремя риска; инноватор. Концепция предпринимательства Й.Шумпетера. Бюрократизация предпринимательства.

Социальные измерения предпринимательства. Мелкое (“народный капитализм”) и крупное предпринимательство. Предпринимательская активность религиозных и этнических меньшинств. М.Вебер о протестантских сектах и причинах предпринимательской активности религиозных меньшинств. Предпринимательская активность старообрядцев и сектантов в России. Региональные особенности предпринимательства. Религиозные, этнические и региональные особенности предпринимательства в переходных обществах.

Особенности становления и развития предпринимательства в разных цивилизациях и регионах мира. Предпринимательство в условиях глобализации.

Предпринимательство выходит за рамки хозяйственных функций и ролей и представляет собой социальный и культурный феномен со своей историей и цивилизационной спецификой. Его можно рассматривать не только как экономическую категорию, фактор производства или метод хозяйствования, но и как совокупность социальных групп, профессию, образ жизни, систему ценностей, явление культуры, идеологию и т.д. Понятие предпринимательства

включает в себя следующие свойства и предполагает такие функции, как владение капиталом; ориентация на прибыль; организация и управление производством; комбинирование факторов производства; действия в условиях экономической свободы и самостоятельности; принятие риска; ответственность; готовность к конкуренции; инициатива, творчество, инновации.

Таким образом, предпринимательство можно определить как свободную экономическую деятельность в условиях конкуренции, связанную с риском и ответственностью, направленную на извлечение прибыли из осуществления производственных, организационных и рыночных инноваций¹.

Социология хозяйственной жизни изучает социальные функции и роли предпринимательства, его социальный состав и характеристики, социальную и культурную среду, в которой формируется и работает предприниматель, его мотивации (экономические и внеэкономические), образ жизни, системы ценностей, идеологию, формы и тенденции взаимодействий с другими социальными группами и многие другие проблемы.

§ 1. Становление теории предпринимательства в европейской общественной мысли XVIII—XIX вв.

Становление теории предпринимательства связано с британской политэкономией и европейской историко-культурной и экономической традицией.

Для британской политэкономии, наиболее заметным представителем которой был *А.Смит*, было характерно акцентирование внимания на экономической роли предпринимателя — владельца капитала и работодателя, на источнике получаемого дохода — прибыль на вложенный в дело капитал, на рациональности и утилитарности его деятельности в целом.

Европейская континентальная общественная мысль, в основном французская и немецкая, рассматривала предпринимательство в более широком

¹ Галаган А.А. От купца до банкира. М., 1997, с. 10.

социальном контексте. *Р. Кантильон* (которому принадлежит и сам термин «предпринимательство») уже в XVIII в. увидел за рыночным хозяйством *сеть* взаимных обменов, в которых предприниматель выполнял роль посредника, несущего бремя риска и неопределенности. Он относил к предпринимателям не только собственников, но вообще всех, кто не имеет стабильного дохода и вынужден постоянно заботиться о нем — наряду с купцами, спекулянтами, организаторами производств в эту категорию попадали и разбойники, бродяги, а также лица свободных профессий.

Ж.-Б. Сэй также видел в предпринимателе не представителя определенного социального класса, а любого агента материального производства, практически применяющего свои знания и навыки с целью создания материальных ценностей, универсального посредника, связывающего между собой разных субъектов хозяйства — производителей и потребителей, землевладельцев и фабрикантов и т.д. Он жестко не связывает предпринимательство с извлечением прибыли и накоплением капитала, приписывая ему главным образом организаторские и административные функции. Но условием любой предпринимательской деятельности Сэй считал незыблемое право частной собственности.

Таким образом, изначально предпринимательство изучалось как общечеловеческий феномен, присущий любым социальным и хозяйственным системам.

Создание наиболее ярких концепций капиталистического предпринимательства и его уникальной культуры, формирования нового типа человека, нового менталитета и картины мира связано с именами *К.Маркса*, *М.Вебера* и *В.Зомбарта*. Эти мыслители, стоящие у истоков современной теории капитализма, раскрыли с различных мировоззренческих, методологических и идеологических позиций специфику экономической и социокультурной системы западного капиталистического общества.

Прежде всего, для них характерно признание того факта, что капиталистическая рыночная экономика и феномен капиталистического предпринимательства является уникальным в истории человечества явлением, которому соответствует уникальный тип личности и уникальная

социокультурная система. В этом сходятся взгляды К.Маркса, В.Зомбарта и М.Вебера, хотя сущность экономической и социокультурной системы капитализма, ее отличия от добуржуазных и незападных цивилизаций, а также генезис они понимают по разному.

Предпринимательство докапиталистических обществ *М. Вебер* и *В. Зомбарт* называют традиционным. Под традиционализмом социологи понимают такой строй мышления и образ действия, при котором человек ориентирован на воспроизводство своего устоявшегося образа жизни и не стремится его изменить; работает лишь для того, чтобы удовлетворить свои привычные потребности и не стремится заработать сверх необходимого для этого: «хозяйственная жизнь в докапиталистическую эпоху действительно находилась под воздействием принципа покрытия потребностей» (Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 15).

В добуржуазных обществах также существовали крупные предприятия - например, плантации, каменоломни, мастерские и т.п., в которых применялись вполне рациональные методы организации труда, достижения рентабельности, подсчета прибыли. Однако М.Вебер не рассматривает их как капиталистические. В чем он видит отличия? В том, что их целью являлось удовлетворение реальных потребностей (в том числе и потребности в богатстве), а не развитие производства как такового, самого по себе. Они еще были ориентированы на удовлетворение конкретных вещественных или социальных потребностей людей, значит, носили традиционный характер. Предприятие еще не было как физически, так и по принципам организации отделено от домашнего хозяйства, а используемая рабочая сила организовывалась на основе личной зависимости, внеэкономического принуждения.

Докапиталистическое предпринимательство связано с тем типом стремления к богатству, к наживе, который существовал всегда и во все времена и основывался на присущей самой природе человека «жажде золота»:

«"Стремление к предпринимательству", "стремление к наживе", к денежной выгоде, к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у

официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих...»².

Поэтому предпринимательские способности в докапиталистических обществах проявляются в первую очередь не в сфере хозяйства, которое целиком подчинено практическим потребностям людей: «всякая страсть к наживе, всякая жажда денег стремится к удовлетворению за пределами процесса производства благ, транспорта благ и даже большей частью и торговли благами. Люди бегут в рудники, копают клады, занимаются алхимией и всякими волшебствами, чтобы добыть деньги, потому, что их нельзя добыть в рамках обыденного хозяйства»³.

Для высших сословий традиционного общества рациональная хозяйственная нажива считалась недостойным занятием, столь же не соответствующим их социальному статусу, как и бережливость. Управление имениями редко интересовало благородных рыцарей и, как правило, перепоручалось управляющим, старостам и т.д. Часто возникающий вследствие установки на расточительность дефицит возмещался не за счет хозяйственных усовершенствований, а путем увеличения поборов с крестьян, а порой прямого разбоя и грабежей. Такое «предпринимательство» часто принимало формы насилия, обмана и спекуляций. В интерпретации В.Зомбарта это было проявлением "предпринимательского духа", носителями которого выступали разбойники и пираты, феодалы, крупные спекулянты.

Добуржуазный предприниматель, согласно В. Зомбарту, это организатор, завоеватель, торговец в одном лице. И в Европе на пороге Нового времени, и в Азии первопроходцами, путешественниками, раздвигающими пределы привычного мира, были купцы, отправляющиеся на поиски неизведанных сказочно богатых стран. Так европейцы проникали в Азию и Африку, так была открыта Америка. В то же время, купеческие экспедиции часто были не только связаны с риском разбойных и пиратских нападений, но и сами предполагали наживу путем насилия. Для коренных жителей Нового Света и многих стран Востока и Африки торговые предприятия европейских купцов обернулись не

² Вебер М. "Протестантская этика и "дух капитализма"" // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. с. 47.

³ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 15.

только ограблением, но и безжалостным геноцидом. Восточные купцы также следовали за войсками завоевателей. Одним из самых доходных предприятий, основанных на насилии и разбое, была работорговля, являвшаяся источником обогащения не только отдельных лиц, но и целых государств.

М.Вебер называл традиционное предпринимательство *авантюристическим*: «Представители такого рода предпринимательства — капиталистические авантюристы — существовали во всем мире. Их шансы на успех (вне торговых, кредитных и банковских операций) либо носили обычно чисто иррационально-спекулятивный характер, либо были ориентированы на насилие, прежде всего на добычу; эта добыча могла извлекаться непосредственно в ходе военных действий или посредством длительной фискальной эксплуатации государственных подданных»⁴. М.Вебер подчеркивал иррациональный характер авантюристического предпринимательства как его самую яркую особенность: это стремление к сиюминутной выгоде, а не к рациональному постоянному ведению дела, к обогащению и изъятию денег из хозяйственного оборота, а не к его методичному расширению.

Авантюристическое предпринимательство не уходит в прошлое вместе с традиционными обществами, но продолжает существовать и в самых развитых странах наряду с рациональным производственным капиталистическим предпринимательством. Разница в подходах к нему М. Вебера и В. Зомбарта состоит в том, что М. Вебер выводит его за рамки «капитализма», а В. Зомбарт считает важнейшей составляющей самого «капиталистического духа».

В целом традиционное хозяйство, ориентированное на потребление и привычный образ жизни, воспроизводство стабильных социальных связей, на "уверенный покой" противопоставляется социологами капиталистическому предпринимательству как бесконечному, имеющему цель лишь в себе самом накоплении и расширении производства. Такое стремление к прибыли не ограничено естественными потребностями человека и далеко превосходит пределы не только обычного, но и престижного потребления.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и "дух капитализма" // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 50.

В. Зомбарт считает, что до XVIII в. капитализм еще «стоял на ногах», то есть был соразмерен нуждам и потребностям живых людей и, соответственно поддавался нравственной и религиозной регуляции. После XVIII в. он «встает с ног на голову», то есть «живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: нажива и дело. Человек, следовательно, перестал быть тем, чем он оставался до конца раннекапиталистической эпохи, — мерой всех вещей»⁵. Сущность позднего, зрелого капитализма составляет рациональное стремление к развитию дела, никак не связанное с реальными потребностями людей, ориентированное на самого себя. Предпринимательство приобретает вид самоценной деятельности, вызывающей у В. Зомбарта аналогию с «дурной бесконечностью».

К.Маркс первым обратился к исследованию феномена капиталистического предпринимательства, связанного с извлечением прибавочной стоимости и эксплуатацией наемных работников. Маркс рассматривал разные роли, выполняемые представителями класса капиталистов в процессе производства: «Тот, кто применяет капитал, даже если он работает с собственным капиталом, распадается на два лица: простого собственника капитала и лицо, применяющее капитал; сам его капитал по отношению к приносимым им категориям прибыли распадается на капитал-собственность, капитал вне процесса производства, сам по себе приносящий процент, и на капитал в процессе производства, который, как капитал, совершающий процесс, приносит предпринимательский доход»⁶.

Предприниматель соединяет в себе функции собственника капитала, субъекта присвоения прибавочной стоимости и организатора производства, и в этой последней своей ипостаси он близок к наемному работнику: «Промышленный капиталист, в отличие от собственника капитала, выступает поэтому не как функционирующий капитал, а как лицо, функционирующее даже помимо капитала, как простой носитель труда вообще, как работник, и притом наемный работник»⁷.

⁵ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 131.

⁶ Маркс К. Капитал. Т.3, Кн. III. М., 1970, с. 412.

⁷ Там же, с. 420.

Таким образом, Маркс уже намечает различия между владением собственностью, присвоением прибыли и организацией производства, которые будут играть весьма важную роль в условиях преобладания акционерного и корпоративного капитала и «революции менеджеров» в середине XX века.

На рубеже XIX-XX вв. социологи стали приходить к выводу об исторической и социокультурной уникальности того типа предпринимательства, который сложился на Западе в новое время и о его принципиальном отличие от того предпринимательства, которое существовало в любом обществе и во все эпохи.

§ 2. Мировоззренческие предпосылки капиталистического предпринимательства в работе М.Вебера «Протестантская этика и дух капитализма».

М.Вебер, подобно К.Марксу и В.Зомбарту, считает капиталистическое предпринимательство в том виде, в котором оно сложилось на Западе в Новое время, уникальным историческим явлением и принципиально новой ступенью развития хозяйственной жизни.

В «Протестантской этике» М.Вебер обосновывал противоположность капитализма и всех некапиталистических, или, как он их называл, традиционных обществ и систем ценностных ориентаций. Он писал: «Первым противником, с которым пришлось столкнуться "духу" капитализма и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в "этическом" обличье, был тип восприятия и поведения, который может быть назван традиционализмом»⁸. Под традиционализмом понималась ориентация хозяйственной деятельности на потребление и стремление к воспроизводству устоявшихся стереотипов хозяйствования.

⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1991, с. 80.

Но что именно послужило толчком к формированию принципиально новых и с традиционной точки зрения абсолютно нелогичных установок на наращивание прибыли с целью инвестиции, расширение дела без потребительского использования капитала, на рациональное долгосрочное планирование вместо краткосрочных сверхприбыльных операций с последующим извлечением средств из оборота?

На основе социологических исследований, проведенных в Германии в начале XX в., М. Вебер пришел к заключению, что среди протестантов процент активных предпринимателей больше, чем среди католиков. В работах, посвященных исследованию Востока («Конфуцианство и даосизм», «Индуизм и буддизм»), М. Вебер сравнил уровень развития европейских и азиатских обществ на рубеже Нового времени. Он пришел к выводу, что в период, предшествующий интенсивному развитию капитализма, его материальные — экономические, технологические, демографические и т.д. — предпосылки были примерно одинаковы в Европе и Азии, а вот духовная жизнь, определяемая религиями, отличалась очень существенно. Вебер предположил, что причины возникновения капитализма следует искать духовных и мировоззренческих системах, и обратился к анализу влияния на него протестантизма.

М. Вебер подчеркивает, что все особенности протестантизма вытекают из христианского представления о Боге как абсолютно трансцендентном, персонифицированном, активно вмешивающемся в земные дела, карающем и спасающем по собственному произволу Творце мира. Сотворив мир из ничего, Бог задает его законы, а вместе с ними и этические нормы человеческого общения, образующие в целом представление о богоугодном, праведном образе жизни. С этой точки зрения, как М. Вебер неоднократно подчеркивает, христианская, в том числе и протестантская этика рационализирует образ жизни верующих в целом, поскольку упорядочивает его и подчиняет единым нормам, ориентирует на единые цели.

Описанные выше религиозно-философские представления определяют господствующие представления о сущности человека и его бытия. Христианин наделен бессмертной душой, но жизнь дается ему всего один раз, и в течение этого ограниченного, неизвестного никому и predeterminedного свыше отрезка времени человек может заслужить как спасение и вечное блаженство, так и

погибель и вечные муки. Жизнь человека, его индивидуальное уникальное существование имеют в христианстве абсолютную этическую и сотериологическую (душеспасительную) ценность, ибо душа вечна, бессмертна, и то, как мы проживем эту временную жизнь, определяет последующую вечность.

Важнейшей особенностью христианской, особенно протестантской религиозной этики М.Вебер считал абстрактный характер ее ценностей и норм. Существует понятие блага, добра, праведного образа жизни и т.п., которым противостоит представление о грехе, радикальном зле, которое также абстрактно. Всеобщее подчинение верующих, равных по своим этическим качествам, трансцендентному Богу и абстрактным этическим нормам создает, по мнению М.Вебера, социально-психологические предпосылки для утверждения в обществе формального равенства людей перед законом и безличных юридических отношений. Товарное хозяйство, а в особенности капиталистическое предпринимательство, равно как и политическое устройство общества, основанное на формальной правовой регуляции, исходит из безличных отношений между индивидами, выступающими в качестве участников товарообмена или юридических лиц.

В основе «капиталистического духа» по М.Веберу лежит протестантская концепция спасения. "Высокие" религии внедряют в сознание верующих представления о смысле жизни и ее высшей цели - о спасении. Для христианства вообще и протестантизма в частности этой высшей жизненной целью является обретение праведником вечного блаженства в потустороннем мире. В спасении осуществляется полная реализация личности христианина. Именно в представлении о спасении выявляются принятые в данном религиозно-культурном комплексе общие представления о нормах и правилах отношения индивида к внешнему миру, об основных направлениях и пределах его активности, о содержании и ценностной иерархии жизненных ожиданий.

Протестант живет для того, чтобы быть орудием Бога и нести Его волю в мир. Для этого он должен подчинить все свое земное бытие преобразованию мира во славу Божью, честно и добросовестно трудиться и добиваться успехов. Вся его жизнь - трудовая, духовная, интимная - должна быть проникнута суровой аскезой и рациональностью.

Идее спасения соответствует его методика, определяющая практические пути достижения религиозного идеала, реальные формы поведения индивида в мире, меру и направления его активности.

Основной протестантской методики спасения является мироотвергающая аскеза, основанная на признании несовершенства и греховности тварного мира, на его решительном отрицании. Отрицание греховного мира естественно предполагает отказ от его благ, сознательное ограничение своих потребностей, обуздание эмоций и подчинение всего образа жизни идее служения Богу.

При отказе от мирских благ и принципов мирского существования вообще, идеалом аскета-христианина является систематизированная деятельность, направленная на преодоление мирских страстей, мешающих сосредоточиться на служении Богу. М.Вебер подчеркивает, что такая аскеза, которую можно назвать потусторонней, ведет к «полному отрешению от "мира", к разрыву социальных и душевных уз семьи, к отказу от имущества, от политических, экономических, художественных, эротических, вообще от всех тварных интересов»⁹.

В качестве примера потусторонней аскезы можно рассматривать христианское монашество, уходящее от мирских дел, однако, не отказывающееся от деятельности самой по себе. В рамках этой формы аскезы физический труд, например, у христианских монахов, приобретает, по выражению М.Вебера, «гигиеническую» ценность, становится принятым религией средством послушания - отвлечения от мирских страстей. М.Вебер подчеркивает, что западные аскеты-монахи стояли на службе церкви, выполняя в ее интересах практическую работу - будь то непосредственное производство материальных благ или охранительная, инквизиторская, или политическая деятельность. Однако важно, что высший смысл в данном случае имела не деятельность сама по себе, а духовные цели.

Уникальность и историческая значимость протестантизма состоит в том, что в процессе Реформации произошла трансформация потусторонней аскезы в посястороннюю, или мирскую аскезу, в которой деятельность в миру рассматривается как «обязанность», возложенная на верующего. При всем его

⁹ Работы М.Вебера по социологии религии и идеологии. М., 1985, с. 234.

несовершенстве, мир является единственным объектом деятельности, направленной на прославление Бога, той особой деятельности, которая «дает аскету возможность достичь тех качеств, к которым он стремится, а они в свою очередь служат выражением милости божьей, в силу которой аскет обретает способность к деятельности такого рода»¹⁰.

М.Вебер подчеркивает, что «принципиальное и систематически непреложное единство мирской профессиональной этики и религиозной уверенности в спасении создал во всем мире только аскетический протестантизм. Только в протестантской профессиональной этике мир в его несовершенстве имеет исключительное религиозное значение как объект исполнения долга путем рациональной деятельности в соответствии с волей надмирного бога»¹¹. Человек, принадлежащий к тварному миру и несущий в себе все его несовершенство, в аскетическом протестантизме, через свою деятельность становится орудием Бога, исполняющим в миру его волю, его призвание.

М.Вебер особо подчеркивает, что основным содержанием профессиональной деятельности предпринимателя-протестанта не может быть накопление капитала как такового. Напротив, истинный капитализм в веберовском понимании связан с рациональной регламентацией предпринимательской деятельности: «Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму, и еще менее его "духу". Капитализм может быть даже идентичным обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае его рациональному регламентированию»¹².

Главная и сущностная характеристика «духа капитализма» - это стремление к рациональному ведению хозяйства и рентабельности. При этом деятельность в целом ориентирована не на практические, а на идеальные цели - они подчинена идее спасения через аскетическое мирское служение Богу.

Сущностью любой профессиональной деятельности у протестанта является ее рациональный, систематический характер, и этим его трудолюбие отличается от усердия традиционного ремесленника: «Не труд как таковой, а

¹⁰ Там же, с. 237.

¹¹ Работы М.Вебера по социологии религии и идеологии. М., 1985, с. 250.

¹² Вебер М. Избранные произведения. М., 48.

лишь рациональная деятельность в рамках своей профессии угодна Богу. В пуританском учении о профессиональном призвании ударение делается всегда на методическом характере профессиональной аскезы»¹³. Акцент на рациональности деятельности объясняется тем, что верующий в каждом событии своей жизни, в особенности профессиональной, усматривает знаки божественного предназначения, возможность оценить свои шансы на избранность и спасенность. Поэтому особое нравственное и религиозное значение для протестанта имеет методический, размеренный образ жизни и стиль повседневного труда.

По мнению М.Вебера, протестантизм создает уникальные духовные установки для превращения рациональной калькуляции в универсальную форму отношения как с внешним, так и со своим внутренним миром во всех их проявлениях.

Важнейшим фактором, способствующим становлению капитализма на основе реформаторского религиозного сознания является признание высокой нравственной ценности занятия бизнесом. При этом постоянное расширение производства приобретает характер морального и религиозного долга - неустанного служения Богу, его прославления повседневным продуктивным и прибыльным трудом и преобразования греховного мира во славу Его.

М.Вебер подчеркивает отличие протестантской профессиональной аскезы от традиционной христианской, выраженной в учении отцов церкви и их интерпретациях Священного Писания. Так, слова апостола Павла «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» у средневекового теолога Фомы Аквинского трактовались как императив для всего человеческого рода в целом, не распространяющийся на богатых людей, которые и без труда обладают всем необходимым. А протестант Бакстер подчеркивал, что богатство не освобождает от необходимости трудиться, а, напротив, является предпосылкой для еще более интенсивного труда.

Мы уже говорили о значении успеха как знака Божьего благословения. Неудачи и в особенности бедность являются, напротив, знаком обреченности на погибель. Однако это не означает, что верующий в случае неудачи может

¹³ Там же, с. 190.

предаваться отчаянию и бросить свои труды - напротив, он все равно должен прилагать все усилия, чтобы служить Богу как можно более прилежно и рационально, ибо внезапно пришедший успех может пробудить надежды на лучшую участь.

Свидетельством успеха является доход, выраженный в деньгах, ибо такое его измерение лучше всего свидетельствует о рациональности деятельности и служит абстрактной мерой для оценки богоугодности разных видов труда. Хотя все профессии равны перед Богом, как подчеркивает М.Вебер, престиж и желательность того или иного рода деятельности определяется его полезностью (как формы служения Богу) и доходностью, поскольку именно уровень дохода говорит об избранности.

Бедность и нищета в протестантской культуре не только не несет позитивных моральных ценностей (как в традиционном христианстве и некоторых других религиях), но и не может быть поводом для сострадания и тем более - благотворительности. Бедный неудачник отвержен Богом, и поэтому от него отворачиваются и люди. Нищие получают не сочувствие и помощь, а презрение, подвергаются преследованиям и гонениям - хорошо известны примеры из книг Ч.Диккенса.

Нравственное и духовное значение дохода в протестантской хозяйственной этике не ограничивается тем, что он является знаком избранности. Доход создает также условия, материальные предпосылки для дальнейшего служения Богу. Протестантская этика предписывает суровую аскезу в быту, отказ от роскоши и развлечений во имя дальнейшего расширения дела. Она не одобряет потребительского использования дохода - то, что нажито, должно быть не растрачено, а, напротив, преумножено во славу Божью. Историческая уникальность протестантской этики, благодаря которой она стала духовной предпосылкой капиталистического предпринимательства, состоит в том, что здесь создаются специфические ценностные ориентации на бесконечное инвестирование, бесконечное развитие производства.

Как обращение к Богу в молитве не может иметь конец, так и служение Ему в миру не знает предела. Верующий не может перестать быть орудием Бога. Поэтому профессиональная деятельность протестанта, предпринимательская в том числе, не может прекратиться. Протестант-

предприниматель не может остановиться на достигнутом, удовлетвориться накопленным капиталом, он должен распоряжаться данным Богом богатством исключительно для преумножения славы Божьей, а не для удовлетворения собственных потребностей.

Таким образом, протестантизм создает уникальные духовные стимулы для расширенного воспроизводства, для постоянного наращивания капитала, но не ради богатства самого по себе, а ради умножения славы Божьей и собственной уверенности в спасении.

М.Вебер в "Протестантской этике" описал духовные факторы становления первичного капитализма на Западе. В этот период именно духовная, религиозная мотивация предпринимательской деятельности, ее восприятие с точки зрения религиозного спасения души доминировала над стремлением к наживе, рационализировала его и наделяла религиозным смыслом. В современном западном обществе положение изменилось: страсть к наживе вырвалась из «железного панциря» религиозной регламентации и превратилась в самодовлеющий мотив, в базовую ценность: «В настоящее время дух аскезы - кто знает, навсегда ли? - ушел из этой мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре... В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает наивысшей своей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной»¹⁴. Из протестантских этических ценностей лишь «представление о "профессиональном долге" бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей». Протестантская этика, заложив духовные основания высокой профессиональной культуры, утратила непосредственное влияние на нее. Как свидетельствуют современные социологические исследования, прямого соответствия между высоким уровнем протестантской религиозности и трудовой этикой не наблюдается, но в целом она выше там, где была более сильная протестантская традиция.

Капитализм уже развивается не на основе религиозной культуры, а на своем собственном базисе. Если первоначально человек со своими целями,

¹⁴ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 206-207.

ценностями, стремлениями создавал капиталистическое хозяйство, то теперь оно превратилось в колоссальный самостоятельный механизм, формирующий образ мысли и стиль жизни каждого члена общества, навязывающий ему свои нормы и «правила игры». М.Вебер пишет: "Пуританин хотел быть профессионалом, мы должны быть таковыми".

§ 3. Концепция капиталистического предпринимательства В.Зомбарта

Подход В. Зомбарта к социологическому изучению феномена капиталистического предпринимательства принципиально отличается от концепции М. Вебера. Если последний строил «идеальный тип», фиксирующий лишь самые характерные и типичные черты в наиболее чистом виде, заостряя специфику и отличие от традиционного и авантюристического предпринимательства, то В. Зомбарта интересовал буржуа-предприниматель как гетерогенное явление, включающее разные культурные, духовные, социально-психологические, социальные начала. В многообразии, противоречивости сложной исторической динамике этих начал и предстает зомбаровский предприниматель.

В основе буржуазной личности лежит два противоположенных начала: *предпринимательский дух* и *мещанский дух*.

Предпринимательский дух В.Зомбарт характеризует как "синтез жажды денег, страсти к приключениям, изобретательности и многого другого"¹⁵. Предпринимательский дух господствует в момент генезиса капитализма и "в пестрой ткани капитализма мещанский дух составляет хлопчатобумажный уток, а предпринимательский дух есть шелковая основа"¹⁶. При всем огромном многообразии качеств личности предпринимателя, она всегда включает три составляющие: завоеватель, организатор, торговец.

¹⁵ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 19.

¹⁶ Там же.

Предприниматель в качестве завоевателя не обязательно имеет склонность к агрессии и завоеваниям в прямом смысле слова (хотя военные походы и экспедиции входят у Зомбарта в число возможных "предприятий"). "Быть завоевателем" с точки зрения В.Зомбарта означает активное отношение к действительности, способность заглянуть за пределы обыденности, увидеть новые горизонты и возможности там, где их не видят другие, построить новый план и быть готовым к его реализации даже вопреки многим трудностям и препятствиям. Это требует от предпринимателя таких качеств, как «идейное богатство», «духовная свобода», «духовная энергия», «упорство и постоянство» в осуществлении плана. Способность быть организатором является, по В.Зомбарту, неотъемлемым качеством истинного предпринимателя, который не только способен выдвинуть новые идеи, но и организовать людей для их реализации, умеет заставить других служить своей воле ненасильственным путем. Наконец, способность предпринимателя быть торговцем означает для немецкого ученого больше, чем просто ведение коммерческого предприятия: это умение вести переговоры и договариваться, умение убеждать, а не принуждать, которое Зомбарт назвал «борьбой духовным оружием».

Социальными группами-носителями «предпринимательского духа» изначально являлись разбойники, феодалы, крупные спекулянты.

Разбойники и пираты, к которым приравниваются и путешествующие с целью открытий, «пышущие силой, охочие до приключений, привыкшие к победам, грубые, жадные завоеватели весьма крупного калибра» объявляются носителями предпринимательского духа за их стремление к наживе, помноженное на энергию, решимость и способность планировать и организовывать крупные экспедиции, подчинять своей воле других.

Феодальное хозяйство постепенно по мере утраты ориентации на непосредственное потребление перерастает в капиталистическое или полукапиталистическое благодаря значительным ресурсам, которыми располагают феодалы - собственники земли, ее недр, лесных и прочих угодий, в распоряжении которых находились одновременно и значительные резервы рабочей силы.

Крупные спекулянты, направляющие большие ресурсы на реализацию на проектов авантюристического типа: «Сам он со своею страстью переживает

мечту о своем счастливо проведенном до конца, увенчанном успехом предприятии. Он видит себя богатым, могущественным человеком, которого все ближние почитают и превозносят за славные деяния, им совершенные, вырастающие в его собственной фантазии до невероятных размеров... Он мечтает о грандиозном. Он живет как в постоянной горячке. Преувеличение его собственных идей все снова возбуждает его и держит его в непрерывном движении... И, исходя из этого основного настроения, он и совершает свое величайшее дело: он увлекает за собой других людей, чтобы они помогли ему осуществить его план»¹⁷. Спекулятивный капитал развивается в масштабах больших предприятий, реальный план которых трудно рационально обзреть - крупные банковские аферы, заморские экспедиции и колониальные предприятия, транспортные предприятия и т.п.

Для того, чтобы «капиталистический дух» утвердился в обществе, считает В.Зомбарт, необходима критическая масса индивидов, несущих определенные психологические свойства. Так, предпринимательские натуры, чтобы описанный выше «предпринимательский дух» мог развиваться, должны, согласно Зомбарту, обладать умом, фантазией, подвижностью духа, энергией и жизненной силой. «Предпринимательские натуры - это люди с ярко выраженной интеллектуально-волюнтаристической одаренностью, которою они должны обладать сверх обычной степени...»¹⁸. Эти интеллектуально и духовно одаренные люди являются, по определению В.Зомбарта страстными, «эротическими» натурами, исповедующими эвдемонистическую и даже гедонистическую этику, то есть счастье, наслаждение жизнью - не только богатством как таковым, но и - прежде всего - самой деятельностью, авантюрой, игрой страстей. В этом героическом капитализме, по Зомбарту, доминируют расово-биологические свойства народов-завоевателей, которые господствуют над другими в силу своей витальности и природной энергии.

Мещанский дух является второй составляющей "капиталистического духа". Под ним В.Зомбарт понимает «все те воззрения и принципы (и ими направляемое поведение и поступки), которые вместе составляют хорошего

¹⁷ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994, с. 76.

¹⁸ Там же, с. 154.

гражданина и отца семейства, солидного и "осмотрительного" делового человека»¹⁹. В. Зомбарт считает склад личности и систему ценностей, объединенные понятием мещанского духа, также как и капиталистический дух вообще, продуктом исторического развития, и относит его возникновение к XIV-XV вв., а родиной считает торговые города Италии. В рамках мещанского духа Зомбарт выделяет две основные составляющие: мещанскую мораль («святую хозяйственность»), включающую принципы внутреннего устройства хозяйства и его управления, и «деловую мораль», регулиующую отношения хозяина со внешним миром, в том числе с клиентами и партнерами.

«Святая хозяйственность» (выражение заимствовано Зомбартом у флорентийского купца и писателя XIV в. Л. Альберти) предполагает, во-первых, рационализацию ведения хозяйства. Зомбарт отмечает, что, в отличие от «благородного сеньора», рациональный хозяин-мещанин не стесняется говорить о хозяйственных делах как о чем-то недостойном, и систематически сводит баланс доходов и расходов, не позволяя последним превышать первые. Это означает полный отказ от соответствующего имущественному положению сеньорального образа жизни, осуждение ненужных трат, часто встречающиеся в купеческих мемуарах и наставлениях XIV-XVI вв., то есть принципиальное изменение взгляда на достойный образ жизни и на назначение богатства, которое связывается уже не с затратным, а с производительным хозяйством. Во-вторых, мещанская мораль предполагает экономизацию ведения хозяйства, то есть не просто сведение баланса, а сознательную бережливость, ориентированную на накопление. Причем новым в этот период является обращение богатых к идее бережливости и накопления, превращение добровольного (а не стимулированного нуждой) сбережения средств и аскетизации образа жизни в добродетель и нравственный императив торгово-промышленного сословия. В качестве образцов мещанских добродетелей «святой хозяйственности» В.Зомбарт приводит, помимо Л.Альберти, Д.Дефо и Б.Франклина.

«Деловая мораль» включает новые нормы и ценности, действующие в сфере взаимоотношений предпринимателя с партнерами и клиентами. Мораль в

¹⁹ Там же, с. 84.

ведении дел с клиентами предполагает в первую очередь «коммерческую солидность, т.е. благонадежность в исполнении обещаний, "действительное обслуживание", пунктуальность в выполнении обязательств и т.д.»²⁰. Эта новая мораль отличается от традиционных норм ведения дел тем, что предполагает верность договорам, в которых не имеет значения личность договаривающихся (в традиционной хозяйственной культуре отношения между своими и чужими сильно отличались).

«Деловая мораль» - это не только «мораль в деле», но и «мораль для дела». Это означает, по Зомбарту, что «отныне становится выгодным (из деловых соображений) культивировать известные добродетели, или хотя по крайней мере носить их напоказ, или обладать ими и показывать их. Эти добродетели можно объединить в одном собирательном понятии: мещанская благопристойность»²¹. Выгодным же было иметь репутацию трудолюбивого, трезвого и умеренного, скромного, религиозного гражданина. Наконец, особенностью мещанской морали, по Зомбарту, является способность к калькуляции, к сведению многообразия и сложности стоящих за реальным делом отношений к математическим исчислениям прхода и расхода, способность, не развитая в традиционном хозяйстве, где амбарные книги даже крупных купцов напоминали скорее дневники, чем своерменные финансовые документы.

Социальными группами, наиболее ярко воплотившими мещанский дух, явились государственные чиновники, купцы и ремесленники.

Государственные чиновники-бюрократы и правители, озабоченные пополнением казны, объявляются В.Зомбартом одними из первых носителей капиталистического духа, поскольку часто именно они давали толчок к организации государственных предприятий (мануфактур, верфей, приисков и т.д.). По масштабам инвестируемых денежных средств, организационному потенциалу, а главное - по рациональности долгосрочного планирования именно государственные предприятия оказали наиболее существенное влияние на становление капитализма как типа хозяйственной организации.

²⁰ Там же, с. 99.

²¹ Там же, с. 99.

Купцы, по Зомбарту, это те, кто развил капиталистическое предприятие из торговли товарами и деньгами, разрастаясь от самых мелких ремесленных предприятий. Важнейшим путем развития купеческого предпринимательства было его постепенное превращение в мануфактурное и фабричное посредством найма мелких производителей-ремесленников. Такие мелкие производители снабжались всем необходимым для кустарного производства на заказ, а затем постепенно закабалялись и превращались в настоящих наемных рабочих.

Ремесленники — те, кто, в отличие от купцов, изначально богател и развивался в сфере промышленного производства — в машиностроении, текстильной промышленности и т.д. Ремесленника и купца в форме и методах их деятельности объединяет то, что они полностью отказываются от насильственных, авторитарных способов, они являются торговцами, то есть умеют договариваться (в отличие от действующих насильственно разбойников, и феодалов). Кроме того, ремесленников с купцами роднила не свойственная другим слоям-носителям предпринимательского духа бережливость, умение копить и рассчитывать свои средства.

По своим психологическим и нравственным основам мещанские натуры аскетичны, они, не обладая силой и энергией предпринимательских натур, исповедуют этику долга и методичного трудолюбия. Они возрастают на расово-биологической основе народов, обреченных быть покоренными и принуждаемыми к труду, их уделом является выживание в условиях внешнего господства, которое может быть обеспечено лишь терпением, осторожностью, трудолюбием, бережливостью и т.п. Их аскетическая этика первоначально носит вынужденный характер - им просто ничего лучшего не остается, ибо "завоеватели" не оставляют других перспектив. Затем этика долга интериоризируется, превращаясь во внутреннюю потребность, становится естественным атрибутом мещанской культуры.

Таким образом, «капиталистический дух» складывается, по Зомбарту, из разнородных в культурном плане элементов. Более того, носителями этих различных культурных начал являются противоположные по своему психокультурному складу натуры. Эта внутренняя противоречивость является

залогом динамики и одновременно — неустойчивости «капиталистического духа» и самой личности предпринимателя.

В процессе исторического развития соотношение элементов и типов меняется, образуя исторически специфические «стили» капитализма. Он разделяет социокультурные и нравственные особенности раннего и позднего (т.е. современного ему индустриального) капитализма.

Для раннекапиталистического предпринимателя, «буржуа старого стиля» характерно, по Зомбарту, сохранение докапиталистической корреляции производства и предпринимательства с интересами и потребностями человека. Человек по прежнему остается мерой всех вещей и любой предприниматель пока еще не перестает «соизмерять свою коммерческую деятельность с требованиями здоровой человечности: для всех их дело оставалось только средством к цели жизни; для всех их направление и меру их деятельности определяют их собственные жизненные интересы и интересы других людей, для которых и вместе с которыми они действуют»²².

Первоначально, в момент генезиса капитализма, среди буржуа доминируют «предпринимательские натуры», страстные личности авантюристического склада. По мере развития и стабилизации капитализма они приобретают все больше мещанских добродетелей: «естественный цельный человек с его здоровой инстинктивностью претерпел уже большой ущерб, должен был привыкнуть к смирительной куртке мещанского благополучия, должен был научиться считать. Его когти подрезаны, его когти хищного зверя спилены, его рога снабжены кожаными подушечками»²³.

«Буржуа старого стиля» относится к богатству как к горячо желанной цели, но не как к самоцели, оно должно служить своему хозяину. Достоинство предпринимателя состоит в умении правильно распорядиться своим богатством, использовать его для поддержания собственного дела, на благо близких и в интересах добродетели. Средства наживания капитала также имеют значение - уважаемо только богатство, нажитое честным путем (остается только неясным, как в этой связи Зомбарт трактует «капиталистическую» природу разбойников и

²² Там же, с. 119.

²³ Там же, с. 119.

пиратов). Деловая мораль исполнена степенности и порядочности, конкуренция носит честный характер: еще не получили распространение такие методы экономической борьбы, как разорение конкурентов посредством распродаж по низким ценам, еще считается предосудительным переманивать чужих клиентов и привлекать покупателей с помощью навязчивой рекламы. Капиталист, делая свой бизнес, еще заботится о других: он часто отказывается от внедрения трудосберегающей техники, чтобы не лишать куска хлеба своих рабочих.

Для высококапиталистического духа, свойственного современному экономическому человеку, характерна, по мнению Зомбарта, принципиальная смена ценностных ориентиров. Целями хозяйственной деятельности теперь становятся нажива и процветание дела. Эти две цели взаимосвязаны, ибо для процветания дела необходима чистая прибыль, и первое невозможно без последнего. При этом конечная точка стремления предпринимателя отодвигается в бесконечность, развитие дела и возрастание прибыли не имеет цели, никакого иного «человеческого» смысла, кроме развития производства самого по себе.

Среди предпринимателей зрелого капитализма Зомбарт находит те же социальные типы, что и в раннем: разбойников, спекулянтов, бюрократов и т.д. Однако их стиль, формы и методы их деятельности принципиально меняются. Бесконечность их дела и полная его оторванность от «человеческих» интересов и потребностей ведет к тому, что предприниматель утрачивает нормальные чувства, привязанности, духовную жизнь и т.д., превращаясь в машину, в раба своего дела. Стиль ведения хозяйства также меняется. В нем доминируют рациональность и ориентация на производство для обмена, первичная цель любого человеческого производства - удовлетворение потребностей - утрачивает свой приоритет. Отсюда стремление к удешевлению производства и к расширению сбыта, которое уже не знает никаких моральных ограничений. Все, что препятствует максимальной наживе, безжалостно подавляется, конкуренция приобретает характер жестокой игры без правил. Религиозные, нравственные и прочие запреты и ограничения уже никак не могут сковать развитие капитализма.

Мещанские добродетели в высококапиталистической культуре претерпевают существенные изменения. В этот период они перестали быть

необходимыми свойствами личности предпринимателя, превращаясь в атрибуты дела, «перестали быть качествами живых людей и сделались вместо этого объективными принципами ведения хозяйства»²⁴. Это означает, что сам по себе предприниматель может не быть трудолюбивым, честным, солидным, бережливым человеком и не следовать этим моральным нормам в частной жизни, но его дело, для того, чтобы успешно развиваться и конкурировать, должно вестись на принципах усердия, экономии, рациональности, скрупулезного выполнения договоров и т.п. Добродетель скромности и аскетизма также уходит из частной жизни «буржуа нового стиля»: он может предаваться роскоши, тратить деньги на экстравагантные развлечения и т.д., следя лишь за тем, чтобы расходы не превышали доходы. В то же время, само капиталистическое предприятие ведется на принципах строжайшей рациональности и экономии, отработанных методов бухгалтерии, учета, управления персоналом и т.д.

Таким образом, позднекапиталистический предприниматель уже не сам творит капитализм посредством личной энергии и характера, а капитализм с его устоявшимися социокультурными ценностями и нормами деятельности и поведения создает предпринимателя и одновременно противостоит ему как огромный экономический и социокультурный космос.

Капитализм предстает у Зомбарта как проходящий этап исторического развития, и его конечность определяется двойственностью его социокультурной природы. Она обуславливается тем, что буржуа «жиреет», утрачивает пассионарную энергию «предпринимательского духа». Он начинает непроизводительно использовать богатство в виде ренты, привыкает к спокойной сытости рантье и возвращается к отвергнутым в эпоху своего подъема и расцвета роскоши и расточительству. С другой стороны, развитие бюрократии в капиталистической организации также подрывает энергический «предпринимательский дух», техника управления постепенно занимает место таланта и творческой интуиции.

²⁴ Там же. с. 142.

§ 4. Функции и роли предпринимательства в современном обществе.

Функции и роли предпринимательства в современном обществе и в его хозяйственной жизни разнообразны. В само понятие предпринимательства вкладываются разные значения в зависимости от контекста: это и экономическая категория, и особый метод хозяйствования, и фактор развития производства; в то же время, под предпринимательством, как показали труды М. Вебера и В. Зомбарта, понимают и особое явление культуры, связанное с определенной системой ценностей, а также со специфическим образом жизни.

Предпринимательство включает в себя исполнение целого ряда ролей:

1. владение капиталом, основанное на частной собственности, распоряжение им в целях развития дела;
2. ориентация хозяйственной деятельности на получение прибыли и ее последующую капитализацию; социологическая традиция XIX в. рассматривала эти две функции как наиболее значимые;
3. комбинирование факторов производства с целью нахождения вариантов максимальной рентабельности и прибыльности; управленческая деятельность, ориентированная не только на рутинное воспроизводство, но и на оптимальную адаптацию к меняющимся условиям рынка;
4. предприниматель выступает в роли экономически активного субъекта, действующего на рынке самостоятельно, по собственной инициативе, и ориентированного на свободу выбора, принятия решений и присвоения результатов;
5. экономическая свобода предпринимателя вызывает и его ответственность за принятые решения, которую он несет также самостоятельно;
6. деятельность предпринимателя никогда не реализуется в условиях полной ясности и предсказуемости результатов, поэтому он несет бремя риска, связанного с неопределенностью многих факторов хозяйственной деятельности в условиях свободного рынка: колебаниями конъюнктуры, валютных курсов, потребительского спроса, конкуренцией, а также с внешними социальными и

политическими обстоятельствами, с возможными природными и техногенными катастрофами и т.п.;

7. важнейшей ролью предпринимателя является участие в свободной конкуренции, с которой связаны не только активность, инициатива, риск и ответственность, но и высокие достижительные ориентации, стремление к успеху и лидерству;
8. предприниматель выступает в качестве носителя инновационного, творческого начала в хозяйствовании, предлагает новые пути решения проблем, отыскивает новые возможности.²⁵

Перечисленные социальные роли предпринимателя взаимосвязаны и взаимно обусловлены, но исследователи по-разному выделяют главные, определяющие саму суть предпринимательской деятельности в сфере хозяйства.

Американский экономист **Ф. Хайек** придавал особое значение свободе предпринимательства, в которой он видел единственный залог процветания современного западного общества при одновременном обеспечении необъемлемого права каждого на самостоятельность и инициативу, возможность самому решать свою судьбу. Свободную конкуренцию Хайек считал «процедурой открытия» эффективных экономических решений, динамика вознаграждения за которые является самым надежным индикатором адаптированности личности к меняющимся условиям. Никакие ограничения свободы конкуренции, равно как и искусственное поддержание равного надежного благосостояния всех членов общества Хайек считал не только недопустимыми с нравственной точки зрения, но и экономически нереализуемыми без вмешательства тоталитарного диктаторского политического режима.

Одной из самых известных и популярных у социологов является теория австрийского ученого и общественного деятеля **Йозефа Шумпетера** (1883—1950), который в работе «Теория экономического развития» исследовал предпринимательство как феномен экономической жизни.

²⁵ Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997, с. 9-10.

Шумпетер отмечает, что, хотя предприниматель и выполняет роли собственника капитала, рационального менеджера производства, труженика, изобретателя, искателя прибыли в условиях свободной конкуренции, ни одна из них не исчерпывает того специфического содержания, которое и составляет основу позитивной роли предпринимателя в экономической жизни. Основную роль и сущность предпринимательства Шумпетер видел в преодолении инерционности экономической системы²⁶. Дело в том, что рациональность экономического человека предполагает ориентацию на оптимальные, надежно рассчитанные производственные, финансовые, коммерческие операции, приносящие пусть не максимальную, но по крайней мере гарантированную прибыль. Таким образом, рациональность является фактором устойчивости и инерционности экономической системы. Деятельность предпринимателя в собственном смысле этого слова, по Шумпетеру, состоит в изменении устойчивых стереотипов хозяйственной деятельности, создании новых комбинаций факторов производства в расчете на преимущество перед конкурентами. Предпринимательству, таким образом, можно дать определение как *организационной инновации в целях извлечения прибыли*. Предпринимательство характеризуется как «созидательное разрушение» — демонтаж устоявшихся комбинаций факторов производства, принципов и стереотипов хозяйствования во имя созидания новых, эффективность которых проверяется конкуренцией. Если она подтверждается высокой прибылью, инновация сама постепенно становится устойчивым стереотипом и воспроизводится по инерции до тех пор, пока предприниматель не разрушит его во имя новых, более эффективных форм хозяйствования. Таким образом, хозяйственная жизнь в условиях свободы предпринимательства подобна своеобразному «круговороту»

В социальном плане предпринимательство не идентифицируется ни с какой-либо конкретной классовой, имущественной, профессиональной группой, ни с определенной общественной или экономической системой. Предприниматель, с точки зрения Й. Шумпетера, не идентичен ни классу капиталистов, ни буржуазной культуре или социуму. Скорее, он составляет

²⁶ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. с. 64.

основу капитализма как развивающегося рыночного хозяйства, а сам класс капиталистов возникает из рутинизации предпринимательской харизмы. Любой действующий в хозяйственной области профессионал — будь то менеджер, коммерсант и т.д. — оказывается в роли предпринимателя в тот момент, когда осуществляет инновации. Если инновация успешна и превращается в стабильный стереотип хозяйственной деятельности или в устойчивую хозяйственную организацию, ее автор перестает быть предпринимателем, оставаясь просто собственником или менеджером, поддерживающим стабильность. Шумпетер приводит аналогию с солдатами и офицерами, которые становятся воинами и боевыми вождями лишь в тот момент, когда участвуют в боевых действиях.

Таким образом, шумпетерианское предпринимательство представляет собой не социальную группу, а роль, исполняемую представителями разных групп. В то же время, предпринимательство обусловлено наличием у индивидов определенных склонностей и мотивов, готовностью вести определенный образ жизни.

Ведущими мотивами для предпринимателя выступают стремление к новизне и радость творчества: инновации, хотя и ориентированы на прибыль, но осуществляются подлинным предпринимателем не ради нее самой по себе, как перемена ради перемены. Поэтому роль предпринимателя не предполагает гедонистических или мещанских мотивов наживы с целью последующего спокойного наслаждения богатством. Настоящий предприниматель не может остановиться на достигнутых результатах, поскольку для него ценна деятельность как таковая, у него нет привязанности к своему детищу: любя в нем творческую идею, он все же бросает или разрушает его ради того, чтобы начать новое дело.

Мотивом деятельности предпринимателя является стремление к успеху и воля к победе. Прибыль при этом имеет значение как выражение успеха, а не как самостоятельная цель. Истинный предприниматель стремится к самоутверждению, самореализации в деле и при этом, по выражению Шумпетера, он заморожен магией борьбы, ему важно преодолеть враждебные обстоятельства, сопротивление среды, конкуренцию. Таким образом, в предпринимательстве наиболее ярко воплощаются достигательные ценности

культуры. Наличие воли к победе означает способность предпринимателя мобилизоваться в борьбе, подчинить ей все свои силы и ресурсы, заставить других подчиниться своим интересам и воле. Кроме того, истинного предпринимателя характеризует умение «держать удар» — ведь не любая инновация и не всегда оказывается успешной, и отваживаясь на нее, человек руководствуется не только и не столько рациональным расчетом, сколько иррациональной верой в победу. Если же он терпит поражение, то вера в собственные силы и стремление к успеху помогают ему не сломаться, не впасть в отчаяние, а мобилизоваться для новой борьбы.

Еще одним мотивом предпринимательской активности является жажда власти, желание быть самому хозяином не только собственной судьбы, но и своего дела, обустроить если не весь мир, то хотя бы какую-то его часть в соответствии с собственными представлениями о ценностях, нормах, порядке, организации. Предприниматель стремится создать «империю», в которой он оказывается полновластным хозяином, распоряжается, несет ответственность за все, и все подчинено ему. Одной из разновидностей таких «империй» являются крупные семейные дела, династии. Однако именно в них наиболее ярко выражается не структурно-статусная, а ролевая сущность предпринимательства — именно в «империях» происходит упомянутая выше рутинизация предпринимательской харизмы, налаженное и обустроенное дело превращается в устойчивую, а затем и застойную структуру, а воля к власти и стремление к творчеству затухают, как правило, в следующих поколениях, которые в лучшем случае оказываются хорошими менеджерами-распорядителями, а в худшем — просто потребителями-гедонистами.

Й. Шумпетер констатировал «затухание» предпринимательской инициативы в таких современных формах хозяйствования, как крупные монополии, государственные предприятия или акционерные общества. Здесь предпринимательские роли становятся скорее символическими, нежели подлинными.

С помощью теории Й. Шумпетера можно четко определить понятия «бизнеса» и «предпринимательства», которые не тождественны, хотя сейчас часто ошибочно употребляются как синонимы. Под «предпринимательством» следует понимать инновационную хозяйственно-организационную

деятельность, связанную с созданием новых комбинаций факторов производства, в то время как «бизнес» — это воспроизводство уже сложившихся хозяйственных структур и стереотипов деятельности, ориентированное на извлечение прибыли.

Одно из наиболее значимых проявлений предпринимательства как социальной роли — феномен «*вынужденного предпринимательства*». На него указывает, в частности, российский социолог В.В. Радаев²⁷. По данным социологов, повышение предпринимательской активности в обществе приходится на кризисные периоды. Это объясняется тем, что вследствие роста безработицы и снижения доходов работающих как в государственном, так и в частном секторах, наиболее активная часть населения не ждет и не требует помощи у государства (или просто отдает себе отчет в том, что на такую помощь нет смысла рассчитывать), а самостоятельно решает свои проблемы, занимаясь мелким бизнесом. В периоды кризисов мелкое предпринимательство в разных сферах хозяйственной деятельности создает до 2/3 всех рабочих мест²⁸, являясь своего рода социальным «страховочным клапаном», возможность прибегнуть к которому снижает напряженность в обществе. Росту мелкого предпринимательства в кризисные периоды способствует и дезорганизация сложившихся хозяйственных институтов, неадекватность устоявшихся стереотипов хозяйствования новой ситуации. «Вынужденное предпринимательство» в кризисные периоды представляет собой классическое проявление адаптации населения к изменившимся условиям жизни. Например, всем известно, что в 90-х гг. XX в. в постсоветской России отмечен резкий рост числа «челноков» и других типов мелких коммерсантов, ряды которых пополняли потерявшие работу или отчаявшиеся свести концы с концами «бюджетники».

Кроме того, в условиях экономических кризисов объективно возрастает и потребность общества в предпринимательской инициативе, в поисках новых форм хозяйственной жизни. Поэтому в эти периоды часто налицо и рост «символического капитала» предпринимателей — возрастает их престиж,

²⁷ Радаев В.В. Экономическая социология. М.,

²⁸ Там же, с.

поскольку с их инновационной деятельностью связываются надежды на выход из кризиса; активизируются идеологии, ориентированные на индивидуальную свободу и самостоятельность, этику успеха; сознательно культивируется мифология «сильной личности», «человека, который сделал себя сам» и т.д.

Когда экономическая ситуация стабилизируется, отмечается постепенное снижение предпринимательской активности, численность мелких предпринимателей постепенно сокращается. Социологи объясняют это тем, что вынужденные заниматься мелким предпринимательством ради элементарного выживания в условиях стабилизации как правило прекращают дело и находят себе более спокойные и надежные заработки в бюджетной сфере или по найму в частном секторе. Кроме того, если применить шумпетерианскую концепцию, сокращение собственно предпринимательской активности можно объяснить и падением общественной потребности в ней — в ситуации стабильности экономический рост могут поддерживать менеджеры.

§ 5. Предпринимательская активность религиозных и этнических меньшинств.

С древних времен было замечено, что этнические и религиозные меньшинства часто проявляют более высокую предпринимательскую активность, восприимчивее к нововведениям, охотнее осваивают новые хозяйственные ниши и роли, чем автохтонное население. Архаичное сознание приписывало чужакам негативные асоциальные черты - коварство, жестокость, лицемерие, жадность, скупость, часто объясняя их «ложной верой» или порочным этническим характером. Активные чужаки вызвали ненависть и страх, становились жертвами жестоких гонений, но, в то же время, обойтись совсем без них было невозможно, поскольку они брали на себя функции и роли, неприемлемые для автохтонного большинства.

Со становлением социологии в XIX в. эта проблема попала в ее предметную сферу и стала объектом внимания ученых, задавшихся вопросом о том, какие социальные, культурные, социально-психологические особенности меньшинств оказываются способствующими их хозяйственной, в особенности предпринимательской активности, существует ли здесь прямая связь с их религиозной этикой или национальными особенностями. М.Вебер отметил, что

хозяйственной активности способствовала не столько религиозная этика сама по себе, сколько положение чужака, часто ограниченного в правах и даже преследуемого: «национальные и религиозные меньшинства, противостоящие в качестве “подчиненных” какой-либо другой “господствующей” группе обычно — именно потому, что они добровольно или вынужденно отказываются от политического влияния и политической деятельности, — концентрируют все свои усилия в сфере предпринимательства; этим путем наиболее одаренные их представители стремятся удовлетворить свое честолюбие, которое не находит себе применения на государственной службе»²⁹. В силу законодательных ограничений для иноверцев и инородцев часто оказывались закрытыми все каналы социальной мобильности, кроме экономического: политическая, военная, образовательная (а часто и культурная) деятельность была ограничена. Зато в их иногда полном и монопольном распоряжении оставались и запретные, и инновационные хозяйственные ниши.

Кроме того, для религиозных и этнических меньшинств неавтохтонного происхождения традиционные занятия были недоступны вследствие того, что они, как правило, не были интегрированы в первичные социальные структуры (общины, касты и т.д.) и не имели доступа к земле и другим производственным ресурсам.

Большую роль играли и психо-культурные качества мигрантов — их динамизм, готовность к переменам и способность адаптироваться к новым условиям, некоторый авантюризм и склонность к риску, накопленный многими поколениями опыт предпринимательской активности, благодаря которым они получили устойчивое наименование «торговых народов».

В период становления товарно-денежных отношений и самого начала периода распада общины часто меньшинства-чужаки становились «первооткрывателями» новых форм хозяйствования — торговли, кредита. Этому способствовало именно их маргинальное, пограничное положение: они не были связаны социальными отношениями, разного рода обязательствами и личными привязанностями, на них не распространялись безусловные для автохтонного большинства религиозные и нравственные запреты и ограничения

²⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 64.

— по выражению В.Зомбарта, «чужбина пуста». Так, широко известно, что в Западной Европе, где католическая церковь строго порицала занятия ростовщичеством и долгое время (до XII—XIII вв.) воспринимала торговлю как «нравственно неполноценное» занятие, а также на Ближнем и Среднем Востоке, где ислам категорически запрещал взимать ссудный процент, эти нежелательные для христиан и мусульман хозяйственные ниши заполняли евреи. В традиционных обществах Африки и Азии доколониального и колониального периода, где межличностные отношения доминировали и сохранялась общинная организация, торговлей, в особенности в сельских районах, также занимались в основном представители этнорелигиозных меньшинств: в Африке — индийцы, ливанцы, берберы, в Юго-Восточной Азии — китайцы. Это объясняется тем, что изначально вовлеченные в межличностные связи автохтоны должны были следовать принципам личной лояльности, из которых вытекает позиция «дара» или «услуги»³⁰, а не эквивалентного обмена, патернализма, а не формально-безличных сделок и договоров. «Чужаки», не скованные такими обязательствами, оказывались более свободными в выборе поведенческих стратегий, не будучи связанными традиционными статусными и ролевыми отношениями, они свободно могли занимать те ниши, которые оставались

Феномен высокой предпринимательской, в особенности финансовой активности этно-религиозных меньшинств анализировал немецкий социолог Г. Зиммель в известной работе «Философия денег». Широко известно его замечание о том, что деньги это родина безродных. Обладание деньгами позволяет изгоем включиться в социальные связи, наладить общение, иначе не возможное. Даже если на общение с подобными меньшинствами наложено табу, если религия или обычай предписывает презирать и избегать их — нужда в деньгах заставляет обращаться к ним и поддерживать с ними отношения. Такие меньшинства — в первую очередь речь идет о евреях в Западной Европе, но можно привести и другие примеры — остаются на особом положении. В силу инородности они никогда не могут полностью интегрироваться,

³⁰ Теория дара анализируется в работах Ж.Батайя, в частности «Проклятая доля», М., 2003.

раствориться в обществе, поэтому вызывают настороженное и враждебное отношение. В то же время, сосредоточив в своих руках деньги, эти меньшинства становятся жизненно необходимыми для общества. Противоречивость статуса «предпринимательских меньшинств» вызывает и противоречивое отношение к ним со стороны большинства: им позволяют оставаться в рамках общества, но осознают их полезность как зависимость, как недопустимую, нелегитимную тайную власть над обществом, которая усиливает страх и враждебность по отношению к ним.

Автохтонные религиозные меньшинства, включенные в традиционные хозяйственные отношения и имеющие доступ к земле (старообрядцы и сектанты в России, сикхи в Индии) также вследствие их положения и особого менталитета часто оказывались носителями передовых хозяйственных ролей или новых технологий. Сикхи традиционно играли заметную роль в развитии сельского хозяйства Индии и уже в период колониализма обнаружили высокий динамизм. По отзыву англичан, «сикхи — самые современные из всех индийцев: они безудержно стремятся ко всему, что дает какие-либо преимущества и выгоду, будь то швейная машина, сельскохозяйственная техника, восточноафриканская торговля или война»³¹.

В конце XX в. религиозные меньшинства, сохранившие свои предпринимательские традиции, во многих регионах мира стали активными носителями индустриальной модернизации и постмодернизации. Хотя сикхи очень сильно пострадали от раздела Индии в 1947 году, они уже в 50-е годы сумели восстановить свое лидерство в товарно ориентированном земледелии (в 1950 г. Пенджаб стал экспортером зерна). Причем они демонстрировали явную склонность к освоению новых, в том числе и трудоемких, технологий, и традиционно высокий уровень их агрикультуры повышался. Благодаря этому они стали главными создателями «пенджабского экономического чуда» 60—70-х годов, связанного с «зеленой революцией» — освоением новых селекционных высокоурожайных сортов зерновых. Однако причины «чуда» были, как обычно, не столько в новых сортах как таковых, сколько в накопленной сикхами

³¹ Цит. по.: Бельский А.Г., Фурман Д.Е. Сикхи и индусы. М., 1992.

культуре земледелия: «зеленая революция» была результатом «зеленой эволюции»³².

«Торговыми народами» и активными меньшинствами становятся представители разных конфессий. Среди них были и христиане разных направлений (протестанты, члены Армянской церкви, староверы в России), иудеи, индусы, сикхи, конфуцианцы, а также мусульмане, парсы и другие. По всей вероятности, предпосылкой предпринимательской активности религиозных меньшинств выступает не сама по себе их специфическая религиозная этика, а ее синтез с другими культурными факторами и совокупностью конкретных обстоятельств, в которых оказываются ее носители³³. Эти обстоятельства способствуют актуализации того активного потенциала, достигательных ориентаций, которые присутствуют практически в каждой этической системе, но в нормальных, стабильных условиях этнорелигиозного большинства могут просто не востребоваться в массовых масштабах.

В то же время, у некоторых религиозных меньшинств имеются и отличные от большинства специфические духовные установки, обуславливающие их высокую модернизационную активность.

Прежде всего, членство в секте говорит о более высоком напряжении религиозных чувств: «Принадлежность к секте — в противоположность принадлежности к церкви, которая «дана» человеку от «рождения», — является своего рода нравственным (прежде всего в деловом отношении) аттестатом личности. Церковь — не что иное как учреждение по дарованию благодати... принадлежность к церкви обязательна и поэтому сама по себе ни в коей степени не характеризует моральные качества прихожан. Секта же, напротив, является волюнтаристическим объединением лишь достойных (по идее) в религиозно-этическом отношении людей, квалифицированных в качестве таковыми

³² Там же, с. 73.

³³ См.: Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? М., 1996, С. 206—211.

добровольно вступивших в объединение, при условии столь же добровольно данного им разрешения, ввиду их доказанной религиозной избранности»³⁴

С другой стороны, учения, исповедуемые некоторыми сектами и религиозными меньшинствами, действительно содержат духовно-этические установки на предпринимательскую активность. Такие установки, с точки зрения М. Вебера, содержала протестантская этика, в особенности в интерпретации баптистов, методистов. То же мы можем сказать о русских молоканах, частично — духоборах, а также и об индийских сикхах. Исследователи считают, что сикхизм формирует тип личности, хорошо адаптирующейся к условиям современной рыночной экономики. Он выдвинул этический идеал трудолюбивого домохозяина, работа для которого является долгом. Сикхизм осуждает крайнюю аскезу и религиозно-мотивированное нищенство и провозглашает ценность мирской жизни человека. В отличие от индуистов, сикхи не делят профессии на «чистые» и «нечистые», не знают столь сковывающих индуистов многочисленных ритуалов и обрядов, а также астрологии. Формируемая сикхизмом картина мира более рациональна, менее мистична и пронизана магией, чем индуистская. И хотя сам по себе сикхизм вряд ли смог бы в условиях Индии стать духовной предпосылкой эндогенного капитализма, для вторичной модернизации он, безусловно, дает сильный духовный импульс³⁵.

Активная предпринимательская деятельность этнических и религиозных меньшинств приводит к разрушению сложившихся устойчивых стереотипов экономического поведения и обострению конфликта модернизированных и традиционных элементов социокультурной системы. Именно в периоды интенсивной модернизации нарастает не только активность этнических и религиозных «торговых меньшинств», но и неприятие их принимающей средой. Для традиционалистов они оказываются носителями враждебного капиталистического духа, для формирующихся национальных предпринимательских кругов — конкурентами, деятельность которых необходимо любыми средствами ограничить, для покупателей, клиентов, —

³⁴ См. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1991, С. 277.

³⁵ Бельский А.Г., Фурман Д.Е. Сикхи и индуусы. М., 1992, с. 72.

народной массы — эксплуататорами и обманщиками, наживающимися на их бедствиях, для государства — постоянно «пятой колонной», проводящей интересы бывших колонизаторов и империалистов. Именно в такие периоды начинаются гонения на «торговые меньшинства», порой жестокие и кровавые.

Тема 9. Социокультурные проблемы трудовых отношений и управления.

Социальные и культурные проблемы труда: К. Маркс об отчужденном труде, К. Маркс об управлении на капиталистическом предприятии и о капиталисте в роли организатора производства. В. Зомбарт об организационной роли предпринимателя. М. Вебер о трудовой этике как основе современного рыночного хозяйства. Э.Фромм о социокультурной сущности труда и ее отчуждении в индустриальном обществе.

Р. Бендикс: институциональный подход к контролю и управлению трудом. Становление современных форм труда и управления им в различных социальных и культурных средах. Экономическая и неэкономическая мотивация труда. Ценности и нормы как мотивация труда. Институциональные основы трудовой деятельности: промышленный труд, индустриализация, постиндустриализация. Ролевые аспекты трудовой деятельности: работник и управляющий. Профессиональная стратификация общества. Становление и развитие современных рынков труда. Проблема контроля за качеством труда.

Социальная и культурная среда становления научной теории управления трудом в США на рубеже XIX — XX вв.: переселенческая культура «фронтира», протестантская этика, социал-дарвинизм, индивидуализм, рациональность, достижительность. Система Ф. Тейлора и ее социальные основания: максимальная рационализация производственного процесса, максимальная производительность как главная цель, дифференциация оплаты труда по принципу «максимальная производительность — максимальная оплата», адаптация человека к работе машины. Практическое применение системы Тейлора на производствах Г. Форда. Возможности «фордизма» в инокультурной среде. Ограниченность возможностей системы Тейлора и Форда. «Хоторнские эксперименты».

«Хоторнский эффект» в социологии труда. Становление «теории человеческих отношений» Э. Мэйо.

Д. Макгрегор о теориях типа X и Y. «Философия контракта» и «философия общей судьбы» как модели трудового процесса и его мотивации на современном производстве.

Социальная специфика японского менеджмента: группизм и «фирма-семья», особенности профессиональной идентификации, единство и иерархия в трудовом коллективе, приверженность традициям как критерий профпригодности, мобилизационные ценности и особенности мотивации производительности и качества труда.

Особенности трудовой культуры, контроля и управления процессом труда в России.

Рынок труда и проблемы управления в постиндустриальном обществе: ситуативные ориентации, психологизм, социальная и экологическая ответственность.

§ 1. Социологические подходы к изучению труда и управления

Изучение труда является одной из важнейших тем социологии, развивающейся в рамках отраслевых теорий индустриальной социологии, социологии труда и т.д. К ее исследованию применяются разные подходы как в рамках эмпирических, так и теоретических методов, на макроуровне осмысления сущности труда как формы человеческой деятельности, так и на микроуровне конкретных тенденций мотивации, организации, управления трудом на предприятиях разных отраслей промышленности, динамики разделения труда, рынков труда, профессиональной стратификации общества.

Практически все классики социологии внесли вклад в осмысление проблем труда. Фундаментальные теоретические исследования социальной сущности труда, сущности и природы отчуждения труда в условиях капиталистического производства принадлежат *К. Марксу* (мы уже обращались к его работам в главе 2). Анализ роли разделения труда в развитии общества сделан *Э. Дюркгеймом* в исследовании «О разделении общественного труда». Именно в разделении труда Дюркгейм видел основной источник социальной солидарности, интеграции и единства общества, ибо необходимость обмена

человеческой деятельностью и ее продуктами предполагает, что члены общества зависят друг от друга, не могут обойтись друг без друга. Разные исторические формы разделения труда определяют, по Дюркгейму, разные типы общества — механической и органической солидарности (см. главу 2), а патологии в разделении труда вызывают социальную аномию, социальное неравенство и социальные антагонизмы. Поскольку разделение труда лежит в основе солидарности, являющейся для Дюркгейма не просто социальной, но и моральной категорией, то в качестве моральных он рассматривает и нормальные (не патологические) формы разделения труда.

Большой вклад в социологическое осмысление проблем труда внес *М. Вебер*, раскрывший его социокультурную мотивацию и ее значение в контексте различных хозяйственных практик, в особенности значение превращения труда в нравственный долг и способ самореализации личности для генезиса рационального капитализма.

В данной главе нам хотелось бы совместить преимущества различных социологических подходов к исследованию труда, и на этой методологической основе обратиться к его комплексному рассмотрению как социокультурного явления, где мотивация тесно переплетается с участием в разделении труда, профессиональной ролью, и все это имеет принципиальное значение для управления и организации.

Управление трудом в экономике предстает в этой связи как система работы с людьми, предполагающая активное использование ценностных, социокультурных факторов для повышения эффективности экономической деятельности - с одной стороны, и само является результатом действия ценностных и мотивационных факторов, сформированных той или иной культурой. Социокультурные аспекты управления трудом это ценностные, мотивационные, идейные факторы, которые лежат в основе различных традиций управления в современном индустриальном производстве и в ведении бизнеса, это социокультурные нормы и традиции, которыми обусловлено распределение социальных ролей на производстве. Культурными особенностями общества обусловлены и те конкретные формы, в которых воплощаются реальные стратегии управления трудом. Можно выделить несколько основных социокультурных типов менеджмента:

западноевропейский, североамериканский, японский (азиатский), российский и советский.

Уже в ходе осмысления генезиса и историко-культурной специфики капиталистического производства исследователи отмечали рациональную организацию как самостоятельный фактор его функционирования. К.Маркс отмечал рост организации на капиталистических предприятиях в условиях растущей «анархии» общественного производства в целом.

В. Зомбарт в работе «Буржуа. Этюды по истории развития современного экономического человека» выделил в качестве одного из основных свойств «предпринимательского духа» способность быть «организатором», т.е. «уметь заставить других людей служить своей воле... соединить много людей в счастливой, успешной совместной деятельности, так расположить людей и предметы, чтобы желаемое полезное действие полностью проявилось». Для этого необходимо:

- оценить способность людей к продуктивной деятельности, подобрать годных;
- заставить их работать каждого на своем месте, чтобы каждый полностью отдал свои силы и способности;
- объединить людей в единый коллектив, координировать и субординировать их усилия¹.

Значение организации в функционировании предприятия Зомбарт метафорически объясняет строкой из «Фауста» Гёте: «Чтобы было совершено самое великое дело, достаточен один дух на тысячу рук». Однако Зомбарт не отделяет организацию как необходимый элемент капиталистического производства от организации в непроизводственной сфере, например, военного завоевательного похода, системы сбора податей или разбойничьей шайки.

М.Вебер придает организации конституирующее значение при определении сущности капиталистического хозяйства в отличие от традиционного. Если в условиях последнего трудились лично зависимые работники (рабы, крепостные), труд которых основывался на личностном, часто

¹ В.Зомбарт. Буржуа. Этюды по истории развития современного экономического человека. М., 1994, с. 46.

физическом принуждении, то становление капиталистического производства было связано с рациональной организацией и самоорганизацией свободного труда. В отличие от лично зависимого, свободного наемного работника необходимо не только заинтересовать денежным вознаграждением, но и побудить качественно выполнять работу, соблюдать дисциплину, подчиняться хозяину и управляющему, стремиться к повышению эффективности труда и т.д.

1.1. Проблемы отчужденного труда

Важнейшая проблема труда и трудящегося человека — разнообразные формы отчуждения. Первым эту проблему поставил К. Маркс, связав отчуждение с частной собственностью. Э. Фромм подчеркивает, что по своей изначальной социально-культурной сущности труд «создает человека как социальное и независимое существо. В процессе труда, т.е. в процессе формирования и изменения внешней природы, человек изменяет и формирует самого себя. Он выходит из природы, подчиняя ее себе; он развивает свои способности к сотрудничеству, разум, чувство прекрасного. Он обособляет себя от природы, от изначального единства с ней, в то же время вновь объединяет себя с ней уже как ее хозяин и создатель. Чем больше совершенствуется его труд, тем совершеннее его индивидуальность»².

Однако Фромм считает, что эта подлинная сущность труда отчуждалась в процессе развития производства, превращавшего труд в простой способ добывания благосостояния и успеха. Веберовская «протестантская этика» с его точки зрения предстает не раскрытием сущности труда как призвания человека и средства его самореализации, а, напротив, превращением труда из самоценного способа раскрытия творческих потенций личности и ее самосовершенствования в «мучительную обязанность», подчиненную внешним по отношению к человеку целям достижения богатства и успеха как знаков «избранности». Причем и даже такой отчужденный труд оказывается уделом лишь высших и средних классов, а для большинства он выступает просто как трудовая повинность. Таким образом, отчуждение труда в период становления

² Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. М., 1995, с. 420.

капитализма выразилось в труде-обязанности у собственников и в принудительном труде у пролетариев.

В современном обществе производство превратилось в самоцель, а человек — в пассивный придаток машины, никогда не задействующий в трудовом процессе все свои творческие силы и возможности полностью. Главным мотивом и основной целью труда является заработок — обеспечение средств для жизни «вне труда». Э. Фромм, как и К. Маркс, считает отчужденным не только труд рабочих, но и труд предпринимателей, которые «чувствуют себя узниками собственного бизнеса» — производимых товаров, клиентов и покупателей, перед которыми он вынужден разыгрывать бессмысленный и нелепый спектакль.

Следствием отчуждения являются, во-первых, лень, превратившаяся в один из ведущих мотивов поведения людей, стремящихся под любым предлогом избежать труда, предаться праздности, развлечениям, или по возможности его упростить, свести к примитивным и бездумным манипуляциям вроде нажатия кнопок. Другим, еще более опасным последствием отчуждения является враждебность по отношению к труду и всему, что с ним связано как реакция на его бессмысленность и скуку. Эта враждебность по отношению к своему постоянному, хотя и вынужденному времяпрепровождению, порождает и неудовлетворенность жизнью, и недовольство собой, и неприязнь к окружающим людям и к творимому вещному миру³.

Фромм указывает на многочисленные попытки преодолеть отчуждение, то есть сделать труд интересным, творческим в рамках современных концепций управления, однако все эти попытки, на его взгляд, не приносят желаемого результата, поскольку лишь временно оптимизируют состояние все так же отчужденного индивида. Единственной альтернативной отчуждению является, по мысли Фромма, «гуманистическая коммунитарность», основанная на максимально возможной децентрализации и самоуправлении труда в рамках сохранения индустриального метода, на преодолении «роботизации» работника и возвращении в процесс труда подлинного творчества⁴.

³ Там же, с. 424-425.

⁴ Там же, с. 563.

§ 2. Становление социальных принципов управления трудом.

В условиях доминирования институтов индустриального производства раскрытие подлинных возможностей трудящегося возможно при эффективном управлении трудом. В традиционном обществе, где труд не вычленен из целостной системы жизненного поведения, где не только действия, но и мотивации личности находятся под контролем группы, к которой он принадлежит, где, наконец, часто применяется внеэкономическое принуждение к труду, проблема управления трудом и сознательной оптимизации трудовых отношений не стояла. Развитие массового индустриального производства шло по большей части параллельно с технологиями и теориями управления.

На начальном этапе становления капиталистического производства функции владельца и управляющего были обычно совмещены, и лишь со становлением крупного фабричного и индустриального производства стали появляться наемные управляющие-менеджеры и встал вопрос о специфической культуре управления. Она формировалась постепенно и была связана с господствующими в обществе традициями взаимоотношений людей, нормами господства и подчинения, представлениями о целях и смыслах хозяйственной деятельности, о возможностях самореализации в труде и т.д. Этот процесс основательно исследован в известной работе американского социолога *Р. Бендикса* «Труд и власть в промышленности», исследовавший становление индустриального общества, института современного промышленного предприятия и ролевых функций управляющих, то есть имеющих власть, и подчиненных, выполняющих распоряжения, являющихся объектами управленческих стратегий.

В Западной Европе, в первую очередь в Англии, в основе этого процесса лежали традиции пуританской этики и ремесленных цехов. Они постепенно утрачивали собственно религиозное содержание и трансформировались в секулярную идеологию «достижения успеха» и гражданской ответственности за выполнение профессионального долга. Уже в полностью секулярном виде

ценности трудолюбия, рациональности, предприимчивости входят в общий социокультурный комплекс западноевропейской и генетически с ней связанной североамериканской цивилизации в качестве базовых и универсальных ценностей, пронизывающих как высокопрофессиональную предпринимательскую, так и обыденную культуру.

Важнейшей предпосылкой формирования социокультурных предпосылок современного менеджмента было складывание и идейное оформление взаимоотношений классов предпринимателей, управляющих и наемных работников.

Эти отношения складывались по-разному в разных странах и в контекстах разных культур в зависимости от их конкретных традиций.

В Западной Европе эти взаимоотношения складывались путем постепенного завоевания рабочими социальных прав в условиях классовой борьбы и развития тред-юнионистских и социалистических идеологий, то есть в ходе развития взаимоотношений непосредственно между предпринимателями, управляющими и наемными работниками. В России формирование взаимоотношений классов капиталистического общества шло при активной регуляции со стороны государства, которое с помощью рабочего законодательства определяло их права и обязанности и контролировало их соблюдение. Государство и царь как его высшее воплощение и персонификация выступали посредником и верховным арбитром в решении конфликтов, к нему, а не к закону и не к предпринимателю апеллировало рабочее движение, поэтому и классовая борьба приняла не социально-экономический, тред-юнионистский, а политический характер, протест против жестокой эксплуатации на производстве революционерам сравнительно легко удалось направить в русло борьбы против государства и капиталистического строя в целом.

В Западной Европе рабочий класс рекрутировался из свободных социальных низов, поэтому отношения рабочих, управляющих и предпринимателей строились на основе формальных правил и законов. В России — основным источником формирования и пополнения рабочего класса были крепостные крестьяне, поэтому в их отношениях с управляющими и хозяевами был силен элемент непреодолимых сословно-классовых различий. В то же время, сохранялись устойчивые личные связи, и фабричное производство

часто управлялось по типу имения. Жизнь рабочих строго контролировалась и регламентировалась не только непосредственно на производстве, но и в нерабочее время и в отношениях, не связанных непосредственно с производством. Так, штрафы — основная форма наказания — налагались мастерами не только за нарушение трудовой дисциплины или технологических норм, но и за агрессивность в коллективе, за обиды и насмешки над товарищами, за употребление бранных слов. В рабочих общежитиях-казармах управляющие также строго контролировали поведение работников и штрафовали за бытовые проступки, в том числе за жестокое обращение с женами и детьми, за пьянство не только на рабочем месте, но и в заводских общежитиях, за шум и азартные игры, а также за нечистоту в помещениях. На многих предприятиях контролировалось соблюдение рабочими религиозных обычаев: их подвергали штрафам за непосещение церкви по воскресеньям и в праздники.

Формирование культуры менеджмента в США, на родине научного менеджмента, шло особым образом, отличным от Западной Европы, несмотря на сходство и генетическое единство культур. Р. Бендикс подчеркивает, что в основе культуры Нового Света лежит культура «сильной личности», обусловленная, во-первых, специфической переселенческой культурой и идеологией, в которой голос «крови и почвы» не имеет той силы, что в традиционных обществах, люди оторваны от своих корней, чужие аборигенные традиции не принимают и борются с ними, постоянно сталкиваются с необходимостью силой оружия расчищать для себя жизненное пространство, завоевывать позиции в условиях относительного равенства возможностей и жесткой конкуренции, социального «естественного отбора».

Во-вторых, духовной основой американского общества, при всем его плюрализме и поликонфессиональности, была протестантская этика с ее культом успеха, прибыли — с одной стороны, и постоянной активной практической деятельности — с другой. Протестант спасается один, без помощи церкви, священнослужителей или общины, подобно тому, как первопроходец-переселенец может рассчитывать только на себя, и здесь протестантский индивидуализм совпал с переселенческой идеологией.

В-третьих, уникальность культурно-идеологической ситуации в Америке состояла в том, что в прошлом веке здесь как нигде более получили распространение идеи социального дарвинизма Спенсера и Мальтуса. В культуре Нового Света они получили оптимистическую интерпретацию, утверждающую борьбу за место в обществе и право сильной личности на лидерство. Причем в XIX в. эта идеология получала широкое распространение зачастую в оболочке религиозных терминов, смыкалась с протестантской этикой богоизбранности и так, на привычном для общественного сознания языке, она быстро и легко усваивалась обществом.

Одной из базовых ценностей американской культуры стал успех как цель устремлений, как основа «американской мечты». Причем на раннем этапе становления культуры успех воспринимается почти исключительно как следствие волевых качеств личности и умения воспользоваться стечением обстоятельств, то есть как нечто иррациональное. Образование и способности, культурный уровень и моральные качества личности не играют принципиального значения для достижения успеха. Важным элементом этой культуры является героизация предприимчивого человека, нашедшая выражение в лучших произведениях американской литературы, например, в творчестве Дж.Лондона.

Р.Бендикс считает, что культ успеха имел принципиальное значение для формирования отношений людей на производстве и распределении ролей: преуспевший человек уже в силу самого своего успеха приобретает не только престиж и положение в обществе, но и моральное право управлять теми, кто оказался аутсайдером. Отношения хозяев и менеджеров с одной стороны и рабочих — с другой на первоначальном этапе становления американской промышленности осознавались именно как закономерное и оправданное господство преуспевших людей над неудачниками. Подобно тому, как в протестантской этике между избранными и отверженными лежит непреодолимая пропасть, между победителями и аутсайдерами в жизни лежит труднопреодолимый психологический барьер, разделяющий также хозяев и управляющих и наемных рабочих. Последние лишаются не формального, а морального права претендовать на льготы и помощь, а уж тем более на участие в управлении, долю прибыли и т.д. Таким образом, складывающаяся система

отношений оказывается весьма жесткой и антагонистичной, и в начале XX в. Америку потряс ряд выступлений рабочих против жестокой эксплуатации и унижения. В начале XX в. началось постепенное смягчение идеологии сильной личности. Оно сопровождалось и изменениями представлений о культуре управления (и общения вообще).

Одним из самых ярких выражений этого изменения стали работы Д. Карнеги, увидевшие свет в 20-е годы и имевшие огромную популярность: в них, по сути, разворачивалась новая концепция взаимоотношения между людьми в деловом общении и управлении. На место борьбы за существование как фундаментального общественного отношения поставлено взаимовыгодное сотрудничество, на место успеха как самодовлеющей ценности приходит успех как постепенное движение вверх на основе способностей, образования и квалификации, на место ориентации рабочих на повышение оплаты труда при безразличии к его конкретному содержанию приходит ориентация на получение удовлетворения от хорошо сделанной работы. Управление из системы контроля за технологической эффективностью труда и стимулирования его производительности с помощью материальной заинтересованности превращается в искусство ладить с людьми и добиваться от них желаемого, заинтересовав их самих в результатах их работы.

Менеджер из начальника, чей авторитет основан на достигнутом успехе, превращается в человека, добившегося своей должности на основе способностей и образования, постоянных профессиональных усилий, умении ладить с людьми и управлять ими. Психологическая пропасть постепенно сужается: ведь в принципе каждый может совершенствовать свои способности. Успех перестает быть чем-то иррациональным, результатом силы личности в соединении со стечением обстоятельств, он становится рационально достигаемой целью, к которой идут путем постоянных сознательных усилий.

§ 3. Цивилизационные особенности культуры труда и управления в экономике.

Каждая страна имеет свои традиции управления, связанные со спецификой мотивации персонала, сложившимися взаимоотношениями между классами-участниками производства, особенностями развития национальной экономики и т.п.

3.1. Социокультурные основания менеджмента в США.

Становление менеджмента как особой науки управления производством происходило в США в начале XX в. Здесь начал складываться «научный менеджмент» Ф. Тейлора и система Г. Форда. Не вдаваясь в проблемы собственно управленческой технологии, рассмотрим ее социальные и ценностные основы.

Основные исходные принципы «научного менеджмента» Ф.Тейлор сформулировал в ставших классическими работах «Управление фабрикой» (1903) и «Основы научного управления предприятием» (1911). Прежде всего, каждый участвующий в производстве индивид здесь рассматривается как изолированный, обособленный от других и ориентированный исключительно на повышение оплаты своего труда. Самостоятельная моральная ценность труда не принимается во внимание, ни рабочий, ни управляющий не стремятся получить от него нематериальное удовлетворение. Трудовой процесс технологически дробится на отдельные по возможности простые операции, выполнение которых доводится до высокого совершенства и большой интенсивности.

В основе системы лежит, таким образом, жесткий индивидуализм, достижительные ценности, в силу которых каждый человек стремится к успеху и росту материального благосостояния, его способности рассматриваются в первую очередь в плане наиболее оптимальной адаптации к работе машин, а не как творческие потенции личности. Управляющий исходит из того, что интересы работника сугубо индивидуальны, его заинтересованность в результате деятельности предприятия в целом ограничивается стремлением максимально увеличить свою производительность с целью получения максимального вознаграждения за труд.

В целом идеология менеджмента, сформированная системой Тейлора, легла в основу «философии контракта», сводящей отношения рабочего и работодателя к продаже максимально эффективной рабочей силы за максимально возможное вознаграждение.

Г.Форд, на производствах которого с успехом применялись конвейерные технологии и другие идеи Ф.Тейлора, считал основой успеха максимальную самоотдачу в труде как предпринимателя, так и всего персонала снизу доверху: «Кто много создает, тот много принесет в свой дом. Рабочий, который отдает предприятию все свои силы, является самым ценным для предприятия»⁵. В то же время, он отрицает необходимость налаживания какого-то особого психологического климата среди рабочих и управляющих: «Чтобы работать рука об руку, нет надобности любить друг друга. Слишком близкое товарищество может быть даже злом, если оно приводит к тому, что один старается покрывать ошибки другого. Это вредно для обеих сторон. Когда мы работаем, мы должны относиться к делу серьезно; когда веселимся, то уж вовсю. Бессмысленно смешивать одно с другим. Каждый должен поставить себе целью - хорошо выполнить работу и получить за нее хорошее вознаграждение. Когда работа кончена, можно повеселиться»⁶. Г.Форд придавал большое значение стремлению рабочих к успеху и продвижению по карьерной лестнице, однако при этом он ни слова не говорит о содержательной стороне труда, об интересе и творчестве у рабочих. Напротив, он утверждает, что большинство людей избегает интеллектуального напряжения (как и физического) и совершенно не нуждается в творческом или эмоциональном удовлетворении от работы.

Но система Ф.Тейлора достаточно быстро обнаружила пределы своего роста. Ее жесткость и индивидуалистичность, концентрация на материальной заинтересованности и упор на механическое выполнение производственных операций существенно ограничивали мотивирующие потенции управления. И современные теории менеджмента, хотя и признают свою генетическую связь с

⁵ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1991, с. 96.

⁶ Там же, с. 74.

«Тейлоризмом», но в содержательном и социокультурном планах ушли от него достаточно далеко.

Дальнейшим этапом развития культуры менеджмента в США была концепция *«человеческих отношений»*, формировавшаяся в конце 20-х - начале 30-х годов и нашедшая выражение в работе *Элтона Мэйо* «Человеческие проблемы индустриальной цивилизации», вышедшей в 1933 г.

В основу концепции «человеческих отношений» легло обобщение результатов так называемого «хоторнского эксперимента», который продолжался с 1927 по 1939 гг. на заводе компании «Вестерн электрик» в Хоторне близ Чикаго. Усилия по повышению производительности труда и снижению текучести кадров, предпринимаемые в духе идей Ф. Тейлора (изменение освещенности рабочего места, температуры и влажности в помещениях, продолжительности перерыва, режима оплаты труда и т.п.) ощутимых результатов не приносили. Э. Мэйо предложил выделить небольшую группу работниц, занятых одинаковой работой, состоящей из однообразных операций, и предоставить им отдельную комнату. Хотя женщинам было предложено работать в среднем темпе, за время эксперимента производительность труда каждой повысилась в среднем на 40 %, что объяснили особым комфортным психологическим климатом и теплыми неформальными отношениями, сложившимися в коллективе.

«Хоторнский эффект» получил осмысление как новая «социальная философия» управления, суть которой состоит в том, что человек более не рассматривается как машина, ориентированная на получение дохода. Произошло осознание и теоретическое осмысление того факта, что на производительность труда рабочих влияют и такие факторы, как психологический климат в коллективе, интерес к труду и моральное удовлетворение от его полезности, эмоциональное состояние и т.д. С точки зрения Мэйо, эффективность работы зависит от налаженности отношений в коллективе и осознания его единства и общей цели. В этих условиях функции менеджера сводятся к налаживанию солидарного, доброжелательного и продуктивного психологического климата, его рациональному анализу и регуляции, гармонизации отношений между рабочими в коллективе и между рабочими и фирмой. Менеджер отличается от рабочего лишь тем, что в силу

своей профессиональной квалификации он способен к рационализации человеческих отношений, в то время как рабочие воспринимают их как данность.

Однако впоследствии теория «человеческих отношений» подвергалась критике, прежде всего за декларативный характер ее гуманизма и абстрактный психологизм практических рекомендаций, мало реализуемых на практике. Современный американский менеджизм стремится избежать ограниченности как «тейлоризма», так и системы «человеческих отношений». Его формирование восходит к идеям таких крупных ученых, совмещавших теоретические разработки с практическим участием в управлении крупнейшими фирмами, как Г.Левитт, П.Дракер, Р.Дэвис, Д. Макгрегор и др.

Американский специалист *Д. Макгрегор* предложил классификацию управленческих подходов к работнику в виде так называемых «теорий X» и «теорий Y».

«Теории X» исходят из того, что большинство людей неприязненно относится к работе и стремится ее избежать. Поэтому люди 1) могут лишь путем жесткого контроля, более или менее жесткого принуждения, страха санкций могут адекватно выполнять свои производственные обязанности; 2) подавляющее большинство людей не хочет брать на себя ответственность и проявлять инициативу, стремится свести к минимуму свое участие в труде и не имеет амбициозных карьерных планов.

«Теории Y» исходят из того, что человек не имеет изначальной неприязни к труду и воспринимает его как наказание или источник удовлетворения в зависимости от обстоятельств. В благоприятных условиях большинство людей естественным образом стремится к самовыражению и раскрытию своего физического, умственного, творческого потенциала на работе, при этом они готовы брать на себя ответственность, проявлять инициативу и не нуждаются в принуждении к труду. При наличии адекватного вознаграждения за работу люди охотно работают не только ради собственного успеха и благосостояния, но и в интересах организации. Макгрегор считал, что управление с помощью «теории Y» может быть гораздо более эффективным, но проблема состоит в том, что в современном индустриальном обществе еще не умеют создавать условия для того, чтобы использовать способности,

инициативу, энергию работника для блага организации. Залогом успеха является умение менеджеров гармонизировать личные интересы и цели работника с интересами и целями организации⁷.

Все большее распространение в современном менеджменте получает модель «единой команды», подкрепляемой психологической установкой на «общую судьбу». Рабочий и служащий рассматриваются не просто как наемные работники, продающие по договору определенное количество труда за определенную плату, а как члены компании, равно заинтересованные в материальном вознаграждении и в моральном удовлетворении от той пользы, которую они приносят для процветания дела. Главной проблемой практического управления здесь становится реальная гармонизация отношений компании и служащих, в том числе в первую очередь гармонизация их ценностных ориентаций. Одна из центральных задач менеджмента — доведение до работника целей и интересов фирмы, вовлечение его в активную творческую работу, поощрение инициативы. Для этого создаются специальные этические кодексы фирм и компаний, формулирующие их «философию» и основные цели не только в непосредственно экономическом, но и в социальном и нравственном аспектах с целью усилить мотивацию персонала. Кратко суть этих этических кодексов обычно выражается в лозунгах типа «IBM — означает сервис» или «Лучшие вещи для лучшей жизни благодаря химии» (химическая компания «Дюпон»).

На место «философии контракта» постепенно приходит «философия общей судьбы», которая считается более продуктивной в современных условиях и отвечает императиву общей гуманизации и демократизации общества. Однако ни в коем случае нельзя говорить о тотальной замене одной школы менеджмента на другую. В современной практике управления производством и бизнесом в целом существует большое количество школ и методик, которые легко меняются в зависимости от эффективности и соответствия реальным требованиям текущего момента.

Важнейшим фактором формирования современных систем управления трудом во всем мире является влияние, вызов со стороны японского

⁷ История менеджмента. М., 1997, с. 194-195.

менеджмента, который обнаружил такую высокую эффективность, что за послевоенные десятилетия не только вывел Японию в число лидеров мирового экономического развития, но и показал, что на пороге XXI в. страна восходящего солнца составляет серьезную конкуренцию США в борьбе за экономическое первенство.

3.2. Социокультурные основы японского менеджмента.

Японский менеджмент представляет собой одно из самых замечательных явлений современной японской и мировой культуры — явление уникальное по своей сути и общезначимое по воздействию, оказанному на мировое развитие науки и практики управления. Пользуясь общеизвестными принципами организации производства и управления, японский менеджмент в то же время в целом представляет собой неповторимую и практически невоспроизводимую в инокультурной среде систему: основатель компании «Хонда Моторс» Такео Фудзикава сказал, что японская и американская системы управления одинаковы на 95% и отличаются во всех важных пунктах. Вот некоторые базовые характеристики японской и американской модели управления (таблица приводится по : Э.А.Уткин. Профессия-менеджер. М., 1992):

Японская модель	Американская модель
ориентация управления на группу	ориентация управления на индивида
Управленческие решения принимаются коллективно на основе единогласия	Индивидуальный характер управленческих решений
Оценка управления по достижению гармонии в коллективе и коллективному результату	Оценка управления по индивидуальному результату
Гибкая структура управления	Формальная структура управления
Коллективный контроль	Индивидуальный контроль
Основное качество руководителя — умение осуществлять координацию действий	Главные качества руководителя — профессионализм и инициатива

Личные неформальные отношения с подчиненными	Формальные отношения с подчиненными
Замедленные оценка работы сотрудника и служебный рост	Быстрая оценка результата работы, ускоренное продвижение по службе

Специфика японского менеджмента обусловлена в первую очередь социокультурными, ценностными и мировоззренческими особенностями японского общества и его эффективность может быть понята только в связи с этой спецификой.

Прежде всего, японская культура основывается на прочных межличностных связях, устойчивом коллективизме. Отсюда — привязанность японцев к фирме как семье — знаменитая фирма-семья. Важнейшими принципами организации производства в Японии являются «три божественные дара»: пожизненный найм, постепенный рост заработной платы и продвижение по службе с выслугой лет, организация профессиональных союзов непосредственно на фирмах. Таким образом фирма действительно становится для японца семьей, приверженность которой культивируется не только с помощью специальных этических кодексов, гимнов, совместных мероприятий, но и глубоко укоренена в архетипе сознания. Для японца фирма-семья является основной референтной группой: он интравертен, то есть его сознание обращено внутрь коллектива, он не просто считает себя членом коллектива, как это имеет место на Западе, но определяет себя как личность по отношению к своему коллективу.

Коллектив служащих японских компаний имеет сложную внутреннюю иерархическую структуру, и членство в коллективе для индивида неразрывно связано с его статусом. Люди западной культуры, оказывающиеся в японских коллективах, часто испытывают дискомфорт от царящего там «феодалного» деления на ранги и соблюдения соответствующих церемонных норм поведения. Осознающий свою глубокую внутреннюю связь с коллективом, органично встроенный в его иерархию индивид не нуждается в дополнительных мерах по поддержанию дисциплины и субординации, а соблюдает их на основе внутренней культуры. И такие внешне нормативно не закрепленные стереотипы поведения оказываются весьма устойчивыми. Так, руководитель имеет в

японском коллективе огромную, по сути авторитарную власть, однако он, оставаясь членом коллектива, не может нарушать нравственные и статусные нормы, обязан считаться с мнением коллектива — ответственные решения принимаются всем коллективом через систему консультаций снизу доверху (ринги). Если руководитель выходит за рамки допустимого, коллектив всегда находит возможность повлиять на него.

В японском коллективизме, укорененном в самых глубинных основах культуры — принципиальное отличие от описанных американских «человеческих отношений» и философии «общей судьбы», т.к. там общность, принадлежность к коллективу объединяет все же изначально изолированных индивидов, сознающих себя именно как автономные личности, лишь в интересах дела объединенных общей судьбой.

Само понимание компании, ее целей и принадлежности в Японии иное, чем на Западе. В западных теориях компания рассматривается как собственность акционеров, а менеджеры и работники нанимаются по контракту и обязаны обеспечивать получение максимальной прибыли и рост рыночной стоимости компании в целом. В случае, если они не удовлетворяют требованиям и ожиданиям акционеров, последние на своих собраниях имеют возможность не только корректировать деятельность менеджеров, но и менять состав наемных управленцев. В краткосрочной перспективе конкретной задачей менеджеров является выплата максимальных дивидендов раз в квартал или в полгода, что, безусловно, связывает стратегические возможности управления.

В Японии компания считается собственностью не только акционеров, но и менеджеров и работников, при этом менеджеры и работники выступают как более значимые субъекты ее деятельности. Целью компании в японском понимании является ее стабильное развитие в целом в долгосрочной перспективе. Ради реализации этой цели выплаты дивидендов осуществляются по «остаточному принципу»⁸.

Менеджеры всех уровней и работники являются в Японии «людьми компании», не нанятыми со стороны для осуществления какой-либо конкретной

⁸ Отличительные черты управленческой системы японских компаний // Японский феномен. М., 1996, с. 128-131.

программы, а «выросшие» внутри компании, «воспитанные» ею, прошедшие, как правило, от низших до высших должностей. Важнейшей чертой японских менеджеров и работников является их преданность компании, чувство долга перед ней, в отличие от западных коллег, их практически невозможно переманить в другую структуру даже существенно более высокой зарплатой.

Важнейшей организационной особенностью японских компаний является постепенное дополнение пожизненного найма отработанной системой продвижения по службе и повышения зарплаты с выслугой лет. В основе этих организационных принципов, нерациональных с точки зрения западного менеджмента, лежит представление о приоритете опыта и приверженности традиционным ценностям трудолюбия, почитания вышестоящих в статусно-иерархической системе и преданности компании перед всеми остальными качествами работника.

Принцип пожизненного найма предельно обостряет вопрос о подборе кадров. В японских компаниях кадровая политика составляет одно из важнейших организационных направлений, в котором занято много высококвалифицированных специалистов. Подбор кандидатов на пожизненный найм начинается со студентов колледжей. В японской кадровой политике молодежь имеет приоритет, поскольку профессиональная квалификация и мастерство приобретаются на конкретном рабочем месте, в соответствующем подразделении фирмы в рамках развитой системы ученичества. При приеме на работу имеет значение не столько уровень профессиональных знаний и подготовка, сколько личные качества кандидата — трудолюбие, способность к социальной адаптации, пиетет к традиционным иерархическим отношениям и готовность разделять ценности компании⁹.

Для сравнения стоит упомянуть Г.Форда, который также предпочитал «выращивать» руководителей на своих производствах от самых низших рабочих должностей, стараясь не делать исключений. Поэтому он тоже не нанимал «готовых» квалифицированных специалистов. Но при приеме на работу его интересовали исключительно деловые, профессиональные качества претендентов, а не их личные достоинства и моральные качества.

⁹ Своеобразие системы мотивационного управления персоналом // Там же, с. 143-144.

Каждый принятый в компанию на условиях пожизненного найма проходит курс обучения — возможно как без отрыва от производства, так и с отрывом. При этом в течение службы он должен поработать на всех уровнях и во всех подразделениях фирмы, досконально изучить все проблемы и задачи и таким образом подготовиться к работе на высоком управленческом уровне. Таким образом, для способного человека в японской системе менеджмента существует реальная возможность профессионального роста. Здесь существует гармония между стремлением к продвижению в должности, условиями для постоянного повышения квалификации и реальными возможностями должностного роста.

В японской культуре, как и в российской, важную роль играют мобилизационные ценности, порождающие массовый энтузиазм в решении поставленных начальством (или государством) задач. Плодом такой мобилизационной культуры явился приход молодых самураев в экономику в период реформ Мейдзи, а также и рост качества японских товаров в послевоенный период. В начале 50-х годов японские лидеры осознали, что для рывка в экономической сфере необходимо прежде всего повышение качества выпускаемых товаров. Тогда Союз японских ученых и инженеров начал национальную программу повышения качества, включавшую многочисленные семинары, кружки, лекции. В 1950 г. была учреждена премия имени американского ученого Э. Деминга, идеи которого легли в основу всей программы. Теперь премия Деминга является наиболее престижной наградой в области качества, торжества по поводу ее вручения транслируют по телевидению и в них периодически принимает участие сам император. Благодаря интенсивным усилиям японцам удалось не только разрушить образ национальной продукции как некачественной, но и утвердиться на мировых рынках и в сознании потребителей в качестве лидеров качества.

Японцы привержены равенству и стабильности, здесь неприемлемы крайние формы проявления расслоения общества и считается бестактностью проявление превосходства в какой-либо форме. Соответственно отношения на производстве, сама организация производственных помещений, столовых, автостоянок, форма спецодежды — все служит наглядному выражению единства коллектива: здесь не приняты отдельные кабинеты у начальства,

вместо них - членение общего производственного пространства легкими перегородками, общие столовые и автостоянки, одинаковая форма одежды. Показательно, что попытки введения подобных принципов организации производственных помещений, отмена статусных знаков на спецодежде и т.п. в США и Западной Европе встретили протесты работников, поскольку видимый знак статуса, привилегии в виде отдельных кабинетов, специальных столовых и автостоянок и т.п. воспринимаются здесь как символы успеха, к ним стремятся и видят в них признаки состоятельности личности. В японских же коллективах внутреннее сознание иерархии так сильно, что не нуждается в подкреплении с помощью внешних атрибутов.

В кризисных ситуациях в японских компаниях прежде всего сокращают заработную плату менеджерам среднего и высшего звена, а уж затем начинают переговоры с профсоюзом о сокращении зарплаты рабочим и служащим, а когда кризис преодолен, повышают оклады прежде всего рабочим. В американских же компаниях в таких ситуациях прежде всего начинают переговоры с профсоюзами о сокращении зарплаты рабочим, и если они проходят успешно, ведущие их управленцы получают крупные премии¹⁰.

Другой особенностью японской культуры, существенно повлиявшей на японский менеджмент, является ее ориентация на контекст, на реальную ситуацию и приспособление к ней. Мир японца — это прежде всего феноменальный мир здесь и сейчас, и его стремление вписаться в него обуславливает гибкость культуры и личности, высокую адаптивность. Японцы ориентированы на поиск решения тех конкретных проблем, которые ставят перед ними новые экономические, политические, технологические условия. Поэтому менеджеры японских компаний не скованы жестко предписанной программой или стратегической линией развития, а в зависимости от обстановки на рынке легко маневрируют, меняя стратегию и тактику действий.

Отношения рабочих и предпринимателей, труда и капитала в Японии лишены антагонизма не только благодаря принадлежности к единой фирме-семье, но и вследствие более глубоких особенностей сознания: в японской культуре нет непримиримых противоречий, жестко противопоставленных

¹⁰ Там же, с. 133.

понятий. Это не культура «или-или», а культура, допускающая одновременное существование и развитие противоположенных начал. Этика японцев не знает абсолютного добра и зла, все категории размыты и погружены в конкретный контекст, лишь по отношению к которому они и могут быть определены. Здесь не может быть противоречия между конкуренцией и сотрудничеством — для японцев одинаково правомерно и необходимо и то, и другое, причем одновременно. Справедливость также не абстрактное понятие и даже не группа абстрактных понятий, а гибкое понятие, близкое к целесообразности, причем целесообразности, выражающей интересы и мнение большинства (коллектива, нации).

Формой адаптации к быстро меняющимся условиям современного научно-технического прогресса у японцев является их уникальная страсть к учебе, культ знаний. Японец учится всю жизнь, с раннего детства малышей отдают в разного рода кружки и секции (детские сады посещают 90% пятилетних детей, а японский школьник учится в среднем 240 дней в году, в то время как американский — 180), школьники как правило посещают дополнительные занятия (школы "Юку"), на производстве все регулярно проходят курсы повышения квалификации и переобучения, с тем чтобы как можно более полно в течение трудовой жизни узнать разные направления деятельности фирмы и разные звенья технологической цепочки. Постоянно действуют «кружки качества», где рабочие и служащие углубленно занимаются рационализацией производства.

Трудолюбие и усердие японцев - широко известная черта их культуры и фундаментальная основа японского менеджмента. Корни японского трудолюбия являются постоянным предметом исследований как европейских и американских, так и японских ученых, и о них существует целый ряд гипотез. В веберовской научной традиции корни японского трудолюбия видят в конфуцианской религиозной этике и специфических мирских ориентациях некоторых дзэнских сект, а также в этике долга и служения, выработанной государственным культом синтоизма. Еще в период преобразований Мэйдзи во второй половине XIX в. молодые самураи переосмыслили свой долг служения и интерпретировали его как подъем национальной экономики, с тем, чтобы страна заняла достойное место среди развитых экономических держав.

Успех для японца — воспринимается не как результат везения или способностей, а прежде всего усердия. С детства они учатся терпению, настойчивости и целеустремленности, их девиз — «нагнуться за последним рисовым зернышком». Целостное мировосприятие японца не знает противопоставления рабочего времени и досуга, это две стороны единого образа жизни, и обе в равной степени желанны. Поэтому японец отдает работе больше времени, чем европеец или американец и это не кажется ему ненормальным.

Однако современный японский менеджмент знает не только успехи, но и сталкивается с существенными проблемами и трудностями. Корни этих трудностей, так же, как и успехов, следует искать в социокультурных основаниях менеджмента. Главная из проблем возникла из-за противоречия традиционного коллективизма и потребностей научно-технического прогресса. Коллектив с его организованностью, дисциплиной, налаженной взаимопомощью является прекрасным исполнителем проектов, и при активной закупке патентов за рубежом воплощение их в жизнь японскими коллективами было весьма плодотворной формой организации производства.

Однако в настоящее время, в условиях жесткой конкуренции в наиболее передовых отраслях современного производства — информатике, телекоммуникации и т.д. — зарубежные научно-технические разработки уже не могут обеспечивать лидерство Японии, необходимы собственные идеи. Но генерировать новые идеи способна лишь творческая личность, автономная и независимая в своем мышлении. Сохранение традиционного коллективизма и соответствующих ему форм управления производством ставит под угрозу способность удерживать лидирующие позиции в современном наукоемком производстве. Выход из создавшегося положения японцы пытаются искать на пути приспособления традиционных структур к новым условиям, создания «коллективов» или «институтов» творческих личностей.

С другой стороны, среди молодежи социологи отмечают рост индивидуализма, стремление к созданию собственного дела, к большей независимости от фирмы, от коллег, к быстрому, а не постепенному, зависящему от выслуги лет, повышению доходов, к росту гедонистических установок. Поэтому «три божественные дара», лежащие в основе японской

организации и менеджмента, в настоящее время постепенно подвергаются пересмотру. Пожизненный найм, привязывающий человека к фирме, уже не удовлетворяет стремящуюся попробовать свои силы в разных сферах деятельности молодежь, а зависимость оплаты труда и должности от выслуги лет не удовлетворяет самолюбия и не всегда соответствует реальным возможностям современного высокообразованного специалиста.

Традиционный «закрытый» рынок труда, основанный на принципе пожизненного найма, в Японии сосуществует с «открытым» рынком свободной рабочей силы¹¹. «Открытый» рынок охватывает те сегменты трудовых ресурсов, которые остаются за пределами традиционной (и более престижной) системы пожизненного найма — мелких предпринимателей, низко квалифицированных, «второсортных» работников и т.д. Этот срез японского рынка труда неоднороден, на нем наиболее ярко просматривается стратификация общества. Но «закрытый» и «открытый» рынки труда не только противопоставляются друг другу, но и взаимодействуют, поскольку часть самостоятельных мелких предпринимателей постоянно вовлекается в орбиту влияния крупных компаний, наиболее подготовленные специалисты переходят в сферу традиционной «закрытой» занятости, в то время как индивидуалистически ориентированная молодежь все чаще рискует начинать собственное дело.

3.3. Социокультурные особенности управления и организации хозяйства в России.

Формирование культуры менеджмента, так же, как и менеджерских идеологий и технологий, в дореволюционной России только лишь начиналось. Социокультурная специфика этого процесса, по мнению Р.Бендикса, состояла в том, что она формировалась на фоне идеологии служения, которой были проникнуты все сословия. В этом ценностном контексте и с точки зрения официальной идеологии и рабочий, и управляющий, и хозяин, выступали как работающие во имя процветания России. Однако нам такая оценка

¹¹ Своеобразие системы мотивационного управления персоналом // Японский феномен. М., 1996, с. 141.

представляется упрощенной: Р.Бендикс недооценил социального и идейно-культурного антагонизма классов в дореволюционной России. Реально хозяин фабрики и управляющие представляли как отчужденный эксплуататор (в отличие от помещика, с которым крестьяне в гораздо большей степени были связаны личными отношениями, а до провозглашения во второй половине XVIII в. «вольностей дворянских» и обязанностью служить государству, хотя и в разных качествах). Совместное служение процветанию державы было оттеснено на периферию сознания, на первый же его план выдвигалось осознание отчужденности принципиальных интересов рабочих и предпринимателей и представляющих их управляющих. Посредничество государства, которое пыталось регулировать отношения рабочих и предпринимателей с помощью рабочего законодательства (которое в России было, по мнению специалистов, самым совершенным в мире), не сняло остроты классовых антагонизмов, но привело к тому, что, как уже упоминалось выше, гнев на эксплуататоров обратился против государства.

Развитие управленческого искусства и идеологии шло в Советском Союзе, когда о предпринимательстве и его идеологии уже не могло быть и речи. В этот период действительно и руководитель предприятия — «управленец», и инженер, и рабочий служили общему делу, могуществу и процветанию государства, созданию материально-технической базы социализма и коммунизма и руководствовались единой коммунистической идеологией. Необходимость развития советского искусства управления сразу понял В.И.Ленин и сформулировал требования к нему в работе «Очередные задачи советской власти» в 1919 году. В его понимании технология менеджмента выступала как «внеклассовая» и он предлагал заимствовать передовой опыт Запада, который воплощался в то время в теории Тейлора и на производствах Г.Форда. С другой стороны, энергичный изобретатель и организатор из народа, самородок (американский *self-made man*) превращается в образец для нового социалистического хозяина и противопоставляется нерешительному и безынициативному, хотя и образованному «старому управленцу»: «Мы очень много говорим об американизме, а между тем американизм должен характеризоваться... прежде всего неизбывной энергией. Все великие изобретатели и дельцы вовсе не были людьми, получившими высшее или даже

среднее образование. Они были энергичными самородками, которые могли в любом брошенном вагоне или же просто в пустыре сделать изобретение — и им победить. Очевидно, тот тип культурного человека, который нам придется создавать в унисон с развивающимся хозяйством, будет характеризоваться не теми чертами, которые интересовали старую русскую, - начитанную, но неряшливую интеллигенцию... Самая культура в нашем понимании — есть не что иное, как техническая и социальная сноровка»¹².

Однако теория научного менеджмента Тейлора была не просто набором технологических и организационных приемов, а опиралась на собственную концепцию человека, была продуктом развития американской культуры. И в период ее интенсивного заимствования в конце 20-х - 30-х годах в Советской России формировалась специфическая субкультура, характерными чертами которой были вера в безграничность возможностей человеческого разума и науки, в то, что призвав на помощь достижения техники, воистину чудодейственные машины человек способен «покорить пространство и время», а также проникнутое особой оптимистической аскезой стремление к самореализации личности через созидательный труд. Вот характерный образец пропаганды научной организации труда 20-х годов, взятый из книги одного из ведущих тогдашних специалистов в этой области, организатора и заведующего Центрального института труда А.К.Гастева: «Мы возвеличиваем станок... Мы призываем рабочих к активности. Мы говорим им, что... расчет твоих функций, постоянное твое собственное творчество — это лучшие реформаторы производства. Если бы даже все производство было механизировано, если бы все было поставлено на конвейеры и движущиеся ленты, мы знаем, что вместе с этим надо поставить задачу воспитания особого скоростного человека с его быстрой реакцией, с его способностью всегда быть настороженным и в то же время расходовать минимум нервной энергии... Можно еще много говорить о том, является ли рабочий "придатком" машины или нет, но ясно одно, что ушло безвозвратно время, когда можно было говорить о "свободе" рабочего по отношению к машине, а тем более по отношению к предприятию в целом»¹³.

¹² Гастев А.К. Как надо работать. М., 1972. с. 95.

¹³ Там же, с. 170-171.

Пафосом веры во всемогущество науки и техники, подлинным возвеличиванием машины проникнуты созданные в тот период произведения советских писателей и поэтов (см. А.Платонов "Ювенильное море" и др.)

Однако реально привить на российской/советской почве достижения западной организации производства оказалось сложнее, чем представлялось с идеологических позиций, поскольку западные менеджерские технологии основывались на другой культуре труда, на той культурной базе, которая была заложена католическим практицизмом и пуританской этикой рационального трудолюбия за два столетия до возникновения научного менеджмента.

В советской промышленности наиболее действенными оказывались идейные мобилизационные факторы, типологически и генетически связанные с дореволюционной идеологией служения и сплачивающие общество на быстрое достижение единой цели при максимальном напряжении всех сил: индустриализация, создание военной экономики в условиях смертельной опасности военного поражения, восстановление народного хозяйства после войны. Для российской хозяйственной культуры характерна аритмичность и импульсивность, чередование периодов максимального напряжения сил, «штурмовщины», когда невероятным усилием воли и мобилизацией всех физических, интеллектуальных, материальных и т.д. ресурсов быстро достигаются поразительные результаты, и расслабления и даже безделья.

Однако для мобилизации необходимы высшие духовные, идеологические, нравственные стимулы, типа программы индустриализации отсталой страны в течение одной пятилетки, героизация труда, приравнивание его по смыслу к неэкономической, более почитаемой в русской культуре деятельности — например, к защите Отечества, к сражению — «Дни работы жаркие, на бои похожие...» — поется в известной советской песне. Стахановское движение, явившееся мощным стимулом роста производительности труда, при всей его массовости было также мобилизационным движением. Породив массовый энтузиазм, оно не привело, тем не менее, к формированию культуры постоянного, систематического, рационально организованного труда, подобного той, которую на Западе сформировала протестантская этика.

Поэтому постоянным фактором управления производством и организации труда в советский период были попытки искусственного воссоздания мобилизационных ситуаций, например, социалистическое соревнование за выполнение и перевыполнение пятилетних планов, спущенные сверху и идеологизированные кампании типа «Пятилетке качества — рабочую гарантию» или «Экономика должна быть экономной». Однако без реально осознанной необходимости мобилизации или жесткого репрессивного аппарата эти кампании оказывались неудачными вследствие слабости повседневной, срединной трудовой культуры.

Ее рост стремились обеспечивать и поддерживать с помощью материального и морального стимулирования. В советский период были отработаны системы премирования особо производительного и качественного труда, а также его морального поощрения — вручения «переходящего красного знамени», присвоения почетных званий как отдельным работникам, так и трудовым коллективам. Широко практиковались мероприятия, связанные с моральным поощрением, героизацией и широкой пропагандой трудовых достижений и новаторства — митинги, собрания, чествования и награждения победителей социалистического соревнования. Вехи и этапы трудовой биографии человека рассматривались как наиболее значимые события жизненного пути.

Система пропаганды была ориентирована на максимально широкое освещение трудовых достижений — как страны в целом, так и отдельных отраслей, предприятий, работников, отчеты о которых занимали «львиную» долю объема массовой информации. Имена особо отличившихся передовиков производства знала вся страна, они становились примером для коллег и образцами воспитания молодежи. В советской массовой культуре существовал особый «производственный» жанр, дань которому были вынуждены отдавать все виды искусства и почти все крупные деятели культуры. Целью пропаганды было формирование устойчивой ценностной ориентации на труд, усердие, новаторство.

К молодежи была обращена развитая система профессиональной ориентации, в основе которой лежали ценности самоотверженного труда, трудовой героизм. В нее входила как профессиональная ориентация в рамках

школьного образования, издательские программы и серии (типа «Биография мастерства»), в доступной и привлекательной форме рассказывающие о тех или иных профессиях и производствах, различные кружки по ознакомлению с теми или иными профессиями («юные железнодорожники», «юные агрономы» и т.п.).

В качестве наиболее уважаемых преподносились рабочие профессии, связанные с материальным производством, которое в соответствии с материалистической доктриной общественного развития и провозглашением «ведущей роли рабочего класса и трудового крестьянства» в обществе считалось приоритетной сферой экономической и социальной жизни. В то же время, можно отметить несовпадение реальных и официальных приоритетов: несмотря на навязчивую пропаганду рабочих профессий, сохранялся традиционно высокий престиж высшего образования, инженерного и гуманитарного.

Управленческие технологии в Советском Союзе достигли значительных успехов, особенно в приоритетных высокотехнологических и оборонных отраслях, где действительно удалось достичь весьма высокого уровня организационной культуры, производительности, исполнительности и дисциплины. Работнику была свойственна высокая самоотверженность, увлеченность поставленной задачей. Однако существовавший в реальности разрыв между высоким идейным порывом, эмоциональным напряжением, уровнем квалификации — и низкой оплатой труда, слабостью социальной сферы, трудностями быта, а порой и чисто организационной и экономической нерациональностью проектов подрывал советскую организационную культуру. Ориентации на новаторство, техническое творчество, рационализацию труда, которые культивировались профессиональным образованием и массовой пропагандой, подрывались бюрократической системой, затруднявшей внедрение новаций, а часто и практической незаинтересованностью в них.

В постсоветской России управление в промышленности развивается как на основе советской традиции, наследуя и позитивные (инициатива, исполнительность), и негативные (бюрократическая заорганизованность) ее стороны, так и по пути заимствования современных достижений у экономически развитых стран. Особенностью условий развития управления является многоукладность формирующейся рыночной экономики и

разнообразие форм собственности, переходный характер многих структур как в обществе и хозяйстве в целом, так и на конкретных предприятиях. Исследователи отмечают высокую значимость для мотивации труда и развития отношений на производстве в 90-х гг. таких новых социальных реалий, как страх потери работы и низкий уровень доходов трудящихся. В то же время, и на частных предприятиях сохраняются ориентации на умеренный коллективизм, солидаризм, основанный на возможности сочетать личные и общие интересы. В отношениях с руководством предпочтение отдается патерналистскому стилю, традиционному для России¹⁴.

В постсоветский период, характеризующийся спадом производства, разрушением устоявшихся связей, социокультурной аномией, изменением институциональных основ хозяйства оказались особенно востребованы ситуативные и кризисные методики управления.

3.4. Особенности управления трудом в постиндустриальном обществе.

Постиндустриальная эпоха, наступление которой существенно изменило облик производства и мира в целом, предъявила новые требования и к управлению трудом. Прежде всего, его роль в современном мире существенно повысилась, глобализация экономики привела к тому, что организаторы-менеджеры решают проблемы управления уже в масштабах не предприятия, а сетей взаимосвязанных фирм, зачастую расположенных в разных частях света.

Помимо объема решаемых менеджментом проблем в постиндустриальном обществе изменилось и их качество. Прежде всего, характер рабочей силы принципиально отличается от того, с которым имел дело, например, основатель «научного менеджмента» Ф.Тейлор: программист за компьютером или оператор за пультом управления промышленными роботами имеют иной менталитет и психику, нежели сборщик за конвейером. Изменение

¹⁴ Трудовые отношения на новом частном предприятии. М., 2000, с. 35-38, 80-83, 95.

характера производства и рабочей силы требуют иных подходов к управлению, иной культуры и «философии» менеджмента.

Постиндустриальная культура менеджмента основана, как и постмодернистское сознание в целом, на децентрализации субъекта и плюрализме ценностей, что неминуемо ведет к снижению значения авторитетов, отрицанию абсолютных истин и высших принципов. Специфика культуры и менталитета постмодерна в отличие от модерна — отход от рациональности, которая здесь перестает быть главным, конституирующим свойством культуры. Постмодерн ищет решения не только в рациональном научном знании, но и в иррациональных тайнах человеческой психики, он требует соединения точных универсальных знаний с относительными и локальными идеологическими, религиозными, этическими, эстетическими ценностями. В отличие от индустриального менеджмента, постиндустриальный не может исключить из системы принятия решений локальную культурную специфику рабочей силы, господствующие социополитические идеалы и моральные ценности. Соответственно, и конкретные методики и технологии менеджмента становятся более психологизированными и близкими человеку, учитывающие не только его рациональные мыслительные способности, но и игру как способ бытия — например, деловые игры получили широкое распространение в качестве метода принятия решений. Одной из фундаментальных культурных основ управления трудом в постиндустриальном обществе является признание того факта, что наемные работники озабочены не только получением высокой оплаты за свой труд, но и моральным и психологическим удовлетворением от него, возможностью самореализации в труде и повышения своего профессионального и интеллектуального уровня и социального статуса.

В постиндустриальном производстве трудовые отношения и управление основывается на постоянной работе с персоналом, направленной не только на активизацию чисто профессиональных способностей, повышение квалификации и самоотдачи работников, но и на гармонизацию отношений и психологического климата, способствующие развитию личности. Растет значение «человеческих ресурсов», качество которых все чаще включается в «нематериальный актив» компаний, ориентация на диалог и партнерство

руководства с персоналом. Управление приобретает «советующий» характер, а критика руководства со стороны подчиненных легализуется, приобретает формы «обратной связи».

Для постиндустриального менеджмента характерна ориентация на образованную, динамичную молодежь, способную не только быстро осваивать производственные операции, но и имеющую стремление к перемене деятельности, к внедрению и испытанию нового.

В целом в постиндустриальном производстве применяется множество методов управления и развиваются разнообразные школы менеджмента, ни одна из которых не является доминирующей. Модели менеджмента применяются гибко и меняются в зависимости от эффективности и целесообразности в конкретных условиях и в зависимости от конкретных задач.

ТЕМА 10. СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА* И ДЕЛОВАЯ ЭТИКА.

Исторические и социальные истоки идей социальной ответственности предпринимательства. Исторические формы социальной ответственности предпринимательства: концепция «социального служения», благотворительность и меценатство как социальное служение, экономический рост как социальное служение предпринимательства.

Концепции социальной роли и социальной ответственности предпринимательства. Критерии нравственной оценки деятельности бизнеса. Сферы нравственной ответственности бизнеса: инвестиции, производство, экология, найм и занятость.

Проблема регуляции и контроля социальной ответственности частного предпринимательства. Внешний и внутренний контроль. Дискуссии сторонников и противников внешнего контроля за социальной ответственностью бизнеса. Формы внутреннего контроля.

Социально-ответственное предпринимательство и нравственное состояние общества.

Деловая этика — нравственные отношения между участниками делового предприятия. История формирования нравственных предпосылок деловой жизни. Концепции утилитаризма и прагматизма. "Принцип триплета" Д. Брейбука.

Этические отношения между равными субъектами: нравственные аспекты конкуренции и обмена. Этические отношения между фирмами и наемными служащими: проблемы эксплуатации и манипулирования личностью, конфликта между моральными ценностями индивида и его ответственностью перед фирмой.

Способы поддержания нравственности деловой жизни: концепции этической саморегуляции рынка и сознательного включения этического измерения в деловую практику. Этические кодексы компаний. Деловая этика и нравственный климат в обществе.

* В данной главе понятия «предпринимательство» и «бизнес» используются как синонимы.

Проблема социальной роли и ответственности предпринимательства является одной из наиболее актуальных для обществ с развитой экономикой. Ее возникновение обусловлено растущим влиянием предпринимательства как института рыночного общества на социальные, политические, культурные процессы, вектор которого не обязательно благоприятен для общества в целом. Впервые эта проблема была остро поставлена во второй половине XIX века, тогда же сформировались основные виды взаимодействия предпринимательства с обществом и концепции социального служения и социальной ответственности. В условиях глобализации на рубеже XX—XXI вв., когда у предпринимательства появились реальные возможности уходить не только от налогов, но и от всех прочих социальных обязательств, принятых на себя ранее, проблема социальной ответственности снова стала злободневной и острой. Ее решение лежит не в декларациях и призывах, раздающихся в адрес крупного бизнеса, а в особенностях функционирования института предпринимательства, обусловленных социокультурной средой.

Проблематика социальной ответственности предпринимательства тесно переплетается с проблематикой деловой этики. В западной (англоязычной) научной литературе для них существует одно понятие «этика бизнеса», которое подразумевает 1) нравственные аспекты взаимоотношений бизнеса и общества, 2) собственно деловой этики, а также 3) в самом широком смысле всю совокупность ценностей и норм, определяющих и регулирующих предпринимательскую деятельность.

§ 1. Концепции «социального служения» предпринимательства

Развитие капиталистического предпринимательства и втягивание в его орбиту все большего количества людей разных профессий, национальностей, конфессий, классов и сословий (втягивание в рынок, наряду с «третьим сословием», дворянства, крестьян, рост промышленного пролетариата за счет аутсайдеров других социальных

групп) обусловило его превращение в мощную социальную силу. В то же время, сфера экономики стала приобретать все более значимую роль в общественной жизни в целом. Хозяйственная деятельность из сферы жизнеобеспечения общества, занимающей периферийное, подчиненное место в системе ценностной иерархии традиционной культуры, превратилась в самодостаточную и самоценную область, все более заметно влияющую на политику и государственное устройство, на общественную жизнь, научную и общественную мысль, художественную культуру. В период становления зрелого индустриального капитализма во второй половине XIX в. возникла проблема его взаимоотношений с обществом — легитимации институциональных основ капиталистического предпринимательства, завоевание доверия и престижа, оптимизации взаимодействия с государственными, социальными, политическими институтами.

Проблематику взаимодействия института предпринимательства и общества не следует смешивать с проблематикой духовной легитимации капиталистического предпринимательства как процессом вызревания в культуре специфических ценностных ориентаций, норм, поведенческих стереотипов, позволяющих принять эту деятельность как достойную и нравственную. (Процесс становления духовных предпосылок капитализма на Западе был рассмотрен нами в Главе 4). Взаимодействие бизнеса и общества касается института предпринимательства, в то время как его духовная легитимация происходит на личностном уровне. Естественно, что институциональный и личностный уровни легитимации капиталистического предпринимательства взаимосвязаны: чем устойчивее духовные предпосылки предпринимательской деятельности индивида, тем быстрее организуется гармоничное взаимодействие между институтом бизнеса и обществом.

В формировании системы взаимоотношений между институтом предпринимательства и обществом определяющую роль играет социокультурная традиция: она определяет место предпринимательства на шкале социально значимых ценностей, статус экономической деятельности, соотношение между индивидуальными достижительными ориентациями и ценностями солидарности и

служения общественному благу и т.п. Динамики всех этих ценностей и норм и определяет формы взаимоотношения между бизнесом как социально-культурной подсистемой и обществом в целом. Так, российская традиция обусловила специфические сложные взаимоотношения между предпринимательством и обществом и такие особенности их регуляции, как беспрецедентное развитие купеческого меценатства.

Характер взаимодействия института бизнеса и общества менялся на разных этапах развития капитализма. Известный американский социолог Р.Бендикс выделил два этапа формирования взаимоотношений между институтом бизнеса и обществом.

На первом этапе развития промышленного капиталистического производства основной идеологической и нравственной проблемой было его оправдание, легитимация в глазах общества. На этом этапе определяющей является идеология «служения предпринимательства обществу».

На втором этапе, когда предпринимательство достаточно утвердилось в обществе и приобрело необходимый престиж, происходит переход от его «самооправдания» к формированию представлений о социальной ответственности бизнеса.

1.1. Социально-культурные истоки концепции «служения предпринимательства обществу»

Капитализм как новый уклад хозяйственной жизни, с самого начала своего существования даже при наличии его глубинной социокультурной легитимации в виде протестантской морали встречал осуждение в обществе. Причиной служили, во-первых, жестокая эксплуатация наемных работников, положение которых на первых порах оказалось существенно хуже положения традиционных ремесленников или даже крестьян, во-вторых, порождаемая им жесткая конкуренцию между новым классом предпринимателей-буржуа и традиционными хозяйственными классами и политическими элитами. В-третьих, важнейшей причиной слабости социальной и нравственной

легитимности института капиталистического предпринимательства в эпоху его становления служила его неразрывная сущностная связь с рынком, вследствие которой насаждалась абсолютизация и универсализация рыночной рентабельности как базового принципа не только экономических, но и вообще социальных отношений. Восходящий новый социальный класс руководствовался сам и активно навязывал обществу представления о том, что все несостоятельное по критериям рыночной эффективности — а таковыми оказывались и социальная взаимопомощь, и развитие наук, искусств, образования и т.д., — не имеет права на существование. Прежние солидаристские и патерналистские структуры, а также абсолютистское государство, ранее принимавшее на себя значительную долю расходов по поддержке культуры, разлагались и утрачивали прежние возможности. Поэтому с утверждением предпринимательства как господствующего социального класса и базового социально-экономического института совпало невиданное падение благополучия населения, утрата социальных гарантий, предоставляемых прежними солидаристскими структурами, ухудшение морального климата и нарастание социальных противоречий (см. также тему 2). Все это вызывало недоверие к новому институту, выразившееся в обострении социальных конфликтов, распространении антикапиталистической идеологии (в том числе и в форме марксизма). Нравственная правота, а значит, и сочувствие, и легитимность оставались у социальных групп, противостоящих предпринимательству. В то время как, пользуясь терминологией П. Бурдьё, экономический и политический капитал нового института рос, символический капитал не только не прибавлялся, но концентрировался на противоположном социальном полюсе.

Таким образом, легитимация, нравственное оправдание в глазах общества, было основной социокультурной проблемой капиталистической предпринимательской деятельности и самого индустриального развития на первом этапе их становления. Причем отмечается нарастающая заинтересованность предпринимательства в нравственной легитимации их деятельности.

В России, где не сложились устойчивые духовные предпосылки капиталистического предпринимательства на личностном уровне,

институт предпринимательства также сталкивался со сложными проблемами во взаимоотношениях с обществом. В интеллигентских и особенно в демократических кругах предприниматели воспринимались как эксплуататоры, накапливающие свои капиталы на страданиях и бедствиях народа. Бюрократия не могла принять стремления к самостоятельности, и отказывалось увидеть в деловых кругах самостоятельную общественную силу. Несмотря на растущий экономический потенциал, предпринимательство оставалось действительно «третьим» сословием. Фактором, подрывающим социальный статус российского предпринимательства во второй половине XIX в., была низкая ценность экономического успеха по сравнению с духовными, гражданскими, военными заслугами.

Еще одним фактором, девальвирующим «символический капитал» российских предпринимателей, было неоднозначное отношение общества к выбору пути экономического развития России: многие авторитетные и влиятельные общественные деятели убеждали в непригодности индустриального пути и противопоставляли ему путь аграрный. Такой подход был особенно характерен для мыслителей славянофильского и народнического толка, связывавших будущее России с крестьянской общиной, которые в данном случае смыкались с крупными землевладельцами, чьим интересам соответствовало преимущественно аграрное развитие страны. Главным аргументом славянофилов и народников против индустриально-капиталистического развития было утверждение, что она ведет к пролетаризации значительных масс населения, распаду традиционных социальных структур, разрушению сложившегося образа жизни и нравственных устоев. Противники индустриального капитализма утверждали, что фабричное производство вполне может быть заменено традиционным домашним кустарным промыслом. Преимущество последнего они видели в том, что оно дешевле в своей организации, не требует дорогостоящих машин и оборудования, а главное — позволяет использовать традиционные артельные формы труда и не разрушает сложившихся социально-экономических связей, не меняет культурный облик традиционного работника.

Естественно, что при таком отношении значительной части общества к фабричному производству и промышленному развитию в целом деятельность российских предпринимателей не воспринималась как социально-полезная. Напротив, она подвергалась моральной репрессии как сугубо эгоистическая и эксплуататорская, разрушающая общественные устои. Единственным путем наращивания «символического капитала» для российских предпринимателей была демонстрация полезности и значимости экономического успеха для всего общества, его не эгоистической, а широкой социальной значимости.

Важнейшим фактором развития идей служения предпринимательства обществу в России в XIX и начале XX веков была распространенная в сословном обществе идеология служения, согласно которой каждое из сословий имеет свою миссию, свое назначение в единой системе. Дворянству приписывалось государственное и военное служение, крестьянству — обеспечение материальной базы общества, духовенству — религиозное спасение, интеллигенция возложила на себя миссию просветительского служения народу, и лишь «торгово-промышленное» сословие оставалось занятым удовлетворением собственных эгоистических интересов¹. Для органичной интеграции в общество и легитимации своей деятельности на институциональном уровне ему было необходимо найти свое место в общей системе служения, и таким местом стало служение обществу, принимавшее разные формы.

Кризис легитимности предпринимательства во второй половине XIX в. не был особенностью развития России. Аналогичные процессы происходили в и США. Здесь причины этого кризиса лежали в том, что со становлением крупного промышленного капитализма и началом монополизации качественно изменились ценностные основания предпринимательства. Прежде всего, оно начало утрачивать характер индивидуальной инициативы, и свобода конкуренции стала все более ограничиваться неравенством возможностей субъектов рынка.

¹ Зарубина Н.Н. Служение общественное // Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М., 2001.

Восхождение промышленных гигантов сопровождалось разорением мелких предпринимателей, монополизацией целых отраслей промышленности, ведущей к диктату корпораций в жизни целых штатов. Таким образом, укрупнение и монополизация капиталистического производства привели к подрыву его собственной социальной и социокультурной основы — независимого производителя и индивидуальной инициативы на рынке в условиях свободной конкуренции. Развитие крупного индустриального капитализма вступило в противоречие с собственными ценностными и нравственно-легитимирующими основаниями, сформулированными, в частности, в качестве идеологемы «американской мечты»: представлениями о равных возможностях достижения успеха, счастья и процветания для каждого члена общества, о равных стартовых условиях в конкурентной борьбе для всех желающих в нее включиться субъектов. Это вызвало бурный всплеск антимонопольного движения, которое охватило все слои общества, включая либерально настроенную интеллигенцию. Пафос этого движения был выражен в работе известного в то время публициста Г.Ллойда «Богатство против общества», посвященной разоблачению жестокости и несправедливости восходящих монополистов на материалах истории создания и функционирования нефтяной монополии Дж.Рокфеллера «Стандард ойл».

Все это потребовало нового осмысления ценностных основ деятельности крупного предпринимательства, объяснения его качественно новой социальной роли и поисков новой тактики его взаимоотношения с обществом.

Предприниматели занимали в отношении общества двойственную позицию. С одной стороны, они преследовали собственные интересы, опираясь на незыблемые ценности успеха, богатства, активности и т.п. В США для нравственного оправдания деятельности крупных предпринимателей использовались идеи социал-дарвинизма, признающего основой общественной жизни борьбу за существование, в которой выживает сильнейший. В период становления монополий, когда разорялись массы мелких предпринимателей, эти идеи, уже забытые в Европе, в Новом свете обрели почитателей среди

лидеров крупного бизнеса (Г.Спенсера в США пригласил Э.Каргени, контролировавший сталелитейное производство на востоке страны).

С другой стороны, масштабы деятельности крупных предпринимателей были уже столь велики, что они не могли пренебрегать отношением к ней общества. В отличие от индивидуального свободного предпринимателя, ориентированного на локальную производственную и сырьевую базу и на ограниченный сегмент рынка, деятельность крупного индустриального предпринимателя требовала координации усилий во многих смежных отраслях производства (добыча сырья, транспорт и коммуникации, смежные производства, связанные по усложняющейся технологической цепочке, сфера сбыта и т.д.). Нуждаясь в большом количестве подготовленной и квалифицированной рабочей силы, крупное индустриальное производство прямо зависит от существующей системы подготовки кадров - общего и профессионального образования, научных исследований и технико-технологических разработок. Крупное производство также нуждалось в емком рынке, платежеспособном спросе на свою продукцию, следовательно, было заинтересовано в достаточно высоком уровне благосостояния населения. Необходимость политической стабильности внутри страны, заинтересованность в благоприятной правовой среде, налоговой, таможенной политике обусловила превращение крупного предпринимательства в активную политическую силу и его растущее вмешательство как во внутреннюю, так и во внешнюю политику.

Таким образом, успех деятельности крупного предпринимателя, мощной корпорации в определяется многими социальными и политическими факторами, и взаимосвязь и взаимозависимость бизнеса и общества возрастает. Предпринимательство проявляет все больше заинтересованности в благожелательном к ним отношении, поэтому стремится представить свою деятельность как полезную и выгодную не только им одним, но и всему обществу. Так возникла концепция «служения бизнеса обществу», начальными формами которого были благотворительность и меценатство.

1.2. Благотворительность и меценатство как форма социального служения предпринимательства

Во все времена богатые и преуспевающие жертвовали средства на помощь неимущим в рамках выполнения патерналистских обязательств или для получения религиозной заслуги, а также с целью ослабления социального напряжения. Они же покровительствовали образованию, наукам и искусствам, обеспечивая себе рост статуса и признания в обществе благодаря участию в сферах деятельности, обладающих высоким престижем. В России, где благотворительность и меценатство были традиционно сильно развиты, наиболее богатые и преуспевающие в бизнесе предприниматели получали известность и признательность общества не за свой вклад в развитие экономики, а именно за благотворительную деятельность, покровительство наукам и искусствам.

В России концепция «социального служения» предпринимательства приобрела особое значение. Российские промышленники и купцы долго не могли завоевать общественное признание и добиться соответствующего их финансовым возможностям влияния из-за непрестижности коммерческой деятельности и осуждения эксплуатации наемных рабочих. Поэтому они стремились добиться общественного признания с помощью «внеэкономических» действий, пользующихся в обществе высоким престижем. Широко известное увлечение многих крупных российских предпринимателей благотворительностью и меценатством имело одной из основных причин не природную склонность к филантропии, а стремление оправдать эксплуатацию рабочих и добиться общественного признания с помощью активности в тех сферах деятельности, которые пользовались наибольшим престижем. Крупный текстильный фабрикант и создатель всемирно известной картинной галереи П.М.Третьяков писал, что стремился «наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось также к обществу (народу) в каких-то

полезных учреждениях»². И в общественном сознании, в исторической памяти российские предприниматели остались именно как меценаты, а не как организаторы производства или ловкие дельцы. Особая приверженность российских предпринимателей идее социального служения объясняется еще и тем, что одной из наиболее значимых основ нравственного сознания в России была общая для всех, структурированная по сословиям идеология служения, к которой предпринимательство приобщалось именно благодаря своему социальному служению.

В США одним из первых приверженцев концепции «служения бизнесу обществу» был Э.Карнеги. Этот легендарный предприниматель, воплощение «американской мечты», выходец из бедной шотландской семьи, сколотивший огромное состояние, в конце жизни отошел от дел и занялся благотворительностью и литературным творчеством. Опираясь на собственный опыт в бизнесе, Э.Карнеги давал советы начинающим предпринимателям и доказывал, что каждый может достичь успеха, если проявит настойчивость и будет энергично добиваться поставленных целей. Самой известной из его работ была написанная в 1889 г. статья «Евангелие богатства», в которой утверждалось, что крупное предпринимательство приносит большую пользу всему обществу, не только создавая рабочие места и перераспределяя часть прибылей в виде зарплаты, но и в порядке благотворительности вкладывая средства в учреждения культуры и социальной защиты. (Сам Э.Карнеги в общей сложности пожертвовал на благотворительные нужды 350 млн. долл.)³.

Но благотворительность и меценатство, хотя и обеспечивают благодарность современников и добрую память потомков, не снимают социальной напряженности, неминуемо порождаемой развитием бизнеса, и не решают комплекса социальных проблем, сопровождающего развитие крупного промышленного

² Цит. по: Боткина А. Павел Михайлович Третьяков в жизни и в искусстве. М., 1991, с.252.

³ Супоницкая И.М. Поиск эффективных форм организации крупного предпринимательства в США на рубеже XIX - XX вв. // Экономическая история. Реформы и реформаторы. М., 1995.

предпринимательства. Судьба российских дореволюционных предпринимателей особенно поучительна, поскольку, сделав очень много для развития отечественной культуры, они не уделяли должного внимания социальной защите населения. Лишь а рубеже XIX-XX вв. молодые промышленники стали не из филантропии по церковным праздникам, а из соображений интереса дела и стабильности общества заботиться о росте зарплаты, образовании, жилищных условиях, медицинском обслуживании и т.д. своих рабочих, однако это оказалось «слишком мало и слишком поздно» и не спасло общество от губительного социального взрыва.

Идеология служение обществу в форме благотворительности и меценатства подвергалось критике со стороны некоторых предпринимателей, видевших ее ограниченность. Г.Форд писал: «...Благотворительность никогда еще не решала задачи на сколько-нибудь длительный срок»⁴. При всех ее благих намерениях филантропия, по мнению Г.Форда, лишает людей самого главного - возможности самим трудиться и содержать себя, лишает "самоуверенности", на которой основана подлинная инициатива и независимость. Сам Г.Форд считал необходимым не отделяться от нуждающихся — например, инвалидов, — подачками, а предоставлять им рабочие места на своих предприятиях, чтобы они могли чувствовать себя полноценными членами общества и самостоятельно зарабатывать на жизнь.

1.3. Развитие экономики как форма социального служения предпринимательства

Уже в конце XIX — начале XX вв. сложился другой взгляд на теорию «социального служения» предпринимательства, состоявший в том, что оно усматривалось в экономической деятельности как таковой. Одним из первых сторонников такого взгляда на социальную роль бизнеса был Г.Форд. В своей книге «Моя жизнь, мои достижения» он

⁴ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1992, с. 161.

утверждал, что эффективное производство само по себе является благом, поскольку позволяет понизить цены и повысить заработную плату (что выгодно самим бизнесменам, поскольку повышает платежеспособный спрос). Такое эффективное промышленное развитие способно создать условия для решения социальных проблем: «Основанная на служении промышленность делает излишней всякую благотворительность... Тот вид филантропии, который тратит время и деньги на то, чтобы помочь миру содержать самого себя, гораздо лучше, чем тот, который только дает и тем увеличивает праздность. Филантропия, как все остальное, должна бы быть продуктивной и она, по моему мнению, в состоянии сделать это»⁵.

Подобный взгляд на социальное служение предпринимательства начал распространяться среди передовых представителей российского торгово-промышленного класса в конце XIX в., и особенно после начала первой мировой войны. В этот период российское предпринимательство, промышленники, осознавая свою роль в укреплении обороноспособности страны, осознали и свое служение России именно как хозяйственную деятельность, как наращивание своего собственного и общественного богатства. П.П. Рябушинский на открытии Первого всероссийского торгово-промышленного съезда в марте 1917 года говорил: «На нас, торгово-промышленном классе, лежит великая ответственность за наше будущее. Чтобы приступить к созидательной работе, нужны определенные стимулы, нужно знать, что то, что мы создаем, послужит на пользу всем. Работая как частные люди, — потому что на этом зиждется наша деятельность, — творя свое частное дело, мы в то же время творим дело и государственного строительства»⁶. Обустройство экономической, материальной жизни начало превращаться в общественно значимое дело, в служение.

⁵ Там же, 163.

⁶ Речь П.П.Рябушинского на открытии Первого всероссийского торгово-промышленного съезда в Москве, 19-22 марта 1917 г. М., 1917.

§ 3. Концепции социальной ответственности бизнеса

Концепция социальной ответственности предпринимательства перед обществом более широко охватывает весь спектр проблем, порождаемых функционированием крупного бизнеса. В рамках концепции социальной ответственности предпринимательство как социальный институт расширяет свои функции и роли до обеспечения функционирования других социальных институтов — прежде всего образовательных, научных, здравоохранения, культуры, а также до гарантии базовых прав индивида. Происходит расширение сферы деятельности предпринимательства далеко за пределы экономики, что вызывает неоднозначные оценки и последствия.

Формирование социально-ответственного бизнеса вытекало из уже описанной заинтересованности крупного предпринимательства в социально-политической стабильности и высоком качестве рабочей силы. Первоначально социальная ответственность предпринимателей проявлялась именно в заботе о материальном благополучии, социальной защищенности и образовательном уровне своих рабочих. Крупные промышленные предприятия индустриального общества постепенно превращались в центры роста социальной инфраструктуры — сети медицинских учреждений, школ и профессиональных училищ, детских садов, библиотек и т.д.

Естественно, обращение к социальной ответственности диктовалось и диктуется не столько личным гуманизмом или высокой «сознательностью», сколько пониманием ее реальной выгоды для стабильного и процветающего бизнеса. На этой основе формируются и современные представления о социальной роли и ответственности предпринимательства.

2.1. Современные представления о социальной сущности бизнеса и его социальной роли

Современная концепция социальной ответственности предпринимательства вытекает из меняющегося (по крайней мере на уровне деклараций) понимания сущности бизнеса, его целей и основных функций.

Традиционные для Запада представления о бизнесе как деятельности, направленной на **получение прибыли** путем производства товаров и услуг дополняется пониманием бизнеса как источника **роста общественного благосостояния**, который достигается путем производства товаров и услуг. При внешнем сходстве различие акцентов обуславливает здесь принципиальное изменение смысла: с получения прибыли он постепенно переносится на рост общественного благосостояния (хотя получение прибыли продолжает оставаться важнейшим приоритетом деятельности корпораций!). Однако сопутствующее такому изменению представление о бизнесе как социально значимой ценности, а не только источнику индивидуального обогащения, влечет за собой постановку вопроса о формах широкого взаимодействия бизнеса и общества и о социальной ответственности бизнеса. Относительно последней идут дискуссии, основные точки зрения, высказываемые в которых можно сформулировать следующим образом:

А. Позиция противников постановки вопроса о социальной ответственности бизнеса.

Противники возложения на бизнес социальной ответственности, среди которых преобладают предприниматели и ученые — приверженцы экономического либерализма, в числе которых, например, Милтон Фридман, настаивают на том, что прибыль и выгода акционеров остаются главной функцией бизнеса. Именно прибыль и удовлетворение интересов акционеров составляют главную цель усилий менеджеров и управляющих, и возложение на них дополнительных, не относящихся собственно к деловой сфере проблем, может препятствовать достижению этой цели. С точки зрения либеральных теоретиков сферы ответственности бизнеса и общества разграничены основе своего рода «социального контракта», пересмотр которого в

направлении навязывания бизнесу социальной ответственности было бы несправедливо и безнравственно.

Таким образом, противники социальной ответственности бизнеса исходят из достаточно жесткой дифференциации различных социальных сфер — экономики и предпринимательства, политики, государственного управления и социальной защиты и т.д. С их точки зрения, наделение бизнеса социальной ответственностью по сути дела означает перенос на него части функций правительства или других государственных структур, что представляет угрозу для демократии, поскольку дает слишком большую власть над обществом в руки представителей бизнеса, не избранных демократическим путем и не обязанных обязательствами перед обществом.

Важным аргументом против обременения бизнеса социальными проблемами является следующее из него ограничение его свободы в чисто деловом плане. Социальная и собственно деловая ответственность часто вступают в конфликт, и необходимость отдавать приоритет первой может привести к ущербу для выполнения основной задачи любого бизнеса - обеспечения прибылей акционеров.

Б. Позиция сторонников социальной ответственности бизнеса:

Сторонники социальной ответственности бизнеса исходят из того, что он есть часть общества, зависит от общества, следовательно, должен заботиться об обществе. Благо для бизнеса есть благо для всего общества ("что хорошо для "Дженерал Моторс", хорошо и для Америки").

Можно ли на основании сказанного утверждать, что в зрелом индустриальном и в постиндустриальном обществе бизнес отказался от прежней презумпции экономической рентабельности и эффективности как базового критерия, с которым следует подходить ко всем явлениям социальной жизни? Некоторые сторонники теории постиндустриального общества утверждают, что ныне социальная, культурная, гуманистическая, экологическая составляющие стали

неотъемлемыми критериями эффективности развития⁷. В тоже время, сама природа постмодерна, с одной стороны, и глобализации, с другой, говорят о поспешности этих оптимистических выводов. Отсутствие единой универсальной «арочной» морали, характерное для общества постмодерна, снимает с представителей бизнеса все обязательства, выходящие за рамки их корпоративной морали, которая не только по-прежнему ориентируется на эффективность, но и опирается на принцип самодостаточности и самооценности экономического роста, оторванного от реальной социальной жизни (см. тему 6). Глобализация создает условия для подвижности капитала в мировом масштабе, в то время как социальная и культурная инфраструктура общества остается локальной, жестко привязанной к месту. Возможность гибко варьировать в зависимости от выгоды размещение производств, сбыт товаров, уплату налогов и т.д. подрывает стимулы к социально ответственным практикам, которые возникают в условиях локальной привязанности капитала (см. тему 7). Все это создает условия для освобождения крупного бизнеса от социальных обязательств, которые он приобрел ранее вследствие необходимости оптимизации социальной среды своей деятельности. Поэтому решение проблемы социальной ответственности крупного бизнеса требует целенаправленных усилий со стороны других социальных институтов и всего общества в целом.

2.2. Сферы и формы социальной ответственности бизнеса.

Современные концепции взаимоотношений бизнеса и общества исходят из того, что главная *социальная ответственность бизнеса состоит в том, чтобы не способствовать росту нищеты и безработицы, избегать дискриминации женщин и национальных меньшинств в сфере занятости и оплаты труда, улучшать условия труда, не допускать экологических преступлений и неоправданной растраты невозобновимых природных ресурсов*. Разработанные

⁷ См., например: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998. Часть 2, 3.

критерии оценки деятельности бизнеса основываются на том, насколько а/ производимая продукция и услуги и их качество способствуют общему процветанию, и б/ каким образом используются природные ресурсы и рабочая сила.

Основными сферами социальной ответственности бизнеса являются сферы инвестиций, производства, экологии, найма и занятости.

Ответственность в сфере инвестиций предполагает совокупность моральных проблем, стоящих перед вкладчиками и акционерами. В современном обществе инвесторы зачастую озабочены не только получаемой прибылью, но и социально-нравственной ролью предприятия, а также нравственным характером ведения бизнеса. Разделение инвестиционной и управленческой форм бизнеса в акционерных предприятиях способствуют стремлению акционеров осуществлять контроль за менеджерами всех уровней.

Известно, что существуют весьма прибыльные сферы легального, то есть не запрещенного законом (как, например, производство наркотиков) предпринимательства, вложение средств в которые не всегда одобряются обществом как нравственное деяние. Таково вложение средств в военно-промышленный комплекс в период непопулярных войн, например, в США во время войны в Индокитае в конце 60-х - начале 70-х годов военный бизнес широко осуждался в обществе. Однако необходимо принимать во внимание, что нравственная репрессия, в отличие от уголовно-правовой, не может пресечь развитие той или иной деловой активности, и инвестиции в нравственно осуждаемые производства все равно осуществляются.

В большинстве случаев нравственные запреты на те или иные сферы инвестиций относительно: те же вложения средств в военную промышленность приветствуются и поощряются в периоды нарастания военной угрозы, консолидации общества на основе патриотических ценностей и т.п. Нейтральные или позитивные с нравственной точки зрения инвестиции в меняющейся обстановке могут оказаться вредными для общества и потому нравственно осуждаемыми и непрестижными: например, всеобщее увлечение химизацией или атомной энергетикой после ухудшения экологической обстановки и

экологических катастроф с тяжелейшими последствиями для здоровья людей и для окружающей среды привели к падению престижа этих отраслей производства и требованиям жесткого законодательного контроля над ними, а в ряде случаев и к закрытию особо опасных предприятий. Главный нравственный принцип инвестиций состоит в том, что непричинение социального зла имеет моральный приоритет перед стремлением способствовать социальному благу.

Социальная ответственность в сфере производства предполагает оценку произведенного продукта с точки зрения его соответствия широким интересам потребителей, в том числе заинтересованности в экологически чистых и безопасных в использовании продуктах, в охране физического и нравственного здоровья, защите общественной безопасности и т.д. Общество осуществляет контроль за производством и распространением нравственно осуждаемых и запрещенных видов товаров и услуг - наркотиков, порнографии, проституции, торговли оружием и т.д., через их уголовное преследование, правовое регулирование и контроль (например, лицензии и специальные разрешения на покупку оружия и средств самозащиты), а в других случаях отводя для них строго определенные, локальные ниши на рынке (например, порнографические издания, видеофильмы, а также всякого рода сопутствующую продукцию можно купить лишь в определенных магазинах, городских кварталах, за пределы которых их проникновение не допускается).

Критерии, определяющие запрет или ограничение на производство и распространение товаров и услуг, подвижны и определяются сложившимися культурными традициями общества. Например, производство и потребление алкогольных напитков в большинстве стран ставится под жесткий контроль государства, а в некоторых мусульманских странах вообще запрещается под угрозой телесных наказаний.

Ответственность производителей перед обществом состоит в обеспечении безопасности продукта. В некоторых случаях производимые товары в принципе всегда опасны — например, горючие и ядовитые материалы, или их эксплуатация связана с известной степенью опасности — автомобили и другие транспортные средства,

некоторые инструменты и приборы. В этих случаях ответственные производители обязаны обеспечить как максимальную безопасность продукта, так и снабдить потребителя надежными инструкциями по эксплуатации, хранению, утилизации и т.д. Разного рода приборы и агрегаты должны иметь инструкцию по безопасной эксплуатации и быть устроены таким образом, чтобы даже самый неумелый пользователь, даже ребенок не мог бы причинить себе вред (хотя надежность подобного рода мер предосторожности всегда относительна). Потребитель должен быть проинформирован о составе продукта, имеющихся химических добавках и консервантах, способных причинять вред здоровью, осведомлены об оптимальном сроке использования продукта.

Однако в таких случаях часто возникает конфликт между ответственностью за безопасность продукта, то есть интересами общества, и стремлением к удешевлению производства, то есть чисто деловыми интересами. В подобных случаях общество прибегает к введению определенных стандартов безопасности, нарушение которых преследуется по закону. Удовлетворяющие стандартам товары не обязательно являются безопасными, но ответственность за их безопасность уже полностью ложится на потребителей. Иллюстрацией конфликта нравственной и деловой ответственности в вопросе о безопасности потребителя является дело "Форд-Пинто", которое слушалось в США в конце 70-х годов. Суть дела в следующем. Компания «Форд» производила модель «Пинто», расположение и устройство бензобака в которой было небезопасно в случае аварии. Действительно, несчастный случай привел к гибели людей. Однако суд присяжных вынес вердикт о невиновности компании, поскольку не удалось доказать «откровенной, сознательной и неоправдываемой халатности, могущей повлечь за собой причинение ущерба и что халатность в данном случае является существенным отклонением от стандартов общепринятого поведения». Между тем компании «Форд» было известно об уязвимости бензобака «Пинто», а также о том, как избавиться от дефекта. Компания провела финансовый анализ ситуации сопоставив возможные издержки на выплату компенсаций в случае смертей или ранений от ожогов с затратами на то, чтобы сделать

бензобак "Пинто" более безопасным, и анализ показал, что выплата компенсаций обойдется компании дешевле, даже если затраты на достижение необходимой безопасности составят всего 11 долларов на автомобиль. Все эти обстоятельства дела были известны. И тем не менее адвокаты «Форда» строили свою защиту на том, что в данном случае не имело место отклонение от приемлемых стандартов поведения. Одним из основных аргументов защиты было то, что по безопасности «Пинто» удовлетворял всем требованиям закона и был не хуже других машин подобного типа. «Пинто» соответствовал закону, и ничего иного требовать от компании было нельзя»⁸. Этот пример демонстрирует пределы возможного как правового, так и нравственного воздействия на производителя в случае конфликта социальной и деловой ответственности: «бизнесмены ...отнюдь не действуют сознательно вразрез с общеобязательными этическими установками, но полагают просто, что они не имеют никаких этических обязательств предотвращать нанесение кому-либо возможного ущерба, если попытки это сделать могут иметь разрушительные экономические последствия»⁹.

Важнейшей сферой ответственности бизнеса является экология. Корни экологических проблем уходят в духовно-нравственные традиции западной культуры, ориентированной на овладение природой и ее преобразование в интересах человека. Но опыт современного развития показал, что интересы потребления и расширения производства идут в разрез с жизненной потребностью всех без исключения людей, в том числе и предпринимателей, в чистой окружающей среде. В условиях постиндустриального производства, когда наукоемкие, использующие новейшие достижения химии и ядерной физики производства могут нанести необратимый вред окружающей среде и здоровью людей, именно экологическая проблема является главным полем конфликта общества и бизнеса.

Действительно, многие компании и предприниматели в погоне за прибылью игнорируют экологическую опасность своего бизнеса, что усилиями различных организаций «зеленых» все чаще приводит к

⁸ Фредерик Р., Петри Э. Деловая этика и философский прагматизм // Вопросы философии, 1996, N 3, с. 72.

⁹ Там же, с. 73.

скандальным разоблачениям и утрате предпринимателями общественного престижа и доверия (не говоря о финансовых и проч. санкциях). В этой связи озабоченные своим имиджем в глазах общества компании проводят специальную политику, направленную не только непосредственно на обеспечение экологической безопасности производства и защиту окружающей среды (к чему их побуждают с помощью юридических установлений — штрафных санкций, налогов и т.д.), но и на восстановление доверия общества. Американская Ассоциация химических производителей, например, приняла программу «Ответственность и забота», которая предполагает, во-первых, открытость информации и знакомство местного сообщества с производством с целью установления с ним доверительного контакта; во-вторых, налаживание контактов с местными органами и службами по вопросам чрезвычайных ситуаций и оказания помощи населению в случае аварий; в-третьих, обязательства по минимизации отходов, безопасности хранения и транспортировки продуктов; в-четвертых, инструкции для потребителей по безопасному использованию продукции и утилизации отходов. Главным в программе является обязательство включить охрану окружающей среды в долгосрочную стратегию фирмы, а не проводить ее по остаточному принципу. Целью принятия этой и подобных программ является обретение утраченного в результате экологического кризиса доверия общества к фирме и ее продукции, обретение скомпрометировавшими себя ранее отраслями производства позитивного имиджа в условиях новой экологической культуры.

Важнейшей сферой социальной ответственности бизнеса является найм и занятость. Одна из основных функций предпринимательства — создание рабочих мест. Именно ее считают важнейшей формой социального служения, наибольшим благом, приносимым обществу развитием предпринимательства.

В то же время, именно деятельность предпринимателей в сферах найма и занятости весьма часто порождает социальные конфликты, поскольку ведет к увольнениям, сокращению занятости и снижению оплаты труда, а также сопровождается проявлениями различного рода дискриминации в сферах найма и оплаты труда, например, по

половому, расовому, национальному признаку. «Традиционные» формы дискриминации, например, женщин или иностранных рабочих из стран «третьего мира» как в оплате труда, так и при приеме на работу, сохраняются и с возникновением новых видов занятости и форм труда.

Самым распространенным способом избегания или снижения негативных социальных последствий дискриминации в сфере занятости являются разного рода квоты, специальные программы для восстановления справедливости в отношении дискриминируемых ранее национальных и иных меньшинств и для женщин, обеспечивающие им преимущества при приеме на работу. Однако подобные меры на деле оборачиваются так называемой «обратной дискриминацией» — уже по отношению к тем, кто ранее имел предпочтительные позиции: так, восстановление справедливости по отношению, например, к чернокожим женщинам, ведет к ущемлению прав белых мужчин (такая «обратная дискриминация» является серьезной социокультурной проблемой США в 90-х гг., когда превратившееся в базовую норму поведения уважение прав и достоинства «афроамериканцев» обернулось проблемами для белых).

Пример с «обратной дискриминацией» иллюстрирует тот факт, что возникающие в сфере занятости и найма социальные и этические проблемы настолько многообразны и сложны, что невозможно найти некий универсальный рецепт их разрешения. Специалисты считают, что плодотворным может оказаться лишь индивидуальный подход к каждой конкретной проблеме. Поэтому дискриминация в сфере занятости и найма трудно преодолевается и воспроизводится в новых видах деятельности, однако она является постоянным объектом внимания специалистов в области «public relations», которые следят за тем, чтобы она не приводила к росту социальной напряженности и потерей «лица» компании.

2.3. Проблема контроля за социально-ответственной политикой крупного бизнеса

Одной из важнейших проблем, которую приходится решать современным специалистам в области взаимоотношений бизнеса и общества, является проблема регуляции этих взаимоотношений. Задачи контроля за сферой бизнеса состоят в том, чтобы свести к минимуму ущерб, наносимый деятельностью свободных предпринимателей социальной и природной среде. Однако среди специалистов-теоретиков и предпринимателей нет единой точки зрения на необходимость внешнего контроля, направленного на коррекцию нравственности и социальной ответственности, то есть непосредственного контроля за бизнесом со стороны общества.

Противники общественного контроля за сферой бизнеса считают, что в нем нет необходимости, так как нарушители нравственных норм в условиях свободного рынка и независимых средств массовой информации губят сами себя, теряя доверие своих клиентов и престиж среди партнеров. Кроме того, противники контроля за социально-ответственной практикой предпринимательства нередко утверждают, что такая практика формируется естественным путем как результат современного маркетинга, формирующего производство как ответ на реальный платежеспособный спрос. Таким образом, предпринимательство лишь отвечает на запрос общества, следовательно, его деятельность всегда социально обусловлена. То, что не нужно или вредно для общества, не будет востребовано и постепенно само отойдет.

Однако общество неоднородно, и у разных социальных групп могут существовать разные, в том числе и асоциальные, потребности — например, в наркотиках, порнографии и т.п., или просто потребности в спиртных напитках, табачных изделиях и проч., удовлетворение которых должно осуществляться таким образом, чтобы не наносить вред здоровью людей. Даже потребности в продуктах питания могут удовлетворяться опасным для людей способом — например, если они содержат вредные консерванты, генетически измененные продукты. Сам процесс производства совершенно необходимых продуктов также может представлять опасность, например, для окружающей среды. Решение всех этих проблем лежит в сфере социальной ответственности предпринимательства, и общество должно принимать адекватные меры

для защиты своих интересов, например, в виде юридических ограничений или кампаний в средствах массовой информации.

Сторонники активного контроля общества за социальными последствиями деятельности бизнеса справедливо считают, что даже в условиях полной экономической и информационной свободы бизнес сам, без контроля извне, не в состоянии поддерживать социальную ответственность и нравственность своей деятельности на высоком уровне. По мнению сторонников социального контроля, специфика бизнеса как формы деятельности состоит в том, что в погоне за наживой постоянно воспроизводятся разного рода злоупотребления, в той или иной мере противоречащие интересам общества, справиться с которыми самостоятельно бизнес не в состоянии. Социально-ответственная практика предпринимательства становится устойчивой тогда, когда это выгодно (свидетельство тому — описанное выше дело «Форд-Пинто»), причем выгода не обязательно понимается как прибыль. Задача внешнего контроля со стороны общества состоит в том, чтобы создать такой климат, такую среду для предпринимательства, в которой социально-ответственная практика становится выгодной.

В такой среде современные компании, озабоченные своими отношениями с обществом сами стремятся занимать социально ответственную позицию, для чего прибегают к различным формам внутренней регуляции и "public relations". К ним в первую очередь относится фиксация социально ориентированных принципов деятельности в институциональных структурах — службах "public relations" и т.п. Этим же целям служит декларирование озабоченности благом потребителей и общества в целом в специальных девизах и нравственных кодексах предприятий и компаний как сводах ценностей и норм, которыми менеджеры обязаны руководствоваться в повседневной работе. Например, компания «Дженерал Моторс» до 1983 г. работала под лозунгом «Главная цель компании — делать деньги», жестко таким образом подчеркивая свою ориентацию на прибыли и экономическую эффективность. Безусловно, такая позиция компании была привлекательна для акционеров. В 1983 г. компания провозгласила своей главной целью «производить продукцию и сервис

такого качества, чтобы наши клиенты получили высшее удовлетворение». Такая смена ценностных ориентаций свидетельствует о высокой значимости для успешной деятельности компании демонстрации ее приверженности общим интересам, благу других людей, а не только эгоистическим потребностям в обогащении. Химическая корпорация «Дюпон» провозгласила лозунг «Лучшие вещи для лучшей жизни благодаря химии». А известный производитель электронной техники фирма IBM выдвинула следующие принципы своей деятельности: 1) Каждый человек заслуживает уважения; 2) Каждый покупатель имеет право на самое лучшее обслуживание, какое только возможно; 3) Добиваться совершенства во всем. В краткой форме лозунг звучит как «IBM — значит сервис»¹⁰.

Усиление создаваемого имиджа социально-ответственного бизнеса осуществляется за счет подчеркивания приверженности какой-либо общезначимой ценности — например, экономического и технического прогресса. "Дженерал Моторс" декларирует, что «Прогресс — это наш наиболее важный продукт». Этический кодекс компании «Кока-Кола», строго обязательный для всех служащих в любой стране, где есть филиалы компании, декларирует принцип гражданской ответственности перед обществом как моральный императив деятельности компании, а также «философию честности и целостности». Всем служащим предписывается действовать в соответствии с культурными и нравственными нормами каждой конкретной страны, уважать ее традиции и законы, но соблюдать требование единства и целостности компании.

В целом необходимо отметить, что общество и бизнес являются взаимосвязанными системами и оказывают влияние друг на друга. Социальная ответственность и нравственность предпринимательства как подсистемы общества не может быть независима от общего состояния нравственности и социальной ответственности. Это означает, что предпринимательство как институт будет проводить социально-ответственную политику только в том случае, если это будет необходимо для дела, если асоциальная практика предпринимательства

¹⁰ Цит. по: Культурология. М., 1996., с. 96-97.

будет не только встречать общественное осуждение, но и так или иначе препятствовать деловому успеху.

Поскольку социальная ответственность бизнеса является следствием его функционирования как социального института, то сама по себе, изолированно от нравственности и культуры общества в целом она поддерживаться не может. Не может быть ответственного и нравственного бизнеса в там, где этические категории долга и ответственности девальвированы, альтруистические ценности дезавуированы, социальное служение не является престижной и уважаемой сферой деятельности. Невозможно ждать проявлений социальной ответственности от предпринимателей в обществе, где в качестве базовых ценностей доминируют индивидуализм и конкуренция, где культ сильной личности не дополняется гуманистическими идеалами, где общественное мнение и средства массовой информации поощряют эгоизм и беззащитную наживу. Напротив, именно заинтересованность общества, взыскательный моральный климат, нетерпимое отношение к эксплуатации, эгоизму, нарушению норм честности и справедливости, уважение к достоинству человека и гуманизм побуждают предпринимателей к ведению социально ответственной политики. Поэтому проблема социально ответственного честного бизнеса и высокой культуры хозяйства, столь необходимой для экономического роста — это в первую очередь проблемы общего уровня культуры и нравственности.

§ 3. Деловая этика.

Под деловой этикой подразумевается нравственный аспект отношений между участниками делового предприятия. Сюда входят отношения между хозяйственными организациями и индивидуальными предпринимателями в контексте горизонтальных рыночных связей, т.е. между партнерами, акционерами, продавцами и покупателями, производителями товаров и услуг и их клиентами и т.д., а также отношения внутри хозяйственных организаций — вертикальные связи между работодателями, менеджерами и наемными работниками.

Специфика деловой этики состоит в том, что ее субъектом выступают не только отдельные индивиды (как в классически понимаемой этике, приложимой всегда к личности), но и организации, действия которых могут рассматриваться с точки зрения нравственности. Таким образом, субъект этики бизнеса может быть коллективным.

Главной проблемой собственно деловой этики является исследование общих нравственных предпосылок деловой жизни, а также включение нравственного измерения во взаимоотношения ее участников.

3.1. Формирование нравственных предпосылок деловой жизни

Нравственный характер деловой жизни на протяжении добуржуазного периода ее истории ставился под сомнение. В христианских странах Запада, ставших затем колыбелью капиталистического рынка, такие формы предпринимательства, как ростовщичество и банковское дело, торговля, и даже использование наемного труда в мануфактурном производстве подвергались суровым нравственным репрессиям. В европейском средневековье не верили в добропорядочность и честность делового человека. Фома Аквинский говорил, что «Торговля имеет в себе нечто постыдное», предполагая, что прибыль не может получаться без обмана и несправедливости. На уровне народного сознания непризнание нравственности деловых людей и деловой жизни зафиксировалось в пословицах типа «Не обманешь — не продашь». Занятие же ростовщичеством накладывало на человека ничем не смываемое нравственное пятно. Немецкий проповедник и философ Бертольд Регенбургский в своем обращении к ростовщику говорит: «Ты можешь принять крест у папы, переплыть море, сражаться с язычниками, отвоевать святой Гроб, погибнуть за Божье дело и даже лечь в святой Гроб, и тем не менее при всей твоей святости душа твоя погибла»¹¹.

¹¹ Цит. по: Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей, 1990, с. 104.

Радикальные изменения в представлениях о нравственном облике европейского делового человека произошли с распространением протестантской этики. Нравственная легитимизация богатства и успеха как признаков богоизбранности и стремления к наживе как служения Богу привела к признанию нравственного достоинства деловой жизни.

В XIX вв. появились философские и нравственные теории, не только оправдывающие стремление к выгоде, успеху и богатству, но и провозглашающие такие установки универсальным стандартом нравственности. Английский философ Бентам создал философию утилитаризма, провозглашающую полезность основной ценностью и движущим мотивом человеческого поведения. В качестве нравственного идеала утилитаризм признавал «наибольшее счастье наибольшего числа людей», а критерием нравственности — достижение выгоды, удовольствия, добра и счастья. Индивидуальные интересы рассматриваются Бентамом как единственно реальные, общественные интересы сводятся к совокупности индивидуальных. В 70-х годах XIX в. в Америке складывался философский прагматизм, рассматривающий мораль как продукт конкретного человеческого опыта и признающий критерием добра удовлетворение осознанных потребностей. А так как потребностей много, то для достижения гармонии необходим компромисс, т.е. удовлетворение максимально возможного количества потребностей при минимизации жалоб. Таким образом, удовлетворение потребности в богатстве и успехе уравнивается удовлетворением потребности общества в экономическом развитии и производстве материальных благ и услуг и в создании рабочих мест.

Современные специалисты в области деловой этики исходят из того, что экономическая жизнь слишком сложна и многогранна, затрагивает личные и совокупные интересы и мотивы слишком большого числа людей, чтобы к ней можно было подходить с единой и универсальной шкалой оценок, с позиций только добра или зла. Применительно к сфере предпринимательства и деловой жизни, как и к политике, социальным отношениям и даже к религиозной истории нельзя дать однозначного заключения об абсолютной предпочтительности одних типов поведения и организации и абсолютной недопустимости других. Альтруизм и эгоизм, гуманное и

антигуманное, общественное и антиобщественное столь тесно переплетены в деловой жизни, что по мнению канадского ученого *Д. Брейбрука* о ней можно судить лишь как о некоем конкретном «среднем типе» нравственного поведения. Как подчеркивает Д.Брейбрук в своей известной работе "Этика в мире бизнеса", оценка поступков с сфере деловой жизни возможна не с однозначных позиций абсолютного добра или зла, а как совокупность эгоистических и альтруистических тенденций. Такую модель деловой этики Д.Брейбрук назвал «принципом триплета»¹².

3.2. Этические измерения деловой жизни

В качестве основных измерений или аспектов деловой этики можно выделить горизонтальные отношения между предпринимателями и фирмами — партнерами и конкурентами; отношения деловых людей с клиентами и покупателями, а также вертикальные отношения внутри хозяйственных организаций.

Основными нравственными проблемами во взаимоотношениях между хозяйственными организациями-партнерами на свободном рынке являются надежность и скрупулезное выполнение контрактов, честность и доверие, а также корректное отношение к конкурентам.

Доверие между партнерами и их надежность являются важными предпосылками успешного бизнеса. И в истории становления деловой культуры честность и надежность всегда выступала как основная добродетель делового человека, залог его репутации. Поддержание же репутации гарантирует стабильность деловых связей. В современной деловой культуре соблюдение контрактов поддерживается правовыми механизмами, которые, однако, не могут охватить все аспекты и нюансы деловых отношений. Поэтому такие нравственные качества, как честность, надежность, доверие сохраняют свою значимость. Как подчеркивает известный американский социолог *А. Этциони*, взаимодействие между субъектами легального рынка основывается на разветвленной сети доверительных отношений, воспринимаемых как

¹² Braybrooke D. Ethics in the world of business. N.Y., 1983.

моральный долг. Доверие и честность, надежность в выполнении договоров облегчают и удешевляют деловые взаимосвязи, там, где надежность и доверие слабы, приходится прибегать к юридическому оформлению договоров, контролю за их выполнением, или даже к помощи специальных служб, осуществляющих такой контроль. Свободный рынок, по мнению Этциони, процветает там, где нравственные и социальные ценности достаточно сильны, чтобы ограничивать и пресекать аморальную и асоциальную деловую практику, но, в то же время, не перекрывают здоровые достижительные ориентации¹³.

Конкуренция является необходимым элементом свободного рынка, наиболее устойчиво связанным с ценностями свободы, инициативы, успеха, с достижительными и либеральными ценностями вообще. Конкуренция оценивается как воплощение свободы личности в сфере экономики, основа динамики рынка, его гибкости и функционального соответствия потребностям общества. Главной предпосылкой конкуренции является свобода и равенство возможностей, достижительные ориентации и стремление к успеху.

Значимость свободной конкуренции для развития рынка отстаивал известный американский экономист Ф. Хайек. В своих работах («Конкуренция как процедура открытия», «Дорога к рабству» и др.) он доказывал пагубность отказа от принципа свободной конкуренции. В то же время, именно конкуренция проявляется в жесткой борьбе (часто не только экономического характера), сопровождающейся безжалостным подавлением, вытеснением, разорением соперника. Именно в сфере конкуренции труднее всего соблюдаются моральные нормы, именно здесь проявляются жесткость рынка. Поэтому конкуренция чаще всего оказывается объектом критики со стороны противников свободного рынка.

Гуманизация современного общества, растущая взаимосвязь и взаимозависимость людей, а также открытость и гласность порождают стремление смягчить негативные последствия конкуренции при

¹³ Etzioni A. The Moral Dimension // Toward the new Economics, 1990, N 9, pp. 208-209.

сохранении ее положительного влияния на рынок. Речь идет о поддержке, в первую очередь со стороны государства, а также и негосударственных союзов и ассоциаций бизнесменов, тех предпринимателей (например, мелких фермеров), которые не могут выжить в борьбе с крупными корпорациями. Однако нравственные принципы современной деловой жизни не допускают псевдогуманной поддержки тех, кто терпит поражение не в силу действия объективных законов рынка, а из-за отсутствия необходимой квалификации, инициативы, решительности, из-за реальной неконкурентоспособности производимых товаров и услуг.

Деловая этика регулирует отношения между производителями и потребителями товаров и услуг.

Права потребителей в современном обществе защищает закон, позволяющий преследовать недобросовестных производителей и нечестных продавцов. Однако и здесь юридические нормы не исключают ситуаций, по выражению Д. Брейбука, «сравнительно честного обмана», когда используется недостаточная компетентность или бдительность потребителей товаров или услуг по принципу «на то и щука в реке, чтобы карась не дремал». Канадский исследователь деловой этики не призывает деловых людей к «донкихотству», однако считает необходимым пересмотр принципов взаимоотношений продавцов и покупателей и поиск такой стратегии поведения, когда коммерческий успех достигается без «игры» с потребителем. Прагматическим мотивом такого поведения продавца и производителя является сохранение его деловой репутации.

Важнейшим аспектом деловой этики являются взаимоотношения между фирмами и наемными работниками. Наиболее распространенные нравственные проблемы в этой сфере — эксплуатация и манипулирование личностью и конфликт между нравственными ориентациями личности и деловыми интересами и ответственностью перед фирмой.

Эксплуатация и манипулирование личностью возникают, когда один обладает властью над другим и использует эту власть в своих интересах. Важнейшей причиной эксплуатации является неравномерное распределение власти и ответственности, когда решения принимаются

единицами, а их последствия, в особенности в случае неудач, ложатся на всех служащих. Это — проблема западной культуры, в противоположность японской, где принята этика «общего несения тягот» и в кризисные моменты именно руководство первым сокращает себе зарплату и последним повышает.

Частый случай манипулирование личностью — вторжение в частную жизнь. Самый его простой и распространенный случай — сверхурочные работы, отнимающие свободное время от семьи или других личных дел.

Как вмешательство в частную жизнь могут быть рассмотрены и требования голосовать на выборах за тех кандидатов, в программах которых заинтересована фирма, не заниматься политической деятельностью, опасной для репутации и имиджа фирмы и т.п. Однако такое вмешательство фирмы в частную жизнь служащих по крайней мере может быть оправдано ее чисто деловыми интересами. Но часто бывают прецеденты такого вмешательства, которое ничем не может быть оправдано. Например, когда руководство под предлогом соблюдения общей морали или религиозных норм вторгается в семейную, интимную и т.п. жизнь служащих, незаконно присваивает себе функции «воспитателя», «блюстителя нравственности». Так, Г.Форд, рассматривавший своих рабочих в качестве винтиков конвейерных линий, но плативший им высокую зарплату (5 долл. в день при 2,5 в среднем по промышленности), учредил «отдел социологии», который на деле был своеобразной полицией нравов: «В первые годы существования отдела его возглавлял епархиальный священник, и его помощники навещали на дому всех рабочих заводов Форда, следя за их образом жизни и моралью. Они систематически докапывались до каждого злонамеренного поступка, вредившего физическому состоянию или морали. Провинившихся не прощали, а наказывали удержаниями из зарплаты и требовали раскаяния и исправления»¹⁴.

В США в последнее десятилетие интенсивно обсуждается такая проблема деловой этики, как сексуальные домогательства на службе, унижающие человеческое достоинство и грубо вторгающиеся в

¹⁴ Цит. по: Braybrooke D. Ethics in the world of business. N.Y., 1983, с. 201.

частную жизнь. Часто фоном и предпосылкой этого нарушения деловой этики является зависимое положение одного из служащих, обычно женщины. Д.Брейбрук в своей «Этике в мире бизнеса» по этому поводу отмечает, что гедонистические мотивы и побуждения должны быть ограничены определенными ролевыми нишами.

Конфликты между моральными ценностями индивида и его ответственностью перед фирмой возникают вследствие существования у людей противоречивых мотивов и систем ценностей — чувство долга, благодарность, лояльность, достижительные ориентации, и дружба, симпатия и т.п. Нравственные обязанности наемных работников и менеджеров перед фирмой предполагают лояльность и дисциплину. Например, в случае предстоящих массовых увольнений или финансового краха имеет ли осведомленный служащий моральное право предупредить тех людей, с которыми он связан дружескими чувствами, чтобы смягчить для них последствия кризиса, или он должен соблюдать тайну, как ему предписано руководством? Традиционные представления о лояльности фирме состоят в предпочтении нравственных обязанностей перед фирмой всем другим обязанностям и интересам.

Другим истоком конфликта ценностей являются гипертрофированные достижительные ориентации (успех, лидерство, карьера и т.д.) , которые многие фирмы культивируют в целях поддержания высокой эффективности культивируют среди своих сотрудников. Сознательно создается и поддерживается атмосфера соперничества за право остаться на работе или продвигаться по служебной лестнице, порождающая не только стремление проявить себя с наилучшей стороны, но и опередить коллег, порой в жесткой борьбе без оглядки на нормы морали и порядочности. В таких условиях перед личностью встает выбор между нормальными человеческими, доброжелательными и дружескими отношениями с сослуживцами или реализацией собственных карьерных, по сути эгоистических устремлений. Однако необходимо учитывать и тот факт, что атмосфера противостояния, соперничества, недоброжелательности и обостренного эгоизма часто приводит не к росту деловой эффективности, а к

ухудшению психологической атмосферы и как следствие - ухудшению работы.

Защитники жесткой конкуренции между служащими в сфере бизнеса ссылаются на тот факт, что достигательные ориентации, соперничество поддерживаются также и в сферах военной службы, искусства, науки и т.д. и реально способствуют выдвижению сильнейших и лучших, что, бесспорно, способствует прогрессу дела. В целом эта этическая проблема требует конкретного решения, которое было бы ориентировано на поддержание разумного баланса между высокими достигательными ориентациями служащих и доброжелательной, неконфликтной атмосферой на фирме.

Современные представления о правах наемных работников, а также растущая потребность общества в открытости и свободной информации требует пересмотра традиционных взглядов на нравственные обязательства сотрудников перед фирмами. При неизменном требовании лояльности и дисциплины все больше признается право наемных работников на относительную нравственную независимость от компании и линию поведения, преследующую собственные нравственные идеалы. Современный нравственный идеал предполагает ведение бизнеса, обеспечивающее соблюдение моральных норм предпринимателям и наемным работникам даже если это идет вразрез с интересами фирмы и признает необходимость защиты прав наемных работников на независимое нравственное поведение.

3.3. Способы поддержания деловой этики

Вслед за определением основных проблем деловой этики встает проблема возможности и способов ее поддержания. Вопрос состоит в том, способен ли деловой мир поддерживать этику на высоком уровне, или его собственные принципы постоянно провоцируют ее нарушения; и каким образом может быть обеспечено устойчивое включение нравственного измерения в деловую практику.

Часто встречается точка зрения, что свободный рынок как саморегулирующаяся система способен сам поддерживать нравственное

поведение на должном уровне, ибо те, кто нарушает правила рыночной игры, отступают от норм честности, добросовестности, справедливости, в конечном итоге теряет доверие партнеров и клиентов и терпит поражение в конкурентной борьбе.

Однако, с другой стороны, необходимые для развития свободной конкуренции достижительные ценности, ориентации на успех, обогащение, карьеру, соперничество, часто выходящее за рамки «мирного соревнования» делают сферу бизнеса зоной «морального риска», способствуют постоянному воспроизведению здесь разнообразных нарушений нравственных норм. Поэтому многие практики и теоретики бизнеса считают, что деловая этика нуждается в сознательной поддержке.

Многие фирмы принимают внутренние этические кодексы, предписывающие определенные нормы и правила поведения, приверженность определенным ценностям и обязательные для соблюдения всеми служащими. Этические кодексы предназначены для того, чтобы сделать определенные нормы деловой этики не просто предметом свободного выбора (или не-выбора?) служащих, а придать им институциональный характер. Например, этический кодекс компании «Кока-Кола» имеет силу закона, строго обязательен для всех служащих в любой стране, где есть филиалы компании. В основе этого кодекса лежит принцип честности и целостности, которым должны руководствоваться все служащие. Им предписывается уважать законы и традиции любой страны, но соблюдать при этом требование единства и целостности компании, исповедовать абсолютную лояльность к ней. Служащим строго запрещается иметь свой частный интерес в делах поставщиков, клиентов или конкурентов. Другим необходимым требованием к служащим является честность и открытость информации о состоянии дел: строго наказывается дача необъективной картины в финансовой и маркетинговой отчетности, даже если в ней не было злого или корыстного умысла.

Внешним средством контроля за соблюдением общих норм деловой этики являются стихийные или организованные санкции предпринимательских кругов и широкой общественности в случае их нарушения: словесное или печатное одобрение или неодобрение,

доброжелательные или недоброжелательные слухи, улучшение или ухудшение репутации и т.д.

Практика показывает, что включение этического измерения в деловую жизнь определяется прагматическими мотивами: когда оно полезно для дела и выгодно, тогда приверженность нравственным ценностям воплощается в ее практике, а когда нет — этика остается пустой декларацией. И обеспечение высокого нравственного уровня деловой жизни зависит не только от самих предпринимателей (т.е. людей, ориентированных прежде всего прагматически), но и от уровня нравственности в обществе в целом. Практически везде существует нелегальный криминальный и полукриминальный бизнес, не только аморальный, но и преступный, однако занимаемая им социально-экономическая ниша, его доля в предпринимательском сообществе в целом определяется состоянием общества. В условиях экономической и политической стабильности, растущего благосостояния народа (а не горстки нуворишей), устойчивой системы ценностей и норм поведения, этика делового мира также поддерживается на высоком уровне. В кризисные и переломные моменты истории, когда экономика находится в состоянии упадка, массы народа бедствуют, система ценностей подорвана, ориентиры смещены — тогда в деловом мире, как и везде, этическое измерение искажается и не включается в принятие решений.

Тема 11. Очерк социологии денег.

Исследование денег социологической наукой: полисемантичесность, противоречивость явления. Деньги как продукт развития социальных связей. Социологические концепции генезиса денег: Ф.Г. Юнгер, Г. Зиммель, С. Московичи. Ф. Тённис о роли денег в рамках общности и в рамках общества.

Деньги и традиционные межличностные социальные связи: разрушение и отчуждение. К. Маркс об отчуждении личности в деньгах. Г. Зиммель о деньгах как факторе установления дистанции между людьми и предметным миром. Деньги и отчуждение человека от естественных предпосылок его бытия — пространства, времени, природы. Деньги и отчуждение индивида от межличностных связей. Деньги и отчуждение личности от культуры и морали.

Деньги в обществах, основанных на безличных рыночных связях. Г. Зиммель и С. Московичи о деньгах как фундаменте новых социальных связей: деньги как универсальный посредник, способный соединить разнородные и разнокачественные субъекты и объекты. Деньги как фактор разрушения ближних социальных связей и установления дальних социальных взаимодействий. Г.Зиммель о деньгах как социальном и эпистемологическом факторе формирования позитивистской картины мира: трансформация качественных отношений в количественные, измерение как базовый метод познания. С. Московичи о деньгах как предпосылке формирования нового социально-психологического типа личности. Г. Зиммель о «финансовых меньшинствах» и деньгах как «родине безродных».

Деньги в условиях общества постмодерна: Ж. Бодрийяр о деньгах как пустом знаке, не имеющим связи с обозначаемым. Отрыв денег от реального производства и экономического роста, самодостаточность «виртуальной экономики финансов». Деньги в условиях глобализации.

Деньги и деструкция социального. Универсальность основанных на деньгах связей и предел влияния денег на общество. Деньги как средство обмена и феномен дара как основа культуры.

Деньги — явление экономической жизни и понятие экономической науки. Но, в то же время, деньги представляют столь важную часть общественной жизни, что в социологии сложилась традиция рассматривать их

как явление социальное и культурное. В известном труде «Философия денег» (1900 г.) немецкий социолог *Г. Зиммель* показывает, что деньги разрушают одни типы социальных связей и взаимодействий и тут же формируют другие, новые, дискредитируют одни ценности, чтобы на их место поставить иные, развенчивают одних кумиров, чтобы вместо них наделить могуществом и величием других. Таким образом, философия денег — это диалектика противоречивых свойств и функций, смыслов и значений, приобретаемых деньгами в обществе и передаваемых обществу деньгами.

Пожалуй, в и культуре нет более противоречивой ценности, более амбивалентного смысла, чем деньги. С древних времен ними связаны самые отчаянные страсти — их любят и ненавидят, их желают и проклинаят, с ними связывают и почтенные добродетели, и самые отвратительные пороки, они толкают людей на самоотверженность и самоотречение, и на небывалые подлости и гнусности... Деньги отнимают у людей все, в первую очередь их человеческий облик, друзей, любовь, веру, и, в то же время, делают доступным для них весь мир. Известно, что за деньги не купишь ни настоящее счастье, ни душевный покой, но сколько надежд, сколько прекрасных мечтаний рухнули из-за их отсутствия... Деньги не могут удовлетворить самое главное духовное чаяние верующего — на них не купишь спасения, известно, что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в царствие небесное, многие религии исповедуют строгую аскезу, но, в тоже время, первыми, древнейшими банками были храмы, где собирались жертвенные деньги¹, и реальные церковные практики требуют от верующего более или менее значительных денежных затрат.

Отвлекаясь от чисто экономических понятий, все это позволяет нам рассматривать деньги как социальное и культурное явление сразу с нескольких позиций: как великую деструктивную силу, пришедшую в мир, чтобы забрать из него нечто очень важное и ценное; как силу конструктивную, наделяющее социум и культуру новыми свойствами и ценностями; наконец, рассмотреть их исторический генезис и социально-культурное развитие на фоне других важнейших универсалий культуры — жертвы, дара, служения.

¹ Юнгер Ф.Г. Машина и техника // Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. М., 2002, с. 300.

§ 1. Деньги как фактор отчуждения

Деньги именуется «презренным металлом» потому, что их триумфальное шествие в истории человечества сопровождалось нарастающим разрушением, распадом, отчуждением важнейших ценностей и социальных связей. По мере превращения денег во все более универсальное меновое средство они становились, соответственно, все более абстрактными, что позволило выйти за пределы экономики и заменить собой не только материальные, но и духовые, и социальные ценности. Однако еще до того, как товарно-денежные отношения, меновая экономика стали определять хозяйственную и социальную жизнь, деньги обнаружили свойство подменять собой личность владельца, выступать в качестве ее отчужденной сущности.

Немецкий социолог *Г.Ф. Юнгер* предполагает, что генезис денег следует искать не в феноменах обмена или, тем более, дара, а сокровища². Это подтверждает, по мнению Юнгера, использование для чеканки денег ценных металлов — золота и серебра, сама круглая форма монет, часто с отверстием посередине, для того, чтобы можно было украшать себя ими. Особенность денег—сокровища в отличие от денег—менового эквивалента состоит в том, что они не должны покидать своего хозяина, ибо в них символически овеществляются самые значимые свойства его владельца: мудрость, сила, удача, осеняющая его милость богов. Деньги—сокровище воплощают его высокий социальный статус, влияние и власть, его превосходство над соплеменниками. Но раз эти свойства овеществлены деньгами, то они оказываются в известной степени и отчужденными от субъекта: похитив сокровище, можно не просто разорить богатого человека, лишить его не только сопутствующего богатству статуса, но и — в первую очередь — отнять у него самые ценные, завидные качества природы, присвоить их себе. В этой архаичной способности денег отчуждать от человека его личные качества крылась загадка так называемого «болотного серебра» — древних скандинавских и германских кладов, спрятанных в заведомо недостижимых местах на дне непроходимых болот. Если предположить, что клад есть попытка сохранить сокровища от возможных похитителей, то он по крайней мере должен быть доступен самому хозяину,

² Там же, с. 299.

«болотное серебро» же пряталось таким образом, что оказывалось недоступным в принципе. Значит, хозяева этих кладов топили в трясиных свои деньги не для того, чтобы просто сберечь их от чужих для себя, но для того, чтобы спасти от возможных посягательств — злонамеренных или случайных — и навеки закрепить за собой воплощенные и отчужденные в деньгах удачу и силу.

Однако чем большую часть себя человек отчуждает в деньгах, тем беднее остается его личность. Страсть к накоплению денег—сокровища, не подлежащих никакому использованию, никакой растрате стала одним из популярных и распространенных сюжетов в мировой художественной культуре. Скупец, копящий деньги ради денег самих по себе, неминуемо деградирует как личность, поскольку не только его добродетели и достоинства, но и вообще человеческие черты отчуждаются деньгами. Скупой рыцарь Пушкина, Гобсек Бальзака — это лишь тени людей, вся жизненная сила которых добровольно передана ими деньгам. При этом и сама жизнь неминуемо подчиняется идее накопления, а значит, прежде всего, экономии. Другие формы стяжания, связанные с активной деятельностью, всегда рискованны, чреватые не только приращением, но и потерей денег, поэтому отвергаются человеком, одержимым страстью накопления сокровища. Такой человек уже не способен к полноценной хозяйственной деятельности и, несмотря на богатство, не может быть предпринимателем: он стремится не к включению в экономический оборот, а, напротив, к выходу из него и к выводу за пределы производительной экономики денег. В деньгах ему видится не средство обмена и даже не вещь особого рода, способная к самоприращению и самовозрастанию, а иная, отчужденная ипостась своей собственной личности, которую необходимо сохранять, ибо ее потеря означает и потерю себя, смысла и сути своего существования.

Точно также для одержимого накоплением невозможно полноценное участие в любой социальной деятельности и социальной жизни, поскольку оно чревато тратами. Связи с другими людьми во всех их проявлениях — дружба, эмоциональные, чувственные отношения, любовь, даже ненависть и вражда требуют затраты энергии и средств, поэтому постепенно заменяются холодным отчуждением. Власть, высокий статус, даже престиж, всегда сопутствующий богатству, требуют престижных трат, поэтому также должны быть отвергнуты

во имя главной страсти накопления сокровища, в котором и сосредотачиваются все чаяния, все эмоции, вся сила души и весь потенциал личности.

Когда деньги из статичного сокровища превращаются в динамичный капитал и человек открывает для себя их главную тайну — способность к самовозрастанию, способность денег отчуждать личность также приобретает новое измерение и качество. Экономия теперь связана не с боязнью потерять, а с нежеланием вывести из оборота, ибо любая потраченная на непродуктивные — культурные, социальные, престижные, благотворительные и т.п. — цели мелочь влечет за собой и потерю той прибыли, которую она потенциально могла бы принести. Поэтому «экономический человек», занятый рациональным увеличением капитала, также оказывается лишенным подлинного социального и культурного измерения, также делегирует свои личностные свойства деньгам: «Политическая экономия, эта наука о богатстве, есть в то же время наука о самоотречении, о лишениях, о бережливости, и она действительно доходит до того, что учит человека сберечь даже потребность в чистом воздухе или физическом движении... Ее основной тезис — самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т.д., чем больше ты сберегаешь — тем больше становится твоё сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем — твой капитал. Чем ничтожнее твоё бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твоё имущество, тем больше твоя отчуждаемая жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности»³.

Причем в традиционном обществе, основанном на межличностных связях, где товарно-денежные отношения и меновая экономика еще не доминируют, а представляют собой лишь очень ограниченные, локальные уклады, деньги предназначаются для обслуживания социальных отношений — поддержания статуса, утверждения власти и т.д., и страсть к накоплению сокровищ ради них самих является скорее болезненным исключением, чем

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Изд. 2, Т. 42, с.

общим правилом. Но по мере того как рынок и обмен становятся всеобщей формой связи, деньги оказываются универсальным посредником, экономизация как рационализация образа жизни становится все более распространенным явлением.

Деньги становятся универсальным посредником в отношениях рыночного обмена потому, что они сами лишены качественной определенности, они есть лишь универсальный знак, который, сам не являясь ничем, может принимать любые обличия, превращаться как в материальные, так и в социальные, в культурные, и даже в духовные ценности. Поэтому деньги обладают свойством постепенно проникать во все без исключения сферы человеческого бытия. Но при этом согласно своей неизменной природе деньги привносят всюду, куда проникают сами, и элемент отчуждения.

Человек и социальные отношения, измеряемые деньгами, лишаются своей человеческой — моральной, культурной, семейной и даже физической сущности, он дегуманизируется, отчуждается ради денег. Б. Франклин, этот признанный образец буржуазной добродетели и выразитель буржуазного этоса, в своей «Автобиографии» пишет, что в начале своей предпринимательской карьеры старался, чтобы его не видели за «посторонними занятиями» — чтением, рыбалкой, охотой и т.д., но лишь за работой, общеизвестной целью которой было накопление капитала. Согласно его известному высказыванию, время — это деньги, которые можно заработать. И время даже можно измерять деньгами: «тот, кто бесцельно потерял *время, равное пяти шиллингам* (курсив мой — *Н.З.*), потерял эти пять шиллингов также, как если бы выбросил их в море)»⁴. Таким образом, даже само время, базовая универсалия человеческого существования, отчуждается от него и превращается в деньги, которые становятся его мерой, его сутью и душой. И время жизни человека, обладающего большим собственным капиталом, отчуждается деньгами также, как и время беднейшего наемного работника, вынужденного продавать его за гроши ради элементарного пропитания. Здесь, по меткому выражению К. Маркса, действительно сама жизнь оказывается лишь предпосылкой для жизни.

В обществе, где рыночные отношения становятся доминирующими, человек отчуждается не только от времени, но и от пространства как внешней

⁴ Франклин Б. Избранные произведения. М., 1956, с. 80.

среды своего бытия, и от всего предметного мира. В архаичных, «доденежных» обществах доступ к земле и тому, что она дает часто определялся личными качествами человека и его традиционными неотчуждаемыми правами: земледелец получал в свое распоряжение столько земли, сколько мог обработать от восхода до заката солнца, или «по работникам», или «по едокам»; то, что дается природой и не является производением чьего-то труда — рыба в водоемах, дичь и дрова в лесах и т.п. — воспринималось как принадлежащее всем, подобно солнечному свету, теплу, дождю и прочим дарам природы. Человек был неразрывно связан с предпосылками своего бытия, не отделял и не дистанцировал себя от них. Но постепенно деньги как универсальное обозначение ценности становятся между человеком и естественными предпосылками его бытия: за землю, воду, право на охоту, рыбалку, вырубку леса необходимо платить. В обществе, где рыночные отношения, основанные на деньгах, доминируют, не кажется противоестественным разрушение извечной онтологической связи человека с предпосылками его бытия: можно умереть от голода, жажды и холода, если нечем заплатить за еду, воду или тепло. Как отмечает вслед за Г. Зиммелем французский социолог и психолог *С. Московичи*, деньги представляют собой результат отделения человека от вещи, от естественных материальных предпосылок его бытия⁵.

Деньги доводят до логического завершения начатое античной сократической традицией разделение субъекта и объекта, формирующее дистанцию между ними и позволяющее субъекту произвольно, то есть в соответствии с собственным «субъективным» произволом давать оценки объектам (Московичи утверждает, что деньги — наш Сократ, дающий ответы на вопросы своих учеников о сущности вещей⁶). Соответственно, порядок вещей в мире, где доминируют товарно-денежные отношения, определяется уже не естественным порядком, а стоимостями, денежным эквивалентом объектов. Иерархия ценностей подчиняется не непосредственным бытийным, моральным, культурным, социальным и проч. потребностям людей, а выстраивается в соответствии со стоимостью, то есть с денежным эквивалентом вещей, с тем,

⁵ Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998, с. 371-372.

⁶ Там же, с. 371.

сколько за них готовы заплатить. Предметы роскоши и престижного потребления в обществе в нормальном состоянии на много порядков дороже элементарных продуктов питания — но в бедственные, голодные годы за буханку хлеба не задумываясь отдают целые состояния.

Денежный эквивалент объекта определяется не его реальной, естественной ценностью, а тем, сколько за него готовы заплатить, то есть тем, насколько сильно он желаем. Таким образом, деньги, отделяя человека от вещей=объектов, отделяют его и от собственных желаний, собственных целей и устремлений. Чтобы добиться не только обладания вещью, но и реализации социальных и духовных чаяний, необходимо прежде всего четко определить их денежный эквивалент и соразмерить его с собственными возможностями. В результате все то, что кажется естественными и неотъемлемыми от личности в парадигме моральных оценок — жилье, образование, приобщение к ценностям культуры, возможность передвижения, наконец, сама жизнь и ее поддержание с помощью достижений медицины — отчуждается от человека через деньги, которые диктуют уже само право желать или не желать. История денег — это и история не реализованных планов, не сбывшихся надежд, не достигнутых вершин. Значит, деньги как стоимостные эквиваленты вещей представляют собой отчужденное изображение человеческих желаний и страстей.

Из сказанного следует интересное следствие. Будучи универсальным эквивалентом всех ценностей, деньги являются средством для достижения практически любой цели, какую только может поставить перед собой человек в современном обществе. Г. Зиммель подчеркивает, что принцип экономии усилий переворачивает телеологическую цепочку, заставляя сосредотачиваться не на цели как таковой, а прежде всего на средствах⁷: чтобы осуществить научное исследование, создать произведение искусства, основать политическую партию, издать книгу, помочь нуждающимся и т.д. в первую очередь необходимо иметь деньги. И тогда средство само превращается в цель и заставляет сосредоточиться на себе: прежде чем пожелать достичь чего бы то ни было, нам необходимо пожелать денег.

Способность денег отчуждать волю и желания человека проявляется в том, что они, превратившись из простого механизма достижения цели в саму

⁷ Simmel G. The Philosophy of Money. L., 1978, p. 211, 220.

цель, подменяют собой весь процесс мотивации. Стремящийся к знаниям, к творчеству или к власти, к активности или к покою, к семейному благополучию или к развлечениям, — при всем мыслимом разнообразии возможных целей и мотивов, сначала должен озаботиться о деньгах. Таким образом, деньги, являясь абсолютным средством, становятся и абсолютной целью, лишая все другие цели их самостоятельной ценности и значимости⁸. Деньги не просто отделяют человека от вещей и предметного космоса, они отделяют его и от аксиологического универсума, лишая его самодостаточности.

Раскрывая процесс отчуждения деньгами ценностной мотивации человеческого поведения, Г. Зиммель дает возможность заглянуть в глубинный механизм превращения денег из простого средства обмена в предмет самых пламенных и роковых страстей, причину трагедий, мотив преступлений и подлостей, которые совершаются на протяжении всей человеческой истории ради обладания ими. Именно универсальность денег как средства достижения любых целей, реализации любых желаний делает их столь притягательными, создает иллюзию оправданности предательства любых ценностей и идеалов во имя будущей доступности любых ценностей и гипотетической возможности реализовать любые идеалы. Создается роковая иллюзия, будто деньги представляют собой столь значимую цель, что для их стяжания возможны все, в том числе и абсолютно аморальные, антигуманные, антиобщественные средства. Причем авантюристический капитализм прошлого отнюдь не заменяется рациональным капитализмом нового времени, а продолжает существовать наряду с ним, даже открывает для себя новые горизонты по мере того как в экономике постмодерна деньги окончательно утрачивают связь с реальной экономикой производства и превращаются в самостоятельную виртуальную реальность. Самодостаточность финансовых операций и колоссальные масштабы внепроизводственных прибылей делают особо привлекательной не только виртуальную экономику, часто разрушительную для реальной, но и на уровне массового сознания создают новую реабилитацию внепроизводственных денег. От такой реабилитации весьма недолг путь до

⁸ Там же, с. 232.

молчаливого признания оправданности любых, в том числе и откровенно криминальных, способов обогащения.

Отчуждая человека от предметных и естественных предпосылок его бытия, от ценностного универсума, деньги отчуждают и индивида от социума, и людей друг от друга. Не имеющий денег и надежных способов их зарабатывать оказывается вне общества, поскольку деньги как универсальное средство воплощают его социальный потенциал. Нищета страшна не просто предельной скудостью существования, недоступностью реальных материальных благ, но и невозможностью занять адекватное место в обществе, реализовать себя. Сколь бы ни был велик потенциал личности, какими бы моральными достоинствами, знаниями, творческими идеями она не обладала — отсутствие денег способно перечеркнуть все это. Деньги постепенно подменяют сущность индивида, превращаясь в эквивалент его достоинства. Русский публицист второй половины XIX в. Г.И. Успенский в очерке «Книжка чеков» образно и ярко показывает, как живой человек со всеми его надеждами, мечтами, с любовью и ненавистью, в условиях господства денег превращается в «человека-гривенник», «человека-полтину» и так до «человека-рубля» или «человека-чековой книжки»⁹, но по сути жизнь «человека-чековой книжки» столь же пуста, как и жизнь «человека-гривенника». Социальная ценность индивида начинает определяться его денежным «эквивалентом» — статус, престиж, уважение окружающих, внимание женщин и т.д. распределяются не столько по заслугам, сколько по количеству денег в кошельке: «То, что могут купить деньги — это я сам, владелец денег... То, что я есть и что я в состоянии сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью... Я уродлив, но я могу купить себе красивейшую женщину. Значит, я не уродлив, ибо действие уродства, его отталкивающая сила, сводится на нет деньгами... Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит, в почете и их владелец»¹⁰.

Но деньги не только отчуждают социальные свойства личности, они и удаляют, отчуждают людей друг от друга. Причем это их свойство проявляется

⁹ Г.И. Успенский. Книжка чеков // Успенский Г.И. Сочинения в двух томах. М., 1988. Т. 1, с. 354-355.

¹⁰ Маркс К. Указ. соч.,

тем очевиднее, чем сильнее развиты в обществе товарно-денежные отношения. В традиционных социумах, где люди взаимодействуют на основе межличностных форм социальных связей, сохраняют свою значимость социальные, культурные, нравственные характеристики личности. И в хозяйственной сфере отношения хозяина и работников, даже наемных, определяются не только деньгами как формой оплаты труда, но и принципами патернализма, личной зависимости и личной ответственности, ощущением принадлежности к одному и тому же народу, религиозной общностью и т.д. Участники экономической жизни связаны множеством нитей, и деньги являются лишь одной из них. Хотя денежные обязательства и имеют особое значение, другие отношения также нельзя сбросить со счетов, и они часто оказываются помехой для развития и универсализации товарно-денежных связей, заставляют вторгаться в них такие «чуждые» резоны, как совесть, чувство родства и общности, сострадание, страх перед осуждением людей и карой Божьей. Даже если эти резоны не заставляют искателей наживы быть разборчивыми в способах обогащения, то по крайней мере заставляют их испытывать угрызения совести и чувство собственной моральной неполноценности. Наемные же работники и вообще все материально зависимые (младшие партнеры, должники и т.д.) индивиды чувствуют себя еще и лично обязанными тому, кто им платит деньги.

В новое время деньги начинают стремительно вытеснять все прочие формы связей между людьми, делая их отчужденно-безличными. Г. Зиммель придает при этом деньгам значение эмансипирующей силы: «они позволяют существовать отношениям между людьми, лично их не затрагивая»¹¹. Происходит личное освобождение работника, который теперь уже не связан с хозяином ни чувством долга или благодарности, ни общностью культуры, веры, традиции. Но у денег, отчуждающих и освобождающих людей через избавление от личной зависимости, есть один секрет: больше свободы получает тот, у кого больше денег. Владелец капитала, оплачивающий труд наемных работников, не несет перед ними более никакой моральной или социальной ответственности, кроме обязательства в срок выплатить зарплату. Таким образом, поддерживаемые деньгами связи отчуждают все остальные, там, куда они

¹¹ Simmel G. The Philosophy of Money. L., 1978, p. 303.

вторгаются, не остается места для любви (брак по расчету оказывается предпочтительнее брака по любви), дружбы (известно, что если хочешь иметь друга, не давай ему денег), верности и чести (покупаются чиновники, охранники, стражи закона, военные...). Деньги не знают ни родства, ни национальной, культурной, конфессиональной общности, легко перемещаясь через все границы. Даваемая деньгами свобода — это именно свобода отчуждения, свобода «пустого» знака, который годится для чего угодно, потому что сам не несет в себе ничего определенного.

Деньги разрушают традиционные формы общности людей — семью, сословное общество, государство, этнос, которые представляли собой иерархически выстроенные целостные образования: нет человека без благодарной памяти предков, почтения к родителям, заботы о детях, нет дворян без престолюдинов, правителей без подданных и т.д. Вторгаясь во все эти общности, деньги освобождают людей, по замечанию С. Московичи, «от вороха обычаев, обаяния символов»¹², раскалывая их просто на тех, у кого много денег, и тех, у кого их нет. Независимо от семейных, сословных, государственных, этнических и прочих различий люди идентифицируются просто по количеству денег в кошельке или на банковском счете.

Деньги обладают свойством противопоставлять людей друг другу, сеять недоверие и враждебность. Речь идет не только о зависти неимущих к тем, кто имеет большие деньги. С. Московичи отмечает, что удовлетворение нажитым определяется только соотношением с тем, что потерял другой¹³. Людям, преуспевающим в накоплении денег, свойственно испытывать не только чувство превосходства над теми, кто не обладает подобными способностями, но и самооправдание через приписывание обираемым неудачникам разных негативных качеств — глупости, трусости, нерасторопности, лени и т.п. Со своей стороны, бедные редко верят в то, что богатство является результатом высоких личностных качеств и талантов и также наделяют богатых такими пороками, как жестокость, скупость, высокомерие. Замыкается порочный круг отчуждения и ненависти, в основе которого лежат деньги.

¹² Московичи С. Указ. соч., с. 433.

¹³ Там же, с. 419.

Единственным значимым свойством самих денег является их количество¹⁴. Народная мудрость, гласящая, что счастье не в деньгах, а в их количестве, совершенно точно отражают тот факт, что именно количество денег создает не просто материальные преимущества, но дает «прибавочную стоимость», которая вытекает из самого факта обладания деньгами и возрастает пропорционально сумме. Даже ничего не платя богатые пользуются преимуществами в виде престижа, уважения, почитания которого не имеют бедные. Отсутствие же денег или их незначительное количество лишают человека его социальной позиции, престижа, даже нередко достоинства и уважения окружающих¹⁵.

Отчуждение социальных отношений влечет за собой и отчуждение человека от культуры. Чем более абстрактными становятся деньги, тем более универсальным их влияние. Из средства обмена они превращаются во всеобщих эквивалент, с помощью которого определяется ценность и значимость всего, что ранее оценивалось по другим, содержательным критериям. Происходит отчуждение содержательного и эстетического начала человеческого бытия, порождающее угрозу растворения смыслового и качественного начала в количественном. Целесообразность научного проекта часто оценивается не по его теоретической значимости и даже не по его практической полезности как таковой, а по финансовой выгоде, которую принесет его внедрение (история знает множество открытий, идей, научных школ и направлений, которые не нашли своевременной поддержки лишь потому, что не сулили моментальной денежной окупаемости и прибыли). Таким образом, под угрозой оказывается существование фундаментальной и теоретической науки! Публикация книг, постановка спектаклей, съемки фильмов также зависят от перспектив окупаемости и прибыльности, поэтому популярные произведения в развлекательном жанре, рассчитанные на невзыскательного массового зрителя и читателя, имеют приоритет перед произведениями высокого искусства, аудитория которого ограничена. Ценность и значимость произведения искусства часто определяют по размерам тиража, посещаемости спектаклей, фильмов, концертов — то есть опять же по размерам приносимой прибыли.

¹⁴ Simmel G. The Philosophy of Money. p. 280.

¹⁵ Московичи С. Указ. соч., с. 426.

Само понятие «bestseller» — лучше всех продаваемый — характеризует не художественные, а рыночные=денежные достоинства «шедевров».

Г. Зиммель приходит к интересному выводу, что свойство денег переводить качественные характеристики в количественные формирует универсальную для западной культуры модель мировосприятия и познания, нашедшую отражение в естественных и социальных науках. Развивающаяся особенно интенсивно в новое время параллельно развитию товарно-денежных капиталистических отношений, рациональная и экспериментальная позитивистская наука провозгласила отказ от философских «метафизических» поисков смыслов и первопричин и сосредоточилась на сведении всего к объективному, то есть количественным показателям: «мысль о том, что жизнь основана прежде всего на интеллекте и что интеллект входит в практическую жизнь как наиболее ценная из наших ментальных энергий, сопряжена с развитием монетарной экономики»¹⁶. Основные эмпирические методы науки можно свести по существу к подсчетам и измерениям всего — явлений природы, тенденций социальной жизни, возможностей человека.

Все то, что не поддается количественной фиксации, было отнесено в разряд иррационального, сверхъестественного, непознаваемого. Таким образом за рамки познаваемой реальности вышли и получили ярлыки «необъективного» добро и зло, любовь и самоотверженность, энтузиазм и героизм. Бывает очень сложно, практически невозможно объективно и адекватно оценить качественно значение того или иного исторического события, произведения искусства, научного открытия, ибо здесь мы вступаем в сферу зыбких, субъективных, изменчивых суждений. Но зато любой успех и неудача, победа и поражение имеют совершенно точную количественную «цену» — как непосредственно в деньгах, так и в статистических данных, и поведение человека получает «объективную» мотивировку и интерпретацию в его сведении к интересам, в том числе и чисто материальным, денежным. Для преодоления такой суженной и одномерной картины мира понадобились длительные усилия ученых, философов, деятелей культуры, но и сейчас такая количественная редукция нередко выдается за научный подход.

¹⁶ Simmel G. The Philosophy of Money. p. 152.

С. Московичи вслед за Г. Зиммелем отмечает, что чем более общий характер принимают деньги, «выходя за пределы самих себя» и превращаясь в универсальную меру всех вещей и средство достижения всех целей, тем больше они становятся похожими на всемогущее божество: «Всемогущество денег роднит их с представлением о Боге»¹⁷. Они вытесняют из сознания людей прежнюю веру и прежних богов: «Да, параллельно с отливом и атрофией старого религиозного монотеизма гипертрофируется новый монетарный монотеизм. Своей гипертрофированной властью он обращает мир в свою веру и показывает путь спасения людей»¹⁸. С моральной точки зрения, с позиций представления о презумпции высшего духовного начала экспансия денег в этом направлении представляется наиболее шокирующей, здесь они отчуждают человека от самого глубокого и подлинного смысла его бытия, подменяя идею спасения души как абсолютной самореализации личности простым расширением социальных возможностей и доступностью любых целей. Реализующийся в религиозном спасении верующий стремится к преодолению греховного в себе, к очищению, самосовершенствованию в соответствии с высшими идеалами, к праведному образу жизни. Реализующийся через всевластие денег индивид, во-первых, во имя обладания деньгами как правило вынужден переступать через моральные запреты и совершать греховные поступки, оправдывая их денежной рациональностью и прибыльностью, во-вторых, даваемые большими деньгами власть, новые экономические и социальные возможности, комфорт и чувственные наслаждения и т.д. часто искушают самые низменные стороны человеческой природы, во всяком случае, не предполагают их обуздания.

На протяжении всей своей истории все конфессии и церкви стремились противопоставлять деньгам высшие духовные идеалы, во всяком случае, подчинить им, рационализировать страсть к стяжательству, но «в борьбе между Иеговой и Золотым тельцом Бог выиграл все битвы, но в результате проиграл саму войну»¹⁹. Превращение денег в божество страшно тем, что оно подменяет и переворачивает главную смысложизненную интенцию личности: на место

¹⁷ Московичи С. Указ. соч., с. 412.

¹⁸ Там же, с. 413.

¹⁹ Там же.

утверждения добродетели незаметно протаскивает терпимость к греху, оправдание зла, на место строгого императива совершенствования личности — вседозволенность.

В новейший период мировой истории, называемый постиндустриальным обществом или эпохой постмодерна, деньги выходят на новый уровень универсализации, окончательно становясь «семиотическими деньгами» (С. Московичи), пустым знаком, никак не связанным даже со своей природной стихией — хозяйственной жизнью, производством, обменом реальных ценностей. Нарастание денежного богатства теперь вовсе не означает развитие реального производства и экономического роста, а может быть даже обратно пропорционально ему: виртуальные финансовые манипуляции, игры на валютных курсах приносят невиданные прибыли, но при этом оказываются губительными для народного хозяйства и угрожающими для благосостояния людей в целых регионах мира («дефолты» британского фунта, азиатских валют, российского рубля в 90-х годах).

Как показывает Ж. Бодрийяр, виртуальная финансовая экономика превращается в симуляционную экономику и завершает логику развития системы, где знак отрывается от обозначаемого и начинает жить самостоятельной жизнью, никак не связанной с процессами реальности. Этот процесс венчал отказ от золотого эталона (в 1971 году) как последней формы устойчивости и репрезентативности валюты, и переход к «плавающим курсам», не связанным никакими реальными эквивалентами и свободным для ничем не ограниченной игры по собственным правилам. Деньги отныне могут самовоспроизводиться и умножаться независимо от хозяйственной реальности, финансовая игра — это просто игра цифр, знаков, слов. Из всех знаков, обращающихся в фазе экономического роста, деньги обращаются быстрее всего и не соизмеримы ни с чем другим. Из опосредствующей абстракции рыночного обмена деньги превращаются в автономный симулякр, не связанный ни с каким реальным обозначаемым, а финансовые потоки становятся самодостаточной экономической реальностью, виртуальной экономикой, за которой не стоят процессы, происходящие в реальных секторах²⁰.

²⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000, с.70.

Таким образом, добывание денег более не связано ни с какой полезной деятельностью и никак не ограничено в средствах, не привязано ни к какой социальной или культурной среде, а обладание ими в условиях глобализации не просто становится отчужденной формой социальных связей и культурных ценностей, но позволяет человеку встать над обществом, над культурой, над цивилизацией. Обладающий деньгами человек глобального мира, прошедший через все стадии историко-культурного развития денег, завершает диалектический круг снятия и приходит к «доосевому» состоянию кочевника, ни с чем и ни с кем не связанного долгом, ответственностью, любовью и свободно перемещающегося туда, где легче и обильнее добыча и доступнее блага и наслаждения.

§ 2. Общество, конституируемое деньгами

Деньги, безусловно, не стали бы столь значимым социальным и культурным феноменом, если бы их возникновение и историческая эволюция несли с собой только отчуждение и деструкцию социальных, культурных, духовных реалий. На самом деле, разрушая прежние отношения и ценности, деньги создают на их месте новые, формируют иную социокультурную реальность, ломая одни формы связи человека с обществом и с себе подобными, они устанавливают новые, не менее прочные связи. Деньги отчуждают человека от космоса, от естественных предпосылок его бытия, но, в то же время, создают новые картины мира и новые способы обращения с ним. Конечно, в основе этого нового мира лежит отчуждение от основ прежнего, это дает нам повод сокрушаться об уходе прежней непосредственности, душевного тепла и вечных ценностей, но мы не можем себе позволить сделать вид, что не замечаем новых реалий, потому что они уже давно стали нашими. Нравится нам это или нет, деньги стали, перефразируя известное высказывание Маркса, душой этого нового бездушного мира, и наша задача — понять его.

Современное *общество* в противоположность традиционной *общности*, по определению Ф. Тённиса, представляет собой сосуществование независимых друг от друга людей, где они разделены, несмотря ни на какие естественные

связи, и само их единство представляются иллюзорным, абстрактным²¹.

Практически единственная реальная сила, эту связь скрепляющая, состоит в обмене и деньгах как средстве обмена. Поэтому деньги немислимы вне общества: Тённис показывает, что в рамках общности (домохозяйства, семьи, рода, клана, общины и т.д.), где люди объединены межличностными отношениями, совместным трудом и общим имуществом, деньги не являются конституирующей и самодовлеющей силой. В системе межличностных отношений и традиционного натурального хозяйства деньги приобретают смысл только тогда, когда необходимо выйти за пределы общности, чтобы приобрести блага, которые не производятся внутри совместного хозяйства или обеспечить связи и отношения со внешними социальными и властными субъектами — заплатить подати, налоги, оплатить какие-либо специальные услуги. В обществе, состоящем из изолированных, автономных индивидов деньги становятся необходимыми для установления и закрепления связи между ними. Таким образом, деньги есть продукт общества и его основа, его суть: «в бумажных деньгах общество производит свое собственное понятие и вводит его в оборот, задавая ему определенный курс»²². В деньгах общество, таким образом, осознает себя и объективирует это осознание, а курс национальной валюты на определенном этапе исторического развития становится важнейшим в индикатором не только состояния национальной экономики, но и общества в целом.

Деньги, разъединяя и отчуждая людей, в то же время делают их взаимозависимыми и взаимно необходимыми, ибо воплощение желаний и достижение целей зависят от полезности друг другу, от отношений в целом, то есть от общества. Поскольку сами деньги не обладают никакой качественной определенностью и представляют собой чистый знак, «они становятся настолько чуждыми этому миру, что самые удаленные друг от друга вещи находят в них общую основу и вступают в контакт друг с другом»²³. Деньги являются тем посредствующим звеном, которое позволяет уравнивать, а значит,

²¹ Тённис Ф. *Общность и общество*. М., 2002, с. 9-12.

²² Тённис Ф. *Указ. соч.*, с. 73.

²³ Simmel G. *The Philosophy of Money*. L., 1978, p. 217.

сравнивать, сопоставлять, оценивать разные, качественно несравнимые, виды деятельности, ресурсы, ценности, вещи.

Деньги в силу своей абстрактности и универсальности обладают способностью уравнивать людей. Язык денег понятен всем и везде, подобно музыке и математике, они не нуждаются в переводчиках и посредниках. Причем каждый, кто обладает деньгами, получает одинаковый социальный потенциал, никто не наделяется какой-либо привилегированной связью²⁴. Всем субъектам, обладающим деньгами, блага и ресурсы становятся доступны в равной степени, в то время как в рамках традиционной общности они доступны лишь тем, кто причастен к ней: нельзя получить землю, не будучи членом общины, производить товары, не будучи членом цеха, доступа к власти не имеют представители «низких» сословий и т.д.

Из этой особенности денег как универсального средства связи вытекает и возможность их использования в качестве канала социальной интеграции и мобильности. Этим свойством денег объясняется высокая предпринимательская и в особенности финансовая активность религиозных и национальных меньшинств, которые на уровне социальных или политических отношений не имеют возможности стать полноценными и полноправными членами социума.

Обладание деньгами наделяет властью, которые никакими иными способами не доступны социальным изгоям. Известно, что короли, князья, знатные особы были вынуждены нередко пополнять не только свою личную, но и государственную казну с помощью кредитов, предоставляемых Ротшильдами и другими «темными» личностями, обретшими благодаря деньгам небывалое могущество. Деньги оказываются фактором власти, перевешивающим такие ее традиционные основания, как происхождение, специальные навыки и способности, сила характера и воинские доблести. Обретенное с помощью денег могущество позволяет изгоям самоутвердиться и получить своего рода сатисфакцию за унижение и преследования, взять реванш за свое изгойство. Кроме того, для тех, кто интегрируется в общество посредством денег, они оказываются и важнейшим способом самоидентификации. Обладание деньгами оформляет особое сообщество людей и является пропуском в эзотерический

²⁴ Московичи С. Указ. соч., с. 437.

круг посвященных, противостоящий всем остальным, включая национальное и религиозное большинство.

Оказываясь способом самоидентификации, деньги определяют и свойства личности — того социального типа, который специализируется на их накоплении. Так, С. Московичи подчеркивает, что «финансовые» меньшинства сами приобретают свойства, присущие деньгам — безразличие к культурным и социальным особенностям среды и высокую мобильность: «изгнанные, преследуемые и обездоленные приговорены к постоянной миграции и готовы сменить место жительства в любой момент — циркулировать. Эта навязываемая им мобильность усиливает некоторое сходство между ними и мобильными деньгами. Первые перемещают вторые, вовлеченные в водоворот обмена, при котором легче избежать вмешательства и контроля»²⁵.

Отсюда видно, что деньги, приобретшие универсальный и абстрактный характер, разрушают привязанность индивида к месту, характерную для традиционной общности. Изменяется и характер восприятия времени, которое из циклически и равномерного становится линейным и ускоренным. Дело не только в том, что за деньги становятся доступными перемещения в пространстве и участки пространства (земля, дома), или время становится орудием наживы ростовщика или кредитора. Пространственную привязку имеют не деньги вообще, а лишь конкретные национальные валюты, которые взаимно конвертируются или соизмеряются с какой-то одной, ставшей международной (доллар США, евро). Деньги как таковые везде чувствуют себя дома, не имеют преград на своем пути, более того, процесс их обращения требует постоянной пространственной мобильности и заставляет индивида быстро перемещаться туда, где ожидается большая прибыль. Поскольку деньги прирастают в процессе оборота, то его ускорение требует от индивида способности увеличить интенсивность своей жизни, «сжать» время, производя за единицу большее количество операций.

Еще одна особенность, которую деньги придают социальным связям — это увеличение значения дальних связей в ущерб ближним. Если эти последние, как мы уже выше показали, отчуждаются деньгами, то для первых создаются все условия, прежде всего благодаря универсальности денег, их способности

²⁵ Там же, с. 415.

связывать всех со всеми. Современный человек стремится установить контакты с максимально удаленными субъектами, ограждая себя от риска чрезмерной близости и оставляя за собой возможность прервать отношения в любой момент²⁶. Знакомство, дружба, даже любовь в интернете все чаще и все больше заменяют подлинные личные связи.

Именно в среде дальних отношений и расцветает денежная рациональность: не связанный устойчивыми моральными и психологическими обязательствами и эмоциями человек свободен как приобретать и преумножать, так и сохранять деньги. Дальние отношения, в то же время, не являются абсолютно лишенными эмоционально-психологической составляющей: отчуждая большинство личностных предпосылок социальных связей, деньги актуализируют доверие как основу отношения человека с ними как абстрактной экспертной системой. Это доверие не связано с субъектами конкретных отношений или с определенной денежной единицей, с деньгами вообще, которые повсеместно и безусловно признаются в качестве универсального эквивалента и средства реализации любых целей, достижения любых желаний.

В то же время, это доверие деньгам вообще принципиально отличается от доверия и веры в традиционном понимании, поскольку всегда несет в себе сознание риска, связанного с конкретными деньгами — с колебанием курсов валют, обвалом биржевых котировок, крахом банков, махинациями нечистоплотных дельцов и т.д. Доверие к деньгам и инвестирование в них всех надежд и жизненных ожиданий при одновременном осознании постоянных рисков, связанных с ними, формирует в современном человеке постоянную настороженность, привычку к отслеживанию финансовой ситуации и готовность реагировать независимо от его профессии и даже от количества денег.

Деньги как универсальная форма связи придают человеку современного общества еще одну особенность — его собственную универсальность и сложность. Здесь имеется в виду не богатство духовной жизни, творческого потенциала и т.п., что мы в повседневной речи привыкли понимать под сложностью личности, а возможность и необходимость ориентироваться на разнообразные цели и исполнять различные не связанные между собой роли. На

²⁶ Московичи С. Указ. соч., с. 456-457.

место целостного, интегрированного человека традиционной общности, который лишь в качестве ее члена становится и работником, и собственником, и хозяином, и вступает в дружеские, семейные, властные и проч. отношения, и для которого производство неотделимо от потребления, труд — от досуга, частная жизнь от общественной и т.п., приходит частичный и изолированный индивид, который никакому делу и никакой цели не отдает себя целиком, попеременно выступая то в роли работника, то собственника, то супруга и родителя, то избирателя и т.д.

Наконец, универсализация денег и превращение их в особую форму социальной связи превращает рациональность в базовую характеристику современной культуры. М. Вебер показал, что в западной культуре рационализация принимает сквозной и формальный характер, подчиняя все сферы жизни общества и отдельного индивида единой логике, и наиболее адекватным выражением этой логики являются деньги как универсальное в своей абстрактности средство оценки. Именно с помощью денег можно привести к общему знаменателю и сопоставить друг с другом вещи, ранее несопоставимые и несводимые друг к другу — профессиональное мастерство, успех в бизнесе и религиозное спасение. На все сферы жизнедеятельности человека благодаря тотальной рационализации распространяются методичность — привычка планировать и разбивать на логические этапы любое действие, отделять в нем субъективные эмоции, страсти, привязанности от объективных условий и последствий, а также точность как обыкновение высчитывать цену всего и вся — от выгодности делового предприятия до выгодности брака. В исторический период, когда денежные отношения еще не приобрели универсального характера, а были растворены в неотчужденных межличностных связях, даже в деловых предприятиях и торговле царила приблизительность, а объективные и субъективные аспекты деятельности были неразрывно переплетены. Рациональность, методичность, точность становятся важнейшими добродетелями человека, а само достоинство личности формулируется в метафоре денег: «Человек, достойный кредита».

Господство сквозной рациональности формального характера, однако, имеет своей обратной стороной ценностную иррациональность: то, что выгодно, не всегда соответствует представлениям о добре, благородстве, чести, даже часто противоречит им. Деньги представляют механизм разрешения

противоречий и колебаний, пересиливая, как правило, остальные резоны, ибо они обладают способностью не просто предоставлять алиби и оправдывать, но сами в известной степени заменяют личностные моральные качества субъекта: «Деньги вся жизнь его, он по многим причинам и живет только для денег. Деньги для него не то, что для других — средства к жизни, они для него самая жизнь, его *честь* — в деньгах! У такой натуры взгляд на все окружающее его, на все, из чего сложилась его жизнь, прямо вытекает из понятия: *честь* — деньги, деньги — *честь*! На семейство, на общество, не говоря уже про торговлю, он смотрит с этой точки, из всего он старается выжать деньги...»²⁷. Свои собственные достоинства, в особенности деловые и профессиональные, человек тоже начинает измерять в деньгах — «я стою столько-то».

Могут ли деньги полностью вытеснить межличностные отношения и гуманитарное измерение социальной жизни, полностью заменив его рациональным денежным расчетом? Будет ли это общество обществом в собственном смысле этого слова, или здесь восторжествует «экономический человек», вытеснив «социального человека»?

§ 3. Деньги и социальное измерение бытия

Г. Зиммель и вслед за ним С. Московичи утверждают, что в основе денег как средства обмена лежит древнейший архетип дара и жертвы²⁸. Историками и культур-антропологами доказано, что обмен дарами в архаичных обществах представляет собой не экономический феномен, близкий к торговле, а способ установления и поддержания стабильных социальных связей. Г. Зиммель любое социальное взаимодействие сводит к обмену, само общество существует постольку, поскольку люди взаимодействуют, т.е. обмениваются вещами, услугами, обязательствами, чувствами и эмоциями и т.д. Сугубо

²⁷ Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865-1867 с. 52.

²⁸ Simmel G. The Philosophy of Money. L., 1978, p. 82, 84, ; Московичи С. Указ .соч., Гл. 8. Жертва, лежащая в основе обмена и денег

экономическим, то есть формирующим стоимостные отношения, универсальный процесс обмена делает феномен жертвы. С. Московичи подчеркивает, что экономика обмена — это в сущности экономика жертвы, поскольку эффективность жертвы пропорциональна цене того, что приносится в жертву. Христос приносит свою искупительную жертву, чтобы «придать смысл этому убеждению», Авраам готов принести в жертву своего сына, чтобы засвидетельствовать любовь в Богу и благодарность за обещание умножить потомство. И вообще, мы отдаем блага, свободное время, силы, подвергаем себя разнообразным рискам, чтобы обозначить цену, которую мы придаем людям, формам деятельности, институтам и т.д. Чем больше наша жертва, тем императивнее заключенное в ней требование возврата долга. Все социально значимые поступки, таким образом, имеют в своей основе отчуждение, дистанцирование от себя какой-либо ценности и одновременно требование ответного блага, ответного дара²⁹. При таком подходе бескорыстное даяние рассматривается как необязательное, поскольку не предполагает обратной связи; в то же время, в этой логике фактически невозможен бескорыстный дар или жертва, поскольку они всегда подразумевают некие обязательства, накладываемые на того, кому или во имя чего эта жертва приносится: добродетель оплачена моральным удовлетворением или благодарной памятью, подвижничество — спасением души и т.д. Таким образом, все имеет цену, любой поступок совершается не «просто так», а в расчете на получение чего-то взамен. На этом и основывается общество как система социальных связей.

Однако у жертвы есть еще по крайней мере один аспект, который не получил объяснения в описанной выше парадигме. Принося жертву богам, люди не просто дистанцируют, отчуждают от себя предметы, но переводят их в иное, иррациональное, высшее измерение бытия, и через них сами на время приобщаются к этому измерению³⁰. Чем дальше от примитивной архаики и повседневной обыденности удается отойти обществу, тем отчетливее оно осознает необходимость соотнесения с высшим началом бытия. Но там не действуют обычные законы вообще, и законы обмена и воздаяния в том числе.

²⁹ Московичи С. Указ. соч., с. 392-394.

³⁰ Этот аспект жертвы рассматривается в работах французского социолога и религиоведа Ж.Батайя «Теория религии». Минск, 2000; «Проклятая доля». М., 2003.

Дикарь и варвар ждет от своих племенных богов удачной охоты или военной добычи, или урожая в обмен на жертвы, и в случае их отсутствия может «наказать» изображение божества. Купец, переносящий на отношения с Богом привычные правила торга, старается поставить самую большую свечу в надежде на прощение грехов и дарование удачи. Но даже в архаичных обществах дар вождя — не просто эквивалентная плата за службу, но передача неисчислимых, иррациональных сил, удачи, счастья. Как показал М. Вебер, в сознании протестанта, ведущего во истину бухгалтерский методичный учет своих заслуг и проступков, обретений и потерь в процессе «торга» с Богом, глубинной основой является вера в спасение как иррациональный *дар* Бога, не зависящий от личных добродетелей и заслуг. Таким образом, дар имеет всегда сверхсоциальный, высший, лежащий за пределами обычной рациональности смысл и вызывает к жизни в ответ такие же силы.

Христианская вера в спасение основывается не столько на заслуге, сколько на даре любви. Христос принес свою искупительную жертву не потому, что люди были хорошими и достойными этого, а по любви к ним. Эта идея иррациональной любви и дара, лежащего в основе отношений человека с Богом, объясняется в Евангельской притче о работниках в винограднике и их плате: человек, нанявший работников в свой виноградник, выплатил одинаковую плату и тем, кто был нанят с самого утра и проработал весь день, и тем, кто был нанят позже и проработал совсем недолго. Он не обидел тех, кто работал дольше всех, заплатив им столько, сколько обещал, но им показалось несправедливым то, что проработавшим недолго досталось столько же. На это было сказано: «разве я не властен в своем делать то, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званых, а мало избранных» (20 Матф, 15-16). Молитва верующего исполнена не требования «справедливого» *воздаяния* за добродетели, а сокрушения о неистребимой греховности и надежды на *дар* спасения по любви Господа и милости Его.

Спасение как высшая реализация личности определяется в конечном счете иррациональным даром любви, а не эквивалентным стоимостным обменом благами. Также и в жизни общества самые глубокие ее основания зиждутся на неоплаченных дарах, начиная с даров природы, которые

цивилизация потребляет на протяжении всего своего существования, ничего не отдавая взамен. Продолжение человеческого рода и трансляция опыта поколений основывается на бесплатном даре родительской любви, которая всегда выше, чем простое ожидание ответной любви и заботы от детей. Культура творится не расчетливыми ремесленниками, получающими вознаграждение за труды, а гениями, имеющими талант как дар, и отдающими его в своих произведениях людям столь же безвозмездно — известно, что гении редко получают при жизни признание и плату, чаще они уходят в бедности. Этим даром питается наука, искусство, образование, также как государственность питается подвигами и самоотверженностью национальных героев. Современный менеджмент исходит из того, что работник трудится с наибольшей самоотдачей не тогда, когда просто рационально ориентирован на вознаграждение, а когда имеет возможность реализовать в труде нечто сверх должностных обязанностей — интерес, инициативу, способности. Деятельность предпринимателя основана не просто на извлечении прибыли из обмена, а на творчестве, азарте, на вложении в дело инициативы, открытии новых возможностей, которые отнюдь не сразу приносят прибыль, а могут и вообще обернуться убытками.

Даже в современном обществе, где деньги стали практически единственной универсальной формой связи и коммуникации, где они детерминируют многие базовые особенности культуры и типы личности, оказывается, что далеко не все можно ими измерить и за них купить. Стоимостной эквивалент, выраженный в деньгах, не отражает, а, напротив, отчуждает, саму суть вещей. Можно купить партнеров, но не преданность, и надежность; можно оплатить образование и получение профессиональной квалификации, но нельзя купить талант и творческое озарение; можно установить и наладить связи с людьми, но не обрести настоящих друзей или возлюбленных; за деньги можно заставить людей совершать какие-либо действия, работу, но не заставишь совершить подвиг; можно купить произведение искусства, но не умение видеть и чувствовать прекрасное... Но именно то, что нельзя купить за деньги, и образует подлинно социальную и культурную сферу в отличие от экономической.

Таким образом, именно то невыразимое ни в каком денежном эквиваленте, неоплаченное содержание и обеспечивает истинно социальное

бытие³¹. Вспомним уже цитированное нами утверждение Ф. Тённиса о том, что общество есть «преходящая и иллюзорная» связь между людьми — оно является таким постольку, поскольку основывается на чистом денежном обмене. Реальное же общество становится подлинным постольку, поскольку в нем всегда присутствует компонент неоплаченного и не имеющего стоимостного эквивалента дара. Если обратиться к истории разных обществ, то мы увидим, что их выживание обеспечивается только способностью людей к бескорыстному дару. В постсоветской России с энтузиазмом неопитов принялись поверять «рынком» все социальные отношения, «не замечая» того, что за рамками всеобщего эквивалентного обмена остается фактически неоплаченный труд тех, кто за мизерную зарплату продолжает работать в науке, образовании, медицине, служить в армии, поддерживать жизнь промышленных предприятий. Без обмена и денег не возможно современное общество, но оно не может ограничиваться и исчерпываться характеристиками, проистекающими из денег. Собственно социальные связи, в отличие от экономических, возможны не тогда, когда обменивают по стоимости, то есть отдают, чтобы получить нечто взамен, но тогда, когда присутствует сверхстоимостной компонент, когда отдают ради самого дара. Рациональный «экономический человек» представляет собой лишь научную абстракцию и становится живым социальным человеком лишь тогда, когда в его поступках присутствует социокультурная мотивация.

³¹ Панарин А.С. Дарение и бытие // Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

Тема 12. Социокультурные проблемы теневой и криминальной хозяйственной деятельности

Понятия неформальной, теневой, криминальной экономики, «цветные рынки».

Э. Де Сото о социальных корнях теневой экономики, причинах ее роста и ее роли в обществе; теневая экономика как сеть «параллельных» социальных структур.

Роль и место теневой экономики в социально-экономической системе: дублирует легальную экономику, испытывает новые пути развития, создает ниши для тех, кто не может найти место в легальной экономике. Позитивное социальное значение теневой экономики: заполняет пустоты на рынке, помогает выжить аутсайдерам, демонстрирует новые возможности. Негативное социальное значение теневой экономики: способствует росту криминала, коррупции, анархии.

Социальная структура теневой экономики: преступники («черные рынки»), хозяйственники, самозанятые, наемные специалисты, люмпены.

Теневая экономика как глобальное историческое явление. Теневая экономика в традиционных обществах: против правительства, привилегированных производителей, местных сообществ. Социальная сущность теневой экономики в традиционных обществах. Теневая экономика в развитых капиталистических странах. Причины сохранения и роста: кризис классической неолиберальной концепции производства, жесткий контроль в сфере найма, конкуренция с дешевыми производителями из третьего мира.

Теневая экономика в переходных обществах Востока, Африки, Латинской Америки. Особенности теневой экономики в тоталитарных обществах, в СССР и бывших социалистических странах: попытки тотального контроля над хозяйственной деятельностью, отражение потребности в гибкости и мобильности хозяйственных институтов, А. Безансон о теневой экономике в социалистических странах как о нише возрождения частной инициативы. Социокультурные предпосылки и последствия развития теневой экономики в постсоветской России.

Социальная специфика криминальной экономики, ее структура и подходы к анализу: теория девиантного поведения, теория аномии, институциональные подходы, их критика. Причины роста и распространения криминального бизнеса в мире. Модернизация стран Востока, кризис идентичности и криминализация хозяйственной жизни. Глобализация как предпосылка криминализации экономики. Постсоветское и постсоциалистическое пространство и социокультурные предпосылки его

криминализации. Предпосылки и возможности преодоления криминализации экономики в современных условиях.

§ 1. Теневая экономика и ее место в социальной системе.

Проблемы теневой и криминальной экономики касаются отношения различных видов хозяйственной деятельности к формально-правовой регуляции, применяемой государством на данной территории. Шире в социологическом смысле можно говорить об отношении хозяйственной деятельности к нормам — как кодифицированным в виде права, так и не кодифицированным, — принятым в данном обществе для регуляции такой деятельности. Наконец, можно поставить вопрос еще шире и рассмотреть соотношение различных видов хозяйственной деятельности не только с правовыми и социальными, но и с моральными нормами.

1.1. Понятие теневой экономики.

Понятие теневой экономики определяется большинством современных исследователей через ее соотношение с различными сегментами рынка и формальным правом. Прежде всего, выделяют наиболее широкое понятие *неформальной экономики*, то есть такой хозяйственной деятельности и отношений, которые не отражаются в официальной отчетности, контрактах и прочей формальной документации¹. Соответственно, такая деятельность не подлежит формальному учету и регламентации, но не обязательно входит в конфликт с законом или с моральными нормами. Сюда можно отнести, например, натуральное производство в домашнем хозяйстве, услуги, предоставляемые различными субъектами друг другу без подписания контрактов и т.д.

Тот сегмент неформальной хозяйственной деятельности, который так или иначе связан с нарушением законов, регулирующих хозяйственную деятельность, можно назвать *теневой экономикой*. В самом общем виде можно сказать, что ***теневая экономика это производство обычной продукции и услуг незаконными методами и средствами — без лицензий, с нарушением порядка регистрации, с нарушением трудового законодательства и незаконным наймом работников, без уплаты налогов или с их неполной уплатой и т.д.*** Теневая хозяйственная деятельность подпадает под действие

¹ Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra, 1999, Т. 4, № 1. Теневые отношения. С. 5.

налогового, административного и т.п., но не уголовного законодательства, и нет оснований отождествлять ее с преступной, криминальной деятельностью².

К сфере теневой экономики относятся незаконное (т.е. законно не зарегистрированное и не разрешенное) предпринимательство, утаивание хозяйственных операций, которые не получают отражения в отчетности, сокрытие доходов (полностью или частично) и «увод» их от налогов, незаконный (без оформления договоров) найм рабочей силы³.

К хозяйственной деятельности «на границе» тени можно отнести «венчурный бизнес», открывающий новые методы работы в тех сферах, для которых, в силу их новизны, еще не разработаны принципы формальной регуляции и даже еще не определено, допустимы ли они вообще. Примером такого бизнеса может послужить распространенное в России в 90-х годах строительство финансовых «пирамид», которое к тому времени уже было запрещено во многих странах за рубежом. В России этот сверхприбыльный, но разорительный для большого количества простых вкладчиков вид бизнеса запретили лишь после целого ряда громких скандалов. Венчурное предпринимательство, в зависимости от тенденций его развития, места, которое оно займет в экономической системе в целом, а также от государственной экономической политики, может эволюционировать как в направлении легальной хозяйственной деятельности, так и теневой и даже криминальной.

В целом теневая хозяйственная деятельность представляет собой не определенный, четко дифференцируемый от всех других ее форм сегмент экономики, а переплетается с легальными формами деятельности и экономических связей и отношений: так, в рамках вполне законно функционирующего предприятия могут время от времени осуществляться отдельные теневые операции. Под «теневизацией» экономики исследователи понимают не просто рост ее нелегального сегмента, но интенсивный процесс проникновения нелегальных практик в легальную хозяйственную деятельность.

1.2. Социальная структура и функции теневой хозяйственной деятельности

Социальный субъект теневой хозяйственной деятельности можно рассматривать как совокупность социальных групп, каждая из которых занимает свое место нелегальной

² Радаев В. Указ. Соч., с. 5-6.

³ Там же, с. 7.

экономике. Специалист в области экономической социологии Р.Рывкина предлагает следующую их классификацию⁴:

1. теневики-предприниматели, создающие свои предприятия частично или полностью незаконно, производящие продукцию нелегальными средствами и нарушающие законы о найме рабочей силы;
2. близкая к ним группа теневиков-самозанятых, ведущих индивидуальную хозяйственную деятельность по производству товаров и услуг на частично или полностью нелегальных основаниях;
3. теневики-хозяйственники, работающие на государственных или легальных частных предприятиях, но постоянно использующие нелегальные, теневые хозяйственные практики;
4. теневики-наемные работники, полностью или частично занятые на нелегальных условиях (чаще всего ими оказываются мигранты, безработные, пенсионеры и другие незащищенные группы населения) или нелегально использующие ресурсы предприятий в собственных целях;
5. теневики-люмпены, представители социального «дна» (бомжи, беспризорники, нищие и др.)

Все эти субъекты рекрутируются из разных социальных групп. Можно лишь отметить, что в развитых странах Запада среди теневиков-наемных работников преобладают мигранты из бедных стран «периферии», чаще всего из Азии, Африки, в США — из Латинской Америки. Теперь их ряды пополняют бывшие граждане социалистических стран Восточной Европы и бывшего СССР. В РФ и других странах, сопредельных с «горячими точками», среди теневиков-наемных работников оказывается много беженцев и вынужденных переселенцев. В кризисных и переходных обществах ряды теневиков-предпринимателей и самозанятых пополняются за счет «вынужденного предпринимательства» (см. тема 8), вызванного ростом безработицы.

Теневой характер хозяйственной деятельности определяется несоответствием ее средств и методов существующим в данном обществе в данный момент законодательным актам, но она не обязательно является антиобщественной и влияет на социально-экономическое развитие полностью негативно. Современные исследователи-социологи рассматривают ее как функциональный компонент социально-экономической системы. Общество также относится к теневым хозяйственным практикам как к функциональному

⁴ Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra, 1999, Т. 4, № 1. Теневые отношения. С. 35-36.

компоненту, и моральное осуждение незаконности деятельности часто компенсируется молчаливым социальным консенсусом и толерантностью, обусловленными ее полезностью, а подчас даже и необходимостью для выживания более или менее значительных социальных групп.

Специфика функциональности теневой экономики состоит в ее амбивалентности. Можно выделить несколько ее функций.

Во-первых, теневая экономика является своего рода «дублером» легальных экономических структур, производя те же самые товары и услуги, но с нарушением законодательных установлений (без лицензий и регистрации, незаконно нанимая работников, не платя налоги и т.д.). Соответственно, производимые в сфере теневой хозяйственной деятельности товары и услуги часто оказываются дешевле и доступнее аналогичных, но производимых с соблюдением всех необходимых формальностей, повышающих их себестоимость. Конечно, качество незаконно производимых товаров часто существенно ниже необходимого уровня, порой нелегальные производители грубо нарушают и технологию, и санитарные нормы, в результате чего их продукция оказывается опасной для потребителя. Но тем не менее ее доступность обеспечивает постоянный спрос, который, в свою очередь, побуждает производителей продолжать нелегальные производства. Борьба государства с теневыми производителями товаров массового спроса не встречает поддержки у населения именно в силу того, что эти товары составляют основу выживания малообеспеченных слоев населения. Исключения составляют прецеденты, когда злостное нарушение технологических и санитарных норм приводит к реальной опасности для жизни и здоровья потребителей, хотя и они не отвращают беднейших граждан от дешевой продукции теневых производителей.

В целом качество продукции, цены на нее, а также доходы производителей в сфере теневого хозяйства ниже, чем в легальной. Однако известны прецеденты, когда это соотношение было иным. Так, в советский период российской истории в условиях дефицита товаров широкого потребления их производство незаконными, теневыми методами часто не только заполняло «пустоты» на рынке и способствовало удовлетворению спроса, но и часто предоставляло товары и услуги более высокого качества, чем государственные предприятия. Цены на такую продукцию были выше, и доходы теневых дельцов и вообще всех, кто отваживался заниматься нелегальным бизнесом, были существенно выше, чем у работников государственных предприятий. Общество воспринимало такую деятельность как нелегальную и морально нелегитимную, но мирилось с ней и по большей части охотно пользовалось ее продукцией, а на борьбу

государства с «теневиками» смотрело отстраненно и без особого сочувствия обеим сторонам.

В постсоветский период получили распространение такие формы нарушения норм хозяйственной деятельности, как выплата заработной платы «черным налом» и без законного оформления и уплаты подоходных налогов. К ним прибегают не только мелкие и средние, но и весьма крупные хозяйствующие субъекты. Эти «теневые» формы отношений вызывают своеобразную «корпоративную солидарность», поддержку и одобрение заинтересованных соотрудников, но не всего общества.

Во-вторых, в сфере теневой хозяйственной деятельности находят себе место те субъекты рыночных отношений, которые по тем или иным причинам не способны заниматься своим делом на полностью легальных основаниях. Это мелкие и даже средние предприниматели, которые не в состоянии пройти все многочисленные стадии бюрократической «легализации» своего бизнеса, для которых налоги и другие официальные выплаты оказываются непропорционально высокими, делающими само предприятие нерентабельным. К нелегальным, теневым методам хозяйствования часто вынуждены обращаться индивидуально занятые субъекты, а также те, кому обстоятельства не позволяют найти работу в легальных секторах — работники с недостаточно высокой квалификацией, а также наводнившие крупные города мигранты, не имеющие официальной регистрации и довольствующиеся той работой, заработной платой и теми гарантиями, которые дают им хозяева на условиях неофициального, не оформленного в соответствии с законом найма. К теневому найму прибегают также полностью или частично безработные, пенсионеры, военные и все те категории работающих на государственных или частных предприятиях, которым формальная занятость или предоставляемые государством пособия не обеспечивают достаточного уровня доходов. Для этих категорий населения — в переходных и нестабильных обществах довольно многочисленных — занятость в теневом сегменте экономики является практически единственным способом выжить, и уже в силу этого она вызывает сочувствие заинтересованных групп населения. В то же время, хорошо известно, что незаконный найм в теневых сферах хозяйствования часто сопровождается безнаказанным нарушением обязательств сторон, невыплатой зарплаты, нарушениями прав людей, которые в силу нелегальности своего положения не имеют возможности обратиться за помощью к правоохранительным органам.

В-третьих, теневые хозяйственные практики нередко выполняют *инновационную* функцию: здесь опробуются формы и методы хозяйствования, которые затем могут получить статус полностью легальных. Нередко более мобильные небольшие полностью

или частично «теневые» предприятия осуществляют внедрение новых технологий и производство новой продукции (без лицензий). Сама рыночная хозяйственная деятельность в советский период в России (или в любом другом нерыночном тоталитарном обществе) изначально осуществляется в «тени», и выходит из нее по мере снятия запретов, становясь легальной. Таким образом, для тоталитарных обществ именно теневая экономика оказывается тем тайным «заповедником», в котором выживает частная инициатива, нарабатываются приемы и методы свободной конкурентной хозяйственной активности. Правда, после выхода из «тени» носители нелегальных практик часто привносят и в легальный сектор экономики сложившиеся нормы и стереотипы, что приводит к растущей «тенефикации» экономики в целом.

Амбивалентность функций теневой хозяйственной деятельности может быть охарактеризована через выделение ее позитивного и негативного влияния на социально-экономическое развитие.

Позитивная роль теневой экономики состоит в ее рыночном, конкурентном характере и ее общей направленности на удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах, в рабочих местах, в нишах для проявления инициативы. Создавая условия для выживания значительных групп людей, предоставляя им рабочие места и производя для них дешевые товары, теневая экономика в известной степени способствует стабилизации переходных и кризисных обществ, уменьшает глубину социального расслоения и связанную с ним социальную напряженность, снижает болезненность перемен для основной массы населения.

Негативная роль теневой экономики состоит, прежде всего, в том, что, сама по себе не являясь криминальной, она создает социальную базу и предпосылки для криминализации общества. Теневые дельцы, использующие нелегальные практики, во-первых, оказываются удобным объектом для шантажа и вымогательства, постоянной кормушкой криминальных группировок. Отступление от легальных норм хозяйствования приводит к возникновению конфликтов, разрешение которых возможно также нелегальным путем, то есть с участием криминальных «посредников» и с применением насилия. В криминальный бизнес «крышевания», процветающий на почве в первую очередь теневого бизнеса, втягиваются и представители государственных силовых структур, что приводит к их коррупции. Особенно сильно вовлеченным в криминал оказываются предприятия, специализирующиеся на предоставлении охранных, арбитражных и т.п. услуг — легальных по своей сути, но легко принимающих насильственные, а значит, криминальные формы. Именно в этих областях чаще всего происходит слияние формально легального или теневого бизнеса с настоящим

криминалом (сами фирмы часто основываются криминальными группировками, являясь их легальным прикрытием). Во-вторых, нелегальные экономические практики как правило оказываются связаны с коррупцией государственного аппарата, поощряют и усиливают ее. И в сфере охранных, арбитражных и т.д. услуг государственные правоохранительные и силовые органы нередко оказываются вовлеченными в криминальные практики.

Кроме того, негативное влияние на развитие общества теневой экономики как практики ухода от налогов, составляет снижение поступлений средств на социальные нужды, на здравоохранение, образование, культуру, науку — на все «бюджетные» сферы, страдающие от того, что бюджет оказывается не наполнен.

Еще одно негативное последствие распространения теневых хозяйственных практик — ухудшение положения легальных хозяйственных субъектов, стабильную деятельность которых они подрывают. Это и конкуренция более дешевой и менее качественной теневой продукции (от которой страдают не только легальные производители, но и потребители), и выброс на рынок контрафактной продукции, подрывающей престиж торговых марок. Кроме того, проникновение теневых практик в саму структуру легальных хозяйственных институтов разлагает их изнутри, подрывает организацию, снижает трудовую культуру и дисциплину, делает работников менее управляемыми⁵.

Наконец, «теневи́зация» экономики сопряжена с падением морали как в самой сфере хозяйствования, так и в обществе в целом. Принятие нелегальных практик в качестве одобряемых, толерантное отношение к уходу хозяйствующих субъектов от обязательств перед партнерами, клиентами, потребителями, государством ведет к деградации деловой культуры, утверждает представления о том, что высокая прибыль может служить оправданием любых аморальных деяний. В целом высокая степень «теневи́зации» экономики приводит к росту транзакционных издержек, снижению доверия к экономическим институтам. Общество, в котором толерантно воспринимаются теневые практики, которое привыкло находить оправдание для нарушений закона в хозяйственной области, постепенно снижает не только уровень правосознания, но и порог морального сознания в целом.

⁵ Косалс Л. Между хаосом и социальным порядком // Pro et Contra, 1999, Т. 4, № 1. Теневые отношения. С. 48.

1.3. Социальная сущность теневой хозяйственной деятельности.

Социальная сущность и причины возникновения и воспроизводства теневых хозяйственных практик достаточно долго интерпретировались исследователями как бедность, экономическая и социальная отсталость, слаборазвитость. Основным регионом распространения теневой экономики считались страны «третьего мира», ее наличие в индустриально развитых странах попало в поле зрения ученых и стало предметом изучения лишь в 80-х гг. XX века. До этого аналитики полагали, что теневые формы хозяйствования и в наше время сосредоточены, как в традиционных обществах прошлого, в сельских местностях слаборазвитых регионов Азии, Африки, Латинской Америки. В них находит работу низко квалифицированное население, не способное к труду в современных отраслях промышленности, они же удовлетворяют потребности этого населения в дешевых товарах. Пополнение городских маргинальных групп за счет разоряющихся крестьян обуславливает сохранение теневых практик и в городах, но свидетельствует о неразвитости и даже деградации городской социальной и хозяйственной среды.

Коренной поворот в осмыслении социальной сущности теневой хозяйственной деятельности произвела работа перуанского экономиста Э. де Сото «Иной путь», вышедшая в свет в 1989 г. На основе изучения государственной регламентации легальной хозяйственной деятельности и динамики теневых практик исследователь пришел к выводу, что обращение к неформальным, нелегальным, теневым формам хозяйства и предпринимательства является реакцией именно на бюрократическую зарегулированность. Согласно общепризнанной ныне точке зрения де Сото, сущность теневой активности определяется «рациональной оценкой издержек законопослушания»⁶. Анализ перуанских реалий 80-х гг. прошлого века, проведенный де Сото, показывает, что соблюдение всех необходимых формальностей при организации дела приводило бы (в зависимости от рода и масштабов предприятия) к потерям времени от нескольких месяцев до нескольких лет, и денег, исчисляемых десятками минимальных зарплат. В действующих предприятиях соблюдение формальностей требует до 40% времени управляющего персонала и снижает прибыль в несколько раз⁷.

Теневая деятельность — это та социально-экономическая ниша, в которой народная инициатива может выживать и развиваться вне ограничений, накладываемых на нее государством, и именно отсюда «естественным путем» развивается «народный капитализм». В этом смысле, согласно де Сото, развитие теневой экономики является не столько болезнью, сколько признаком здоровья общества — наличия в нем достаточной

⁶ Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995, с. 178.

⁷ Там же, с. 177-190.

самостоятельности, активности, энергии, способности противостоять давлению со стороны государства, стремящегося жестко регламентировать хозяйственную деятельность в свою пользу.

При этом, согласно де Сото, теневая сфера хозяйствования представляет собой не нишу «дикого капитализма», в которой царит хаос, отсутствует какая-либо нормативная система, организация, все действия носят чисто ситуативный характер. Напротив, теневая экономика это особый «параллельный мир», со своими организационными принципами, системой неформальных норм, регулирующих и упорядочивающих связи между субъектами.

Концепция де Сото получила повсеместное признание, поскольку с ее помощью можно ответить на целый ряд принципиальных вопросов, в частности, не только интерпретировать развитие теневого сектора в экономике слаборазвитых стран, но и объяснить ее постоянное присутствие в развитых. В то же время, не стоит думать, будто де Сото оценивает теневую хозяйственную деятельность как исключительно позитивное явление. Он перечисляет ее собственные издержки, связанные с «ценой нелегальности», к которым относятся слабая правовая защищенность и собственности, и деловых обязательств; необходимость платить «цену уклонения от наказания» (сюда относятся в первую очередь взятки коррумпированным чиновникам); невозможность участвовать в некоторых формах экономической деятельности; невозможность прибегнуть к защите государственных правоохранительных органов и т.д. К другой группе негативных последствий теневой хозяйственной деятельности относятся снижение производительности и замедление технического прогресса в экономике в целом, сокращение инвестиций, снижение эффективности налоговой системы, удорожание коммунальных услуг и т.д. Единственный путь снижения негативного влияния теневой экономики на общество — это усовершенствование законов, сокращение вмешательства государства в хозяйственную жизнь и упрощение практики государственного регулирования экономики, предоставление людям возможности самостоятельного решения своих проблем на основе признания тех достижений, которых им удалось добиться в теневом секторе.

§ 2. Социально-историческая динамика теневой хозяйственной деятельности.

Теневая хозяйственная деятельность представляет собой глобальное историческое явление и существует практически во всех обществах, где 1) произошло отделение хозяйственной деятельности от других видов социальных практик; 2) сформировались

государство или другие институты (или социальные группы), стремящиеся контролировать и регламентировать хозяйственную жизнь; 3) сложились товарно-денежные отношения⁸. В обществах, где нет этих условий, теневые отношения не возможны, поскольку нет субъекта, определяющего легальность или нелегальность той или иной хозяйственной практики. При отсутствии товарно-денежных отношений не возникает особых теневых, незаконных форм хозяйствования, поскольку натуральное хозяйство весьма жестко территориально локализовано, не мобильно и производит как правило лишь продукты для непосредственного потребления. Основную форму внешнего контроля в архаичных обществах с доминированием натурального хозяйства составляет сбор податей, от которого уклониться весьма сложно именно в силу того, что натуральное хозяйство практически невозможно спрятать от мобильных отрядов сборщиков.

В различных социальных системах в зависимости от доминирующих форм контроля и регламентации хозяйственной деятельности различаются и различные теневые практики. Они могут быть направлены как против государства, так и против социально-экономических институтов более низкого уровня (муниципалитетов, цехов), и социальных групп, являющихся привилегированными производителями⁹.

2.1. Теневая хозяйственная деятельность в традиционных обществах.

Характер теневой хозяйственной деятельности в традиционных обществах определяется прежде всего социально-экономической спецификой этих обществ (см. тема 2). В таких обществах хозяйственная деятельность еще не выделилась из системы межличностных отношений, подчинена ей, и индивид может выступить в качестве субъекта хозяйственной активности лишь в той мере и в той форме, которая обусловлена его местом в аскриптивных структурах. В традиционных обществах регламентации подвергается сам индивид, а не его деятельность. Соответственно, государство облагает налогами индивида, а способы добывания средств как для существования, так и для уплаты налогов регламентируют первичные социальные общности, ячейки межличностных связей, в которые индивид инкорпорирован (крестьянская община, цех, гильдия, каста и т.д.)¹⁰. Эти же сообщества часто являются и посредниками во

⁸ Латов Ю.В. Неформальная экономика как глобально-историческое явление // Экономические и социальные проблемы России. 1999-4. Теневая экономика: социальные и экономический аспекты. Проблемно-тематический сборник. М., 1999, с. 23.

⁹ Там же, с. 14.

¹⁰ Там же., с. 15.

взаимоотношениях индивида с государством, в том числе и при сборе податей, как это было в русской крестьянской общине с ее круговой порукой.

Типичный для традиционных обществ вид теневой хозяйственной деятельности — производство и торговля в обход местного сообщества. Там, где были развиты цеха и профессиональные корпорации, это было внецеховое производство, которое представляло для них подчас весьма серьезную конкуренцию. Наиболее типичный пример представляет собой ремесленная продукция крестьян, привозимая на продажу в города средневековой Европы или Китая. Полностью запретить производство и продажу такой продукции было невозможно, но местные власти, защищавшие интересы городских корпораций, пытались ее ограничить, например, ярмарочными днями, ибо внецеховое производство и внегильдейская торговля могли серьезно подорвать экономическое и социальное положение цехов и гильдий. В России в конце XVIII в., как только Екатерина II своей «Жалованной грамотой городам» расширила доступ к торговым операциям, наступил кризис сложившихся к тому времени торговых корпораций купеческих гильдий.

Стоит отметить, что, хотя теневые производства в традиционных обществ сосредоточены преимущественно в сельской местности, ориентированы на сельского потребителя и подрывают хозяйство городских корпораций, они связаны с ремеслом и торговлей, а не с собственно сельским хозяйством. Это объясняется тем, что, во-первых, любая форма сельскохозяйственного производства определяется доступом к земле, который жестко контролировался общиной или местными землевладельцами; во-вторых, в силу локальной привязанности сельскохозяйственного производства здесь труднее, чем в других отраслях, производить что-либо нелегально.

Наконец, в-третьих, социальная самоидентификация традиционного крестьянина часто определялась именно уплатой податей и выполнением тягла как гарантии его статуса, свидетельства его полезности для общества и легитимности и нравственной ценности его деятельности. Как бы ни было обременительно тягло, но, как показывают исследователи, тяглоспособность являлась для крестьянина залогом его идентичности: «Архетипическая включенность в Государство выражалась в ощущении крестьянами вековой своей «крепости» государю и в признании необходимости государственного тягла. Это переживалось многими поколениями русских земледельцев в качестве психологической (правовой — во вторую очередь) предпосылки самой возможности крестьянского хозяйствования»¹¹. Конечно, эти ценностные ориентации, работающие на уровне образца социального поведения, полностью не блокировали стремление уйти от

¹¹ Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). М., 1996, с. 92.

государственных повинностей, тем более от той регламентации, которую накладывали на крестьян местные власти, а на крепостных — помещики. Возможность занятия сельским хозяйством без регламентации со стороны общины, местных властей и без уплаты податей (тягла) государству на малозаселенных землях окраин привлекала многочисленных переселенцев. Уходящие от помещиков и чиновничьего произвола крестьяне осуществляли стихийную «народную колонизацию» Сибири, Севера и других регионов, оседали на новых землях, приспособляли к новым условиям привычные методы хозяйствования, налаживали отношения с местным населением, — а потом за ними следовали представители государственной власти и утверждали привычные методы контроля и регламентации¹².

Таким образом, особенностью теневой хозяйственной активности в традиционных обществах по сравнению с современной является узость мер государственного контроля. Налогами и податями облагался индивид, а собственно его деятельность контролировали и регламентировали местные сообщества, а не государство, поэтому теневая активность и направлена была по преимуществу против них. Еще одной особенностью теневого хозяйства в доиндустриальный период была передача государством, особенно проводившим в жизнь меркантилистскую политику, особых монопольных прав на производство тех или иных видов продукции или на торговлю теми или иными товарами привилегированным производителям. Тогда распространенной формой теневой хозяйственной активности становилось незаконное («неуказное») производство¹³. Отчаянные попытки монополистов и самостоятельно, и при помощи государства пресечь конкуренцию нелегальных производителей, как правило, не были успешны, несмотря на жесткие и насильственные меры. Разгромленные мелкие производители начинали свое дело снова, и так до тех пор, пока сами монополии не были отменены.

Нередко меркантилистское государство в фискальных целях присваивало себе монопольное право производства и/или реализации тех или иных продуктов и товаров — чаще всего соли, железа, спиртных напитков¹⁴. Соляные монополии, например, известны повсеместно от Франции до Китая, и везде они вызвали противодействие населения в виде контрабанды и нелегальных производств. Причем производимый теневиками товар часто был не только дешевле, но и качественнее государственного, поэтому его, несмотря на все запреты, охотнее и больше покупали. Известны отдельные случаи, когда

¹² См.: Лурье С.В. Геополитическая организация пространства экспансии и народная колонизация // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996.

¹³ Латов Ю.В. Неформальная экономика как глобально-историческое явление // Экономические и социальные проблемы России. 1999-4. Теневая экономика: социальные и экономические аспекты. Проблемно-тематический сборник. М., 1999, с. 15, 18.

¹⁴ Латов Ю.В. Указ. Соч., с. 16-18.

контрабанда совмещалась с активным насильственным противостоянием властям — типичный пример того, как теневая хозяйственная практика переходит в криминальную.

Уже упомянутый исследователь теневой экономики Э. де Сото рассматривал буржуазные революции в Европе в XVII—XVIII вв. как результат конфликта индивидуальных субъектов теневой экономики с покровительствуемым бюрократическим меркантилистским государством сектором привилегированных производителей. Энергия протеста, порой насильственного (как во Франции) была направлена против государства и его политики, ограничивающего свободу экономической деятельности широких групп населения в пользу избранных монополистов. Результатом буржуазных революций был последующий рост предпринимательской активности людей, которым уже не надо было тратить энергию на противостояние государству.

В целом структура теневого хозяйствования «зеркально отражает структуру институтов общественной регламентации... Сила ремесленно-цеховых монополий была обратна силе государства — они сильны в децентрализованных государствах (типа средневековой Германии) и слабы в более централизованных (типа средневековой Франции или, тем более, Китая нового времени). Той же закономерности подчиняется и развитие неформального производства, оппозиционного местным сообществам: внецеховое ремесло как особый экономический феномен хорошо прослеживается в западноевропейских городах эпохи средневековья, но слабо фиксируется в городах Китая. Зато антигосударственная неформальная экономика нашла сильное отражение в материалах по истории средневекового Китая, но малозаметна в истории средневековой Западной Европы»¹⁵.

2.2. Теневая хозяйственная деятельность в экономически развитых обществах.

В современных развитых обществах теневая экономическая деятельность не исчезает, хотя включается в иной социокультурный контекст и принимает специфические формы. Наличие теневых экономических практик в экономически развитых странах опровергает предположение о том, что они вызываются к жизни исключительно бедностью и отсталостью, которые и востребуют нелегальных «дублеров» экономических институтов. Теневые практики используются повсеместно там, где регламентация хозяйственной деятельности ограничивает прибыль субъектов или стесняют их инициативу, где легальные методы хозяйствования становятся нерациональными в силу

¹⁵ Там же., с. 27.

меняющихся условий. Так, исследователи отмечают, что подъем теневой хозяйственной деятельности в развитых странах Запада приходится на 70-е гг. XX в. Его связывают с кризисным и посткризисным состоянием экономики, когда крупные централизованные предприятия с формальной структурой обнаружили неустойчивость вследствие падения спроса на их продукцию на мировых рынках, а также под давлением конкуренции более дешевых производителей из стран «третьего мира»¹⁶

В современных обществах, в отличие от традиционных, субъектом, регулирующим и регламентирующим хозяйственную деятельность на определенной территории, является государство. Основными формами регуляции и регламентации выступают налоги, лицензирование, законодательно установленный минимум заработной платы и социальных гарантий наемным работникам, сертификация продукции, антимонопольные законы и т.д. Кроме того, такие негосударственные институты, как профсоюзы, осуществляющие посредничество при найме рабочей силы и контролирующие социальные гарантии, также побуждают и мелких, и крупных предпринимателей и корпорации обращаться к теневым и неформальным способам деятельности: «децентрализация и деформализация являются ответами на предшествующий рост власти профсоюзов и ограничений, накладываемых ими на крупные фирмы»¹⁷. Это объяснение выглядит убедительным, поскольку, например, в Северной Италии усиление влияния профсоюзов спровоцировало рост неформальной экономической деятельности в обход обременительных обязательств, налагаемых на бизнес.

И индивидуальные производители, и мелкие, и даже крупные фирмы прибегают время от времени к теневым практикам, составляющим как отдельный сектор экономики (незначительный в развитых странах), так и переплетающийся с легальной хозяйственной деятельностью (известно, что и крупнейшие корпорации нередко уводят от налогов свои доходы). Мелкие и средние производители чаще обходят законы, связанные с наймом, сертификацией, лицензированием, производят контрафактную продукцию. Крупные и очень крупные корпорации нарушают антимонопольные законы. В развитых обществах субъекты теневой экономики сосредоточены в городах и ориентируются на городские рынки, хотя в сельском хозяйстве также практикуются теневые методы, связанные,

¹⁶ Portes A., Sassen-Koob S. Making it underground: Comparative material on the informal sector in Western market economies // *American j. of sociology.* – Chicago, 1987, - Vol. 38, № 1, P. 53-54. — Цит. По: Латов Ю.В. Эволюция исследований неформального сектора экономики за рубежом // *Экономические и социальные проблемы России. 1999-4. Теневая экономика: социальные и экономический аспекты. Проблемно-тематический сборник.* М., 1999.

¹⁷ Portes A., Sassen-Koob S. Making it underground: Comparative material on the informal sector in Western market economies // *American j. of sociology.* – Chicago, 1987, - Vol. 38, № 1, P. 52. — Цит. По: Латов Ю.В. Эволюция исследований неформального сектора экономики за рубежом // *Экономические и социальные проблемы России. 1999-4. Теневая экономика: социальные и экономический аспекты. Проблемно-тематический сборник.* М., 1999.

например, с незаконным наймом сезонных рабочих или с нарушением норм сертификации продукции.

В различных регионах развитого Запада теневые хозяйственные практики развиты в разном объеме. Так, они слабо представлены в Великобритании, Франции, Германии, однако традиционно сильны в Италии (особенно на юге), отчасти в США. Исследователи высказывают разные гипотезы относительно причин сохранения теневой хозяйственной деятельности в экономически развитых странах. Их можно свести к трем основным группам: во-первых, избыток рабочей силы, который возникает как за счет притока дешевых рук из стран «третьего мира», так и за счет сокращения занятости из-за внедрения трудосберегающих технологий; во-вторых, конкуренция с дешевыми производителями из стран «третьего мира»; в-третьих, политика правительственных органов, которые, вследствие функциональности теневого сектора экономики, часто «закрывают глаз» на некоторые отступления от ими же установленных норм: на нарушения иммиграционных законов, отступления от трудового и социального законодательства, неформальное кооперирование и т.д.¹⁸

Особую проблему составляет теневая хозяйственная деятельность в промышленно развитых, но тоталитарных обществах, каким был СССР.

Специфика теневых хозяйственных практик в СССР определялась прежде всего тем, что тоталитарное государство стремится максимально контролировать все сферы жизни и деятельности индивидов, поэтому регламентировало их с помощью репрессивного уголовного законодательства. Таким образом, теневая экономика оказалась формально приравненной к криминалу, хотя, по существу, им не являлась и доля собственно криминальной экономики, то есть связанной с производством и распространением запрещенной и социально опасной продукции и услуг, в Советском Союзе была не велика.

В сфере теневой экономики тоталитарного общества были задействованы, прежде всего, те субъекты, которые в силу стремления к высоким, превышающим «установленный уровень», доходам, с одной стороны, и жажды самореализации и высокой активности, с другой, не могли удовлетвориться формальными хозяйственными ролями. К тому же эти формальные роли, в соответствии с сущностью тоталитарного государства, строго контролировались не только законом, но и идеологической системой. В результате активность хозяйственных субъектов оказалась направлена в сферу теневых

¹⁸ Латов Ю.В. Эволюция исследований неформального сектора экономики за рубежом // Экономические и социальные проблемы России. 1999-4. Теневая экономика: социальные и экономический аспекты. Проблемно-тематический сборник. М., 1999, с. 60-61.

хозяйственных практик, которые тесно переплетались с легальными, часто используя их ресурсы, производственные мощности, рабочую силу. В результате в тоталитарных обществах к теневой активности тяготели более квалифицированные, энергичные, предприимчивые субъекты. Французский советолог А. Безансон отметил, что теневая экономика в СССР являлась своеобразным признаком «здоровья общества» — выживания под тоталитарным гнетом личности, индивидуальности, частной жизни, ростков рыночных отношений, которые возрождаются «окольным путем».

Поскольку в советский период общество постоянно сталкивалось с дефицитом различных товаров и продуктов, в особенности товаров повседневного и длительного спроса, престижного потребления, «теневики» по мере возможностей стремились заполнить эти ниши, нелегально производя товары и услуги или ввозя из-за рубежа. В сфере теневой экономики цены были выше, а качество предоставляемых товаров и услуг выше, чем в легальной экономике. В результате среди населения сложился «молчаливый консенсус» по поводу теневых хозяйственных практик, которые, хотя и были нелегальными и нелегитимными, формально осуждаемыми, все же оставались востребованы.

В рамках экономики в тоталитарном — контролируемом из единого политического и идеологического центра — обществе неминуемо происходит слияние как хозяйственной и политико-идеологической элиты, так и хозяйственных и партийных руководителей среднего и низшего уровня. Образуется пронизывающая все сферы деятельности сеть внеформальных, межличностных отношений — так называемого «блата». Таким образом, в теневую хозяйственную деятельность вовлекаются не только хозяйственные, но и политические и идеологические руководители, вся властная вертикаль постепенно коррумпируется. После краха тоталитарного режима взаимопроникновение теневых хозяйственных практик и коррумпированной партийно-государственной бюрократии создает предпосылки для криминализации новых экономических отношений и институтов¹⁹.

2.3. Теневая хозяйственная деятельность в обществах переходного типа.

До «открытия» теневого сектора в экономике развитых стран в 70-80-х гг. XX в. его связывали со слаборазвитостью и нестабильностью, присущими переходным обществам — главным образом так называемого «третьего мира». В уже цитированной работе Э. де

¹⁹ См. о предпосылках теневилизации и криминализации экономики постсоветской России: Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (Афро-Азиатские страны и Россия. М., 2001; Косалс Л. Между хаосом и социальным порядком // Pro et Contra, 1999, Т. 4, № 1. Теневые отношения.

Сото была раскрыта социальная сущность теневой хозяйственной деятельности, универсальная как для экономически развитых, так и для переходных обществ. В странах «третьего мира», или глобальной «периферии», в сфере теневой экономики задействованы в основном мелкие предприятия (5-10 работников), часто семейные, с низкой капиталоемкостью, малыми масштабами деятельности, трудоинтенсивными технологиями. Однако среди предпринимателей-теневиков, создающих такие предприятия, по мнению специалистов, немало образованных и квалифицированных людей, уровень доходов которых, по местным меркам, достаточно высок²⁰.

Хотя теневое хозяйствование и представляет собой универсальное социально-историческое явление, в обществах переходного типа оно занимает особое место. Это объясняется целым рядом причин. Во-первых, неустойчивостью политической и правовой базы хозяйственной деятельности, колебаниями от хаоса и анархии к жестким, методам контроля за экономической деятельностью населения. Во-вторых, неразвитостью экономики переходных обществ в целом: формальный экономический сектор часто оказывается недостаточно трудоемким, чтобы обеспечить работой трудоспособное население, требующим более высоко квалифицированной рабочей силы, чем имеется в стране, а его продукция слишком дорогой для внутреннего рынка. В-третьих, гетерогенностью социальной структуры общества, высокой степенью имущественного и социального расслоения. Именно в переходных обществах наблюдается наиболее резкий контраст между уровнем доходов и качеством жизни самых богатых и самых бедных групп населения. Бедные и малообеспеченные образуют социальную базу теневых хозяйственных практик. Сюда относится как большое, даже избыточное количество дешевой неквалифицированной рабочей силы, так и непритязательные потребители дешевых низкокачественных товаров. В-четвертых, неустойчивостью политической и административной ситуации, коррумпированностью чиновников, проникновением теневых практик в формальную экономку и даже государственные институты. В-пятых, немалое значение для теневиизации хозяйственной жизни переходных обществ имеет и специфика их социокультурной жизни: как правило, здесь еще не сложились представления о нормативной базе рыночной экономики, о том, что соблюдение формальных правил хозяйствующими субъектами является не только условием их легальности, но и ценностью деловой культуры, и моральным долгом. Социокультурная система переходных обществ в целом находится в неустойчивом состоянии, часто провоцирующим аномию, отсутствие четких ценностных ориентиров и образцов

²⁰ Латов Ю.В. Эволюция исследований неформального сектора экономики за рубежом // Экономические и социальные проблемы России. 1999-4. Теневая экономика: социальные и экономический аспекты. Проблемно-тематический сборник. М., 1999, с. 30-38.

поведения, в том числе и в хозяйственной сфере. Старые запреты и ограничения, накладываемые на хозяина традиционными (или тоталитарными) обществами, оказываются снятыми, а новые еще не выработались. Это нередко вызывает у активной части населения ощущение вседозволенности, допустимости любых неинституционализированных средств достижения экономического успеха.

В современной глобальной хозяйственно-экономической системе переходные общества, как правило, входят в «периферию» или «глубокую периферию». Такой внешний статус усугубляет внутренние предпосылки теневой хозяйственной активности, поскольку провоцирует внешних экономических акторов использовать ситуацию анонии и бесконтрольности для собственного обогащения. Периферия насквозь пронцаема для глобальных экономических игроков, извлекающих из нее все, что может иметь ценность и приносить прибыль — дешевое сырье, дешевую рабочую силу, не требующую социальной защищенности, условия, благоприятные для валютных спекуляций в крупных масштабах и т.д. Особое значение приобретает и специфика правящих- и бизнес-элит в переходных обществах в условиях глобализации. Как отмечает Б.С. Ерасов, в этих обществах «правлящий класс и квазинациональный капитал в той или иной степени встроены в миросистемные формальные, теневые и криминальные связи. Это уже «чужой» класс — и по тому, как он распоряжается капиталами, и по своей социокультурной ориентации во многом принадлежит другой цивилизации»²¹.

Все это постоянно дестабилизирует периферию, способствуя не только развитию теневых отношений, но и криминализации.

§ 3. Социальные проблемы криминальной хозяйственной деятельности.

Наряду с теневыми хозяйственными практиками, важнейшей проблемой современного общества являются криминальные формы экономической деятельности. Сами понятия «криминальной хозяйственной деятельности» и «криминальной экономики» нуждаются в пояснении. Под криминальной «черной» экономикой мы будем здесь понимать *производство и распространение запрещенных товаров и услуг, наносящее вред обществу и его институтам*. Из этого определения видно отличие криминальной «черной» экономической деятельности от «серой» теневой: последняя

²¹ Ерасов Б.С. Глобальный хаос и криминал // Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (Афро-Азиатские страны и Россия. М., 2001, с. 107.

производит вполне легальные, обычные товары и услуги, хотя и отступает при этом от формальных норм, с помощью которых государство регулирует хозяйственную деятельность граждан. Отнесение к «криминалу» всего, что запрещено уголовным законодательством, дает о нем лишь очень упрощенное и приблизительное (в социальном смысле) представление. Во-первых, например, в СССР были запрещены «спекуляция», частные операции с валютой и многие другие виды деятельности, которые теперь, после отмены соответствующих статей уголовного кодекса, перестали быть «преступными» и перешли в разряд нормального бизнеса. Во-вторых, в условиях становящихся рыночных отношений в переходных обществах, при наличии пробелов в праве часто бывают такие ситуации, когда вред от той или иной деятельности явно присутствует, но формально нет статьи в уголовном законодательстве, по которой можно было бы осудить преступников. В-третьих, венчурный бизнес работает в «пограничных зонах», где нет прямых законодательных запретов, но его деятельность часто оказывается небезвредной для общества, и в таких случаях запреты рано или поздно вводятся, а процветающие успешные бизнесмены переходят в разряд преступников — можно привести пример со строительством «финансовых пирамид» в России 90-х годах XX века. Существует понятие «настоящего преступления», которое определяется не только по отношению деяния к формальным законам, но и по отношению к общественному мнению, и к общепризнанной морали и традиции. Формальные правовые нормы совершенно не обязательно совпадают с нормами моральными и полностью отражают господствующие в обществе представления о грехе. Поэтому часто за деятельность, признаваемую общественным сознанием преступной оказывается невозможно привлечь кого-либо к ответственности.

Криминальная экономическая деятельность, подобно теневой, присутствует в обществах всех типов и во все исторические эпохи, но в разных объемах. Она весьма незначительна в традиционных обществах с устойчивой ценностной и социальной структурой, основанной на межличностных отношениях, а также в тоталитарных обществах, скрепленных жесткой репрессивной системой и единой ценностно-нормативной системой, сводящей к минимуму свободу действий индивида и возможности морального выбора. Наиболее благоприятной средой для роста криминала являются переходные социумы, где неустойчивы и ценностно-нормативная, и правовая системы, где подорваны основы социальной организации, маргинализированы значительные группы населения, коррумпированы властвующие элиты, бюрократический аппарат и силовые структуры. Кроме того, как мы уже говорили выше, рост теневых хозяйственных практик, не криминальных самих по себе, создает почву для роста криминала. В

современных условиях криминализация экономической жизни стала повсеместным (хотя и не везде одинаково интенсивным) явлением. Причины этого можно усмотреть как в негативных последствиях глобализации, так и в особенностях культуры и этики постмодерна.

3.1. Структура криминальной экономической деятельности и ее место в обществе.

К наиболее распространенным криминальным формам экономической деятельности в современных обществах можно отнести производство и продажу запрещенных товаров и услуг — наркотиков, оружия, боеприпасов и т.п. криминальным и террористическим группировкам, а также торговлю людьми и человеческими органами, проституцию и производство порнографической продукции, в особенности детскую проституцию и все, что с ней связано и т.п. Все эти виды криминальной деятельности распространены по всему миру и приносят сверхприбыли.

К криминальной деятельности, неразрывно связанной с хозяйством и экономикой, также относят незаконное использование силового ресурса — рэкет (практику «крышевания»), оказание незаконных силовых «услуг» контроля, посредничества, защиты предпринимателям. Российский социолог В. Волков определяет криминальное «силовое предпринимательство» как «совокупность организационных решений и способов действия, применяемых для конвертации организованной силы (угроз или насилия) в деньги или другие рыночные блага на постоянной основе»²². «Силовое предпринимательство» или «бизнес частных охранных услуг» сопутствует любому другому виду криминального обогащения, а также и практически любой теневой деятельности, предоставляя услуги по охране собственности и арбитражу.

Криминальный бизнес носит по преимущественно организованный характер, часто под прикрытием легальных экономических субъектов (например, рэкет под вывеской охранной фирмы, легальное кинопроизводство, занимающееся также и изготовлением и распространением порнографии, распространение наркотиков в молодежном клубе и т.п.). К криминалу можно также отнести и коррупцию государственных служащих, связанную с хозяйственно-экономической деятельностью.

Субъектом криминальной экономической деятельности выступают, как правило, организованные преступные группировки, которые по социальным истокам и составу можно социологически изучать с точки зрения разных подходов. Так, концепция

²² Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.—М., 2002, с. 55.

девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения рассматривает с точки зрения структурно-функциональной парадигмы их отношение к существующим в конкретном обществе нормам. В этих объяснительных рамках можно говорить о причинах ухода части активного населения от нормативного поведения, но затруднительно описать собственную нормативно-упорядоченную структуру организованных преступных группировок — наличие особого кодекса поведения («понятия»), внутренней иерархии, ролевого и статусного деления, а также причины роста или сокращения девиации. Теория девиантного поведения принимает за «точку отсчета» здоровую и устойчивую нормативную систему, в которую по каким-то причинам, вызывающим сбой процессов социализации личности и интеграции общества, не могут «вписаться» отдельные индивиды. Более продуктивным представляется подход, основанный на теории аномии — общества, в котором утрачена целостность и однозначность нормативной системы (Э. Дюркгейм) или существует значительный дисбаланс между социально-значимыми целями и институциональными средствами их достижения (Р. Мертон). Теория аномии адекватно описывает состояние переходных обществ, где, как правило, наблюдается рост преступности — как стихийной, так и организованной.

С точки зрения теории аномии, участниками преступных группировок становятся индивиды, которые

1) оказались в состоянии нормативного, ценностного, ролевого вакуума. Например, в России в постсоветский период преступные группировки, занимающиеся рэкетом, активно рекрутировали молодых людей, участвовавших в вооруженных конфликтах, прошедших войну в Афганистане, а затем и в других «горячих точках». Эти молодые люди не просто обладали навыками проведения силовых операций разного масштаба, но и столкнулись с невозможностью найти для себя адекватное место в обществе. Война в Афганистане оставалась мало известной и не вполне одобряемой в обществе, поэтому ее участники не только не встречали желаемого признания своих боевых заслуг, чувствовали бессмысленность принесенных жертв, но и не могли адаптировать имеющийся жизненный опыт к нормам и ролям мирной повседневности, которая, к тому же стремительно менялась. Этика боевого братства оказалась не востребованной в обыденной жизни, но зато послужила цементирующей основой крепко спаянных вооруженных бригад, превративших силу в экономический ресурс.

2) индивиды, которые столкнулись с той ситуацией, когда диктуемые обществом ценностные образцы и наиболее социально значимые цели для них не доступны легальным путем в силу отсутствия институциональных средств их достижения. В современном обществе как никогда ранее выросло значение достижительной культуры,

утверждающей самой значимой социальной целью успех, выражаемый, прежде всего в богатстве и высоком социальном статусе, власти, возможностях престижного потребления и т.п. В то же время, все более значительные группы молодежи, как в переходных обществах мировой периферии, так и в развитых западных странах, сталкивается с проблемами отсутствия легитимных возможностей полноценного включения в общество и достижения социально желаемых целей — прежде всего с отсутствием работы и возможностей получения адекватной профессиональной подготовки. В этих условиях возрастает опасность криминальной мобилизации наиболее активных и достигательно ориентированных индивидов. В постсоветской России примером такой криминальной мобилизации может послужить активное участие бывших спортсменов (в особенности представителей силовых единоборств), в том числе титулованных чемпионов, в организованных преступных группировках, специализирующихся на использовании силового ресурса для извлечения доходов. В советский период большой спорт являлся высоко престижным государственным делом, в которое вкладывались значительные средства, а спортсмены были национальными героями, кумирами молодежи, образцами для подражания. Занятия спортом вырабатывают в молодых людях организованность, внутреннюю дисциплину, способность к мобилизации, но одновременно и жесткую состязательность, способность к организованному противостоянию и борьбе. Одной из важнейших социальных функций спорта является канализация избыточной агрессии и стремления к насилию в формализованные правилами, упорядоченные виды состязаний²³. С распадом государственной и профсоюзной сети спортивных учреждений увлеченная спортом молодежь оказалась предоставленной самой себе, лишенной возможности в институционализированной форме выплеснуть агрессию и достойно использовать воспитанные в спортивных секциях качества. В то же время, стремление к успеху, победе, самоутверждению в борьбе не только сохранялось, но и подстегивалось постсоветскими реалиями. Возможности реализации цели-успеха находились в бригадах рэкетиров.

В рамках структурно-функционального подхода в целом рост преступности рассматривается как сугубо негативное, дисфункциональное и деструктивное для общества явление.

Иную позицию предлагает институциональный подход, в рамках которого социолог Д. Гамбетта рассматривал сицилийскую мафию как индустрию частных охранных услуг. В рамках такого подхода частный охранный бизнес можно рассматривать как «деятельность по охране прав собственности и контролю за исполнением контрактных обязательств в контексте низкого уровня доверия, когда деловая культура не обеспечивает

²³ Там же, с. 19-25.

предсказуемого взаимодействия, а правовые государственные институты слабы или не пользуются авторитетом у населения. Тогда организованную преступность ... можно рассматривать в качестве ответа на ряд институциональных потребностей формирующейся рыночной экономики, в частности — охрану прав собственности, не реализованную государственными правовыми и правоохранительными учреждениями»²⁴.

Таким образом, именно вакуум государственной власти, слабость институциональной основы рыночной экономики рассматривается как фактор, провоцирующий рост криминального бизнеса в его неизбежно силовых формах. Неинституциональный подход, становящийся все более популярным, рассматривает неформальные силовые структуры в качестве одного из возможных институциональных решений для защиты прав собственности или как теневая арбитражная система», свободно конкурирующего на рынке силовых услуг²⁵.

В итоге можно констатировать развитие современной социологической мысли от признания дисфункциональности и деструктивности криминального предпринимательства к утверждению его хотя бы частичной функциональности. Этому немало способствуют и концепции социологов начала XX века, в особенности В. Зомбарта, который рассматривал разбойников, XIX — пиратов и прочих «авантюристов» как носителей «предпринимательского духа», лежащего в основе капитализма наравне с рациональной хозяйственной активностью. Согласно Зомбарту, изначально идея обогащения была связана не с хозяйством, а именно с разного рода «авантюристическими» операциями, в том числе и насильственными. К. Маркс также отмечал значение насилия в процессе первоначального накопления капитала.

Методологические предпосылки для отделения рационального продуктивного капитализма, развивающегося на духовной основе протестантской этики, от «авантюристического» капитализма захвата, набега и криминала впервые были созданы в концепции М. Вебера. С помощью предложенной М. Вебером методологии построения «идеальных типов» можно отделить тип «экономического—» и «хозяйствующего человека» — рационального хозяина, трудящегося и планомерно, в течение длительного срока инвестирующего свои доходы в развитие дела, от «воинствующего человека», единственной целью которого является быстрое получение максимально возможного дохода любыми, в том числе и насильственными, и аморальными путями. В этом идеальном типе отражены социальные и ментальные особенности тех групп (каст, сословий), которые ничего не производили сами и единственно достойным способом

²⁴ Там же, с. 36.

²⁵ Там же, с. 37.

существования считали военные набеги, а в промежутках между ними — пиры и мужественные игры (турниры, состязания, упражнения в воинском искусстве, в современном случае — спорт). Весь жизненный мир «воинствующего человека» четко отделен от мира «экономического» и «хозяйствующего человека». Связь между этими мирами проявляется в том, что живет «воин» всегда за счет «хозяина» — либо грабя его во время своих разбойных экспедиций, либо собирая с него дань за защиту и покровительство. Фигура «купца» в его архаичном варианте генетически восходит к идеальному типу «воинствующего человека», сочетающего торговлю и другой «сравнительно честный бизнес» с грабежом, захватом того, что «плохо лежит» и бездумным проматыванием шального богатства в дикой роскоши. Уже по определению идеально-типический «воинствующий человек» не хочет, не может и не должен трудиться. Он берет то, что уже создали другие. Здесь в принципе не существует связи между трудом и богатством, но возникает и укрепляется связь между богатством и обманом, насилием, дерзким натиском, любым аморальным, греховным деянием. Т. Веблен рассматривал тип «воинствующего человека» именно в контексте анализа «праздного класса»²⁶.

Безусловно, институциональный и неинституциональный подходы к исследованию места криминала в хозяйственной жизни современных обществ дают объективистские объяснения его социальной роли. Однако если абсолютизировать эти подходы, можно утратить представление о социальной норме и культурно легитимном, нравственно одобряемом характере социальных институтов, которое дает парадигма структурного функционализма. Необходимо принимать во внимание, что все известные истории общества стремились обрести устойчивость и приблизиться к «нормальному» состоянию, ведя борьбу с криминалом, в том числе и хозяйственным, всеми доступными средствами. Если борьба оказывалась проигранной, как правило, само общество, а нередко и цивилизация, к которой оно принадлежало, погибали в неминуемо охватывавшем их хаосе, а на их место приходили другие формы социальной и культурной регуляции, способные противостоять криминализации и утрате норм и ценностей²⁷.

В последнее время, как в публицистике, так и в научной литературе получила распространение точка зрения, что криминальный «черный» бизнес со временем может превратиться в «нормальный», например, криминальные «крыши» превратятся в органы налоговой полиции. Однако представляется, что такая метаморфоза невозможна по

²⁶ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984, с. 257.

²⁷ Подробнее о социокультурном и цивилизационном механизме сдерживания криминала см.: Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002, Гл. 14. Криминал как постцивилизационное состояние.

причине принципиального типологического несходства криминального «авантюристического» и «рационального», ориентированного на продуктивное развитие производства, бизнеса²⁸. Речь может идти лишь об «отмывке» криминальных доходов, однако формальная легализация того, что приобретено насильственным и аморальным путем асоциальных «деловых» практик, еще не означает реальной легитимности. «Черный» бизнес порождает ответную волну насилия, коррупции, безнравственности, девальвирует коммерческий успех и саму идею свободного предпринимательства, ценности свободы и демократии.

3.2. Причины криминализации в современном мире

Выше уже сказано, что, во-первых, криминализация экономики в большей или меньшей степени отмечается в обществах любых типов и во все исторические эпохи, во-вторых, в современном мире практически везде отмечается рост криминальных форм бизнеса. С какими тенденциями развития общества это связано в мировых масштабах? Можно выделить несколько тенденций, объясняющих рост криминала вообще и криминального бизнеса в частности.

Первая связана с незавершенной и неорганичной модернизацией в странах «третьего мира» и переходным состоянием ряда обществ Восточной Европы, которое тоже можно рассматривать как неорганичную догоняющую модернизацию. В этих странах в XX в. произошли существенные изменения и в хозяйственной жизни, и в ее ценностных основаниях. Традиционные представления о подчинении экономики межличностным отношениям (или политике и идеологии в бывших тоталитарных обществах) оказались разрушены или находятся в стадии разложения. Культурные ценности традиционных обществ, являвшиеся образцами поведения хозяйствующего субъекта, нормы, интегрирующие людей в повседневной хозяйственной жизни, дискредитированы как устаревшие, «неадекватные» потребностям прогресса, мешающие «раскрытию индивидуальности». Традиционные (и тоталитарные) хозяйственные институты разрушаются, не выдерживая конкуренции со стороны новых, и подавляющее большинство населения оказывается выброшенным из привычных условий и социоэкономических структур. В таких условиях нередко активизируются глубоко архаичные формы деятельности и институты: например, возрождение или выживание традиционного солидаризма и патернализма в форме мафиозных группировок.

²⁸ Зарубина Н.Н. Этика предпринимательства в русской культуре // Отечественные записки, 2002, № 4-5.

Показателен пример российского ближнего зарубежья — республик Центральной и Средней Азии, в которых в 90-х годах XX в. началась быстрая криминализация, связанная с производством и транзитом наркотиков. Распад местной промышленности, обнищание и маргинализация больших масс населения активизировали глубоко архаичные формы хозяйствования, в том числе традицию выращивания сырья для производства наркотиков²⁹.

В то же время, новые ценности и нормы зачастую оказываются достоянием лишь ограниченных социальных групп, связанных с социально-экономическими институтами нового типа, они не генерализованы, не принимаются обществом в целом как легитимные. Более того, сами новые ценности и нормы — «рыночные», «либеральные», «демократические» и т.п. — зачастую дискредитируются как резким падением уровня жизни населения, ростом социальной несправедливости в переходных обществах, так и высокомерным презрением к собственному народу и его культуре, которые демонстрируют новые элиты. Новые «передовые» ценности часто ассоциируются с ничем не ограниченной гипердостижимостью, с во вседозволенностью, с представлениями о том, что успех и результат способны оправдать любые неблагоприятные средства. Моральные критерии допустимости тех или иных видов деятельности утрачиваются, что делает привлекательными для наиболее активных групп населения криминальные формы поведения.

Вторая социокультурная тенденция современного развития, которая может объяснить повсеместный рост криминальных форм экономической деятельности, связана с культурой постмодерна, которая во все большей степени определяет атмосферу как в развитых, так и в переходных обществах. Для культуры постмодерна характерно отсутствие однозначных и универсальных моральных критериев, единой «арочной» морали, что создает предпосылки для нравственной дезориентации индивидов. Более того, на уровне как «высокой», так и обыденной культуры происходит деконструкция привычных ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов: то, что раньше было нормой или добродетелью, представляется как «скучное», «банальное», «примитивное», в то время как патология, зло, преступление вызывают интерес и желание подражать.

В то же время, как мы подробно рассмотрели в теме 6, экономическая деятельность в эпоху постмодерна превращается в симуляционный процесс и утрачивает ориентацию на реальные хозяйственные процессы и на потребности человека и общества вообще. Критерием эффективности такой экономики является исключительно ее прибыльность.

²⁹ Лунев С.И. Черные параметры теневой экономики // Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (Афро-Азиатские страны и Россия. М., 2001.

Происходит разрыв между деятельностью и ее результатом, с одной стороны, и ее привязкой к нравственным оценкам, с другой. Характер экономической деятельности может быть любым — теневым, криминальным, это может быть и торговля наркотиками или оружием, и рэкет, и производство порнографии и вообще все, что только способен придумать человек. Единственным сохраняющим значимость критерием оценки остается финансовый эффект. С агрессивных и алчных криминальных дельцов снимаются все запреты и ограничения, в то время как честность, трудолюбие и прочие «устаревшие» нормы хозяйственной этики перестают приниматься во внимание.

Кроме того, с развитием культуры постмодерна связывают иррационализм, рост гедонистических ориентаций, стремление удовлетворить любые сиюминутные прихоти и капризы, что объясняется как «свободное раскрытие» человеческой природы. Удовольствие ценой любых, пусть аморальных и преступных практик, становится главной целью. А беспринципные гедонисты представляют благоприятную среду для роста криминала — например, наркоторговли, являясь потребителями запретных благ.

Третьим фактором роста криминальной экономики в современном мире становятся некоторые проявления глобализации. Они связаны с образованием мировой системы, имеющей развитый центр, периферию и глубокую периферию, так называемый «четвертый мир», который является тем структурным компонентом, который участвует в глобальных связях в качестве полигона для криминальных практик, выгодных для глобальных дельцов. Этот «четвертый мир» не является географическим понятием — он включает в себя не только самые отсталые, ввергнутые в перманентное состояние хаоса регионы, но и маргинальные субкультуры и социальные группы в развитых обществах.

Ярким примером системной криминализации «четвертого мира» является судьба Афганистана, на рубеже XX — XXI веков превращенного в специализированный на производстве наркотиков криминальный анклав. Выращивание опиумного мака превратилось здесь в «обычную» специализацию сельского хозяйства, в 1997 г. Афганистан занял первое место в мире по производству опиума-сырца, а концу десятилетия стала ясна специализация талибов на производстве и поставках героина. По мнению исследователей, доходы от наркоторговли во многом объясняют их военные успехи, поскольку позволяют закупать новейшее оружие³⁰. В «специализированные» на производстве наркотиков зоны «четвертого мира» превратились ряд регионов Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Причем даже если местные власти стремятся бороться с наркоторговлей, включая самые строгие меры, вплоть до смертной казни, их успех

³⁰ Там же, с. 60-61.

оказывается весьма ограниченным: глобальная прибыльность этого бизнеса делает его практически неуязвимым для локальных репрессий.

Четвертым фактором криминализации (неразрывно связанным с третьим) является рост терроризма, отмечаемый в конце XX- и особенно в первые годы XXI века. Терроризм не только прямо провоцирует развитие такой формы криминального бизнеса, как торговля оружием, но и все другие его формы. Энергия ненависти, которую несет мировой террор, всегда направлена на разрушение любыми средствами, в том числе и через разложение, растление: С.И. Лунев отмечает, что для талибов переправка наркотиков в Россию является еще и мстью за ввод войск в Афганистан³¹. С другой стороны нередко отвечают «стратегией управляемого хаоса», которая, во-первых, непосредственно порождает хаос и криминализацию в «управляемых» регионах, во-вторых, несет с собой лишь иллюзию контроля за ситуацией, а на деле способствует распространению криминала по всему миру.

³¹ Там же, с. 61.

Вопросы для самостоятельной работы

К теме 1.

1. Сравните картины мира, в контексте которых развивались социально-экономические знания в конце XVIII и в XIX —XX веках. Какая эволюция научной картины мира привела к формированию социологии хозяйственной жизни как особой отрасли знания?

2. Как вы понимаете различие между понятиями «хозяйство» и «экономика»? Какие предметные различия порождают эти понятия применительно к отраслевой социологии?

3. Охарактеризуйте основные отличия предметной области социологии хозяйственной жизни и экономики, экономической истории.

4. Опишите современные тенденции развития предмета и методологии социологии хозяйственной жизни.

5. Охарактеризуйте абстракции «экономический человек», «социологический человек», «хозяйствующий человек». Как они связаны с определением предметной области социологии хозяйственной жизни?

6. В чем состоит полипарадигмальная сущность социологии хозяйственной жизни? Охарактеризуйте специфику метода этой научной дисциплины в свете эвристических возможностей разных социологических парадигм.

К теме 2.

1. Каким образом базовые типы социальных связей влияют на хозяйственную жизнь?

2. В чем специфика традиционной хозяйственной жизни?

3. В чем состоит сущность процессов социальной трансформации, приведшей к возникновению обществ с доминированием безличных социальных связей?

4. Сравните особенности производства, распределения, обмена, потребления в обществах с доминированием традиционных межличностных и капиталистических безличных отношений.

5. В чем состоит социальная сущность «кейнсианской революции»? Проанализируйте изменение сущности потребления в процессе исторической динамики от традиционных обществ к современному обществу массового потребления.

6. В чем состоит социальная специфика рынка в традиционном и капиталистическом обществе?

7. Раскройте суть социологической теории отчуждения.

8. В чем состоит влияние рыночных отношений на личность? Для ответа воспользуйтесь концепцией «рыночного типа характера» Э. Фромма.

К теме 3.

1. Почему неэкономические институты общества влияют на хозяйственную жизнь?

2. Охарактеризуйте особенности влияния политических институтов на хозяйственную жизнь. Как на нее влияет политика протекционизма? В чем особенности идеологии *laissez faire* и с какой картиной мира она соотносится? Как влияет на хозяйственную жизнь религиозная политика государства?

3. Как религиозное мировоззрение влияет на хозяйственную жизнь общества? В чем специфика влияния христианских конфессий на хозяйственную жизнь Запада?

4. Охарактеризуйте концепцию М. Вебера о влиянии протестантской картины мира на генезис духовных предпосылок рационального капитализма на Западе. В чем расходятся оценки влияния протестантизма у М. Вебера и В. Зомбарта?

5. Охарактеризуйте особенности католического и православного хозяйственного этоса. В чем состоит противоречивость влияния этих конфессий на хозяйственную жизнь?

6. Как вы понимаете сущность воздействия религиозных институтов (церкви, сект, монастыре и т.д.) на хозяйственную жизнь? В чем причина активности гетеродоксных меньшинств?

7. Почему в западной научной традиции сложилось представление о негативном влиянии восточных религий на хозяйственную жизнь общества?

К теме 4.

1. Что такое хозяйственная культура, как она соотносится с культурой общества и почему является предметом социологии хозяйственной жизни?

2. На каком основании выделяются базовые ценности хозяйственной культуры и какую роль они играют?

3. Охарактеризуйте основные функции хозяйственной культуры, опираясь на структурно-функциональную теорию Т. Парсонса.

4. Какие возможности для исследования хозяйственной культуры дает теория поля П. Бурдьё?

К теме 5.

1. В чем вы видите достоинства и недостатки линейных теорий динамики хозяйственной жизни? В чем специфика и эвристический потенциал теорий догоняющей модернизации, структурной и синтетической модернизации?

2. Как вы понимаете комплексный характер процесса модернизации?

3. Как вы представляете соотношение модернизации и «модернити» в рамках линейных парадигм развития? В чем специфика этого соотношения в нелинейных теориях?

4. Почему несостоятельны концепции прямого заимствования или «аналогов» «модернити»?

5. В чем состоит специфика и эвристические возможности, а в чем ограниченность теорий самобытного развития хозяйственной жизни? Насколько они применимы к современным российским реалиям?

6. Как соотносятся тенденции универсального, общечеловеческого, и самобытного, специфического в процессе развития?

К теме 6.

1. Опираясь на теории современных социологов, охарактеризуйте основные социокультурные особенности общества постмодерна. В чем их отличие от концепций постиндустриального общества?

2. Сравните оценки постмодерна как принципиально нового этапа социокультурной динамики и как особой стадии «модернити». Какой из подходов кажется вам более предпочтительным? Почему?

3. Как вы понимаете симуляционный характер экономической жизни в культуре постмодерна? В чем его принципиальное отличие от экономической жизни в обществе «модернити»? (используйте теорию рациональности М.Вебера).

4. Охарактеризуйте основные тенденции изменения сущности хозяйственных институтов модерна в современном обществе.

5. Опишите тенденции изменения характера труда в культуре постмодерна. Как они влияют на состояние хозяйства развитых и слаборазвитых обществах? Как они сказываются на возможностях модернизации и постмодернизации?

К теме 7.

1. Как вы понимаете различие между интернационализацией и глобализацией? Охарактеризуйте основные измерения глобализации. Как вы понимаете соотношение понятий «глобализация», «глобальность», «глобализм»?

2. Проанализируйте изменение парадигмы мирового развития в XX веке. Какое значение для мирового хозяйственного развития оно имеет?

3. Раскройте противоречивость содержания глобализации: как она способствует единству мира, и какие новые противоречия и конфликты порождает?

4. Каким образом трансформируются, и в каких направлениях эволюционируют социально-экономические и политические институты капиталистического общества? Какова диалектика «экономического человека» и «хозяйствующего человека» в глобализирующемся мире?

5. В чем состоит диалектика глобальных и локальных тенденций социально-экономического развития современного мирового развития?

6. Возможно ли, на ваш взгляд, формирование глобальной общечеловеческой культуры и этики? Что способствует ее формированию, а что мешает? Какую роль могут сыграть в этом процессе альтернативные проекты глобализации?

К теме 8.

1. В чем состоят типологические отличия предпринимательства как общеисторического и общечеловеческого явления, и как института, присущего западному рыночно-капиталистическому обществу?

2. Почему М. Вебер видел именно в протестантской этике духовную предпосылку генезиса капитализма?

3. В чем отличие идеально-типической концепции предпринимательства М. Вебера от концепции социально-культурного типа предпринимательства у В. Зомбарта?

4. В чем состоит внутренняя социально-типическая и внешняя социально-историческая диалектика предпринимательства по В. Зомбарту?

5. В чем М. Вебер, В. Зомбарт, Й. Шумпетер видят историческую ограниченность капиталистического предпринимательства как социального типа? Как вы понимаете «иррациональную рациональность» капиталистического предпринимательства?

6. Какие социальные роли выполняет предпринимательство в современном обществе? В чем особенность инноваторских функций предпринимательства (используйте концепцию Й. Шумпетера).

7. С чем связан рост предпринимательской активности этнических и религиозных меньшинств? Почему в кризисные периоды повышается предпринимательская активность населения, а в периоды стабильности — падает?

К теме 9.

1. Охарактеризуйте социально-культурные факторы управления трудом в традиционном и капиталистическом производстве.

2. В чем сущность феномена отчужденного труда? Сопоставьте концепции К. Маркса и Э. Фромма.

3. Каковы социальные и социально-культурные предпосылки возникновения менеджмента как теории научного управления трудом? В контексте какой картины мира возникли фордистские принципы управления?

4. Каковы социальные основания концепции «человеческих отношений» в управлении трудом? Какие изменения картины мира способствовали ее формированию?

5. Сравните концепции «человеческих отношений» и «философии общей судьбы» с японскими принципами «фирмы-семьи». В чем принципиальные отличия?

6. Можно ли заимствовать принципы управления трудом в промышленности как технологии? Каковы возможности и ограничения заимствования методов управления?

7. Как постмодернистская картина мира влияет на изменение принципов управления?

К теме 10.

1. Почему проблемы взаимоотношений института предпринимательства с обществом приобретают особую остроту в период развития индустриального капитализма?

2. Какие новые проблемы во взаимоотношениях института предпринимательства и общества возникают в условиях глобализации и постмодерна?

3. Какие формы социального служения бизнеса наиболее распространены? В чем вы видите ограниченность благотворительности и меценатства как форм социального служения?

4. В чем состоит идея социальной ответственности предпринимательства? Почему у нее есть противники и в чем состоят их аргументы?

5. Может ли институт предпринимательства сам поддерживать высокий уровень социальной ответственности? Что мешает и что способствует этому? Какие способы поддержания социальной ответственности бизнеса существуют, в чем их достоинства и недостатки?

6. Дайте определение деловой этики. Каковы основные этические измерения деловой жизни? Что такое «принцип триплета»?

7. Может ли бизнес быть этически саморегулирующейся системой? Может ли рынок служить поддержанию высокой деловой этики? Как возможно поддерживать нравственный уровень деловой жизни?

К теме 11.

1. Почему деньги представляют собой не чисто экономическое, но и социальное и культурное явление? Какие социальные функции выполняют деньги?

2. Почему развитие денежного хозяйства способствует распаду традиционных социальных связей? Каким образом деньги отчуждают человека от других людей, от общества, от культуры, от естественных предпосылок бытия?

3. В чем сущность денег как фактора установления универсальных социальных связей? Почему деньги способствуют развитию «дальних» социальных взаимодействий?

4. Какие изменения в картине мира сопутствуют утверждению денежного хозяйства?

5. Каким образом деньги способствуют социальной адаптации, интеграции и мобильности малых социальных групп?

6. В чем специфика денег как симулякра и в чем особенности «виртуальной экономики финансов» эпохи постмодерна?

7. В чем состоит деструктивная роль денег в обществе? Где вы видите границу социальных ролей денег, и где социальное начало (нормативное, ценностное) вступает в противоречие с функционированием денежного обмена?

К теме 12.

1. Почему неформальная и теневая хозяйственная деятельность возникает лишь с возникновением государства и товарного обмена?

2. Почему теневая хозяйственная деятельность является универсальным социально-историческим явлением? Почему с неформальными и теневыми хозяйственными практиками невозможно покончить силовыми методами?

3. Как вы понимаете теневую экономику как «сеть параллельных структур»? (воспользуйтесь концепцией Э. де Сото).

4. В чем состоят негативные и позитивные социальные функции теневой хозяйственной деятельности? Какие социальные роли исполняют носители теневых хозяйственных практик?

5. В чем причина сохранения теневых хозяйственных практик в демократических и экономически высоко развитых странах? Какую функцию выполняет теневая экономика в тоталитарных обществах?

6. В чем социальная сущность криминальной экономики? Возможно ли «перерастание» криминальных экономических практик в нормальные формы хозяйствования?

7. Перечислите и проанализируйте факторы криминализации экономики в современном мире.

Рекомендуемая литература

для самостоятельных занятий

Ко всему курсу:

Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.

К теме 1.

Горичева Л.Г. К вопросу об эволюции экономического знания. М., 2000.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. М., 1991.

Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы. М., 1998. Тема 21.

Радаев В.В. Экономическая социология. М., 1998. Лекция 1.

Радаев В.В. Экономическая социология. М., 1998.(??)

Смелзер Н. Социология экономической жизни // Американская социология. М., 1972.

К темам 2-4.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т.1-3. М. 1986-92.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Веблен Т. Теория праздного класса. Экономическое исследование институтов. М., 1984.

Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1993.

Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.

Зомбарт В. Буржуа. Этюды по нравственной истории современного экономического человека. М., 1994.

Кравченко С.А. Социология. М., 2003.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Социология. Сборник. М., 2000.

Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977 // Гл. 3. Общественно-историческая концепция Дюркгейма.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.

Панарин А.С. «Рыночный» вызов просвещению. «Рыночный» вызов социуму // Стратегическая нестабильность XXI века. М., 2003.

Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. Изд. 5. М. и т.д., 2002.

Тённис Ф. Общность и общество. М., 2002.

Фромм Э. Человек для себя. Минск, 2003.

К теме 5.

Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке. М., 1993.

Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998.

Ерасов Б.С. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность, 1995, N 2.

Ерасов Б.С. Цивилизационные изменения модернизации. Концепции симбиоза, конфликта и синтеза культур Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Ерасов Б.С. М., 1998.

Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. Гл. 12.

Зарубина Н.Н. Самобытный вариант модернизации // Социологические исследования, 1995, №3.

Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации // Социологические исследования, 1996, № 4.

Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток, 1998, № 4.

Зарубина Н.Н. Социокультурные основы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998.

Ионова А.В. Исламский взгляд на проблему человека в условиях рыночной экономики // Вопросы экономики, 1993, № 8.

Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

Портяков В.Я. Традиция и рыночная экономия в современном Китае // Проблемы Дальнего Востока, 1996, № 3

Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000, с. 605-616.

Тань Е. Китайская традиционная культура и модернизация // Вопросы экономики, 1994, № 7.

Ускоренная модернизация стран Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1997.

К теме 6.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1993.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003.

Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000.

Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000, Глава XVIII. Постиндустриальное общество.

Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

Корнилов М.Н. Постмодернизм и культурные ценности японского народа (Научно-аналитический обзор). М., 1995.

Кравченко С.А. Социология. М., 2002, Тема 19. Постмодернистские теории.

Кравченко С.А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность, 2002, № 6.

Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Мегатенденции: год 2000. М., 1992 (или любое другое издание).

Фромм Э. Иметь или быть. М., 1989.

К теме 7.

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003.

Неклесса А.И. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. М., 1994.

Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002.

Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI в. М., 2003.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. Изд. 5. М. и т.д., 2002.

Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

К теме 8.

Безгодов А.В. Очерки социологии предпринимательства. СПб., 1999.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1991

Галаган А.А. История предпринимательства российского. М., 1997.

Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгоши, чужаки или посланные Богом? М., 1996.

Зомбарт В. Буржуа. Этюды по нравственной истории современного экономического человека. М., 1994.

Радаев В.В. Экономическая социология. М., 1998. Глава Человек в роли предпринимателя.

Черников Г.П. Предприниматель — кто он. М., 1992.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

К теме 9.

Вахрушев В. Принципы японского управления. М., 1992.

Гвишиани Д. Социология бизнеса. М., 1962.

Дж Грейсон младший, Клара О Делл. Американский менеджмент на пороге XXI века. М., 1992.

История менеджмента. М., 1997.

Японский феномен. М., 1996.

Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1992.

К теме 10.

Зарубина Н.Н. Этика предпринимательства // Ерасов Б.С. Социальная культурология, Изд. 2., М., 1996, с. 391-396.

Зарубина Н.Н. Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность, 2004, № 1.

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994. (Гл. 5, §§ 2,3).

Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственника от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии, 2003, № 6.

Рих А. Хозяйственная этика. М., 1996.

Супоницкая М. Поиск эффективных форм организации крупного предпринимательства в США на рубеже XIX-XX вв. // Экономическая история. Реформы и реформаторы. М., 1995.

Фредерик Р., Петри Э. Деловая этика и философский прагматизм // Вопросы философии, 1996, N 3.

К теме 11.

Зиммель Г. Философия денег. М., 1994.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Изд. 2, Т. 42.

Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.

Юнгер Ф.Г. Машина и техника // Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. М., 2002.

К теме 12.

Брагина Е. Неформальный сектор в экономике: пережиток или перспектива // МЭиМО, 1997, № 8.

Волков В. Силовое предпринимательство. СПб. — М., 2002.

Ерасов Б.С. Хаос и криминал как постцивилизационное состояние // Свободная мысль, 2000, №9.

Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. Гл. 14.

Кива А.В. Криминальная революция, вымысел или реальность // Общественные науки и современность, 1999, №3.

Корягина Т. Теневая экономика в СССР // Вопросы экономики, 1990, № 3.

Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Социология перехода к рынку в России. М., 1998.

Косалс Л.Я. Теневая экономика как особенность российского капитализма // Pro et contra, 1999, Т. 4, № 1.

Радаев В.В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et contra, 1999, Т. 4, № 1.

Теневая экономика и коррупция («круглый стол») // Восток, 2000, №9.

Теневая экономика: экономический и социальный аспекты. М., 1999.

Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа. М., 2001.

Pro et Contra. Зима 1999. Теневые отношения. М., 1999.